

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Редакционная коллегия:

Н. И. ПАВЛЕНКО (главный редактор),

В. И. БОВЫКИН, В. И. БУГАНОВ, А. А. ЗИМИН, И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО,

Б. Г. ЛИТВАК, А. Г. ТАРТАКОВСКИЙ (ответственный секретарь),

Л. В. ЧЕРЕПНИН, С. И. ЯКУБОВСКАЯ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА, 1977

Сборник посвящен актуальным проблемам источниковедения. Значительное место отведено выяснению природы видов источников, методологическим аспектам изучения этнографических материалов, соотношению гипотез и догадок в источниковедении. В статьях сборника отражены результаты исследования летописей, делопроизводственных и других материалов, источников по истории аграрных отношений. В специальном разделе помещены статьи о применении математических методов и ЭВМ в источниковедении.

Сборник подготовлен сектором источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Института истории СССР АН СССР. Вспомогательно-техническая работа по подготовке сборника к печати проведена А. И. Аксеновым и О. Н. Бурдиной.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ВИДОВ ИСТОЧНИКОВ

A. A. Курносов

В источниковедческой литературе категория «вид источника» рассматривается преимущественно как классификационная категория, с помощью которой приводится в систему наличный массив памятников прошлого¹. В большинстве случаев классификационные схемы разрабатываются в учебных целях. Во многих из них виды источников служат как бы первоначальным элементом классификации. Это выражается прежде всего в том, что при разнообразии более общих уровней группировки практически во всех схемах присутствуют летописи, мемуары, законодательные, статистические, делопроизводственные материалы и т. п. Правда, конкретное «наполнение» таких групп у разных авторов не всегда совпадает. Дневники, например, нередко включаются в число мемуарных источников. Объединение неодинаковых по происхождению, содержанию и форме источников обусловлено их принадлежностью к одной *группе видов* — к источникам личного происхождения, куда, кроме дневников и мемуаров, входят эпистолярные источники². Подобные споры свидетельствуют о том, что само понятие «вид» еще не определилось. Прямое подтверждение этому можно найти в новейших работах по источниковедению истории СССР: «Наиболее распространена классификация по типам и видам. Типы источ-

¹ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975, с. 218—229 и др. Монография содержит подробную историографию проблемы.

² «Особой формой мемуарной литературы являются дневники», — пишет М. Т. Белявский (Источниковедение истории СССР. Под ред. И. Д. Ковалевченко. М., 1973, с. 275). Автор другой главы того же пособия — С. С. Дмитриев — полагает, напротив, что воспоминания, дневники и частная переписка, «близкие по многим чертам... являются тремя различными видами источников» (там же, с. 393). Наконец, автор главы о воспоминаниях, дневниках и переписке советской эпохи — В. С. Голубцов, как и М. Т. Белявский, выделяет в мемуарных источниках «дневники и собственно воспоминания» (там же, с. 530).

ников представляют собой большие совокупности (законодательные материалы, делопроизводственная документация, статистика и т. д.). В свою очередь, объединенные общностью формы, структуры, содержания и признаков происхождения, они могут быть разделены на более мелкие и однородные совокупности, которые составляют определенный вид»³. В принципе такое толкование вида разделяет Л. Н. Пушкирев, который, правда, термин «тип источника» применяет к «наиболее широким категориям источников, которые отличаются друг от друга самим принципом хранения и кодирования информации»⁴. Автор объяснил, что к «типам» он относит письменные, вещественные, устные (фольклорные), этнографические, лингвистические источники, кино-, фото-, фонодокументы⁵. Статистические материалы, периодическую печать, военно-оперативные документы, судебно-следственные материалы и прочие Л. Н. Пушкирев считает комплексами видов⁶.

В учебном же пособии по источниковедению истории СССР XIX—начала XX в. массив источников разделяется «на следующие виды: 1) социально-экономическая статистика; 2) материалы законодательной деятельности правительства, материалы делопроизводства учреждений, организаций, предприятий; 3) ...источники по внешнеполитической деятельности государственных учреждений... 4) судебно-следственные материалы... 5) периодическая печать; 6) источники мемуарного и эпистолярного характера (воспоминания, дневники, письма)»⁷.

Совершенно ясно, что различия в толковании вида источников обусловлены неодинаковым пониманием масштабов этой категории, которая во всех указанных случаях рассматривается в качестве классификационной единицы источниковедения.

В историографии виды и другие уровни деления применялись не только для общей ориентировки в колossalном многообразии источников. Нередкими были попытки связать классификацию источников с оценкой их научного значения. Наряду с учеными-историками категории «вид» и «разновидность источника» используют в своей работе архивисты — и не только для систематизации фондов, но также при проведении экспертизы ценности документальных материалов. Авторы монографии, посвященной экспертизе и комплектованию государственных архивов СССР, пишут: «...архивисты имеют дело не с отдельными документами, а с исключительно большими по объему их комплексами. Изучить всесторонне каждый документ с такой же тщательностью, как это в состоянии сделать историки

³ Источниковедение истории СССР, с. 5.

⁴ Пушкирев Л. Н. Указ. соч., с. 191.

⁵ Там же, с. 192—203

⁶ Там же, с. 226.

⁷ Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. М., 1970, с. 8.

и источниковеды, они не имеют возможностей. Задача архивистов заключается в оценке не отдельных документов, а их комплексов... Поэтому исключительно большое значение в работе по отбору имеет прогнозирование возможной ценности документов и в первую очередь их содержания... Знание видов и разновидностей документов, предназначенных для наполнения наиболее ценной информацией, значительно облегчает прогнозирование и делает его более качественным⁸. Как видим, здесь проблема вида преломляется в чисто оценочном смысле.

Отдавая отчет в практической невозможности сохранить все документы, появляющиеся в процессе общественной деятельности людей, нельзя все же не присоединиться к решительному заключению Л. Н. Пушкарева: «Нет и не может быть оказано предпочтения одному источнику перед другим в смысле его достоверности только потому, что один источник — это факт, а другой — рассказ современника. Проблема достоверности видовым различием решена быть не может. Источниковацкая ценность памятника определяется целой суммой признаков, среди которых вид — лишь один и к тому же не самый главный. В самой общей форме можно сказать, что все виды источников могут быть и достоверными и недостоверными, все виды источников имеют определенную источниковедческую ценность»⁹.

Кроме охарактеризованных выше классификационного и оценочного подходов к проблеме вида источника возможен, как представляется, и иной. В основе его лежит попытка представить виды памятников как формы человеческой деятельности, присущие самой исторической действительности. Принципиально такой подход не нов. В советском источниковедении утвердилось представление об источнике как историческом факте. «Любой источник... сам всегда является неотъемлемой частью действительности», — пишет Л. Н. Пушкарев¹⁰. О. М. Ме-

⁸ Теория и практика экспертизы ценности документов и комплектования государственных архивов СССР.—«Труды ВНИИДАД». М., 1974, т. IV, ч. I, с. 169, 172. «Прогнозирование» ценности комплексов документов, в частности, на основании их принадлежности к тому или иному виду источников, хотя и унаследовано от историографической традиции определения относительной научной ценности видов, по сути дела переведено архивистами в совершенно иную плоскость и направлено уже на оценку не памятников прошлого как таковых или информативности каких-либо форм этих памятников, а на определение значимости категорий социальной деятельности относительно иных ее категорий и форм. Вследствие этого оценка конкретных комплексов документации зависит уже не от их действительного содержания, а от оценки значимости деятельности, вызвавшей эти комплексы к жизни. Теоретически такой подход не бесполден, но практическое прикладное его применение, далеко опередившее социологическую разработку аксиологии форм и уровней социальной деятельности, представляется преждевременным.

⁹ Пушкарев Л. Н. Указ соч., с. 228—229

¹⁰ Там же, с. 91.

душевская подчеркнула, что закономерность восприятия источника исследователем есть предмет теоретического исследования. «Однако они являются вторичными и производными в сравнении с отношением источник — исторический процесс. Первичные, объективные свойства источника, его форма и содержание формируются в процессе возникновения и функционирования источника в социальной действительности, под воздействием определенных сил и интересов»¹¹. Что касается вида, то «общность признаков, определяющих вид, складывается, таким образом, из сознательно введенной в источник информации в соответствии с его назначением и формы, признанной в данное время наиболее соответствующей этому назначению»¹². Ставший уже традиционным принцип изучения конкретных источников в рамках породившей их исторической реальности в данной статье предполагается распространить на их видовые совокупности. Распространение принципа, применяемого к отдельно взятому памятнику, на видовой комплекс опирается на следующее рассуждение: если изолированный источник как единица информации обусловлен происхождением и соотносится с определенной системой действий данного исторического субъекта (индивидуального или коллективного автора), то и видовая совокупность памятников должна соотноситься, но уже не с системой действий, а с родом или типом деятельности.

Такой подход опирается на фундаментальные положения марксистско-ленинской теории. С точки зрения марксизма историческая действительность есть «...не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»¹³. Понимание того, что общественная жизнь является по существу практической¹⁴, позволяет и во всем созданном и используемом людьми видеть результат их сознательной предметной деятельности¹⁵, а значит, в той или иной степени реконструировать и процесс этой деятельности, т. е. отношения между людьми в ходе ее, способы их жизни, особенности культуры и т. д.

Если конкретные памятники соотносятся с конкретными целенаправленными действиями людей, то видовые их совокупности оказываются способом осуществления форм социальной жизнедеятельности общества. Иными словами, они соотносятся не с конкретными историческими событиями, а с элементами структуры данного социального организма.

Помимо предположений общего характера, объясняющих данную постановку проблемы, может быть приведено и еще

¹¹ Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения.— Автореферат дисс. на соиск. учен. степени докт. ист. наук. М., 1975, с. 11.

¹² Медушевская О. М. Сборник, подготовленный историками ГДР, и вопросы источниковедения — «Советские архивы», 1968, № 4, с. 120.

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 102.

¹⁴ Там же, т. 3, с. 3.

¹⁵ Там же, с. 1.

одно соображение из области терминологии источниковедения. Дело в том, что термины, обозначающие формы памятников, в большинстве случаев восприняты источниками из практики, вызвавшей эти формы к жизни. Перенесение самоназваний из практической деятельности, из «сферы бытования» памятников в сферу их изучения в научных целях свидетельствует о том, что во многих случаях современниками и самими авторами этих памятников их виды осознавались как специализированные формы деятельности¹⁶.

В качестве экспериментального материала для суждений о проблеме вида привлечены главным образом пособия по источникам отечественной истории и истории стран Европы. Такой выбор объясняется следующими соображениями: категория «вид источника» соответствует довольно высокому уровню обобщения, и ее осмысление связано с отвлечением от индивидуальных объектов. Поэтому вид как феномен исторической реальности и как познавательная категория источниковедения требует для своего выявления достаточного исторического пространства и времени. Источниковые массивы, сопоставимые с событием, с исторической ситуацией, не обеспечивают проблемы вида простором, нужным для сопоставлений и ассоциаций. Здесь потребны иные масштабы, соответствующие масштабу явлений.

В источниковедческой литературе пока только учебные пособия отвечают поставленному условию¹⁷.

Конечно, специфические цели и задачи учебной литературы должны учитываться при ее использовании. Они обусловили известную обзорность, выборочность характеристик памятников, лаконичность в изложении общих выводов, ограничили авторов в обсуждении мало исследованных и спорных проблем. Генерализация конкретного материала в пособиях ведет также, и это важно для данной работы, к жесткому определению границ видов и подчас к однозначной квалификации весьма сложных с точки зрения видовой принадлежности памятников.

¹⁶ «...История большей частью получает собственный словарь от самого предмета своих занятий. Она берет его, когда он истрепан и подпорчен долгим употреблением, а вдобавок часто уже с самого начала двусмыслен, как всякая система выражения, не созданная строго согласованным трудом специалистов» (Блок Марк. Апология истории или ремесло историка. М., 1973, с. 86). Сказанное М. Блоком о словаре истории в целом относится и к той его части, которая содержит наименование исторических памятников.

¹⁷ Это замечание не следует понимать в том смысле, что работы, в которых исследовательски решаются более «узкие» проблемы, не способствуют выяснению природы видов. Значение трудов А. А. Шахматова и Д. С. Лихачева о русских летописях, Л. В. Черепнина о русских феодальных архивах, С. М. Каштанова об актовых источниках и многих других — прежде всего в выяснении исторических закономерностей эволюции исследуемых форм памятников.

Тем самым снимается весьма существенная проблема многофункциональности форм источников.

Но именно специфика учебного пособия с особенной острой ставит вопрос о целостном представлении материала. В лучших учебных изданиях целостность изложения достигается выяснением исторических закономерностей эволюции массива источников. Именно историческими закономерностями, определяющими прежде всего социальную структуру, политическое устройство, правовые установления, материальную и духовную культуру человеческих общностей, объясняется специфический для каждого данного общества состав и структура корпуса памятников, соотношение разных форм источников внутри массивов, смена одних форм другими, наконец, степень их сохранности.

Наиболее отчетливо исторический подход заметен в учебнике А. Д. Люблинской по источниковедению истории средних веков¹⁸. Проследим, как же характеризуется видовой состав разновременных источниковых массивов и их эволюция в книге А. Д. Люблинской.

1. Поздняя античность.

1) Германцы. Если не считать археологических памятников, среди источников преобладают сочинения греческих и римских авторов (Плиний Старший, Цезарь, Страбон, Тацит, Птоломей).

2) Поздняя Римская империя. Надписи на камне (сообщения о победах, о строительстве и украшении городов, тексты законов и распоряжений, надгробные надписи); чрезвычайно богатый фонд документов, главным образом частных актов, сохранился плохо, т. к. неустойчивым оказался их материал — папирус, исключение — Египет. Здесь найдены арендные договоры, купчие, поручные записи, денежные отчеты и переписка по управлению имениями, поместные архивы, заемные записи, контракты, отчеты о сборе налогов, петиции, списки лиц, заключенных в тюрьму, и т. д. Законодательство (кодексы Феодосия, Юстиниана, акты церковных соборов). Учебники римского права. Официальные справочные труды (описания) об администрации, географии и военном управлении империи и ее частей. Карта. Нarrативные источники: официальные консульские факты (анналы), которые велись в Риме, затем в Равенне и Константинополе; по мере распада империи они продолжались вестись в провинциях. Исторические труды, хроники, хронографы, религиозно-философские сочинения (Августин и др.). Жития святых, послания, проповеди.

2. Раннее средневековье. Существенная разница в конкретных формах развития европейского феодализма имеет немалое значение при характеристике письменных источников данного

¹⁸ Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.

периода¹⁹. Письменные источники в целом весьма немногочисленны. Исключение — Византия, где вследствие наличия больших городов и централизованного государства экономические связи и политическая жизнь отличались большей разносторонностью, а уровень культуры был несравненно выше, чем на Западе. Поэтому там не наблюдается такого оскудения источников, как в «варварских» государствах. По своей форме византийские источники также продолжали традиции античности²⁰.

Складывание феодального базиса и соответствующей ему надстройки вызвало повсюду потребность в оформлении обычного права в королевских законах, в актах, закрепляющих рост частной собственности на землю, в идеологическом обосновании возникающей государственности, в записи событий текущей жизни.

На Западе появляются (не одновременно) записи обычного права — «правды», по своему назначению — судебники. В Византии принесенные славянами общинные порядки в VIII в. были оформлены в писаное обычное право, узаконенное государством («Землемельческий закон»). Постепенно «правды» уступали место королевскому законодательству.

Скудная документация представлена постановлениями королевского суда, актами дарений, продаж, обмена земли и актами, закрепляющими отношения зависимости, а также сборниками документальных формул — своеобразными пособиями по делопроизводству (формуляриями).

В VIII—IX вв. в монастырях возникают описи поместий (полиптихи), картулярии (копийные книги), инструкции по управлению поместьями.

Анналы (летописи) появились в монастырях с VI в. и были унаследованы от Рима. «Истории» германских племен, с одной стороны, были связаны с историографической традицией поздней античности, с другой — с народной эпической и фольклорной традицией. Хроники. Широко распространилась агиография (житийная литература). Появились и биографии (Карла Великого, Людовика Благочестивого, ряда епископов и аббатов), а также публицистические трактаты. В Ирландии — саги.

3. Развитый феодализм (X—XIV вв.). Усложнение общественных отношений привело не только к количественному росту массива памятников, но и к их многообразию. Появляются и довольно широко распространяются трактаты по торговому делу, разным отраслям ремесла и сельскохозяйственного производства. Возникают цеховые статуты, городские «конституции» (хартии и статуты, регулировавшие внутригородскую организацию и отношения городов с сеньорами). Массовым мате-

¹⁹ Там же, с. 37.

²⁰ Там же, с. 38.

риалом стали частные акты, которыми оформлялись дарения, купля-продажа, завещания, брачные контракты, долговые и кредитные документы и т. п.

Для периода господства отработочной и продуктовой ренты (Х—XII вв.) характерны разнообразные по форме документы, фиксировавшие крестьянские повинности и их зависимость от феодалов — грамоты, списки повинностей, государственные переписи и т. п. В XIII—XV вв. появление денежной ренты и превращение крепостных в зависимых держателей — чиншевиков — вызвало к жизни новые виды документов: актов, оформлявших различные земельные сделки и новые отношения с сеньорами (установление фиксированных повинностей и условий выкупа крестьян). Большинство частных актов сохранилось в копиях в составе нотариальных минут (книг, где опущены формулы и записано лишь содержание сделки) и в составе городских и сеньориальных регистров. Уже с XIII в. большое значение получили документы по управлению крупными поместьями (описи, отчеты, счета, инструкции).

В Италии с XIV в., а в других странах с XV—XVI вв., у торгово-промышленных компаний возникла потребность в ведении торговых книг как средства контроля и обобщения результатов процесса производства товаров, который все более утрачивает чисто индивидуальный характер. Начиная с XIV в. сохранился богатый документальный материал: торговые договоры, кредитные документы, квитанции и т. п.

Для XIII—XV вв. характерно появление записей обычного права («зерцало» в Германии, «кутюм» во Франции, «фузрос» в Испании), которыми оформлялось право, действовавшее уже не в отдельных сеньориях, но в пределах более или менее крупных территорий — провинций и областей. Таким путем постепенно вырабатывались точные нормы положительного закона. В Византии появились руководства для юристов, в которых содержалось изложение отдельных судебных казусов. Оформляется на базе римского права особое городское право.

Укрепление центральной власти привело к развитию текущего королевского законодательства, внесшего известное единство в сферу судопроизводства. Для Византии свойственно непрерывное развитие императорского законодательства.

С XIV в. анналы исчезают. До того крушение каролингской империи определило судьбу централизованного летописания, уступившего место кратким анналам, ведение которых рассредоточилось по многочисленным монастырям. Хроники также приобрели местный характер, но соотносились с более обширными территориями, чем анналы. С XIII в. из-за роста городов церковные анналы постепенно исчезают. Распространение грамотности привело к появлению городских, светских по своему характеру анналов, превратившихся вскоре в связные и подробные городские хроники. Их появление означало окончательное

отмирание летописной формы записи событий. Появились «королевские хроники» об истории стран в целом, изложенной с позиций и в интересах центральной власти. Светские хроники составлялись на национальных языках. В Византии историографическая традиция составления исторических трудов и всемирных хроник не прерывалась.

С XIV—XV вв. очень быстро растет число деловых документов, появляются новые их формы: протоколы заседаний центральных и местных органов управления, повседневная деловая переписка, инструкции и др.

Все шире используется форма личной переписки, служившая (например, во время крестовых походов) своеобразным средством и общественной информации. В XII в. появились первые мемуары (автобиография Гиберта Ножанского, 1114—1115 гг.).

4. *Позднее средневековье* (XIV—середина XVII в.). Новые виды документов вызваны зарождением капиталистического уклада. Но сохранение феодального государства и права обусловило сохранение и старых типов источников.

Восточнее Рейна, однако, где с середины XVI в. обозначился поворот вспять, к усилению крепостничества («второе издание крепостничества»), относительно, а порой и абсолютно осуждали «городские» источники, зато умножились типично феодальные документы (поместные, монастырские и т. п.), надолго сохранились городские и даже церковные хроники.

Появление книгопечатания привело к распространению новых видов источников, например, публистики в форме памфлетов (печатных брошюрок и листовок). Это означало и радикальное изменение положения с сохранностью литературных памятников, подавляющее большинство которых до нас дошло.

Расширение сферы деятельности государства в XVI в. вызвало резкое увеличение числа документов по политической истории,— официальной правительственный переписки, протоколов, донесений, отчетов и т. п. Обычными стали международные договоры, дипломатическая переписка.

Вся подобная документация нашла отражение в «Историях своего времени», авторы которых — историки-гуманисты ввели в свои сочинения элементы исследования, в частности источниковедческого.

Возрождение привело к распространению мемуарной литературы.

Те же гуманистические предпосылки лежали и в основе широкого распространения эпистолярного жанра. Личная переписка обусловлена развитием образования, отношением к письмам, как к своеобразным произведениям литературы, сохранность же их связана с появлением личных архивов. Для истории географических открытий и колониальных захватов важны дневники, отчеты мореплавателей, рассказы о путешествиях и т. п.

Если в эпоху развитого феодализма были ярко выражены национальные особенности документов (особенно частных актов) и их отличали длинные и сложные формулы (сакральное значение действия создания документа.— А. К.), то развитие капиталистического уклада постепенно нивелирует типы и содержание документов, упрощает и рационализирует их форму, приближает их язык к современному. Но в повествовательных источниках XVI в. национальные особенности сказываются гораздо ярче. Причина — в зарождении буржуазных наций и в складывании национальной культурной общности.

Материалы по торгово-промышленной деятельности стали обширнее и разнообразнее. Делопроизводство мануфактур сохранилось плохо, но оно и не могло быть слишком обширным из-за ограниченных размеров предприятий того времени. Основные источники: договоры промышленных компаний, королевские грамоты-патенты, документы налогового обложения, коммерческая переписка и торговые книги, регламенты, определявшие качество мануфактурной продукции, протоколы торговых палат, трактаты экономического и политического характера, петиции, обращенные к правительству, регистры торговых бирж и торговых судов, а также цеховые документы.

Государственные финансы отражены в государственных бюджетах, отчетности казначейства, постановлениях о выпуске рент и займов.

Смена форм исторических памятников, неодинаковые удельный вес и роль одних и тех же форм в разновременных массивах и обусловленность их эволюции развитием общества в целом прослеживаются также на территориально более ограниченном материале.

Зависимость видового состава памятников определенной эпохи и развития их отдельных форм от социальной, экономической, политической, культурной эволюции данного общества четко прослеживается на основании трудов по источниковедению отечественной истории²¹.

В историографии подробно изучено развитие летописания.

²¹ Кроме специальных исследований, посвященных отдельным комплексам источников, см. пособия по источниковедению: *Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.*, т. I. М., 1940; *Никитин С. А. Источниковедение истории СССР XIX в.* (до начала 90-х годов), т. II. М., 1940; *Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.; Стрельский В. И. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в.— 1917 г.* М., 1962; *Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР (советский период).* М., 1966; *Источниковедение истории СССР. Под ред. И. Д. Ковальченко; Программа курса «Источниковедение истории СССР»* (Моск. гос. историко-архивный институт). М., 1957 и др. Пособия М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина увидели свет задолго до появления указанной программы, но здесь наблюдается обратное соотношение: сами программы создавались под влиянием названных книг и с учетом опыта преподавания предмета по разработанной в них схеме.

В своей монографии Д. С. Лихачев проследил эволюцию этой формы памятников, показав ее на широком фоне политической и духовной жизни русского общества. Вместе с тем автор установил и взаимодействие летописания с другими формами источников. Такой подход сам по себе чрезвычайно важен при обсуждении проблемы, поставленной в данной статье.

Сохранилось сравнительно ограниченное число форм письменных памятников периода Киевского государства. «Повесть временных лет», «Правда русская», первые внутренние и международные акты, немногочисленные светские и литургические произведения и жития святых в сущности исчерпывают перечень, на первый взгляд, изолированных друг от друга источников. Однако исследователи показали тесную взаимосвязь их друг с другом — иногда непосредственно текстуальную, подчас же опосредованную прежде всего через устную традицию.

Исследуя возникновение летописания на Руси, Д. С. Лихачев обратил внимание на связь русской хронографии с византийскими образцами, но подчеркнул, что ее характер под влиянием требований русской жизни изменился и приобрел, наконец, ту характерную форму, которая отличает ее и от византийской и от западноевропейской традиции²². Ученый показал преемственность летописания от житийной литературы, к которой постепенно присоединились народные в своей основе сведения, а также связь летописания с фольклором, с деловой речью. (посольской, воинской, юридической и т. д.), с устным родовым преданием и через него — с былевым эпосом²³.

Дальнейшая история летописания связывается Д. С. Лихачевым с появлением личных и родовых летописцев князей, типичным для периода феодальной раздробленности. Они восходят к устным родовым преданиям и, по мнению автора, не имеют аналогии в византийской или западноевропейской хронографии.

В отличие от предшествующего общерусского летописания, обширного по теме и исполнению, «княжеское летописание оказалось узким по содержанию и несложным по выполнению... Однако в летописании княжеском — личном и семейном — имеется и положительная сторона — это интенсивность исторического самосознания — сознание исторической ценности личной деятельности, стремление сохранить для потомства частности своей биографии...

Это новое явление... было тем не менее закономерно и в известной мере целесообразно связано с общей децентрализацией русской жизни XII в., с углублением процесса феодализации»²⁴.

²² Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л, 1947, с. 62.

²³ Там же, с. 76, 77, 101, 114—131.

²⁴ Там же, с. 181.

Примерно в одно время с княжескими появились городские летописцы, характерные значительной демократизацией содержания, языка и стиля, а также своей антикняжеской направленностью²⁵. С летописанием этого времени были тесно связаны летописные повести о княжеских преступлениях²⁶ и княжеские жизнеописания²⁷. Наконец, в этот же период во Владимире наблюдается тенденция к возрождению общерусского летописания (элементы которого не исчезали, впрочем, и из княжеских летописей)²⁸.

Нить летописания хоть и ослабла, но не прервалась в эпоху татаро-монгольского ига.

Подъем летописания в XIV—XV вв. совершился как важная составная часть своеобразного культурного возрождения русского народа, подъема народного самосознания и идеологической подготовки образования единого Русского государства. Этот подъем начался с 80-х годов XIV в. вслед за Куликовской битвой.

Летописные традиции Киевского периода, поддержаные затем во Владимире, через Ростов и потом Тверь были «пересажены» в Москву, которая в исходе XIV в. стала «крупнейшим средоточием литературных сил»²⁹.

Особенности московского летописания этого времени Д. С. Лихачев определяет следующим образом: 1) преемственность политических идей Киевской и Владимирской Руси, прежде всего идеи единства земли русской; 2) отсюда — общерусский характер летописных сводов, не замкнутых областными рамками; 3) объединение в московских сводах местных летописей, сосредоточенных в Москве митрополитами и великими князьями, которые видели в летописной работе важнейшее государственное дело; 4) наконец, органическое включение в московские своды «Повести временных лет», которая не только воспроизводилась в них сама по себе, но была также использована (в своде 1409 г.) «как своеобразное мерило, приложенное к русской истории на всем ее протяжении»³⁰. Вскоре общерусский характер летописания распространился из Москвы на иные центры, в том числе на ее главных политических соперников — Тверь и Новгород.

Дальнейшая история летописания характеризуется рядом новых явлений. Прежде, по-видимому, можно говорить о сложном характере летописей, сочетавших в себе функции и учиательных сочинений, и официальной регистрации событий, и трактатов, утверждавших некую политическую доктрину, и наконец,

²⁵ Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 197—215.

²⁶ Там же, с. 215—247.

²⁷ Там же, с. 247—267.

²⁸ Там же, с. 268—280.

²⁹ Там же, с. 289.

³⁰ Там же, с. 297.

литературных произведений — основного чтения современного им общества.

Появились хронографы, принявшие всемирно-исторический масштаб изложения и подчиненные чисто литературным, повествовательным задачам, в рамках которых «исторические факты были лишь материалом для литературно занимательного чтения, для моральных выводов»³¹. Постепенно, но чем дальше, тем все сильнее их влияние сказывалось на собственно летописях.

«Хронограф влиял на летопись в тех только случаях, когда перед летописным сводом ставились его составителем по преимуществу литературные задачи. Первоначально, пока в летописании преобладали чисто исторические задачи, влияние Хронографа было эпизодическим, но по мере того, как исторические функции отдавались государством в приказы, в архивы, в разрядные книги... перед летописью начинали ставиться задачи политического воспитания граждан, влияние Хронографа все увеличивалось, хронографический, риторический стиль окончательно возобладал в историческом повествовании»³².

Другой стороной процесса угасания летописания была специализация, обособление и развитие институтов государственного управления и «государственной памяти».

Вследствие развития приказного делопроизводства, отчасти преемственно связанного с летописанием (разряды, например), летописи «проникаются стилем и содержанием деловых бумаг московских приказов»³³. «Летопись все более и более становилась сводом важнейших государственных документов: разрядов, статейных списков, реестров и т. д., и т. п.»³⁴ Под влиянием хронографов, таким образом, летописи приближаются к историческим повестям, а с другой стороны — к реестру документов посольского приказа³⁵. До середины XVI в. обе тенденции еще совмещаются³⁶. Но во второй половине XVI в. официальная московская летопись напоминает подсобное для государственного архива предприятие, превратившись в своеобразную подробную «опись» важнейших документов, поступающих в государственный архив³⁷.

Кроме летописей — канцелярских реестров, летописанию наследуют исторические произведения иного характера, возникшие вследствие необычайного роста потребностей в работах исторического характера, их усложнения и разнообразия. Такими произведениями стали исторические повести, хронографы и

³¹ Там же, с. 336. См. также: с. 335 и след.

³² Там же, с. 347.

³³ Там же, с. 355.

³⁴ Там же, с. 357.

³⁵ Там же, с. 362.

³⁶ Там же, с. 362—370

³⁷ Там же, с. 370

степенные книги, создатели которых восприняли многие приемы и методы предшественников — летописцев³⁸. Традиционное же летописание как государственная функция угасло, но долго еще сохранялось на периферии — в областях (главным образом в Новгороде и Пскове), в монастырях и как дело частных лиц³⁹.

Важно, что Д. С. Лихачев показал эффективность двух подходов к источникам, по существу лишь условно отделимых друг от друга: исследования эволюции одной из их форм во времени и изучения взаимодействия разных форм внутри одного периода. В конечном счете и тот, и другой способы исследования направлены на выяснение исторической обусловленности совокупностей источников, но в первом случае вид сопоставляется с развитием данной формы жизнедеятельности социального организма, во втором же — с историей данного общества как целого на определенном ее отрезке.

Некоторые наблюдения и выводы Д. С. Лихачева были дополнены или пересмотрены позднее. Но сам подход автора к летописным памятникам не потерял своего значения. Суть исследовательской позиции Лихачева (по крайней мере с точки зрения проблемы, обсуждаемой в данной статье) состоит в следующем: 1) Лихачев рассматривает изменения в летописании как вторичные по отношению к социальной, политической, духовной эволюции русского общества, вызванные и исторически обусловленные его развитием; 2) вместе с тем они представляются органическим элементом этой эволюции; 3) изменение формы и содержания летописных произведений объясняется прежде всего изменением социальной роли летописания, задачами, которые решались их созданием; 4) зарождение, расцвет и угасание летописной традиции рассматривается Лихачевым в тесной связи и взаимообусловленности с развитием других форм памятников — нарративных, делопроизводственных, фольклорных и др.

Из краткого обзора названных выше работ можно сделать некоторые заключения. Первое: источники претерпели долгую и сложную эволюцию, такую же долгую и сложную, как и человеческое общество, создававшее и использовавшее их в своих, тоже исторически обусловленных целях и интересах. Второе касается чрезвычайного разнообразия памятников прошлого. Номенклатура их столь велика, что с трудом поддается группировке даже в рамках массивов, сравнительно ограниченных во времени и пространстве. Такое разнообразие источников соответствует многообразию форм деятельности и отношений между людьми, а сверх того — традиций, конкретно-исторических условий и т. п. Третье состоит в том, что источники разных времен и далеко не тождественных общественных структур наход-

³⁸ Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 375—385.

³⁹ Там же, с. 385—418.

дятся в соответствии друг с другом. Это соответствие выражается: а) в том, что у разных народов подчас не одновременно возникали сопоставимые памятники. Повсюду были «правды», анналы или их эквиваленты — летописи и исторические сочинения, законы, учетные и делопроизводственные материалы разного рода и прочее; б) в законосообразности смены одних форм источников другими. Эта законосообразность, в свою очередь, выражается в том, что у разных народов сходные формы памятников сменялись похожими или даже одинаковыми формами (жития и их светский вариант — биографии замещались мемуарами, «правды» — королевскими законами и кодексами, примитивные формы учета — торговыми книгами, которые велись по системе двойной бухгалтерии, и т. д.).

Такая повторяемость не только форм источников, но и смены одних форм иными, а также определенная повторяемость состава источниковых массивов, относительного значения разных форм памятников в рамках сопоставимых по уровню развития обществ позволяют в характеристике источников обнаружить известную закономерность.

Еще одно необходимое замечание: изложенные выше заключения как будто дают основание для утверждения того, что взятый в целом корпус источников в основном развивался в соответствии с некоей линейной схемой — от простых форм к более сложным, от менее совершенных к совершенным. На самом деле подобный вывод не вытекает из материала. Напротив, в названных выше работах последовательно проводится мысль об адекватности источников породившим их формам социальной деятельности. В этом смысле оценочные суждения вообще мало оправданы.

Выяснение соотношения между формами социальной деятельности и видами исторических источников — лишь одна сторона проблемы вида. Состав и характер памятников во многом определяются классовой структурой общества. Эта зависимость может быть четко прослежена на примере мемуарных источников по отечественной истории. Зародившиеся у нас на исходе XVII в., они стали более или менее обычной литературной формой лишь в следующем столетии. С классовой точки зрения они тогда были тесно привязаны к верхам столичного дворянства, аристократии (исключение — записки А. Т. Болотова). В первой половине XIX в. социальный состав авторов несколько расширился за счет представителей более широких слоев дворянства. Богаче стала и тематика. Ориентированная прежде на отображение придворной жизни, она включила теперь важные явления общеноциональной истории (войну 1812 г., восстание декабристов и др.). В центре внимания ряда авторов, прежде всего декабристов, революционеров-разночинцев, — их духовная и идеальная эволюция. Появились первые крестьянские и купеческие мемуары.

Еще более расширился состав авторов воспоминаний во второй половине XIX в., и сами они стали массовым (в количественном отношении) источником. Среди авторов — значительное число представителей интеллигенции. В результате распространения образования, включения в активную общественную и культурную деятельность новых слоев населения появились воспоминания рабочих. Немалую роль играло и распространение периодической печати: многие воспоминания публиковались в журналах, а это определило их фрагментарность, тематическую ограниченность определенным периодом или кругом событий.

Резко изменился состав мемуаристов после Великой Октябрьской социалистической революции. Он включил представителей самых широких трудящихся масс, ощущивших себя активными участниками и творцами истории, осознавших общественную значимость пережитого ими. Существенным фактором развития и роста мемуарной литературы стала культурная революция. В сочетании с некоторыми другими явлениями — заинтересованностью широкой читательской аудитории, профессиональных историков, литераторов — это привело к превращению мемуаров в действительно массовый вид литературы. В свою очередь, данный процесс вызвал к жизни новые формы, возникновение которых было связано с влиянием некоторых форм научной деятельности, прежде всего социологии. Массовый характер приобрели воспоминания-интервью (записи и стенограммы рассказов, а подчас — опросов участников событий по заранее разработанным программам), близкие к ним по происхождению «литературные записи» воспоминаний, созданные в результате сотрудничества «бывалых людей» с писателями. Последняя форма оказалась тесно связанной с так называемым документальным жанром художественной литературы.

На примере мемуаров, таким образом, видно, как изменение соотношения классовых сил, их исторической роли сказалось на развитии одного из видов источников, который вместе с тем испытал серьезное воздействие со стороны тенденций и процессов, развивавшихся в разных областях культурной жизни общества.

Прямое отношение к данной проблеме имеет и материальная культура общества, которой во многом определяется принятый для реализации данной функции материал и вообще материальная природа коммуникации. Устная традиция, камень, глиняные таблички и папирус, пергамен и бумага, книгопечатание, радио, телефон, телевизор, световая сигнализация — словом все, что использовалось людьми для передачи сообщений друг другу, так или иначе отражается на составе корпуса источников.

В совокупности источников раннего средневековья частные акты немногочисленны. И это естественно, поскольку многие

сделки, соглашения, вообще юридически значимые действия совершились в форме иных, неписьменных ритуалов. «Но эта эпоха всеобъемлющего формализма и ритуала меньше всего была «бумажной»... бюрократической эпохой. Многие из актов и сделок вообще не фиксировались в грамотах и других документах,— вместо них совершали соответствующий обряд... Казалось бы, функция грамоты должна была состоять в том, что в ней фиксировалась сделка и в дальнейшем владельческие права опирались на ее текст. Между тем в раннее средневековье к письменному документу, который вообще мало кто мог прочитать, большинство населения испытывало недоверие и не понимало его юридической природы»⁴⁰.

Другой, близкий к нам пример. Если новое время характерно массовостью, обычностью и высокой культурой личной переписки, которая стала своеобразным литературным жанром и одновременно широко распространенным способом повседневного общения людей, то с середины XX в. (или даже ранее) эпистолярные источники все более уступают место телефону, т. е., как правило, не связанному с письменной фиксацией каналу связи и общения. Более того, даже официальные (и даже юридически значимые) отношения благодаря телефонизации нередко переводятся на «материю» устной речи. Конечно, за подобным переводом письменных форм общения в устные стоит не только технический прогресс средств связи, который сам по себе является существенным фактором культуры, но и целый ряд иных, тоже историко-культурных явлений: предпочтение живого диалога — диалогу, растянутому во времени, известная «деформуляризация» человеческих отношений и др.

До сих пор речь шла о влиянии на формы источников со стороны, условно говоря, внешних по отношению к ним факто-ров. Однако история видов памятников часто лишь в конечном счете может быть сведена к социальным, экономическим, политическим, психологическим процессам. Механизм их действия на формы источников включает в себя, так сказать, логику саморазвития вида, разновидности, жанра.

Эта логика подчас выявляет себя в сознательной деятельности людей по усовершенствованию способов оформления своих действий. Богатый набор примеров такой рационализации дает, в частности, история делопроизводства государственных учреждений. Существенным элементом петровских преобразований была регламентация системы документирования и прежде всего введение коллежского делопроизводства⁴¹. Способы оформления «бумаг» детально разрабатывались в «Учреждении для управления губерний» 1775 г., в «Учреждении ми-

⁴⁰ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 157.

⁴¹ Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР. Учебное пособие. М., 1959, с. 41—52.

нистерств» 1811 г.⁴² и целом ряде других законов Российской империи. В советскую эпоху проблемы организации и оформления делопроизводства рассматривались в теснейшей связи с задачами строительства и усовершенствования государственного аппарата и научной организации труда. Большое значение придавал этому вопросу В. И. Ленин. И вскоре после революции, и в современных условиях приемы и методы документирования являются объектом специальных научных изысканий⁴³.

Однако нередко развитие видов происходит не в результате сознательного формотворчества, а стихийно, подчас даже вопреки субъективным устремлениям людей. Так, в средневековой Европе, особенно в пору раннего средневековья, «неотъемлемым признаком права была его старина». «...Не выработка новых законов, но отбор в старом праве наиболее мудрых и справедливых предписаний,— так понимается задача законодателя»⁴⁴. Приведенные высказывания относятся к содержанию правовых норм. Но, видимо, с неменьшим основанием они могут быть распространены и на форму законодательных документов, равно как и многих других памятников того времени. Иначе и быть не могло в обществе, где «даже нововведения осмыслиялись как восстановление древних порядков. Обновление понималось как реставрация, прогресс — как возвращение к прошлому, ибо только от века существующее могло иметь моральную силу и непререкаемый авторитет»⁴⁵. Применимость этого положения к формам памятников средневековья подтверждается весьма медленной эволюцией летописей, былин, саг и многих других видов источников.

Впрочем, традиционность формы является проблемой отнюдь не только медиевистики. В полной мере она относится и к источникам всех других исторических эпох. Характер и масштабы этих традиций, а также основания их действенности нельзя привести к общему знаменателю. В целом проблема традиций включается в более широкую проблему соотношения формы и содержания. Общеизвестное и общепризнанное положение об относительной консервативности формы не раз уже применялось к историческим источникам. Одна из последних работ, специально посвященных этому вопросу,— статья Л. Н. Пушкирева «Устойчивость формы исторического источника»⁴⁶. Автор этой статьи иллюстрирует данное общефилософское положение

⁴² Митяев К. Г. Указ. соч., с. 52—56, 65 и след.

⁴³ Там же, с. 96 и след.; Тамм И. Е. Из истории становления советского делопроизводства (по материалам 1921 г.).— «Археографический ежегодник, 1969 г.». М., 1971, с. 160—173.

⁴⁴ Гуревич А. Я. Указ. соч., с. 150, 151.

⁴⁵ Там же, с. 166.

⁴⁶ Пушкирев Л. Н. Стадість форми історичного джерела.— «Історичні джерела та їх використання», вип. третій. Київ, 1968, с. 39.

жение примерами, касающимися разных типов памятников, и особое внимание уделяет значению стабильности формы для историков. Она дает возможность установить общие приемы и способы анализа близких по форме исторических источников, помогает определить тип, род, вид и разновидность источника при его классификации и вообще дать определение источника, поскольку оно в значительной мере опирается на формальные его признаки. Наконец, Пушкарев предостерегает от переоценки формы, от вывода о примате ее⁴⁷.

В названной статье содержится лишь констатация устойчивости формы, которая сверх того требует объяснения, раскрытия механизма, обеспечивающего ее стабильность. Таким путем форма может быть понята в тесной связи с ее содержанием и, значит, истолкована как определенное сообщение, информация об объективных социальных процессах, иначе говоря, как содержательная форма. В этом отношении весьма показательным кажется законодательство. Медленная эволюция форм законодательных актов может быть объяснена тем, что условием и предпосылкой действенности права является его стабильность, обеспеченная, в частности, устойчивостью его формул (отсюда, видимо, большая, чем у других видов источников, преемственность не только норм, но и выражающих их формулировок) и документальных форм как целого, их формуляров. По тем же причинам консервативна и форма документов, созданных в процессе реализации права,— актов, фиксирующих договорные и сделочные отношения⁴⁸, нормативно-распорядительных документов и других памятников. Здесь, однако, к перечисленным добавляется следующая предпосылка: строгое соблюдение установленного формуляра наряду с подписями, печатями, бланками и прочими элементами удостоверения гарантирует документы от подлога. Весьма устойчива форма учетных и отчетных документов. Применительно к ним стабильность обеспечивается не только их юридически значимой функцией, но и потребностью в сопоставимости — как «иерархической» (отчеты низших инстанций и подразделений поглощаются отчетами высших), так и хронологической (деятельность предприятия за год оценивается, в частности, в сопоставлении с предшествующим периодом). Достаточно консервативна и форма литературно-художественных жанров, научных трудов, дневников и других видов источников. Очевидно, в каждом случае ее стабильность объясняется особым сочетанием причин. Но помимо конкретных предпосылок действует и одна общая для всех видов и жанров. Она состоит в том, что принятая для данного вида форма сама по себе служит знаком, который указывает

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

на представленную данным документом форму социальной деятельности, на юридическое значение текста⁴⁹, на степень его достоверности и гарантии последней как в смысле юридической ответственности автора, так и с точки зрения способов создания, времени и т. д.

Соответственно обозначение разновидности указывает на интенсивность проявления функций, место документа среди других источников, т. е. отношение данного памятника к другим видам и разновидностям, особенно в случае, когда он не представляется функционально чистым типом (например, мемуары в литературной записи, некоторые художественно-исторические биографии и т. п.).

Едва ли нужно объяснять, что отсутствие информации, за-кодированной в специфической, функционально обусловленной и достаточно жестко закрепленной форме документов, сочинений и иных памятников, вызвало бы значительную потерю в их коммуникативной способности, ибо затруднило бы их опознание в качестве законов, приказов, мемуаров, отчетов, художественных произведений и т. п., потребовало бы в каждом отдельном случае специального изучения, расследования. В результате нормативные и правовые памятники потеряли бы безапелляционность, поскольку их применение предполагало бы анализ, т. е. критику. Существенно пострадал бы и авторитет мемуаров как свидетельств очевидцев и произведений художественной прозы как произведений, лишенных внешней принудительности и отчасти благодаря этому действенных. Произвольно избираемая для каждого отдельного памятника или часто меняющаяся форма утрачивает, таким образом, свою знаковую функцию и тем самым ограничивает или совершенно подрывает социальную действенность соответствующих документов.

* * *

В чем же значение проблемы вида для источниковедения? Виды и разновидности исторических памятников несут определенную информацию о формах общественной деятельности, прежде всего об их исторически обусловленных проявлениях в исследуемом социальном организме. Таким образом, сведения, полученные в результате изучения истории видов и их временных совокупностей, сами по себе могут оказаться весьма ценными для выяснения структуры этих организмов, а также целого

⁴⁹ Под юридическим значением текста подразумевается следующее: все источники, а не только нормативные, характеризуются и со стороны их правовой природы. Например, представление о свободе художественного творчества, в частности, о праве художника на вымысел освобождает автора от юридической ответственности за точность описания событий. Иное должно быть сказано о воспоминаниях: мемуарист связан, по крайней мере, моральной ответственностью за достоверность своих сообщений.

ряда проблем истории культуры. При намеченном выше подходе, следовательно, речь идет о выявлении «скрытой», «ненамеренной» информации, которую независимо от воли автора содержит источник. Конечно, с известными основаниями можно поставить вопрос о расшифровке подобной информации. Однако исследование формы индивидуального источника раскрывает, скорее, ненамеренную информацию о конкретном событии, в процессе которого он был создан. При этом едва ли можно представить более эффективный способ выявления таких сведений, нежели сопоставление исследуемого памятника с функционально однородными источниками. Иначе говоря, важной предпосылкой в исследовании отдельного источника является точная оценка места этого источника в истории данного вида, для чего необходимо знание самой истории вида.

Представление о видовой специфике формы памятника является условием обоснованной оценки и интерпретации его содержания. Без этого не может быть раскрыто реальное значение применяемых в нем формул, отбора сообщаемой (намеренной) информации, ее достоверности и т. п.

Для осмыслиения источниковедения как специальной исторической дисциплины категория «вид источника» также имеет первостепенное значение: она как бы «фокусирует» в себе историко-культурное, семиотическое и, главное, социально-историческое направления исследования памятников прошлого, вводя их тем самым в конкретное историческое исследование. Само источниковедение, таким образом, является не только наукой об исторических источниках, но и научной дисциплиной, изучающей историю источников.

О ГИПОТЕЗАХ И ДОГАДКАХ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

Я. С. Лурье

Вопрос о предположительных суждениях, о гипотезах и догадках имеет особое значение для источниковедения. Необходимость разграничения понятий «догадки» и «гипотезы» отмечается в курсах логики, но разграничение это рассматривается в сущности как лежащее вне науки: научной гипотезой именуется не всякая догадка, а лишь «предположение о существовании — в настоящем времени или в прошлом — такого закономерного порядка или такой причины, которые при данном состоянии науки или вследствие прекращения их в прошлом не могут быть предметом непосредственного наблюдения, но которые, раз только мы предположим их существование, объясняют определенную совокупность явлений...»¹

Но представитель исторической науки имеет дело главным образом с явлениями, которые он не в состоянии непосредственно наблюдать и которые относятся к прошлому; для историка средневековья и древности речь идет о далеком прошлом, показания о котором не могут быть извлечены из памяти живых свидетелей. Эта особенность не может считаться исключительным свойством гуманитарных наук, отличающих их от естествознания: некоторые естественные науки, как, например, палеонтология, также обращены к прошлому и лишены возможности экспериментальной проверки своих построений; с другой стороны, такая общественная наука, как социология, пользуется экспериментальным методом. Но в данной статье речь идет именно об истории как науке о прошедших эпохах,— занимаясь такой проблематикой, историк и филолог лишены всякой возможности воспроизвести вновь, в порядке эксперимента, интересующие его факты. Эмпирической основой исторической науки служат только источники — теоретически это обстоятельство известно любому студенту, но в практике научного исследования авторы иногда забывают о нем, противопоставляя «слова»

¹ Асмус В. Ф. Логика. М., 1947, с. 315—316; Баженов Л. Б. Основные вопросы теории гипотезы. М., 1961, с. 3—4; он же. Современная научная гипотеза.— В кн.: Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М., 1968, с. 295—297. Ср. Навиль Э. Логика гипотезы СПб., 1882, с. 235—237

(цитаты из источников) — «фактам»². Конечно, за показаниями источников должны стоять, и часто действительно стояли, факты — реально происходившие исторические события, однако до нас, к несчастью, дошли именно «слова» (или иные виды показаний, если источник — не письменный) — и нам надлежит прежде всего прийти к какому-то заключению о достоверности этих показаний.

С наибольшей наглядностью это обстоятельство может быть продемонстрировано на некоторых общеизвестных положениях, прочно вошедших в память человечества и обычно не вызывающих сомнений у читателей и историков, не занимающихся специально данным вопросом. Изобретателем и основоположником европейского книгопечатания (т. е. типографского способа воспроизведения текста из наборных литер, в отличие от гравирования целыми досками, существовавшего и раньше) считается, как известно, Иоганн Гутенберг из Майнца. Но исследователями уже не раз отмечалось, что источники о Гутенберге и его изобретении четко разделяются на три категории: документы о Гутенберге, составленные еще при жизни печатника, издания, которые могут считаться делом его рук, и наконец, повествовательные и иные источники о Гутенберге, написанные уже после его смерти; первые две группы источников, естественно, считаются более ценными, чем последняя³. Однако последняя группа источников обладает все-таки одним важным преимуществом над двумя первыми: только здесь говорится о Гутенберге как об изобретателе книгопечатания, как о первом человеке, ставшем печатать книги⁴. Из современных Гутенбергу документов мы узнаем только, что в 1455 г. Гутенберг судился со своим компаньоном по «книжному делу» Иоганном Фустом из-за ссуды, которую дал ему Фуст⁵, а также о других событиях его жизни (тяжба по поводу изготовления «зеркал» в 1439 г. и о нарушении Гутенбергом брачного обещания, его тяжелое финансовое положение, поступление на службу к архиепископу и т. д.).

Что же касается первопечатных книг XV в., то ни одна из них не содержит имени Гутенberга; первая немецкая книга, имеющая послесловие (колофон) с именем ее создателей,— Псалтырь 1457 г.— была напечатана не Гутенбергом, а его противниками по судебному процессу — Иоганном Фустом и

² Ср., напр., Гумилев Л. Н. Нужна ли география гуманитарам? — В кн.: Славяно-русская этнография. Л., 1973, с. 96.

³ Ruppel Alois. Johannes Gutenberg. Sein Leben und sein Werk. 2-te Aufl. Berlin, 1947, S. 17; Венгерова-Зилинг Э. В. Актовые свидетельства о жизни и деятельности Иоганна Гутенберга.— «Книга. Исследования и материалы», М., 1971, сб. XXII, с. 185.

⁴ Ruppel A. Op. cit., S. 178—186.

⁵ Зилинг Э. В. Актовое свидетельство о процессе «Фуст против Гутенберга». — В кн.: Пятьсот лет после Гутенберга. 1468—1968. М., 1968, с. 370—387.

Шеффером. Поэтому когда большинство исследователей считает все же Гутенberга европейским первопечатником, то они строят этот вывод на комплексном использовании ряда источников: хотя первые упоминания о Гутенберге как об изобретателе книгопечатания дошли в рукописях конца XV — начала XVI в., эти упоминания основываются на разнообразных и заслуживающих доверия показаниях современников; из судебного процесса Гутенberга — Фуста ясно, что именно Гутенберг внес в «книжное дело» свое мастерство, а Фуст был прежде всего финансистом; еще в 1439 г. ювелир Гутенберг занимался каким-то «предприятием с искусством» и т. д.⁶ Построение это представляется достаточно убедительным, но оно включает в себя гипотетические элементы; теоретически здесь возможны и альтернативные построения (например, представление о Гутенберге как о технике, открывшем метод печатания с наборных литер, и о Фусте и Шеффере, как о реальных печатниках первых книг и т. п.).

В отличие от Гутенberга русский первопечатник Иван Федоров оставил свое имя в послесловии к напечатанному им в 1564 г. «Апостолу» (и на более поздних изданиях); решающая роль Ивана Федорова в истории русского книгопечатания не вызывает поэтому сомнений. Но и начало русского книгопечатания не полностью освещено источниками и допускает различные толкования их показаний. В послесловии Ивана Федорова в качестве исходной даты книгопечатания упомянут «год 61-й восьмой тысячи» (7061 г., т. е. 1553 г.) и «30-й год» царствования Ивана IV (т. е., очевидно, 1563—64 гг.); в исследовательской литературе предлагалось либо исправление одной из этих дат, как ошибочной, либо отнесение одной из них к началу изыскивания «мастерства печатных книг», а второй — к созданию царского печатного двора. Кроме того, сохранились также «безвыходные» (не имеющие выходных данных) печатные издания, созданные, судя по водяным знакам и владельческим записям, несомненно до 1564 г., а в документе 1556 г. упоминается «мастер печатных книг» Маруша Нefедьев. Таким образом, и здесь возникает ряд гипотетических построений о предшественниках первопечатника или о существовании его более ранних изданий, предшествующих «Апостолу» 1564 г.⁷

⁶ Ruppel A. Op. cit., S. 187—208; Люблинский В. С. Подвиг Гутенberга.—«Книга. Исследования и материалы». М., 1968, сб. XVI, с. 106—108; Варбанец Н. В. Современное состояние гутенберговского вопроса.— В кн.: Пятьсот лет после Гутенberга, с. 67—143.

⁷ Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 294—297, 300—314; Зернова А. С. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947, с. 32—35; Сидоров А. А. Начало русского книгопечатания и Иван Федоров.— В кн.: 400 лет русского книгопечатания. 1564—1964. Русское книгопечатание до 1917 г. М., 1964, с. 33—40.

Вероятностный характер многих данных, которыми располагают исторические (как и некоторые другие) науки, делает особенно настоятельной необходимость четкого разграничения *прямых показаний* источников, *гипотез*, дающих наиболее убедительное объяснение используемым показаниям, и наконец, простых *догадок*.

Гипотезой в науке — и это относится к гуманитарным наукам так же, как и естественным, — именуется такое предположение, которое должно объяснить определенную, объективно существующую совокупность явлений (в исторической науке — данных источника). Иными словами, существует понятие *необходимости* гипотезы и условия ее научного доказательства. Наиболее ясно это обстоятельство можно продемонстрировать на гипотезах, относящихся к текстологии или, употребляя источниковедческую терминологию, — ко внешней критике источника. Если две или несколько летописей совпадают между собой на значительном протяжении, а затем расходятся, то это свидетельствует либо о влиянии одной из этих летописей на другую, либо (что встречается гораздо чаще) о зависимости рассматриваемых летописей от общего источника — протографа. Именно на этой посылке строятся текстологические гипотезы А. А. Шахматова, сыгравшие определяющую роль в исследовании летописания⁸. Установив на основе множества частных сопоставлений, что так называемая Ростовская летопись (Архивский сборник № 20/25) в части до 1479 г. совпадает с московскими летописями (Симеоновская, Воскресенская), а далее содержит текст, доведенный до 1539 г. и сходный с новгородскими летописями, А. А. Шахматов высказал гипотезу, что в основе этого памятника лежали два летописных свода — Московский свод 1479 г. и Новгородский — 1539 г. Впоследствии эта гипотеза, выведенная индуктивным путем, была блестяще подтверждена находкой реальных текстов. (Московский свод по Эрмитажному списку и в редакции 90-х годов — по Уваровскому списку; Новгородская летопись по списку Дубровского).

Уже на этих примерах ясно могут быть показаны характерные черты гипотез, которые отличают их от любого, научно не обоснованного предположения. Необходимость гипотезы вытекает из совокупности эмпирических наблюдений, существующих реально и требующих объяснения. Именно поэтому ученый, не признающий и отвергающий какую-либо гипотезу, не может ограничиться простым ее отрицанием, а обязан предложить альтернативную гипотезу, которая объяснила бы соответствующие явления лучше или, по крайней мере, не хуже, чем отвергаемая гипотеза.

⁸ Подробнее см.: *Лурье Я. С. О шахматовской методике исследования летописных сводов*. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976, с. 91—99.

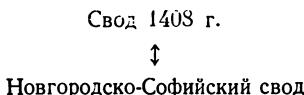
Отмеченные принципы обязательны и для чисто исторических гипотез, относящихся к внутренней критике или объяснению показаний источника. Так, изучая историю русской церкви в первые десятилетия после принятия христианства, М. Д. Приселков (вслед за Е. Е. Голубинским) обратил внимание на то, что и древнейшая русская летопись, и византийские источники умалчивают о том, как была организована русская церковь в период от крещения Руси в 987—989 гг. до 1037 г.; только в 1037 г. Ярослав, согласно летописному рассказу, заложил «церковь святая Софья, митрополью», и после этого в Киеве появился митрополит — грек Феопемпт. Между тем житийное «Сказание о Борисе и Глебе» упоминает в качестве главного иерарха русской церкви в начале XI в. архиепископа Иоанна, архиепископом именует главу киевской иерархии (под 1018 г.) и западный источник (Титмар Мерзенбургский). Но архиепископ Иоанн был в конце X — начале XI в. главой автокефальной болгарской Охридской церкви; отмечая, что отношения между русскими князьями и Византией были при Владимире и после его смерти довольно напряженными, М. Д. Приселков высказал гипотезу о подчинении русской церкви до 1037 г. (смерть Иоанна Охридского) болгарской, а не греческой иерархии; в подтверждение этой гипотезы исследователь указал на то, что младшие сыновья Владимира — Борис и Глеб получили христианские имена тогдашних болгарских правителей — Романа и Давида⁹. Гипотеза М. Д. Приселкова была отвергнута рядом исследователей, предлагавших иное объяснение истории русской иерархии до 1037 г.: ее зависимость от римской церкви, пребывание русского архиепископа в Херсонесе или Тмуторокани и т. д. Последний исследователь этого вопроса Л. Мюллер считает, что русская церковь уже со времени принятия христианства подчинялась константинопольской патриархии, но и он, предлагая это решение, основывает его на ряде предположений. Он полагает, что в православной церкви конца XI — начала XII в. могло быть несколько архиепископов, носивших имя Иоанна, что древнейшее летописание проявляло мало интереса к вопросу об устройстве русской церкви и было недостаточно осведомлено о нем, что, наконец, если во главе русской церкви до 1037 г. и стоял архиепископ, то это звание указывало не на его автокефальность по отношению к константинопольской патриархии (как это было с Иоанном Охридским), а на относительно скромное место Руси в православной иерархической системе¹⁰. Так или иначе, перед нами опять необходимость замены одной научной гипотезы другой — альтернативной.

⁹ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, с. 33—76.

¹⁰ Müller L. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039.—In: Osteuropa und der deutsche Osten, III. Köln — Braunschweig, 1959, S. 48—77.

С такой же необходимостью альтернативных гипотез мы уже встречались и при решении вопросов о начале западноевропейского и русского книгопечатания: и в этих случаях, как мы видели, противоречивость источников требует того или иного гипотетического объяснения.

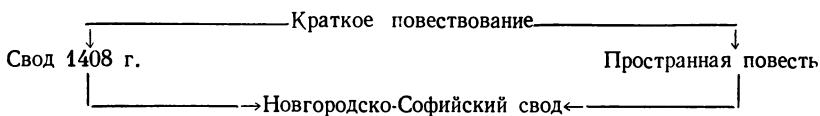
Вытекая из эмпирической необходимости, источниковедческая гипотеза подчиняется определенным логическим условиям состоятельности, о которых обычно идет речь при оценке научной гипотезы: она должна находиться в полном соответствии с фактическим материалом и охватывать своим объяснением весь этот материал, должна удовлетворять условию максимальной простоты объяснения, ограничиваясь лишь необходимыми логическими звеньями и не вводя излишних¹¹. Важность последнего условия особенно ясно обнаруживается при оценке текстологических гипотез. Объясняя сходство между несколькими памятниками (не зависящими непосредственно друг от друга) наличием у них общего протографа, мы, конечно, не можем считать исключенным, что протограф этот повлиял на них не прямо, а через ряд посредствующих звеньев, что могли иметь место какие-либо вторичные и дополнительные влияния и т. д. Но научная необходимость в таких усложнениях стеммы (генеалогической схемы) возникает лишь тогда, когда без них не может быть объяснен имеющийся у нас материал; произвольное усложнение стеммы лишними звеньями (которое теоретически может быть неограниченным) неоправданно и неплодотворно. Исследуя соотношение текстов рассказа о Куликовской битве, М. А. Салмина показала, например, что пространная повесть об этой битве, содержащаяся в Софийской I, Новгородской IV и целом ряде последующих летописей, восходит к краткому повествованию о «великом побоище иже на Дону», сохранившемуся в Симеоновской летописи и читавшемуся в своде 1408 г. (Троицкой летописи)¹². Влияние свода 1408 г. на Новгородско-Софийский свод первой половины XV в. (протограф Софийской I и Новгородской IV летописей) подтверждается и другими данными и может быть передано простой схемой:

¹¹ Баженов Л. Б. Основные вопросы теории гипотезы, с. 7—32; Навиль Э. Указ. соч., с. 171—186. Среди условий состоятельности гипотезы в логических работах называют еще условие проверяемости (Баженов Л. В. Основные вопросы..., с. 9—17); это условие связано в естественных науках с возможностью экспериментальной проверки; в истории и филологии речь может идти, очевидно, об эмпирическом обосновании гипотезы, которое принципиально отличает ее от догадки.

¹² Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина».— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла М.— Л., 1966, с. 355—364.

Но предположим, что какой-нибудь исследователь будет утверждать, что и пространная повесть о Куликовской битве и краткое повествование, к которому она восходит, существовали уже в конце XIV в. Ясно, что тогда ему придется предложить иную, более сложную стемму:

Оправданно ли будет такое усложнение стеммы? Только в том случае, если исследователь приведет какие-либо данные в доказательство самостоятельного и раннего существования обоих памятников. В ином случае гипотеза (стемма) М. А. Салминой будет иметь преимущество большей простоты.

Таковы характерные особенности гипотезы. Чем же отличается от нее догадка? Догадкой в логике именуется любое, ничем не ограниченное, предположение о факте, который мог происходить. В точных и экспериментальных науках догадка в сущности лежит вне научной аргументации: если у исследователя возникает умозрительным путем какое-то предположение, то предположение это подвергается эмпирической и экспериментальной проверке и либо сохраняется в качестве гипотезы (или даже доказанного положения), либо просто отбрасывается. Но в исторической науке невозможность эксперимента делает такую модификацию догадки в гипотезу, как мы увидим, необязательным и даже редким явлением. Догадки и гипотезы существуют здесь независимо друг от друга, хотя нередко смешиваются между собой¹³. Конечно, и в истории и филологии догадки обычно возникают не по произволу исследователей, а в результате какой-то научной потребности. Источники, дошедшие до нас, дают ответы не на все вопросы, возникающие у исследователя. О многих лицах, событиях и памятниках мы хотели бы узнать больше, чем сообщают источники: отсюда желание заполнить эти пробелы предположением о том, что *могло* происходить. В отличие от гипотезы, вытекающей из наличия какой-то совокупности явле-

¹³ О необходимости различения гипотез и догадок в исторической науке см.: Luria J. Problems of Source Criticism.—«Slavic Review», v. XXVII, 1968, N 1, p. 21. Ср. также: Зимин А. А. Существовал ли «невидимка» XVI в.?—«Знание — сила», 1971, № 8, с. 46; Творогов О. Много шума из ничего.—«Литературная газета», 1975, 5 февраля. Мы не согласны только с А. А. Зиминым, когда он определяет гипотезу как «наиболее вероятное из возможных объяснений», а догадку как «одно из возможных истолкований». Исследователь постоянно имеет дело со случаями, когда для решения одной проблемы может быть предложено несколько гипотез и невозможно решить, какая из них является наиболее вероятной, догадка же часто бывает не «истолкованием» какого-либо конкретного показания источника, а простым предположением о возможности факта.

ний, требующих объяснения, догадка возникает в значительной степени из недостатка данных по какому-либо вопросу; гипотеза строится на необходимости (хотя и неоднозначной), догадка — на возможности. Для опровержения гипотезы необходимо поэтому альтернативное объяснение соответствующей совокупности явлений, для отказа от догадки достаточно простого указания на отсутствие данных по поставленному вопросу.

Большинство памятников древней и средневековой письменности — анонимно. Перед историками и литературоведами постоянно возникает соблазн отыскать их автора, назвать какое-либо лицо, которое могло эти памятники создать. К числу таких атрибуций принадлежит, например, догадка Н. В. Водовозова (высказанная вслед за Х. Лопаревым), что «Слово о погибели Русской земли» и «Житие Александра Невского» написаны Даниилом Заточником — предполагаемым автором (и персонажем) памятника (или двух памятников) XII—XIII вв.—«Слова» или «Моления Даниила Заточника». И в «Слове» Даниила и в «Житии» Александра авторы употребляют слово «ритори» (рыцари), именуют себя «рабами» князя и выступают сторонниками сильной княжеской власти. «Мог ли молчать Даниил, когда Русская земля лишилась такого великого сына, как Александр Невский? Если он был жив (а это вполне вероятно, так как в год смерти Александра ему было бы лет 65 или только немногим более), то кто же, как не он, взялся бы за благородную задачу рассказать о жизни и подвигах такого человека, который не только соответствовал его идеалу главы государства, но и превосходил этот идеал?» — пишет Н. В. Водовозов¹⁴.

Можно привести ряд аналогичных догадок о принадлежности тех или иных древнерусских памятников определенным писателям. Таковы, например, многочисленные догадки об авторе «Слова о полку Игореве» («словутный певец» Митуса, книжник Тимофей, тысяцкий Рагуил, боярин Петр Бориславич и др.). Догадки эти принципиально отличаются от гипотез — в частности, и от гипотетических атрибуций, так же хорошо знакомых древнерусской филологии. Гипотетическая атрибуция возникает в тех случаях, когда имя автора названо не во всех списках и редакциях того или иного памятника (например, имя Ермолая-Еразма на одном лишь списке «Повести о Петре и Февронии»), когда в анонимном памятнике содержатся значительные совпадения (не отдельных слов, а целых фрагментов и разделов) с оригинальными текстами известного нам автора или, наконец, когда произведение обнаруживает индивидуальные черты, которые могут быть отнесены только к определенному кон-

¹⁴ Водовозов Н. В. Повесть XIII в. об Александре Невском.—«Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина». Кафедра русской литературы. М., 1957, т. XVII, вып. 6, с. 41—44; он же. История древней русской литературы. М., 1966, с. 130.

крайнему лицу. В таких случаях, как и во всякой гипотезе, мы имеем дело с вероятностным решением, которое, однако, не может быть просто отвергнуто, — реальные наблюдения, лежащие в его основе, должны в этом случае получить иное, альтернативное объяснение. В приведенных же примерах речь идет не о гипотетических, а о гиполептических (от греческого ἡ ψόληψις — догадка) атрибуциях, вытекающих не из эмпирической необходимости, а из простой возможности. Именно поэтому здесь не возникает проблемы альтернативного решения — иные возможности в таких случаях практически беспредельны. Если «Слово о погибели» и «Житие Александра Невского» создал не Даниил Заточник, то их написал другой древнерусский писатель, имя которого нам, к сожалению, неизвестно. Говоря о стремлении ряда исследователей «подыскать каждому произведению вполне определенного автора», Д. С. Лихачев справедливо отметил, что в сущности «оно зиждется на представлении, что писателей было мало и писать было некому»¹⁵.

Аргументация, основанная не на необходимости, а на возможности того или иного допущения, применяется не только при атрибуции памятников. С такой же аргументацией мы встречаемся, например, в монографии Г. Н. Моисеевой о Ломоносове и древнерусской литературе. Говоря о знакомстве М. В. Ломоносова с рукописной традицией Древней Руси, Г. Н. Моисеева предполагает, что с составом Соловецкой библиотеки «он мог... ознакомиться только в годы юности, когда жил на Севере», и далее делает заключение, что, «может быть, желание учиться именно в Москве, в Славяно-греко-латинской академии, у Ломоносова созрело под влиянием... книг, просмотренных им в Соловецкой библиотеке»¹⁶. «Мы не имеем прямых свидетельств о том, что Ломоносов использовал в своих работах рукописи из Антониево-Сийского монастыря, но тем не менее мы не можем исключить возможность знакомства Ломоносова с древними памятниками, хранившимися в этом замечательном собрании», — указывает далее исследовательница и добавляет: «Трудно представить, чтобы любознательный Михайло не посмотрел монастырскую библиотеку в то время, когда он пономарствовал в монастыре»¹⁷. Так же аргументируется в книге и работа Ломоносова над рукописями Александро-Невского монастыря («трудно представить, чтобы Ломоносов, который в 40-е годы усиленно изучал русские летописи, не ознакомился с собранием рукописей, хранившихся в библиотеке Александро-Невского монастыря»)¹⁸ и его возможное знакомство с Лицевыми летописными сводами из Синодального собрания («в двух томах Лице-

¹⁵ Лихачев Д. С. Реплики.— ТОДРЛ, т. XV. М.— Л., 1958, с. 500.

¹⁶ Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971, с. 60—61.

¹⁷ Там же, с. 69.

¹⁸ Там же, с. 99.

вого свода Синодальной библиотеки Ломоносов не оставил приписок и помет. Но это не говорит о том, что он их не изучал»¹⁹).

Ясно, что перед нами догадки, не требующие в сущности даже принятия или опровержения: Ломоносов мог работать в названных собраниях и читать соответствующие рукописи, а мог и не делать этого.

Каким образом подобные догадки могут быть «усилены», превращены в гипотезы? На первый взгляд ответ кажется ясным: путем поисков и новых находок. Однако любой исследователь прошлого, имеющий опыт работы над источниками, знает, как маловероятна запланированная находка именно тех материалов, которые ему нужны. Если в рукописях Антониево-Сийского монастыря или на томах Лицевого свода обнаружатся записи Ломоносова, то это превратит догадку о его работе над соответствующими памятниками даже не в гипотезу, а в доказанный факт, но организовать такую находку, подобно тому как организуется научный эксперимент, к сожалению, невозможно. Пока счастливая случайность не принесет нам новых данных, догадка останется догадкой.

До сих пор мы говорили о принципиальном различии между понятиями «гипотеза» и «догадка». Но значит ли такое различие, что догадка представляет собою явление, совершенно недопустимое в исторической науке, что рассуждения о том, что могло происходить, вообще должны быть исключены из источниковедческих построений? Едва ли это так. Говоря об условиях состоятельности гипотезы, некоторые авторы называют наряду с указанными выше еще одно: возможность гипотезы, отсутствие противоречий между нею и более широкой системой фактов, с которой данная гипотеза вступает в соприкосновение²⁰. Строя гипотезу или систему гипотез, исследователи нередко дополняют эти построения предположениями о том, каким мог быть гипотетический памятник или как могли происходить реконструируемые события²¹. Такими догадками, как бы увенчивающими исследование, можно, например, считать предположения А. А. Шахматова о времени и обстоятельствах составления гипотетических

¹⁹ Там же, с. 109.

²⁰ Баженов Л. Б. Основные вопросы теории гипотезы, с. 32; см. Навиль Э. Указ. соч., с. 84—89.

²¹ Наряду с гипотезой и догадкой в научной литературе предлагался еще термин для обозначения предположения, невероятность и невозможность которого может быть доказана,—«домысел» (Зимин А. А. Существовал ли «невидимка» XVI в.?, с. 46). Соглашаясь с плодотворностью такого терминологического разделения, мы бы отметили только, что если догадка в экспериментальных науках может существовать лишь как изначальное и временное предположение (переходящее в гипотезу или отвергаемое), то и домысел в исторической и филологической науках существует только до установления его невозможности, т. е. по существу находится вне науки.

сводов — протографов дошедших до нас летописей. Однако роль таких догадок в построениях А. А. Шахматова (как и других исследователей, стремящихся к строгой историко-филологической доказательности) остается весьма скромной — это лишь предположения, завершающие систему эмпирических наблюдений и связывающих такие наблюдения гипотез; отказ от заключительных догадок (как мы увидим ниже) не ставит под сомнение систему в целом.

Подлинной опасностью для источниковедения догадки становятся в тех случаях, когда они кладутся в основу научного построения — когда возможность факта, выводимая обычно дедуктивным путем из определенного синтетического построения, выдается за доказательство. Нам уже приходилось останавливаться на вопросе о роли дедукции в источниковедении²²: общие положения для историка, изучающего прошлое, могут иметь эвристическое значение, направляя научный поиск, но предположения о возможности факта никогда не заменяют эмпирического доказательства.

При вероятностном характере исторических знаний исследователи постоянно имеют дело не только с гипотезами, но и с системами гипотез, связанных между собой. Это обстоятельство особенно бросается в глаза в текстологии. Сравнение нескольких летописей позволяет установить их гипотетический источник — протограф. Но, сопоставляя общий текст этих летописей, т. е., очевидно, текст их оригинала, с еще одной летописью или целой группой летописей, мы нередко обнаруживаем, что и здесь на определенном протяжении обнаруживаются совпадения. Из этого вытекает необходимость гипотезы о протографе второй степени — родоначальнике нескольких летописных групп. Именно такая система сравнений и дала возможность А. А. Шахматову построить летописную генеалогию в целом — историю русского летописания.

С системой гипотез исследователь имеет дело не только в текстологии. Гипотетическими системами являются многие чисто исторические построения, например, упомянутые нами выше построения по истории возникновения европейского книгопечатания (гипотеза о принадлежности Гутенбергу древнейшего шедевра книгопечатания — латинской Библии 50-х годов XV в.; совпадения между шрифтами Библии и шрифтами немецких изданий тех же годов — вытекающая из этого гипотеза об их принадлежности тому же печатнику и т. д.).

Допустимость и даже необходимость построения гипотетических систем в истории и филологии едва ли может оспариваться. Не так давно А. А. Зимин высказал даже мысль об «источниковедении системы фактов» как особом этапе в источниковедении,

²² См.: Источниковедение отечественной истории, вып. 1. М., 1973, с. 84—85.

связанном с именем А. А. Шахматова²³. Однако убедительность таких гипотетических систем зависит не только от убедительности обобщающей гипотезы, связывающей отдельные элементы, но и от степени доказанности каждого из звеньев системы. Какова роль догадок в системе гипотез? Мы уже указывали, что догадка нередко служит своеобразным завершением гипотезы или системы гипотез: высказав предположение, с необходимости вытекающее из эмпирического материала, исследователь дополняет его догадкой о том, как и когда предполагаемое явление могло происходить. Так предположив существование Начального свода, предшествующего «Повести временных лет» и отразившегося в Новгородской I летописи, А. А. Шахматов высказал догадку о том, что этот свод был составлен в 1095 г. в связи с нашествием половцев. Сравнение Лаврентьевской и Троицкой летописей привело А. А. Шахматова к выводу о существовании их общего протографа — свода 1305 г. (в основном отразившегося в Лаврентьевской летописи). В части от начала до первых лет XIII в. этот свод оказался сходным с Радзивиловской и Московско-Академической летописями. Из этого, естественно, вытекал вывод о более ранних сводах конца XII — начала XIII в., лежащих в основе всех этих летописей. Но определения и датировка этих сводов-протографов имели более предположительный характер, чем установление их существования,— это были, скорее, догадки, чем гипотезы. Некоторые из них не были приняты последующими исследователями. Так, предположение А. А. Шахматова о своде 1305 г. как об общерусском митрополичьем своде (Полихроне) было отвергнуто М. Д. Приселковым и другими исследователями, указавшими, что подобный общерусский свод едва ли мог возникнуть в начале XIV в. и что текст свода свидетельствует, скорее, о его связи с великокняжеской властью, а не с митрополией. Но отказ от догадки о Полихроне начала XIV в. не отменил всей схемы истории летописания XII—XIV вв., предложенной А. А. Шахматовым, ибо в основе этой схемы лежали не догадки, а гипотезы, основанные на бесспорных текстологических сопоставлениях. Отказ от этой схемы, как и всякое опровержение подлинной гипотетической системы, требует альтернативных объяснений всей системы сопоставлений и каждого из ее звеньев.

Легко заметить, что убедительность гипотетических систем зависит прежде всего от убедительности исходной гипотезы и тех эмпирических данных, которые положены в ее основу. Отвергая предположения А. А. Шахматова о Полихроне начала XIV в., мы не можем, однако, не признать верности его наблюдений о сходстве Лаврентьевской и Троицкой летописей и необходимомо-

²³ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси.— В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 431—435.

сти гипотезы о существовании у них общего протографа. Нередко, однако, мы встречаемся с такими системами, где сомнения вызывает сама исходная гипотеза. Несколько лет тому назад американский исследователь Э. Кинан отметил любопытные совпадения между Первым посланием Курбского Грозному и двумя сочинениями — «Жалобой» и «Плачем» — западнорусского инона Исаи, приехавшего на Русь в 60-х годах XVI в. и попавшего там в заточение. «Плач» Исаи имеет точную дату — 1566 г.; к этому же времени Кинан отнес и написание «Жалобы». Считая текст в «Жалобе» Исаи первичным, а в Послании Курбского вторичным, Э. Кинан пришел к выводу, что послание было написано после 1566 г. Но это явно противоречит тексту памятника, представляющего собой обращение Курбского к царю в связи с его бегством в 1564 г.; ответное Послание царя прямо датировано 1564 г. Следовательно, заключал исследователь, данные переписки Курбского и Грозного не соответствуют действительности; Послание Курбского — не подлинный памятник XVI в., а апокриф, созданный в XVII в. На этой гипотезе основывался ряд вторичных предположений: Э. Кинан предполагал, что и ответное послание Грозного апокрифично, а вся последующая переписка — результат своеобразной литературной игры, ведшейся в XVII в. в течение ряда десятилетий (последние послания переписки снабжены датировкой концом XVII в., связывая их с именами А. Матвеева и В. Голицына), и т. д.²⁴ Легко доказать сомнительность этих вторичных предположений, но наиболее существенна, естественно, исходная гипотеза. Между тем, как справедливо отметил А. А. Зимин, первичность текста «Жалобы» Исаи, по сравнению с Посланием Курбского, Э. Кинаном не аргументирована; более вероятно обратное соотношение — первичность текста Курбского²⁵. Дж. Феннел обратил внимание на соотношение текстов Послания Курбского и другого сочинения Исаи — «Плача» (совпадение которого с Посланием Курбского Э. Кинан отметил, но подробно не разобрал). В Послании Курбского текст вполне последователен; в «Плаче» — грамматически неправилен и явно вторичен²⁶. Естественно поэтому считать, что не Послание Курбского отражает влияние Исаи, а напротив — оба сочинения западнорусского инона написаны под влиянием Послания Курбского 1564 г. Но если отвергнуть основную гипотезу Э. Кинана²⁷, то неизбежно рассыпается и вся система предположений, на которой она основывается.

²⁴ Keenan E. L. The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. The XVII-th Century Genesis of the Correspondence Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge Mass., 1971, p. 17—46.

²⁵ Зимин А. Первое послание Курбского Ивану Грозному.— ТОДРЛ, т. XXI. Л., 1976, с. 189—191.

²⁶ Russia Mediaevalis, т. II. München, 1975, p. 191—195.

²⁷ Важную роль в построении Кинана играли еще два аргумента. Отстаивая невозможность влияния Курбского на Исаию, Э. Кинан указывал на сов-

Поскольку убедительность системы предположений зависит от убедительности исходного предположения, то особенно важно учитывать, что именно лежит в основе этой системы — гипотеза или догадка. Увеличивается ли убедительность исходной догадки от дополнения ее целым рядом других догадок? Допустим, что тот или иной историк захочет поискать какие-либо произведения Афанасия Никитина, кроме «Хожения за три моря». Он высажет догадку, что Никитин, тверич, не проявлявший враждебности к Москве, мог быть составителем тверского летописного свода середины XV в. (в составе Тверской летописи), проникнутого соответствующими тенденциями. К этой догадке нетрудно добавить еще несколько аналогичных. Никитин мог быть автором одного из анонимных Похвальных слов тверскому князю Борису, примыкающих к «Слову» инока Фомы. Он мог быть, кроме того, автором «Повести о Басарге», написанной во второй половине XV в.: герой этой повести, как и Никитин, — купец, в ней описываются заморские путешествия, автор обнаруживает патриотизм и прославляет стойкость в вере («Кто, как не Никитин, мог...»). Увеличивают ли эти дополнительные предположения ценность исходной догадки, и могут ли они на нее опираться? Очевидно, что никакое суммирование не способно обратить перечисленные здесь возможности в необходимость хотя бы в необходимости гипотезы.

Выше мы уже предлагали отличать гиполептические атрибуции от гипотетических. Таким же образом, очевидно, надо различать гипотетические системы, основанные на доказываемых гипотезах, и системы гиполептические, представляющие собой простое сочетание догадок.

Подмена гипотез догадками и гипотетических систем гиполептическими — явление, которое, к сожалению, постоянно

падение Послания Курбского с еще одним памятником — посланием «К читателю» — публициста начала XVII в. Хворостинина; указывая, что у Курбского совпадает с Хворостинным только текст, не сходный с Исаией, Э. Кинан настаивает на невозможности заимствования Хворостинным этого текста из Курбского. В этом случае пришлось бы предположить, что Хворостинин, сверяясь с Исаией, старательно выпускал из Послания Курбского все, что есть у Исаии, переписывая остальной текст Курбского (*Keenan E. L. Op. cit.*, p. 27). Такое соотношение, действительно, было бы маловероятным, но наблюдения Э. Кинана не точны: у Хворостинина читаются две фразы, имеющиеся и у Курбского, и у Исаии: «Бог сердцам зрител...» (ср. Курбского и «Жалобу» Исаии) и «не токмо сим, но и за чашу сту-денья воды...» (ср. Курбского и «Плача Исаии»); поэтому естественнее всего предполагать именно влияние Курбского на Хворостинина. Кроме того, Э. Кинан настаивал на том, что в тексте Курбского обнаруживаются элементы виршевого стиха или ритмической прозы, которые, по его мнению, появляются в русской письменности только в XVII в. (*Ibid.*, p. 20—21, 35—36). Однако ритмическая проза такого характера хорошо известна русской письменности с древнейших времен (ср.: *Лихачев Д. С. Курбский и Грозный — были ли они писателями?* — «Русская литература», 1972, № 4, с. 206). Таким образом, эмпирической основой исходной гипотезы Э. Кинана можно считать только сопоставление текстов Исаии и Курбского.

встречается в истории и филологии. В конце концов, исследования оказываются построенными на «обманчивой индукции, ибо в данном случае одно предположение цепляется за другое, одна догадка за другую, и не один раз, а в продолжении всего хода исследования надо допускать справедливость догадок...» — говорил по поводу такого рода построений известный фольклорист и литературовед А. П. Скафтымов и заключал: «Вот уже поистине, как вода в бредне: тянешь — полно, вытащишь — ничего нет»²⁸. Эти весьма острые замечания были адресованы представителям так называемой исторической школы изучения былин, и уже имена этих весьма серьезных ученых — В. Ф. Миллера, А. В. Маркова, С. К. Шамбинаго, Б. М. Соколова — показывают, что ошибочность такого метода отнюдь не может считаться чьим-то индивидуальным заблуждением или следствием небрежности. Самые принципы источниковедческого доказательства, разграничение между разными видами вероятностных суждений не достаточно определены историками и филологами. Постановка этих вопросов, разработка проблемы доказательности в источниковедении является поэтому одной из насущнейших задач нашей науки.

В настоящей статье мы ни в какой мере не претендуем на решение или даже исчерпывающее рассмотрение этих вопросов. Целый ряд проблем (различные виды гипотез, догадок, вопрос о гиполептических истолкованиях «темных мест» в источниках, о соединении системы гипотез с целой системой догадок, т. е. о своеобразных гипотетико-гиполептических системах) остается вне данной статьи. Здесь нам хотелось бы подчеркнуть лишь одно, наиболее насущное и необходимое условие всякого историко-филологического исследования: строгое следование источнику, ясность и продуманность источниковедческой аргументации.

Наука нового времени возникла в ходе эманципации опытного знания от догматических представлений. Официальная идеология средневековья объявила всю эмпирическую науку «служанкой богословия»; в новое время роль «служанок» всевозможных теоретических концепций (не только теологических, но и просветительских, гегельянских и т. д.) часто выпадает на долю гуманитарных «вспомогательных наук» — текстологии, источниковедения и др.

Заявляя, что «достоверность фактов» не вытекает из «достоверности свидетельств», Н. И. Надеждин утверждал в 30-х годах XIX в., что «всякий факт сам в себе имеет внутренние условия достоверности, которые гораздо важнее и выше, которые часто не зависят от достоверности свидетельств, напротив, дают им

²⁸ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. Москва — Саратов, 1924, с. 33.
Ср.: Путилов Б. Н. Концепция, с которой трудно согласиться.— «Вопросы литературы», 1962, № 11, с. 108.

достоверность», и эту мысль разделял не только М. Т. Каченовский, но в определенной степени и крупнейший историк XIX в. С. М. Соловьев²⁹. Когда на заре развития советской историографии А. Е. Пресняков выступил за восстановление по мере сил и возможностей прав источника и факта в исследованиях о Древней Руси вне зависимости от историографической традиции³⁰, это был призыв к объективности научного знания, и вытекал он именно из материалистических взглядов ученого³¹.

Точность и продуманность аргументации, строгое эмпирическое обоснование выводов (в нашем случае означающее обоснование их источниками) остается для исторической науки твердым и незыблемым условием ее существования.

²⁹ См. об этом: *Лурье Я. С. О некоторых принципах критики источников*.— В кн.: Источниковедение отечественной истории, вып. I. М., 1973, с. 78—81.

³⁰ Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства».— «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. XXX. Пг., 1920.

³¹ С. Г. Томсинский совершенно безосновательно приписывал А. Е. Преснякову чуждоему мнение, что «исторический источник объективен» (*Томсинский С. Г. За марксистско-ленинское источниковедение. «Ленинская учеба*», 1931, № 1).

ПОЛЕВЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Х. П. Стродс

Развитие исторической науки всегда было связано с усовершенствованием методов использования доступных исследователю источников.

Особое внимание историков, изучающих период феодализма, должны привлечь нетрадиционные источники в связи со спецификой письменных памятников этого периода. Последние, как правило, вышли из-под пера лиц, относившихся к господствующему классу и имевших весьма отдаленное представление о жизни и труде народа. Поэтому история периода феодализма, реконструированная только на базе письменных источников, в определенной степени оказывается неполной и односторонней.

В наши дни специализация исторических наук сопровождается ломкой барьеров между различными историческими дисциплинами, в результате чего усиливаются связи между ними. Это относится к истории и этнографии. Из области этнографии историк может почерпнуть ценный фактический материал, отсутствующий в традиционных исторических письменных источниках (поскольку в данном случае в распоряжении ученого оказываются или «натуральные» орудия труда и бытовые предметы, или составленные в наши дни их описания), с ее помощью исследователь в состоянии усовершенствовать средства исторического анализа¹.

Усиления внимания к источниковедческой базе требуют и некоторые сдвиги, происходящие в исторической науке на международной арене. Наряду с отрицанием объективного характера информации, которую содержит источник, и возможности приобретения на его основе объективных знаний наблюдаются попытки абсолютизации математических методов и моделей исследования². Для советских историков особое внимание к обогащению арсенала исторических источников важно, в частности, потому, что оно помогает опровергнуть распространенные среди

¹ Килунов А. Ф. Применение конкретно-социологических исследований в исторической науке.—«Вопросы истории», 1972, № 1, с. 34.

² Gibson W. L., Hildreth K. J., Wunderlich G. Methods for land economic research. Lincoln, 1966, p. 10, 42, 87; Brooks Ph. Research in archives. Chicago, 1969; Ср.: Шевырев В. С. Неопозитивизм и проблема эмпирического обоснования. М., 1966.

буржуазных ученых домыслы о «вольном» якобы обращении советских исследователей с историческими фактами³.

Вопреки представлениям буржуазных историков об уникальности и неповторимости исторического факта, который не поддается поэтому включению в теоретические концепции⁴, в противовес утверждениям о том, что каждой исторической эпохе присуща своя правда⁵, для исследователя-марксиста является аксиомой, что каждый источник и каждый исторический факт отражает единый исторический процесс и что этнография, как и история в целом, изучает частное для того, чтобы лучше понять общее.

Таким образом, важность использования этнографических полевых источников в исторических исследованиях с методологической точки зрения представляется очевидной. Ограниченные рамки статьи позволяют только выдвинуть отдельные вопросы критики этих источников и наметить направления⁶ методы их использования для изучения сельского труда и быта в период разложения феодализма.

Но прежде всего некоторые общие соображения. Если для изучения дописьменных периодов истории и современных бесписьменных народов этнографические полевые материалы имеют исключительно большое, а порой и решающее значение, то в исторических исследованиях о развитых обществах они занимают подчиненное место. Методика работы с этнографическими источниками определяется степенью удаленности изучаемого периода от времени его изучения, более того, при изучении разных эпох приемы анализа этнографических источников неизбежно оказываются различными. Так, если для изучения доисторических времен пользуются реликтами, то для периодов, близких к современности, большую роль приобретают массовые данные, к которым применяются статистические методы анализа.

Этнографические источники у нас обыкновенно выделяют в особую группу исторических источников, однако задача их изучения даже в учебниках зачастую возлагается только на этнографов⁷. Конечно, этнография основывается на собственных источниках, причем особое внимание обращается на их представительность и массовость. Однако трудно согласиться с мыслью, что анализ этнографических источников — дело одних только этнографов, трудно потому, что эти источники представляют весьма большой интерес и для историков. Историк, если он приступает к использованию полевых этнографических источ-

³ Mazour A. G. Modern Russian historiography. New York, 1958, p. 234.

⁴ Philippe O. L'histoire dans ses rapports avec la sociologie et la philosophie.— In: L'homme et l'histoire. Strasbourg, 1952, p. 37.

⁵ Brunner A. Geschichtlichkeit. Bern — München, 1961, S. 160.

⁶ Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. М., 1970, с. 3—4; Стрельский В. И. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961, с. 7.

ников, сам должен подвергнуть их критическому анализу и определить их ценность как исторических источников.

Всякий историк знает, что исходными данными для исторического исследования является все то, что сохранилось от изучаемого объекта (эпохи, события и т. п.), будь то материальные предметы или письменные источники, иконографические материалы и т. д.⁷ Многие из таких непосредственных «остатков» изучаемого объекта могут быть получены в ходе полевых этнографических исследований.

Возможности и результаты использования полевых этнографических источников зависят главным образом от степени этнографической изученности края и самого их состояния. Важнейшей предпосылкой этого в исторических исследованиях является, во-первых, количество собранных источников и, во-вторых, качество сабирания и соответствующей научной документации. Необходимо, чтобы при полевых этнографических материалах имелись данные о месте и времени их сбора и бытования, о социальном положении тех, кто их изготавлял и употреблял. Материальные предметы вне их социального и исторического бытования, вне их отношения к человеку, который создал их и пользовался ими, не могут дать ценную информацию учёному⁸.

При оценке достоверности полевых этнографических источников целесообразно применить категории «первичных» и «вторичных» источников. К первичным источникам относятся подлинные предметы труда и быта эпохи феодализма. Записи рассказов информаторов-очевидцев и записи рассказов, которые они слышали от своих родителей, следует считать вторичными источниками.

Собранные в ходе полевых этнографических исследований записи рассказов информаторов о периоде разложения феодализма можно разделить на две подгруппы. Применительно к истории Латвии записи рассказов информаторов старшего поколения, сделанные до 20-х годов XX в. и отражающие наблюдения людей, бывших работоспособными еще до 1861 г., могут быть приравнены к так называемым повествовательным источникам или к отчетам учреждений, которые тоже, как правило, составлены одним человеком⁹. В этой подгруппе источников историческая действительность отражается сквозь призму личных наблюдений информатора, как участника или свидетеля события¹⁰.

⁷ Мы не касаемся здесь дискуссий о типологии источников (*Пронштейн А. П. Методика исторического исследования*. Ростов-на-Дону, 1971; *Kula W. Rozważania o historii*. Wrocław, 1958; *Giedymir J. Z problemów logicznych analizy historycznej*. Poznań, 1961).

⁸ Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры.—«Советская этнография», 1970, № 4, с. 3.

⁹ Ионг Л. де. Историк и интервью.—XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970, с. 4.

¹⁰ Пронштейн А. П. Указ. соч., с. 65.

Записи, сделанные после 20-х годов, принадлежат ко второй подгруппе и должны рассматриваться при изучении феодального общества в качестве вспомогательных источников. Это уже воззрение, воссозданное на основе мнений людей, живших и работавших в период феодализма. Полевые этнографические источники, собранные путем непосредственных наблюдений, могут отражать только реликты периода феодализма, сохранившиеся в последующих формациях.

Все сделанные в ходе полевых этнографических исследований записи рассказов информаторов и реконструкции относятся к числу источников, намеренно созданных для исследования прошлого. Эти источники уже преломлены через призму сознания людей последующего времени, и им присуща определенная тенденциозность.

В критике записей информаторов важное место занимает общая оценка источника, выяснение социальной и политической позиции информатора и собирателя этнографических полевых источников. Должна быть также учтена господствующая идеология и политическое положение в стране во время соответствующей этнографической экспедиции. Когда речь идет об этнографических источниках периода феодализма, важно помнить, что в культуре каждого народа этого периода существовали две культуры — культура народных масс и культура феодалов, которые переплетались между собой, и задачей историка является выявление этих напластований.

Далее, при критике сделанных в ходе экспедиций записей рассказов информаторов следует учитывать близость источника к изучаемому историческому явлению. При одинаковых свойствах информатора (уровень образования и знания изучаемого вопроса, способность к самостоятельным суждениям, социальное положение, национальность, желание быть правдивым и т. д.) более достоверны рассказы лица, которое само было участником события, а не передача рассказов других. Описание только что наблюдавшегося явления более достоверно, чем наблюдавшегося ранее¹¹.

Наконец, обязательно должны быть учтены возможные различия в социальном, политическом и национальном отношении между информаторами и собирателями полевых этнографических материалов. Такие различия снижают достоверность собранных полевых записей. В случае, когда информатор говорит на другом языке или диалекте, нежели собиратель материалов, запись его рассказа на языке собирателя практически представляет собой поспешно сделанный перевод, и она дает исследователю значительно меньше, чем записи, сделанные на языке или диалекте информатора. Важно также учесть деформирующую

¹¹ Brandt A. Werkzeug des Historikers. Stuttgart — Berlin — Köln — Mainz, 1966, S. 61.

влияние личности информатора, собирателя этнографических источников и времени¹². Поэтому, по мнению некоторых исследователей¹³, интервьюирование не может рассматриваться как самостоятельный метод исследования.

Основу этнографических источников составляют вещественные источники или же документальные фотографии и рисунки с указанием размеров. Характерной чертой вещественных этнографических источников является, во-первых, то, что они созданы трудовым народом. Поэтому вещественные этнографические источники отражают действительность, как в зеркале, и являются для историка самым убедительным источником. Во-вторых, вещественные этнографические источники обладают тем преимуществом, что если историк овладел методами их «чтения», то при их исследовании не возникает языковых барьеров — они «читаются» историками всех национальностей. В-третьих, публикации этих источников не могут заменить необходимости их изучения в натуре.

Если для этнографа часто наибольший интерес представляют детали орудий труда, предметов быта и изделий народного прикладного искусства, то для историка решающее значение имеет хронологическое, территориальное и социальное распространение и функции этих предметов. Тем не менее в целях эффективной критики источников историк должен изучать и внешние признаки этнографических предметов, орудий труда и материалов, из которых эти предметы изготовлены. Это потому важно, что вещественные памятники феодального периода часто повреждены воздействием времени и климатических условий. Самый старый этнографический предмет — далеко не всегда самый ценный для историка.

Перспективы использования вещественных этнографических источников омрачаются тем, что в последние годы темпы их накопления в музеях понижаются и в научно-исследовательских этнографических учреждениях они заменяются архивами полевых записей и зарисовок. Замена вещественных этнографических источников, являющихся непосредственными остатками исторических явлений, записями рассказов информаторов низводит полевые этнографические источники до уровня «литературных исторических источников», ведет к снижению их ценности для исторических исследований, посвященных периоду феодализма.

Этнографические коллекции и архивы обычно не отражают существующую в жизни пропорцию между отдельными отраслями производства и быта. Так, в дооктябрьский период в этнографических полевых исследованиях недостаточное внимание

¹² Meyer O. Clavis Mediaevalis. Kleines Wörterbuch der Mittelalterforschung. Wiesbaden, 1966, S. 200—201.

¹³ Даниличева Н. А. Метод интервью в историко-психологическом исследовании.— XIII Международный конгресс по истории науки. История наук о человеке. М., 1971.

уделялось социальным различиям среди населения. Уникальные, богато орнаментированные вещи привлекали собирателей в гораздо большей степени, нежели повседневные, крупногабаритные, трудноохраняемые предметы быта. В результате многие важные памятники производства и быта в музеях отсутствуют, коллекции вещественных материалов в какой-то мере односторонни и неполны, к тому же зачастую и слабо аннотированы. Коллекции этнографических предметов в музеях в известной мере уже деформированы под влиянием времени и деятельности лиц, работавших в музеях и изучавших те или иные проблемы. Поэтому состав и пропорции этнографических коллекций должны быть подвергнуты существенным коррективам перед их использованием в исторических исследованиях.

Эстонские, русские, финские этнографы и специалисты некоторых других стран констатировали, что собирание полевых этнографических материалов по старому, классическому методу, при котором объект исследования выбирается произвольно, не дает оптимальных результатов. Ими предложены количественные и статистические методы полевых исследований. Количественный метод применяется для сравнительного исследования внутренних отношений в одной этнической или социальной группе или взаимных отношений нескольких таких групп. Этот метод позволяет добиться высокой точности, однако результаты зависят от глубины детальных исследований. Количественный метод в полевых исследованиях, особенно в области частоты повторения явлений, дает возможность переходить от описания материалов к сравнительно-аналитическим способам изучения, выяснить всеобщность, интенсивность и повторяемость явлений¹⁴.

На VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук было принято решение создать во всех странах центральные справочные архивы орудий труда, которые хранятся в музеях, институтах, школах¹⁵. В ГДР, Венгрии и некоторых других странах уже созданы центральные справочные архивы для собранных сельскохозяйственных орудий¹⁶, данными

¹⁴ Кабо Е. О. Методологическая роль статистического метода в этнографических исследованиях.— «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1964, № 6; Петерсон А. Сбор и обработка этнографических материалов по народным постройкам в Государственном этнографическом музее Эстонской ССР в 1959—1963 гг. М., 1964; Kovalainen P. Ueber die quantitative Methode in der ethnologischen Feldforschung.— «Ethnologia Fennica», 1971, N 1—2, S. 6—7.

¹⁵ Conferences on the research of agricultural implements.— «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae», t. 17, 1968, N 3—4, p. 379—382.

¹⁶ Jakobert W. Die Inventarisierung des bäuerlichen Arbeitsgeräts in den Museen der DDR.— «Spectrum», 1963, N 5, S. 176—178; Ballassa I. Das Archiv für die Geschichte landwirtschaftlicher Arbeitsgeräte des Landwirtschaftlichen Museums in Budapest.— In: Arbeit und Gerät in volkskundlicher Dokumentation. Münster, 1969, S. 109—114.

которых исследователи могут пользоваться, не посещая соответствующие музеи. В Польше проведена в общенациональном масштабе научная инвентаризация всех зданий, сооруженных до 1900 г. В Финляндии производится изучение деревень, имеющих характер исторического источника¹⁷. В Дании в качестве источника для исследователей еще в конце 50-х годов опубликован каталог плугов, хранящихся в датских музеях; позднее такое издание вышло в свет и в ФРГ¹⁸. Значительную помощь оказывает историкам издаваемый в Копенгагене с 1968 г. журнал «Орудия труда и земледелие»¹⁹. Однако во многих странах, в том числе и в СССР, работа по централизации учета этнографических полевых источников пока не ведется. Унификация сбора, обработки, учета и хранения этнографических полевых источников является, пожалуй, самым животрепещущим вопросом развития этнографической (и в значительной степени также исторической) науки в наши дни.

В ряде зарубежных стран полевые этнографические источники часто применяются в исследованиях по истории феодального периода. Так, в Англии, Швеции, ГДР, Польше на основе этнографических источников опубликованы обстоятельные монографические работы по истории сельского хозяйства²⁰. Польские историки в исследованиях по истории сельского хозяйства дают также разбор использованных этнографических источников²¹. Следует отметить, что в 50—60-х годах нашего века исторический метод в классификации и изучении этнографических источников получил широкое распространение.

В нашей стране в использовании историками полевых этнографических источников по ряду причин, часть которых указана выше, наблюдается пока отставание. Этнографический материал до последнего времени привлекался историками в лучшем случае только как источник иллюстративного характера для текста или для обложки книги²². Между тем диапазон их применения может быть достаточно широким.

¹⁷ Lehtonen J. U. Dorfforschung in Finnland.—«Deutsches Jahrbuch für Volkskunde», 1968, Teil II, S. 338—341.

¹⁸ Michelsen P. Danish wheel ploughs. An illustrated catalogue. Copenhagen, 1959; Klein E. Die historischen Pflüge der Hohenheimer Sammlung landwirtschaftlicher Geräte und Maschinen. Stuttgart, 1967.

¹⁹ «Tools and Tillage». Edited by Axel Steensberg, Alexander Fenton and Grith Lerche.

²⁰ Fustel G. E. The farmer's tools 1500—1800. London, 1952; Jirlow R. Die Geschichte des schwedischen Pfluges. Stockholm, 1970; Szabo M. Herdar och husdjur. Lund, 1970; Jakobert W. Schafhaltung und Schäfer in Zentraleuropa bis zum Beginn des XX. Jahrhunderts. Berlin, 1961; Idem. Bäuerliche Arbeit und Wirtschaft. Berlin, 1965.

²¹ Zarys historii gospodarstwa wiejskiego w Polsce, t. II. Warszawa, 1964, s. 16.

²² В то же время этнографы широко пользуются письменными историческими источниками (см. Стродс Х. Этнографическая наука в Латвийской ССР.—«Советская этнография», 1972, № 1, с. 27).

Прежде всего это касается экономической истории периода феодализма. Здесь исследователю необходимо подробно изучить остатки сибирского хозяйства, охотничий и рыболовный промысел, бортничество, скотоводство и способы заготовки кормов.

Полевые этнографические материалы могут быть с успехом использованы при изучении истории земледелия и садоводства, сельского транспорта, а также, причем весьма результативно, в исследованиях по истории техники, как части материальной культуры. История материальной культуры, как известно, занимается изучением средств производства и методов производства²³. Привлечение полевых этнографических источников при изучении трудовых операций по обработке почвы, уборке и обмолоту урожая дает историку возможность вдохнуть в исследование конкретность, которой невозможно добиться в случае использования одних только письменных источников. Для того чтобы освоить полевые этнографические источники, историку целесообразно не только ознакомиться с орудиями труда в музеях, обзавестись их фотографиями или чертежами,— ему полезно принять участие в полевых этнографических экспедициях, побывать на месте бытования или сохранения в реликтовом виде изучаемых орудий труда, наблюдать за неисценированной работой с использованием данных орудий. При этом наряду с внешним наблюдением для историка желательно прибегнуть и к участвующему наблюдению, т. е. включиться в состав изучаемой среды.

Кроме того использование полевых этнографических материалов совершенно необходимо при изучении типа поселений крестьян, их жилищ и хозяйственных построек, а также жилых и хозяйственных построек имений.

Возможности использования вещественных этнографических источников в исторических исследованиях зависят от особенностей существования отдельных отраслей материальной культуры в жизни народа. Если постройки, даже деревянные, существовали десятилетиями, то одежда сохраняется только годы или даже месяцы. Поэтому историк, используя полевые этнографические источники для реконструкции поселений и жилищ, находится в этом отношении в более выгодном положении.

Важную часть вещественных этнографических полевых источников составляют предметы быта — крестьянская посуда, домашняя утварь, мебель и т. д. В изучении крестьянских построек периода феодализма в комплекс с предметами быта историкам оказывают значительную помощь этнографические музеи под открытым небом. Такие учреждения по примеру первого в СССР музея подобного рода — Латвийского этнографического

²³ Kula W. Problemy i metody historii gospodarczej, s. 68—69.

музея под открытым небом, основанного в 1924 г.²⁴, теперь создаются во многих советских республиках. Следует, однако, иметь в виду, что если в таких музеях постройки и связанные с ними предметы быта «очищены» от позднейших и нехарактерных напластований, то в полевых условиях, а также при использовании зарисовок из этнографических архивов историку приходится самому устанавливать первоначальный вид сохранившихся со времен седой старины вещественных этнографических источников.

Другая тематическая группа вопросов, по которой полевые этнографические источники могут дать историку много нового,— это положение, образ жизни, традиции крестьян и народное право. Под положением крестьян историки часто понимают только материальные условия их существования — повинности, доходы. На наш взгляд, это понятие надо расширить, включив в него также анализ быта, образа жизни, трудовых и бытовых традиций и возможностей культурного развития крестьян. Но эти вопросы находят слабое отражение в письменных исторических источниках. Не уяснив себе образ жизни крестьян и помещиков, нельзя разобраться в социальной психологии этих классов. Изучение крестьянского быта в значительной степени поможет выяснению экономического и социального расслоения крестьян.

И наконец, использование полевых этнографических материалов совершенно необходимо для краеведов. Историю уезда, волости нельзя полностью уяснить без использования всех этнографических полевых источников. Хотя историческое краеведение, или так называемая регионалистика, часто характеризуется как самое наглядное проявление фактографии, само по себе оно приносит большую пользу, хотя бы с точки зрения накопления фактов.

Использование этнографических источников в исторических исследованиях может быть прямым, ретроспективным и по аналогии. Возможности применения того или иного метода различны в зависимости от характера полевых этнографических источников и характера изучаемой исторической проблемы. В первом случае этнографические материалы должны относиться к изучаемому периоду. Сохи, бороны, льномялки, цепы, косы, риги, курные избы и другие вещественные этнографические источники, относящиеся, например, к концу XVIII и первой половине XIX в., существенно дополняют и делают более конкретными наши представления о труде и быте крестьян в период позднего феодализма. Так, например, письменные источники сообщают нам, что в это время наряду с паровой системой земледелия

²⁴ Стродс Х. Развитие музеев на лоне природы в Латвии.— «Труды Научно-исследовательского института культуры». М., 1971, т. 1, с. 74—78; Strods H. Die Entwicklung der Freilichtmuseen Lettlands.— «Ethnographica», 1963—1964. Вгно, 1966, S. 138—163.

применялось и подсечное земледелие, но приемы и методы подсечного земледелия — а их несколько — мы можем выяснить, только используя полевые этнографические материалы. То же самое относится к типам сох и борон, типам риг для сушки зерна. Без такого рода конкретных данных исторические исследования не только остаются сухими, формальными, но и не могут по-настоящему раскрыть развитие производительных сил в сельском хозяйстве. Из числа этнографических полевых записей, т. е. вторичных источников, для прямого использования, как уже отмечалось, пригодны этнографические материалы, собранные, начиная с первой половины XIX в., когда собственно и начались этнографические экспедиции²⁵, до 20-х годов XX в. Более поздние записи для прямого использования не годятся, так как информаторы не могли лично наблюдать события и процессы феодальной эпохи. Те информаторы, которые родились около 1840 г. и жили в последние десятилетия существования феодального общества, к 20-м годам XX в. достигли уже 80-летнего возраста.

После сбора по возможности всех этнографических предметов (т. е. их копий с сопровождающими данными) по изучаемому вопросу историк должен нанести места их сбора на карту изучаемой местности. Картограммы рекомендуется составлять с хронологической дистанцией в 50 лет (на 1750 г., 1800 г., 1850 г.). На них желательно отразить и количественные показатели изучаемого явления. Для историка достаточно констатации преобладания, бытования или редкой встречаемости явления. Такие картограммы дают возможность исследовать развитие изучаемого явления не только в территориальном, но и в хронологическом отношении. Значительную методическую помощь, равно как и содействие в смысле ознакомления с фактическим материалом, историку при этом могут оказать историко-этнографические атласы, составляемые этнографами как в СССР, так и за рубежом²⁶.

Большие возможности для историков, изучающих период феодализма, обеспечивает так называемое ретроспективное использование этнографических источников в исторических исследованиях.

Материальная и духовная культура современных народов исторически и социально многослойна и отражает явления, зародившиеся на протяжении чрезвычайно длительного промежут-

²⁵ Первое проявление интереса к жизни и труду народа и первые попытки созиания материалов о них относятся к 70-м годам XVIII в., когда народ начали признавать одним из факторов исторического развития (Азадовский М. К. История русской фольклористики, т. I. М., 1958, с. 43, 112).

²⁶ Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1970; Atlas över svensk folkkultur. Materiell och social kultur. Uddevalla, 1957; Atlas der schweizerischen Volkskunde, I. Teil, 1. Lieferung, Basel, 1951; Atlas der deutschen Volkskunde. Neue Folge. Marburg, 1959—1964.

ка времени — от периода первобытной общины до наших дней²⁷. Орудия труда, характерные для периода феодализма, бытуют значительно дольше, чем продолжается этот период, вместе с ними сохраняются и приемы работы, обычай. Все это собиралось и фиксировалось в ходе этнографических экспедиций. Жилые и хозяйствственные постройки, предметы быта и орудия труда, а особенно изделия народного прикладного искусства периода феодализма кое-где в полевом этнографическом материале встречаются до последнего времени.

Сохранившиеся со временем феодализма пережитки историк может в рамках сравнительно-исторического метода использовать для проверки достоверности сведений о существовании изучаемого явления — ныне уже пережитка — в прошлом в качестве исторического факта. При использовании этих этнографических источников реликтового характера²⁸ историк должен учитывать закономерности их развития в основных, вспомогательных и запрещенных отраслях производства в данной местности и в данное время. Поскольку развитие орудий в основных отраслях производства, как правило, происходило более быстрыми темпами, чем во вспомогательных или запрещенных отраслях (для примера можно упомянуть пресноводное рыболовство в Прибалтике), то вещественные этнографические источники позднего времени историк в своих исследованиях вправе более смело использовать для изучения вспомогательных или запрещенных отраслей, нежели основных отраслей производства. При использовании описаний трудовых процессов и традиций историк должен сравнивать полевые этнографические записи между собой. Возможности для этого существуют при использовании массовых полевых записей, особенно сделанных на основе умело составленной анкеты. Лишь в том случае, если несколько рассказов разных информаторов по одному вопросу совпадают, т. е. налицо устойчивость, стабильность данных, можно считать, что эти рассказы отражают действительность. При этом следует строго различать допустимые отклонения разных информаторов и противоречивые рассказы. Если исследователь приходит к выводу, что объяснения разных информаторов противоречивы, он должен с особой осмотрительностью использовать даже детали

²⁷ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. Этнографический очерк. М.—Л., 1965, с. 210—215; Moora A. Über alte finischugrische Elemente in der estnischen Volkskultur.—Congressus tertius internationalis fenno-ugistarum. Thesen, II. Tallinn, 1970, S. 60; Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. Минск, 1968, с. 226—227.

²⁸ Попытки некоторых источниковедов определить этнографические источники как «пережитки, наличные в производстве, быте, нравах, нравственности, учреждениях общества» (Стрельский В. И. Основные принципы научной критики источников по истории СССР, с. 7) не только ведут к значительному сужению круга этнографических источников, но и свидетельствуют о непонимании сущности и задач современной этнографии.

из записей рассказов этих информаторов для создания целостного представления о старинном орудии труда или трудовом процессе.

При ретроспективном использовании этнографических источников обыкновенно прибегают к упомянутому выше картографическому методу. Доказать доминирование изучаемого явления в какое-либо время в период феодализма можно лишь в том случае, если с углублением в прошлое сумма фактов на данной территории возрастает. Установив, что генетический ряд это доказывает, историк имеет право сделать вывод, что недавно зафиксированный факт является пережитком такого явления, которое когда-то существовало в полном объеме.

Использование этнографических источников по аналогии особенно необходимо для реконструкции полного объема явления, отраженного в исторических источниках только частично. В этих целях могут быть использованы этнографические источники, собранные в другом обществе или на другой территории. Для подробного рассмотрения этого метода необходимо, однако, специальное исследование, тем более что метод аналогии в наши дни в результате его широкого применения в кибернетике и вычислительной технике получил новое качественное развитие²⁹.

Полевые этнографические источники историк использует в комбинации с письменными источниками. Этнографические источники, как правило, носят локальный характер, поэтому историк оказывается перед проблемой возможности территориального распространения и обобщения этнографических фактов. Рамки данной статьи не позволяют подробно остановиться на проблеме возможности обобщения фактов и спорах по этому поводу. Во всяком случае следует сказать, что возможности территориального обобщения этнографических фактов, идя от конкретного к абстрактному, весьма различны. Если данные комплексы народного костюма нередко типичны только для одной волости или уезда, то тип поселения обычно характерен уже для целой культурно-исторической области, а тип сохи или борона отражает особенности целой совокупности соседних культурно-исторических областей. Поскольку местная национальная специфика в большей степени проявляется в предметах народного искусства и в меньшей — в орудиях, используемых в основных трудовых процессах, можно высказать предположение, что территориальному обобщению лучше поддаются сведения именно об этих орудиях. В связи с тем, что полевые этнографические источники отражают весьма различные общественные явления, в том числе так называемые статистические и нестатистические, для фундаментального обоснования выводов выборка и исследование

²⁹ Wilkins B. R. Analogic and iterative methods in computation, simulation and control. Birkenhead, 1970.

полевого этнографического материала должны быть произведены на всей изучаемой территории³⁰.

Трудности использования полевых этнографических источников в исторических исследованиях обусловливаются рядом моментов. Во-первых, полевые этнографические источники, особенно вещественные, разбросаны по десяткам музеев, сводные же путеводители по фондам музеев и другие аналогичные справочные издания у нас фактически отсутствуют³¹. Во-вторых, отсутствуют и специальные публикации полевых этнографических материалов, что, с одной стороны, заставляет исследователей работать только в музеях с неопубликованными источниками, с другой — фактически лишает оппонентов возможности проверить выводы автора без ознакомления с источником в музее. В-третьих, использование письменных полевых этнографических источников ограничивается языковым барьером, поскольку полевые записи делаются, как правило, на языке (или диалекте) изучаемого народа между тем как традиционные письменные источники, особенно средневековые, обычно составлены на небольшом числе универсальных языков своего времени. В-четвертых, использование полевых этнографических источников, особенно их ценнейшей части — вещественных предметов, требует от историка знакомства с методами «чтения» этнографических источников, требует предварительного изучения этнографии и ряда специальных исторических дисциплин.

Для того чтобы расширить использование этнографических полевых источников в исторических исследованиях, в первую очередь необходимо следующее:

- 1) создание центральных справочных каталогов и публикация сводных путеводителей по фондам полевых этнографических коллекций в главных музеях страны;
- 2) публикация подробных специальных путеводителей по этнографическим музеям и архивам республик и областей;
- 3) публикация этнографических предметов и других источников во всех союзных республиках.

Письменные и этнографические источники отражают определенные стороны исторического процесса присущим каждому из них способом. Использование полевых этнографических источников в работе историков дает возможность прийти к новым выводам в отношении развития производительных сил, материальной культуры, быта, традиций и права народа. Эти источники могут помочь ликвидировать некоторые белые или почти белые пятна в источниковедческом базисе, а тем самым и в наших по-

³⁰ Ошавков О. О выборочном методе в социологических исследованиях.— «Вопросы философии», 1967, № 5, с. 50—51, 59.

³¹ По этнографическим коллекциям, хранящимся в музеях СССР, в послевоенное время лишь в 1964 г. издан тиражом в 1000 экземпляров очень краткий путеводитель — «Этнографические коллекции в музеях СССР».

знаниях. Этнографические источники окажут помощь историку в проверке данных письменных источников, выводов и иллюстраций так же, как это делают обнаруживаемые новые пласти источников или — в технических науках — новые эксперименты. Конфронтация письменных источников и полевых этнографических источников часто приводит исследователя к сомнениям в правильности выводов, сделанных на основании письменных источников. В результате так же, как и в судебном процессе, исследование тех или иных вопросов историком может быть завершено выводом «неясно» (*non liquet*). Этнографические предметы периода феодализма могут быть использованы в качестве определителей памятников материальной культуры, упомянутых в исторических источниках. Применение полевых этнографических источников, свидетельствующих, например, об употреблении деревянных сох и борон и после победы капиталистических отношений, как это наблюдалось в Англии еще в середине XIX в.³², поможет избегнуть вульгаризаторских выводов о том, что победа капитализма ведет к повсеместному употреблению фабричной сельскохозяйственной техники, или о полной стагнации сельскохозяйственной техники в период феодализма.

Новый — исторический подход к ранее собранным полевым этнографическим источникам принесет большую пользу и этнографам. Полевые этнографические исследования могут подсказать направления и методы в работе по разысканию новых типов источников, отражающих представление народа о своем труде и быте.

³² Chambers J. G., Mingay G. E. The agricultural revolution 1750—1880. London, 1965, p. 69.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОПЫТ ИСТОРИКА

ИЗ ОПЫТА ОБРАБОТКИ МАССОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

Д. И. Будаев

Сектор источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Института истории СССР Академии наук СССР обратился к ряду историков с просьбой поделиться своим исследовательским опытом. В литературе уже отмечалась своевременность такой инициативы¹.

Я принял это приглашение по двум соображениям. С одной стороны, мне пришлось работать со сравнительно большим количеством разнообразных массовых источников, применять различные приемы обработки их. С другой стороны, на мой взгляд, имеет определенное значение изучение пути в науку, который прошло, так сказать, третье поколение советских историков, сформировавшееся в послевоенные годы, в частности, тот его отряд (к нему я и принадлежу), который получил образование в педагогических вузах.

* * *

В моем формировании как исследователя особое место занимает аспирантура, где я работал под руководством П. А. Зайончковского. Общение с крупным ученым всегда оставляет в жизни неизгладимый след, тем более оно полезно в период становления специалиста. Тогда П. А. Зайончковский занимался обработкой и анализом массового источника по реализации крестьянской реформы 1861 г.—уставных грамот и выкупных сделок. Петр Андреевич привлек к этому делу своих учеников-аспирантов; среди них был и я. Работа строилась таким образом, что ученики не только консультировались, получали указания и советы, но и непосредственно вводились в творческую лабораторию.

¹ Дружинин Н. М. К вопросу о подборе и обработке исторических источников.—В кн.: Источниковедение отечественной истории, вып. 1. М., 1973, с. 145.

рию ученого, исследовали документы по единой методике, разработанной научным руководителем. Для кандидатской диссертации, защищенной в МГУ в 1957 г., мною было обработано более тысячи уставных грамот и такое же количество выкупных сделок по Дорогобужскому, Ельинскому и Сычевскому уездам Смоленской губернии. Всего под руководством П. А. Зайончковского я проанализировал 6028 уставных грамот и 5926 выкупных актов². Эта работа потребовала многих лет: обобщающие данные обработки уставных грамот появились в печати в 1959 г.³, выкупных актов — в 1965 г.⁴ (ранее печатались в местных изданиях итоги обработки этих документов по некоторым группам уездов), а сводная работа была опубликована лишь в 1967 г.⁵

Я считаю себя также в какой-то мере воспитанником симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, на котором выступаю с докладами с 1961 г.

Основной проблемой моих исследований стала аграрная история пореформенной России, разрабатываемая на материалах очень интересного и своеобразного района — бывшей Смоленской губернии. Помимо уставных грамот и выкупных сделок мною были привлечены материалы земской, правительственнои и ведомственной статистики, массовые описания помещичьих имений, хранящиеся в фонде Дворянского банка ЦГИА СССР, а также в ЦГА г. Москвы и Смоленском госархиве, документы делопроизводства центральных и губернских учреждений, публицистика и другие источники.

Работа с массовыми источниками сопряжена с большой затратой времени на чисто технические операции (выборка сведений и выписка их в особые тетради или на карточки, копирование и т. д.). Выполняя механическую работу, например по выборке сведений, историк не перестает быть исследователем. Его мозг работает. Делая выписки или выборку из источника, исследователь одновременно уточняет, углубляет свое представление о нем, продолжает источниковедческий анализ, находит

² Больших успехов в разработке методики изучения этого источника достиг Б. Г. Литвак (*Литвак Б. Г. К истории формуляра уставной грамоты 19 февраля 1861 г.* — «Археографический ежегодник», 1957 г.) М., 1958; *он же*.

О некоторых спорных вопросах реализации реформы 1861 г. — «Исторические записки», т. 68; *он же*. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. 1861—1895. М., 1972). Поэтому автор считает излишним говорить в настоящей статье о своем опыте обработки уставных грамот и выкупных сделок.

³ Будаев Д. И. Изменения в землепользовании крестьян Смоленской губернии в результате проведения реформы 1861 г. — «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1959, № 4.

⁴ Будаев Д. И. Выкуп крестьянами Смоленской губернии земли по «Положениям 19 февраля 1861 года». — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. VI. М., 1965.

⁵ Будаев Д. И. Крестьянская реформа 1861 г. в Смоленской губернии (К вопросу реализации «Положений 19 февраля»). Смоленск, 1967.

не обнаруженные при первом знакомстве возможности источника, ищет способы обработки данных. Накапливаются наблюдения, которые дают возможность полнее проанализировать источники (особенно это важно, когда работаешь с новым видом архивного документа, еще не получившим источниковедческой характеристики в литературе), оценить различные стороны, грани, факторы, которые постепенно исследователь обнаруживает в источнике. Одновременно возникают какие-то мысли и соображения, уточняющие структуру будущего научного труда и его концепцию, происходит отбор наиболее убедительных и ярких примеров,дается оценка фактов, составляющих «исключение из правила». Если историк, положившись на технических помощников, делающих выборку из массового источника, сам мало работает с документами, из которых извлекаются для него эти данные, он может многое упустить. Помощник может не заметить даже явную описку, не обратит внимание на уникальный случай (его дело — выписать однородные сведения для последующей статистической обработки, особые случаи его не касаются), не дождется исследователю о явных противоречиях источника (он их просто не заметит).

Надеюсь, читатель не поймет меня так, будто я выступаю против технических помощников. Разумеется, при разработке массового источника целой группой историков вовсе не обязательно, чтобы каждый из них тратил максимум времени на непосредственное общение с документом, сам делал выборки, производил подсчеты и т. д. Привлечение к изучению массовых источников лиц, выполняющих технические операции,— процесс неизбежный и прогрессивный. Но прежде именно специалист должен потратить долгие месяцы на изучение источника, выявление его возможностей, его плюсов и минусов, разработать на этой основе методику анализа источника и проверить ее в работе, чтобы появилась возможность создать четкую инструкцию для тех, кто будет делать выборки и выполнять некоторые другие технические операции.

Мне пришлось много и долго работать с земскими статистическими сборниками. Ниже я хочу поделиться некоторыми соображениями о методике обработки этого источника.

Земские статистические сборники — хорошо известный источник. Его материалы использовались и используются практически во всех работах по аграрной истории отдельных губерний и России в целом. Разбору программы и методики земских статистических исследований посвящена специальная книга Н. А. Савицкого⁶. Тем не менее знакомство с существующей литературой, основанной на данных земских переписей, оставляет чувство неудовлетворенности. Дореволюционные либерально-буржу-

⁶ Савицкий Н. А. Земские подворные переписи. М., 1961.

азные и либерально-народнические экономисты и историки, составив на основе этого источника ценную сводку фактического материала, например об аренде вненадельной земли⁷, о способах землепользования в крестьянской общине⁸, по сути дела и не пытались дать обстоятельный источниковоедческий анализ источника, установить степень достоверности, полноты и сопоставимости сведений земских статистиков. Воспользовавшись поуездными итогами, дореволюционные авторы не ставили задачи изучения богатейшего цифрового материала вне поуездных итогов, не вглядывались, если можно так выразиться, во внутрь крестьянского мира, в каждую строчку статистического сборника. Они не вышли за рамки свойственной земским статистическим сборникам методологии средних цифр и, подобно их составителям, не увидели капиталистической перестройки пореформенного сельского хозяйства.

Прямой противоположностью работ дореволюционных буржуазных и мелкобуржуазных авторов являются труды советских историков-аграрников, которые опираются на ленинскую методологию и методику анализа земской статистики. Как известно, В. И. Ленин высоко ценил русскую земскую статистику как источник, ставил ее «...выше европейских частичных анкет и исследований по замечательной полноте отдельных данных и детализации их обработки»⁹, отмечал «высокую степень совершенства» техники сортирования подворных сведений¹⁰, писал, что земские статистики «относились к предмету своих занятий не рутинно, не с одним фискальным или казенно-административным, а с известным научным интересом»¹¹. Он прямо указывал: «Нельзя себе представить экономиста, изучающего экономическую действительность России, который бы мог обойтись без данных земской статистики...»¹²

В то же время В. И. Ленин резко критиковал земских статистиков за ненаучную группировку собранного материала, вследствие примененного не к месту метода средних цифр. Земских статистиков интересовали средние размеры крестьянских наделов, среднее количество лошадей и коров, купчей и арендованной земли, сельскохозяйственных машин и орудий и т. д. Непомерно «широкое» значение придавали земские статистики термину «промышлен» (или «заработка»). К «промышленам» они «относят все и всяческие занятия крестьян вне надела; и фабриканты и рабочие, и владельцы мельниц, бахчей и поденщики, батраки; и скupщики, торговцы и чернорабочие; и лесопромыш-

⁷ Карышев Н. Крестьянские вненадельные аренды. Дерпт, 1892.

⁸ Воронцов В. Крестьянская община. М., 1892.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 213.

¹⁰ Там же, т. 3, с. 96.

¹¹ Там же, т. 27, с. 181.

¹² Там же, т. 3, с. 632.

ленники и лесорубы; и подрядчики и строительные рабочие; и представители свободных профессий, служащие и нищие и т. д.— все это „промышленники“!¹³. Такой способ группировки статистического материала скрывал процессы классообразования, происходившие в пореформенной деревне («...при *сложении* багачей и бедноты вместе и при делении на число слагаемых можно везде, где угодно, получить „равномерное распределение“!»¹⁴— писал В. И. Ленин), искалажал действительность, исключал возможность изучать разложение крестьянства. «...Вследствие неудовлетворительной сводки масса драгоценнейших сведений прямо-таки теряется, и исследователь получает в свое распоряжение только „средние“ цифры (по общинам, волостям, разрядам крестьян, по величине надела и т. д.). А эти „средние“... зачастую совершенно фиктивны»¹⁵.

Чтобы показать, что в действительности происходило в пореформенной деревне, В. И. Ленин отверг группировку крестьянских хозяйств по наделу, принятую в земских статистических сборниках, и произвел группировку по хозяйственной состоятельности. «Экономическая статистика,— писал он в связи с этим,— необходимо должна положить в основание группировки *размеры и типы хозяйства*. Признаки для различения этих типов должны быть взяты сообразно с местными условиями и формами земледелия; если при экстенсивном зерновом хозяйстве можно ограничиться группировкой по посеву (или по рабочему скоту), то при других условиях необходимо принять в расчет посев промышленных растений, техническую обработку сельскохозяйственных продуктов, посев корнеплодов или кормовых трав, молочное хозяйство, огородничество и т. д.»¹⁶. Благодаря разработанной им методике В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России», а затем и в других работах на основе данных земской статистики убедительно показал «коренное разрушение старого патриархального крестьянства и создание *новых типов* сельского населения»¹⁷— сельской буржуазии, с одной стороны, и сельского пролетариата и полупролетариата, с другой.

Используя методику анализа земской статистики, разработанную В. И. Лениным, советские историки нарисовали яркую картину социальных сдвигов в российской деревне второй половины XIX — начала XX в. Вместе с тем возможности земской статистики как источника на поверку оказались использованными далеко не полностью. Существовало даже предубеждение против этого источника, как недостаточно надежного. Вот почему, приступая к изучению истории смоленской деревни на ма-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 85.

¹⁴ Там же, с. 91.

¹⁵ Там же, с. 96.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 165.

териалах земских статистических сборников¹⁸, мне пришлось решить ряд источниковедческих задач. Разумеется, эта работа была проделана на основе ленинской методологии и методики изучения земской статистики; иными словами, она была реализацией ленинских методологических посылок и ленинской методики при разработке конкретного смоленского «Сборника статистических сведений».

Прежде всего необходимо было, как и в работе с любым другим источником, установить степень полноты и достоверности сообщаемых в нем сведений, степень сопоставимости данных отдельных томов друг с другом. Не подлежало сомнению, что сведения статистического сборника, собранные в условиях, обеспечивающих высокую степень достоверности (часто на полном ходу крестьян деревни), близки к действительности. Но насколько? И все ли цифры, зафиксированные в 140—160 графах, соответствуют истинному положению дела? Не было ли факторов, отрицательно, притом в одном направлении, влиявших на точность записей подворных бланков, а следовательно, показателей по целому сельскому обществу, затем — волости и уезду?

Ответить на такие вопросы помогло изучение истории земских подворных переписей и методики их проведения, в первую очередь — истории земского обследования в данной местности. Не составляло труда уже при первом же знакомстве со «Сборником»¹⁹ выяснить, что подворная перепись крестьянского хозяйства в разных уездах проводилась не одновременно, а в течение пяти лет (с 1884 по 1888 г.). Даже не прибегая к сопоставлению сведений об особенностях климатических условий, заранее с уверенностью можно сказать, что были в этом пятилетии годы урожайные и неурожайные, с удовлетворительным уро-

¹⁸ Сборник статистических сведений по Смоленской губернии, т. I, ч. 2. М., 1885; то же, т. I, ч. 1, т. II—VI. Смоленск, 1885—1889 (обследованы Вяземский, Сычевский, Гжатский, Юхновский, Дорогобужский и Духовщинский уезды); Статистические таблицы сведений об экономическом положении селений Смоленского уезда. Смоленск, 1889 (5 волостей); Материалы для оценки земель Смоленской губернии, т. I, вып. 3. СПб., 1904; то же, т. II, вып. 1. М., 1906; то же. Гжатский уезд, вып. 1—2, Рязань, 1909—1910 (Вяземский, Сычевский и Гжатский уезды); Данные подворного обследования четырех волостей Дорогобужского уезда в 1899 году. Смоленск, 1902. Материалы «Сборника статистических сведений по Смоленской губернии» в дореволюционное время использовали В. Воронцов (Воронцов В. Крестьянская община. М., 1892) и Н. Кацышев (Кацышев Н. Крестьянские вненадельные аренды. Дерпт, 1892). В советское время из этого сборника историки брали данные преимущественно для иллюстрации. Попытку сравнения сопоставимых данных земской статистики и подворных описей первой половины XIX в. сделал Г. Т. Рябков (Рябков Г. Т. Сравнительный анализ данных дареформенных подворных описей помещичьих крестьян и земских подворных переписей.—«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г.» Рига, 1963).

¹⁹ Такого рода сведения содержатся в текстовой части каждого тома «Сборника статистических сведений по Смоленской губернии».

жаем всех культур, с хорошим урожаем одних и плохим — других культур, в одном году складывалась более или менее благоприятная хозяйственная конъюнктура, в другом — мало благоприятная и т. д. Естественно, все это оказывалось в той или иной мере на таких подвергшихся обследованию сторонах крестьянского хозяйства, как количество скота, неземледельческий отход, размеры посева. Если бы обследование велось даже по самой безупречной методике, то и тогда то обстоятельство, что оно было проведено в разные годы, при различной хозяйственной конъюнктуре, отразилось бы на сопоставимости полученных данных по одному уезду с данными других уездов.

Кроме того, обследование проводилось в разное время года (в Вяземском уезде — летом 1884 г., в Гжатском — с июля по октябрь 1885 г., в Дорогобужском — зимой 1886—1887 г. и т. д.). Вряд ли имеется необходимость доказывать, что это тоже повлияло на степень сопоставимости собранного статистического материала.

Сведения «Сборника статистических сведений» оказались недостаточно полными. Так, в первом выпуске (Вяземский уезд) в экономические таблицы включены только крестьяне, имеющие надельную землю; тот, кто не получил ее в 1861 г. или настолько «раскрестьянился», что мир перестал выделять ему землю, — не был охвачен земской статистикой.

Земские статистические сборники содержат неполные сведения о зажиточном слое крестьянства. Изучалось крестьянское население, проживавшее в деревнях, входившее в состав сельских общин. Те же крестьяне, которые, купив землю, переселились в бывшее дворянское имение или, досрочно выкупив надел, образовали хутор, не заинтересовали земских статистиков. Не были включены в перепись те зажиточные элементы деревни, которые не принадлежали к крестьянскому сословию. Одним словом, изучая «население земледельческое», земские статистики кое-как сумели выделить (с пропусками) «население неземледельческое, порывающее связь с землей»²⁰, но даже не поставили вопроса о выделении сельской буржуазии, смешав зажиточных крестьян вместе с середняками в неделимом «населении земледельческом», по сути дела не провели переписи наиболее зажиточной части деревни.

Сопоставление сведений земского статистического сборника с данными военно-конской переписи²¹ показало наличие существенной разницы между ними. Неполный учет зажиточной верхушки деревни, разный подход крестьян, со слов которых со-

²⁰ Сборник статистических сведений по Смоленской губернии, т. V, отд. I, с. 16.

²¹ Конская перепись 1882 г. СПб., 1884; Военно-конская перепись 1888 г. СПб., 1891; то же, 1893 и 1894 гг. СПб., 1896; то же, 1899—1901 гг. СПб., 1902; то же, 1912 г. Пг., 1914.

ставлялись подворные бланки, к определению понятия «рабочая лошадь», скрытие некоторого количества скота крестьянами (лошадь «старая, последний год работает» или «лишняя, продасть собрался» — зачем их показывать) и, возможно, другие обстоятельства привели к тому, что в земском сборнике и общее количество лошадей, и наличие их в каждой из групп меньше, чем в материалах конской переписи. По этим же причинам, надо полагать, неполностью учтены и продуктивный скот.

В земском статистическом сборнике мизерны сведения о найме рабочей силы. В нем совершенно не учитывались скрытые формы найма и поденщины, неполностью учтены и сроковые рабочие; в подсчеты попали главным образом батраки, работавшие у зажиточного крестьянства в момент переписи. Случайный наем рабочей силы середняками и беднотой («наняла вспахать землю, потому что муж болел, а других взрослых мужчин в дворе нет») не всегда фиксировался.

Совсем неудовлетворительны данные о «промышленах». В число «промышленников» включались лица, связанные с самыми разнобразными по своему социальному-экономическому содержанию неземледельческими занятиями: торгово-промышленная деятельность зажиточных крестьян, работа бедняков по найму у помещиков и кулаков, занятия ремеслами, домашние промыслы, что лишает эти данные научной ценности. «Обработка подворных сведений о крестьянском хозяйстве будет неудовлетворительной,— писал В. И. Ленин по поводу такого же недостатка саратовского «Свода статистических сведений»,— пока «промышлены» крестьян не будут распределены по их экономическим типам, пока среди «промышленников» не будут отделяться хозяева от наемных рабочих»²². По смоленскому «Сборнику» осуществить такое отделение трудно, если вообще возможно.

В Государственном архиве Смоленской области удалось обнаружить 210 подворных бланков обследования крестьянского хозяйства в Дорогобужском уезде, проведенного в 1900 г.²³; наличие первичного материала облегчило источниковедческий анализ смоленских земских статистических сборников. В частности, обнаружилась неточность данных об урожайности. В подворных бланках количество хлеба, собранного в крестьянском хозяйстве, было определено путем перемножения данных о высеве семян на число «самов», оказавшихся одинаковым как для бедняцких и середняцких дворов, так и для зажиточных. Если таким способом вычисления сбора хлеба можно получить удовлетворительные «средние» данные (т. е. по группе середняцких и отчасти бедняцких хозяйств), то по группе зажиточных показатели должны быть явно заниженными (по вполне понятным причинам).

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 86.

²³ ГАСО, ф. 1188 (Волочковское волостное управление Дорогобужского уезда), д. 1—6.

шам: урожайность в кулацком хозяйстве была выше, чем у остальных крестьян).

Объективности ради отметим, что недостатки земского статистического сборника отчасти объяснялись и условиями, в которые были поставлены земские статистики. Министерство внутренних дел потребовало исключить из программы обследования ряд пунктов. Смоленское губернское земское собрание пришло к выводу, что при исполнении министерских требований «правильная организация земских статистических исследований невозможна»²⁴. О трудностях, с которыми связана работа земских статистиков, хорошо известно из их воспоминаний²⁵.

Думаю, нет необходимости продолжать источниковедческий разбор данных, содержащихся в «Сборнике статистических сведений», это бы заняло много места и отвлекло бы от основной задачи статьи.

Прежде чем перейти к изложению приемов, с помощью которых удалось в какой-то мере нейтрализовать несопоставимость и неполноту определенных данных, позволю себе рассказать сначала о принятой мной группировке крестьянских хозяйств. Это необходимо потому, что приемы обработки источника с целью добиться более или менее удовлетворительной сопоставимости сведений применялись преимущественно в рамках установленных социальных групп, а следовательно, только в этих рамках и могут быть поняты.

В смоленском статистическом сборнике в основу положена группировка крестьянских хозяйств по наделу, что, в силу уравнительности надельного землепользования, серьезно затрудняет обработку данных земской статистики. Отсутствует группировка по площади посева — одному из важнейших показателей, позволяющих судить о состоятельности крестьян. Этот недостаток восполняется возможностью сгруппировать их по числу рабочего скота. Лошадь в Смоленской губернии была основной тягловой силой, с помощью которой производились все сельскохозяйственные работы (вспашка, заделка семян, уборка урожая), транспортировка грузов и т. д. Обеспеченность лошадьми является, таким образом, довольно верным показателем состоятельности крестьянского двора и того объема производства, который может быть ему под силу. В то же время этот показатель обладает достаточной устойчивостью; «хозяйственные невзгоды покрываются сначала и больше коровой, чем лошадью, которая продается по большой нужде и когда уже нет ничего другого»²⁶. Одним словом, группировка по числу рабочего скота дает возможность по-

²⁴ ГАСО, ф. 1 (канцелярии смоленского губернатора), оп. 5, 1887 г., д. 17, лл. 17—18, 25.

²⁵ Белоконский И. П. Деревенские впечатления (из записок земского статистика). СПб., 1900.

²⁶ Сборник статистических сведений по Смоленской губернии, т. I, вып. II, с. 91.

лучить приближенное к действительности представление об основных слоях крестьянства, об удельном весе их по числу дворов, в населении, по количеству лошадей, приходящихся на их долю.

Однако группировка по числу рабочего скота не может дать вполне точных данных по этим вопросам. Прежде всего она оказывается недостаточно результативной для характеристики зажиточной верхушки. Среди сельской буржуазии важное место занимали владельцы мельниц, предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, постоянных дворов, кабаков, лавок и других торговых заведений, а также ростовщики. Обеспеченность скотом в таких случаях лишь частично отражала действительную состоятельность крестьянского хозяйства. Далее, в помещичьих имениях Смоленской губернии были широко распространены отработки, а это означало, что крестьянство вынуждено было сдерживать какое-то количество лошадей для обработки помещичьих земель. Поскольку степень участия крестьян различных групп в отработках, как известно, была различной, названное обстоятельство оказывает определенное влияние на цифровые показатели, которые получает исследователь в результате его усилий, направленных на выделение в составе крестьянства новых социальных групп. В той местности, где помещики продолжали вести отработочное хозяйство, крестьяне, главным образом середняки, для получения в собственном хозяйстве одинакового результата с крестьянами той местности, где отработки стали анахронизмом, должны были больше иметь лошадей. В некоторых волостях большое количество лошадей было занято в «промышленах» (в основном в извозе), причем в промыслах с лошадью участвовали не все крестьяне, а лишь зажиточные.

Исследователь должен учитывать эти обстоятельства, группируя крестьянские хозяйства по числу рабочего скота. Но из сказанного следует еще, что такая группировка должна быть дополнена группировкой по иному признаку. Напомним, что на возможность и необходимость в определенных случаях комбинирования признаков группировки указывал В. И. Ленин. «Когда крестьянство соединяет в широких размерах и земледельческие и промысловые занятия,— писал он,— необходима комбинация двух указанных систем группировки, т. е. группировки по размерам и типам земледелия и группировки по размерам и типам «промышлов»²⁷.

Учитывая недостатки группировки по числу лошадей, мы произвели еще группировку по продуктивному скоту (по коровам).

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 96. Здесь В. И. Ленин высказался по вполне конкретному поводу (соединение земледелия с промысловый деятельностью), но было бы неверным трактовать это высказывание в том смысле, что комбинация признаков неприменима в других, не названных В. И. Лениным случаях.

Этот признак является весьма существенным для характеристики крестьянского хозяйства. Отсутствие коровы служит первым показателем обнищания крестьянина, а зажиточного крестьянина, как правило, характеризует наличие большого количества не только рабочего, но и продуктивного скота. Группировка по числу коров имеет даже одно важное преимущество: крестьянская лошадь иногда используется и вне хозяйства — для обработки помещичьих земель и в неземледельческих занятиях, а корова нужна только для обеспечения крестьянской семьи определенными продуктами питания и для производства навоза.

Группировка по числу продуктивного скота дала в принципе те же результаты, что и группировка по лошадям (разница составляет один — два, иногда несколько процентов). Так, безлошадных по шести уездам Смоленской губернии, обследованным земскими статистиками в середине и второй половине 80-х годов, было 25% к общему числу крестьянских хозяйств, а бескоровных — 24; однолошадных — 30,4, однокоровных — 33,3%; двухлошадных — 29,3, двухкоровных — 26,4% и т. д. По отдельным уездам разница между соответствующими группировками по рабочему и продуктивному скоту оказалась более значительной. Например, в Дорогобужском уезде однолошадные составляли 22,5, а однокоровные — 30,6%²⁸. В этом уезде был развит извоз, и обеспеченность лошадьми здесь была выше, чем в уездах, где извоз не был распространен в той же мере²⁹.

Перед исследователем сразу же возник вопрос о наименовании выделенных групп. Изучение экономического строя крестьянского хозяйства привело к выводу о том, что однолошадные вместе с безлошадными должны быть включены в состав бедноты, а двух- и трехлошадные — в состав середняцкого слоя. По свидетельству экономистов конца XIX в., «сил одной среднего качества лошади, при принятом в России способе культуры полевых растений, достаточно приблизительно для обработки пяти десятин посева»³⁰. Конечно, эти «средние» показатели для всей

²⁸ Будаев Д. И. Разложение крестьянства Смоленской губернии в пореформенный период (по данным земской статистики). — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», 1963. Вильнюс, 1965, с. 628—629.

²⁹ В последнее время вопрос о комбинировании признаков при изучении социальной структуры крестьянства довольно обстоятельно разработан Р. М. Ивановой, исследовавшей новый массовый источник — описание крестьянского хозяйства, хранящиеся в фонде Крестьянского поземельного банка (Иванова Р. М. Материалы Крестьянского поземельного банка как источник для изучения социально-экономических отношений в деревне в конце XIX — начале XX в. (подворные списки заемщиков Московского, Пензенского, Курского, Могилевского отделений банка). — Рукопись дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. МГУ, 1973.

³⁰ Короленко С. А. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих, в связи с статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях. — В кн.: Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев, вып. V. СПб., 1892, с. 41.

России с ее разнообразными условиями и для крестьян «вообще», без учета их состоятельности, должны использоваться с известной осторожностью. Что касается Смоленской губернии, то с учетом сказанного выше об использовании крестьянских лошадей в помещичьих имениях и в извозе, трудоемкости сельскохозяйственного производства в нечерноземной полосе следует признать, что здесь действительно «среднего качества лошадь» (иными словами, лошадь крестьянина-середняка) не может обработать более 5 десятин. Следовательно, для обработки обычных для середняцкой семьи двух-трех наделов (от 8 до 13,5 десятин) нужно иметь минимум две, а лучше три лошади. Вряд ли стоит доказывать принципиальное значение определения выделенных по лошадности групп; достаточно, например, «передвинуть» трехлошадных в состав зажиточного крестьянства, как меняется вся картина: середняцкий слой резко сокращается, а кулацкая верхушка сильно возрастает.

По принятому нами делению к зажиточным причисляются имеющие четырех и больше лошадей. Между тем в земском «Сборнике статистических сведений» выделены только безлошадные, однолошадные, двухлошадные и имеющие трех и более лошадей (то же в отношении коров).

Выделить многолошадных и многокоровных помог очень простой прием — система уравнений с двумя неизвестными. В словесном изложении он может показаться довольно громоздким, но все же позволю себе кратко его изложить. Общее количество лошадей известно. Подсчеты количества рабочего скота, находящегося в распоряжении одно- и двухлошадных, не представляют труда. Путем вычитания второго итога из первого получаем данные о количестве скота у трех- и многолошадных, вместе взятых. Принимаем всех крестьян высшей группы за трехлошадных, и от цифры, показывающей действительное количество рабочего скота у этой группы, вычитаем то количество скота, которое было бы у них, если бы они все имели по три лошади. Полученная разность принимается за число дворов, имеющих по 4 лошади, остальные причисляются к трехлошадным. Таким же образом были выделены крестьяне, имевшие по 4 и более коров.

Нетрудно понять, что этот прием дает преуменьшенные данные о числе дворов и количестве лошадей и коров по группе трехлошадных и трехкоровных и преувеличенные — по группе, имеющих 4 и более лошадей и коров. Ведь среди многолошадных и многокоровных, несомненно, встречаются не только имеющие по 4 лошади и 4 коровы, но и по пять, шесть и т. д. лошадей и коров. Чем больше таких богатеев в группе, тем меньше эта группа и соответственно тем больше группа трехлошадных и трехкоровных (ведь в нашем уравнении число крестьянских дворов и общее количество лошадей и коров, им принадлежащих, заранее «заданы» и не могут быть изменены). Тем не менее этот прием позволяет получить представление о численности группы

зажиточных крестьян, более или менее близкое к действительности; ведь крестьян, имевших по 5 и более лошадей и коров, было сравнительно немного. Так, по описи имущества крестьян 28 деревень Хотьковской волости Сычевского уезда (357 дворов — 1016 душ мужского пола), относящейся к 1870 г., не числится ни одного хозяйства, которое имело бы 5 и более лошадей, и только 4 двора имело 5 и более коров (1,1% к общему числу дворов, или 25% к численности крестьян, имеющих 4 и более коров)³¹. И только в многолошадном Дорогобужском уезде прослойка зажиточных крестьян, имевших 5—6 лошадей, была довольно значительной (они занимались извозом). Так, среди 210 хозяев шести деревень Волочковской волости, как видно из подворных бланков земской переписи, проведенной в 1900 г., 28 — имели более 4 лошадей, в том числе половина — по 5 и 6 лошадей³².

В источнике, как уже говорилось, неполностью была учтена бедняцкая часть деревни (бездемельные). Разумеется, исследователь не может примириться с таким серьезным пробелом. Если бы пропуски земских статистиков одинаково (или примерно одинаково) распространялись и на бедноту, и на середняцкую часть деревни, и на зажиточных крестьян, то картина в целом (соотношение групп в крестьянстве) пострадала бы мало или не пострадала совсем. В вяземском томе был пропущен целый слой крестьян (не получившие в 1861 г. земли), в статистических таблицах анализировались лишь сведения по надельному крестьянству. Нельзя было без определенных исправлений показатели Вяземского уезда ставить рядом с показателями других уездов ввиду явной их несопоставимости.

В том же вяземском сборнике имелись, однако, сведения об общем числе крестьянских дворов. Достаточно было вычесть из этой цифры число дворов, подвергшихся обследованию, чтобы получить сведения о числе пропущенных безнадельных дворов. Это и дало ключ к исправлению недостатка источника, пропущенные в переписи дворы были причислены к беднейшей группе. Конечно, среди пропущенных могла быть какая-то (естественно, небольшая) часть зажиточных и середняцких хозяйств. Источник не дает возможности учесть их, и исследователю приходится мириться с тем, что причисление пропущенных к бедноте несколько преувеличивает наши данные об удельном весе этого слоя.

Намного труднее и сложнее оказалось увидеть среди зажиточных крестьян владельцев больших участков земли, промышленных предприятий и торговых заведений, а также переселившихся в купленные или пока только арендованные помещичьи усадьбы. Предстоял целенаправленный поиск источников, кото-

³¹ ГАСО, ф. 395 (Хотьковское волостноеправление Сычевского уезда), оп. 1, д. 6.

³² ГАСО, ф. 1188 (Волочковское волостноеправление Дорогобужского уезда), д. 1—6.

рые бы помогли восполнить пробел земского статистического сборника.

Найти в миллионах единиц хранения архивов и библиотек сведения по конкретному вопросу — дело подчас весьма нелегкое. Думаю, что все исследователи с большим или меньшим успехом, с большей или меньшей затратой сил пользуются в этих поисках одними и теми же средствами. Внимательное знакомство с путеводителями по архивам, с тематическими картотеками архивов (там, где они заведены), изучение описей архивных фондов... Иногда исследователь знакомится и с ненужными ему материалами, скажем, описаниями архивных фондов, «просто так», на всякий случай, чтобы знать, где что лежит. Но знакомится он со всем этим не без разбора, а потому, что знает, в каких учреждениях могли отложиться документы, интересующие исследователя. Сознаться, я мало верю в возможность найти ценнейшие документы случайно. Находки, как правило, являются итогом длительного целенаправленного поиска.

Впрочем, одну «случайную» находку все же назову. В Государственном архиве Смоленской области совершенно неожиданно мне попались уже упомянутые выше 210 подворных бланков земской переписи, проведенной в Дорогобужском уезде. Исследователь, когда-либо работавший с материалами земской статистики, поймет мою радость: подворные бланки земских переписей не сохранились, а именно они-то и позволили бы произвести научную группировку первичного материала, выйти за рамки группировки, произведенной земскими статистиками, испортившими ценнейший материал. К большому удивлению моему и работников архива, подворные бланки сохранились... в фонде Волочковского волостного правления³³, содержащем всего 6 единиц хранения, которые, судя по описи, касались положения крестьян. В архиве тысячи единиц хранения характеризуют положение крестьян, историк мог и не обратить внимания на эти ничего интересного не обещавшие дела тощего фонда довольно глухой волости... Имеем ли мы здесь дело со случайностью? Конечно. Но не та ли это случайность, о которой Г. В. Плеханов говорил, что она «является лишь в точке пересечения необходимых процессов»?³⁴

Документы, более полно характеризующие зажиточное крестьянство, чем это сделано земскими статистиками, были обнаружены. Подворные бланки 6 деревень Волочковской области и список крестьян Выгорского сельского общества³⁵ позволили установить факты отступлений в общине от уравнительного принципа распределения земли в пользу зажиточных крестьян,

³³ Там же.

³⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. 2. М., 1956, с 323.

³⁵ ГАСО, ф. 698 (Красноболотовское волостное правление Дорогобужского уезда), д. 1.

сдачи надельной земли бедноты в аренду богатым односельчанам. В фонде Московского земельного банка нашлись документы о получении ссуд под залог земли крестьянами — крупными земельными собственниками³⁶. Интересные данные по этому вопросу оказались в фонде статистического отделения Смоленской губернской земской управы³⁷, в фондах Торбеевского³⁸ и некоторых других волостных правлений.

Более внимательное изучение «Сборника статистических сведений» (по отдельным деревням) позволило и в этом источнике обнаружить данные о деревенских богатеях. Так, в дорожном томе оказались сведения о 6 поселениях крестьян (63 домохозяина) на купчих землях (1662 десятины)³⁹. 35 поселков было образовано на купчих землях духовщинскими крестьянами⁴⁰, 24 — юхновскими⁴¹. Сычевский том «Сборника» зафиксировал случаи аренды зажиточными крестьянами огромных массивов земли и многочисленные факты субаренды⁴². В юхновском сборнике оказались сведения о крестьянах — владельцах промышленных и торговых заведений⁴³.

Не собираюсь излагать результаты исследования добытого материала (они уже опубликованы)⁴⁴ и даже методику анализа его (с нею можно познакомиться там же). Мне хотелось лишь подчеркнуть, что и в хорошо знакомом, изученном источнике, к которому не раз обращались исследователи, можно найти ответы на значительно большее число вопросов, чем принято думать, если отнести к нему более внимательно. В данном конкретном случае пришлось просмотреть цифры статистического сборника по каждой деревне в отдельности, все подстрочные примечания, перечитать текстовую часть каждого тома (нередко в ней содержатся данные, полученные в результате обработки материала, не вошедшего в статистические таблицы), взвесить источниковедческие возможности каждой графы экономических таблиц.

Затраченный на это дополнительный труд был вознагражден, пусть не многими, но все же интересными находками. Приведу один пример. Среди рубрик, по которым сгруппированы сведения в смоленском земском статистическом сборнике, имеется рубри-

³⁶ ЦГА г. Москвы, ф. 277 (Московский земельный банк), оп. 2, д. 3900, 3902, 4015, 4023, 4029, 4046 и др.

³⁷ ГАСО, ф. 815 (статистическое отделение Смоленской губернской земской управы), д. 44. Сведения о мелких частновладельческих хозяйствах и товарищеских владениях по материалам местного обследования 1901 г.

³⁸ ГАСО, ф. 138 (Торбеевское волостное управление Сычевского уезда), д. 28.

³⁹ Сборник статистических сведений по Смоленской губернии, т. V, отд. I, с. 55.

⁴⁰ Там же, т. VI, отд. I, с. 4.

⁴¹ Там же, т. IV, отд. I, с. 3, 17.

⁴² Там же, т. II, таблицы, с. 6—7, 27, 37, 47, 137, 406—407, 437, 477, 497 и др.

⁴³ Там же, т. IV, таблицы.

⁴⁴ Будаев Д. И. Смоленская деревня в конце XIX — начале XX в. К вопросу о темпах, уровне и степени развития аграрного капитализма. Смоленск, 1972.

ка, характеризующая отношение крестьян к надельной земле (всего дворов, имеющих надельную землю, из них дворов, обрабатывающих надельную землю, сдающих часть надела или запускающих, сдающих весь надел, в том числе отдельным лицам, и сдающих миру). Поскольку общее количество дворов известно, нетрудно вычислить, сколько крестьян не получили наделов. Анализ этих сведений позволяет явственно увидеть процесс «раскрестьянивания» деревни. Удалось составить таблицу, показывающую социальную структуру бедноты путем выделения в ней следующих пяти групп:

- 1) *безземельные*, т. е. не получившие земли в 1861 г.;
- 2) *обезземелившиеся* — получившие землю в 1861 г., но впоследствии переставшие вести на ней хозяйство и фактически утратившие право на пользование надельной землей, уже не входившие в состав разверсточных единиц;
- 3) получающие, но *не обрабатывающие* надельную землю, сдающие ее миру или зажиточным односельчанам;
- 4) крестьяне, *обрабатывающие часть* надельной земли;
- 5) часть бедноты, *ведущая хозяйство*, по своему положению ближе остальных примыкающая к середнякам, но находящаяся на грани обнищания и переходящая в разряд «сдающих часть надельной земли», а потом — и «сдающих всю надельную землю»⁴⁵.

Так, благодаря не замеченной ранее возможности земских статистических сборников, с помощью статического по своему характеру источника, зафиксированного положение деревни на одно определенное время, получено представление о динамике процесса разложения крестьянства, стало возможным увидеть, так сказать, этапы «раскрестьянивания».

Таким образом, данные земского статистического сборника использовались мною по-разному: одни сведения подвергались перегруппировке, анализ других требовал поиска новых источников, вместе с которыми они давали более или менее удовлетворительные результаты, третьи предварительно уточнялись и исправлялись. Ряд сведений вообще не был принят в расчет. Так, неземледельческий отход изучался по работе Д. Н. Жбанкова⁴⁶, основанной на данных паспортной статистики, и некоторым другим источникам. Вследствие этого не было никакой необходимости прибегать к отрывочным, собранным без достаточно продуманной методики и плохо обработанным данным земского статистического сборника по этому вопросу.

Многие сведения земской статистики брались мною без всякой корректировки, хотя было известно о их недостаточной со-

⁴⁵ Будаев Д. И. Разложение крестьянства Смоленской губернии в пореформенный период..., с. 631—632.

⁴⁶ Жбанков Д. Н. Отхожие промыслы в Смоленской губернии. Смоленск, 1893; он же. Отхожие промыслы в Смоленской губернии в 1892—1895 гг. Смоленск, 1896.

поставимости. Как уже отмечалось, перепись крестьянского хозяйства проводилась в течение нескольких лет, которые отличались погодными условиями, и в разные сезоны года, вследствие чего сопоставимость данных разных уездов пострадала. Что можно сделать, чтобы устраниТЬ или уменьшить отрицательное влияние названных факторов? В распоряжении исследователя нет никаких сведений, например, о том, сколько скота было продано или зарезано из-за бескорьицы в одном году и сколько лишнего скота былопущено «на племя» в другом уезде и в другом году, когда урожай трав был лучше, как увеличивается количество скота к концу лета по сравнению с весной и т. д. Если бы исследователь попытался вывести каким-либо путем коэффициент поправки, то, как выразился по другому поводу И. Д. Ковальченко, он рисковал бы к ошибкам творцов источника добавить свои собственные ошибки⁴⁷.

Решение пренебречь названным недостатком источника правильно и еще по двум соображениям. Исследователь обнаружил два обстоятельства, отрицательно влияющих на степень сопоставимости изучаемых данных. Но где гарантия, что ему не остались неизвестными другие факторы, влиявшие на степень сопоставимости данных, может быть, в обратном направлении и нейтрализующие отрицательное действие обнаруженных факторов? Мне кажется, что историк не должен забывать, что его знания об источнике в известном смысле относительны, чего-то он о нем пока не знает.

Другое соображение связано с тем, что социальные явления, как бы ни была привлекательна возможность установить их количественные соотношения, не могут быть изучены только с помощью количественных методов. Если, к примеру, на основе вполне добрых статистических источников выведено, что в одной губернии зажиточной верхушки по отношению ко всему крестьянскому населению на один-два процента больше, чем в соседней, то этого еще недостаточно для вывода, в каком из этих районов расслоение крестьянства приобрело наибольший размах и глубину. Только качественный анализ социальных явлений может дать исследователю возможность безошибочно оперировать полученными цифровыми показателями.

В исторической литературе давно ставится вопрос о необходимости иметь единую методику обработки и анализа массовых источников. Сначала речь шла об уставных грамотах и выкупных сделках — массовых источниках реализации «Положения 19 февраля 1861 г.»⁴⁸, в последнее время — об описаниях помещичьих

⁴⁷ Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967, с. 23.

⁴⁸ Неоднократно по этому вопросу высказывался Б. Г. Литвак (Литвак Б. Г. О некоторых спорных вопросах реализации реформы 1861 г.—«Исторические записки», т. 68; он же. Важнейшие итоги и задачи изучения падения крепостного права в России.—«Вопросы истории», 1962, № 1; и др.).

имений⁴⁹ и других источниках. Под руководством И. Д. Ковальченко на историческом факультете МГУ подготовлен ряд диссертаций, в которых сделана попытка разработать методику изучения массовых источников.

Поскольку мне приходилось иметь дело и с уставными грамотами, и с выкупными актами, и с описаниями помещичьих имений, позволю высказать свое мнение по этому вопросу.

Необходимость разработки единой методики изучения массовых источников — очевидна. Этого требует конечная цель исторических исследований по любой проблеме — выявление закономерностей исторического развития, создание по возможности наиболее полной картины исторической действительности в рамках страны или, по меньшей мере, крупных районов. На нынешнем уровне техники исторического исследования (речь идет о преобладающей пока технике) разработка массовых источников, сопряженная с огромной затратой труда, неизбежно ведется в рамках отдельных губерний или областей, даже уездов или районов. Разрабатывая каждый свою методику, историки, не являясь специалистами в области источниковедения, делают это не всегда на достаточно высоком уровне, допускают серьезные просчеты, и это мешает сведению воедино накопленного обширного фактического материала, делает подчас несопоставимыми или мало сопоставимыми данные, полученные исследователями при анализе одного и того же источника, но применительно к разным территориальным единицам.

Необходимость разработки единой методики обработки и анализа массовых источников диктуется и развитием самой техники исторического исследования — все расширяющимся применением математических методов в исторической науке⁵⁰.

Однако вопрос о единой методике не так прост, как может показаться на первый взгляд. Изучение исторической действительности и разработка методики этого изучения — неразрывные диалектически взаимосвязанные процессы. Мне кажется, методика изучения того или иного аспекта исторической действительности не может быть разработана, так сказать, «чистым» специалистом по разработке методик. Он должен быть специалистом

⁴⁹ Селунская Н. Б. К вопросу об изучении описаний помещичьих имений (по материалам Дворянского земельного банка). — В кн.: Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972; она же. Источниковедческие проблемы изучения помещичьего хозяйства России конца XIX — начала XX в. — «История СССР», 1973, № 6.

⁵⁰ Устинов В. А. Применение вычислительных машин в исторической науке. М., 1964; Ковальченко И. Д. и др. Количественные и машинные методы обработки исторической информации. — XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1969; Ковальченко И. Д. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические вопросы. М., 1969; Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972; Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975.

в данной проблеме, по крайней мере, быть хорошо осведомленным в ней, знать состояние ее разработки, цели и задачи, стоящие перед исследователями, прежде чем разрабатывать конкретные пути, средства и методы решения задач. Если вернуться к земским статистикам, то можно прямо сказать, что своей группировкой они испортили ценнейшие данные подворных переписей не потому, что были слабы по части методик, а потому, что не видели в крестьянстве социально разнородных групп, что крестьянство для них было единым «населением земледельческим», и метод средних цифр (в котором, как в одном из методов, нет ничего плохого и который широко используется советскими экономистами и историками) при таком понимании действительности их вполне устраивал. В. И. Ленин, поставивший задачу изучить процесс становления капитализма в России, разработал методику обработки и анализа тех же земских статистических материалов, которая отвечала новым задачам исследования, новому пониманию исторической действительности.

Из этого, на мой взгляд, следует, что более или менее совершенная методика анализа массового источника может появиться только на каком-то определенном этапе разработки проблемы. Приступая к исследованию, историк еще не знает всех возможностей источника — как с точки зрения раскрытия содержания изучаемых процессов, так и с точки зрения его источниковедческих особенностей.

Трудность заключается и в том, что массовые источники сами, как правило, составлялись не всегда по единой методике. Возьмем для примера уставные грамоты. Даже в пределах одной губернии при одном формуляре полнота и достоверность данных этого источника оказывается различной. Так, в Дорогобужском, Рославльском и других уездах Смоленской губернии уставные грамоты составлялись на каждую деревню в отдельности. В Гжатском же и Сычевском уездах во многих случаях в одну уставную грамоту внесены десятки деревень, и некоторые особенности выхода из крепостного состояния в отдельных селениях, в общей на обширное имение уставной грамоте, оказались скрытыми. Одни уставные грамоты составлены самими помещиками, жившими в имении и занимавшимися хозяйством, другие — мировым посредником; и от этого тоже зависит полнота и степень достоверности сообщаемых сведений. В уставных грамотах Бельского уезда размер дореформенного надела часто определялся не вполне определенно, с помощью предлогов «до», «около» и т. д., в то время как во многих имениях других уездов не только площадь надела определялась с точностью до сажени, но перечислялись даже сервитуты.

Единая методика исследования должна касаться какого-то строго определенного минимума показателей. Например, при обработке уставных грамот она должна обеспечить выявление сопоставимых данных о размере дореформенного и пореформенно-

го надела; о числе крестьян, получивших в 1861 г. полный и неполный надел; о числе крестьян, от наделов которых отрезана часть земли и, наоборот, о крестьянах, к наделам которых сделаны прирезки; об отрезке и прирезке в имениях крупных, средних и мелких владельцев, в имениях оброчных, барщинных и со смешанной повинностью и т. д.

Но в массовом источнике останутся сведения, которые по разным причинам не будут подвергнуты статистической обработке по единой методике. Эти сведения останутся за «бортом» единой методики либо потому, что, отражая особенности проявления общей закономерности в данном районе, они встречаются в документах только этой местности, либо потому, что вообще являются уникальными, единичными.

КОНКРЕТНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ «ТАТИЩЕВСКИХ ИЗВЕСТИЙ»

E. M. Добрушкин

Благодаря работам С. Н. Валка, С. Л. Пештича, Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова и других ученых исследованы важные проблемы русской историографии XVIII в.— основные тенденции ее развития, концепционно-исторические и общественно-политические представления историков и т. д. Это дает возможность подойти к дальнейшему изучению историографического наследия XVIII в.— к его источниковедческому анализу. Источниковедческий подход, составной частью которого является текстологическое исследование историографических трудов, позволяет установить отношение автора к предшествующей историографической традиции, выяснить его источниковедческие принципы и источниковедческую базу, проследить за приемами работы историка. Особенно важно это для изучения раннего этапа русской исторической науки— начала XVIII в., когда происходил переход от летописной манеры повествования к составлению собственно исторических трудов и когда рационалистическое объяснение событий прошлого приходило на смену провиденциализму.

Текстологический подход играет первостепенную роль в решении одной из самых старых историографических и источниковедческих проблем — проблемы происхождения «татищевских известий». Напомним, что «татищевскими» принято называть такие оригинальные известия «Истории Российской» В. Н. Татищева, которые не имеют аналогии ни в одном из дошедших до нашего времени источников. Проблема, как известно, заключается в определении источников этих многочисленных оригинальных сообщений двух авторских редакций «Истории». Несмотря на довольно значительный «возраст» проблемы, она не решена до сегодняшнего дня. Как и в предшествующей историографии, в наше время существуют две противоположные точки зрения на вопрос о происхождении неподтвержденных источниками чтений «Истории Российской». По одной из них все эти сообщения восходят к исчезнувшим летописным памятникам, имевшимся в распоряжении Татищева, и поэтому они вполне достоверны. Сторонники

этой точки зрения исходят из тезиса о том, что Татищев переписывал известия бывших у него источников, ничего существенного не внося от себя, лишь комментируя их в примечаниях¹. В качестве доказательства приводится аргумент о «вероятности» «татищевских известий», об их соответствии показаниям известных источников. Слабость этого аргумента, известного со времен Болтина, уже отмечалась в литературе². Дополнительного обоснования безусловно требует и другой, не менее важный и часто используемый аргумент, основанный на том, что некоторые оригинальные сообщения «Истории» как бы дополняют описания событий, имеющиеся в известных источниках. Обратив внимание на это обстоятельство, исследователи делают вывод: следовательно, Татищев пользовался полными редакциями (лучшими списками) известных и сейчас летописей или же вообще неизвестными в настоящее время памятниками. Этот аргумент обычно подкрепляется ссылкой на то, что сам историк среди использованных им источников назвал и такие, которые не обнаружены по сей день, например «Раскольничу» летопись³. На это можно возразить следующее. Если какое-то известие сохранилось в кратком и пространном видах, то возможен не один, а, по крайней мере, два случая взаимоотношения их текстов: либо один вариант сокращен сравнительно с другим, либо другой вариант дополнен относительно первого. Поэтому, «если в одних списках произведения имеются куски текста, отсутствующие в других списках того же произведения,— необходимо определить, вставлены ли эти куски в произведение (в одних списках) или же исключены из него (в других списках)»⁴. Даже если точно известно, что существовали и полная, и краткая редакции текста летописи, то это еще само по себе не означает, что Татищев пользовался именно полной редакцией. Вопрос ведь и заключается в том, на основании чего историк дополнял известные тексты летописи: на основании источников или же собственных рассуждений. Утверждение, что эти «полные известия» содержались имен-

¹ Тихомиров М. Н. Василий Никитич Татищев.—«Историк-марксист», 1940, № 6, с. 43—45; он же. О русских источниках «Истории Российской» В. Н. Татищева.—В кн.: Татищев В. Н. История Российской, т. I. М.—Л., 1962, с. 39—53; Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М.—Л., 1963, с. 252—260; Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965, с. 33—43; он же. Статья 1113 г. в «Истории Российской» В. Н. Татищева.—«Вестник МГУ» (История), 1972, № 5, с. 79—89 и др.; Рыбаков Б. А. В. Н. Татищев и летописи XII в.—«История СССР», 1971, № 1, с. 91—109; он же. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 184—276 и далее.

² Шахматов А. А. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева.—В кн.: Дела и дни, кн. 1. Пг., 1920, с. 94, 95; Пештич С. Л. О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 года.—«Исторические записки», т. 18, с. 327; и др.

³ См., например, Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской», с. 49; его же. Василий Никитич Татищев, с. 55.

⁴ Лихачев Д. С. Текстология. Краткий очерк. М.—Л., 1964, с. 40.

но в неизвестных теперь татищевских источниках, также следует подкрепить аргументами: ведь неизвестные татищевские летописи могли содержать в себе эти известия, но могли и не содержать их. Степень вероятности в данном случае логически одинакова.

Довольно часто приходится сталкиваться и с аргументами общего характера в защиту достоверности оригинальных чтений «Истории»: Татищеву незачем было «изобретать» эти сведения⁵, «татищевские известия» конкретны, содержат в себе такие мелкие подробности описания событий, которые Татищевым не могли быть выдуманы⁶. Но если нам неизвестны мотивы, которыми мог руководствоваться историк XVIII в. при создании своих известий, то это никак не означает, что подобных мотивов не было или не могло быть. Вопрос заключается не в том, мог или не мог Татищев «выдумывать» сведения, а в том, действительно ли они взяты из какого-то источника или же принадлежат Татищеву, вышли из-под его пера.

Другая часть исследователей считает, что «татищевские известия» созданы самим автором «Истории Российской», причем как при написании I, так и II редакций⁷. Свой вывод о недостоверности оригинальных сообщений «Истории» исследователи обосновывают специальным анализом конкретных сообщений Татищева и текстов источников — летописей. Широкое исследование «Истории Российской» было предпринято С. Л. Пештичем, работы которого имеют важнейшее значение в изучении проблемы происхождения «татищевских известий». В основе исследования С. Л. Пештича лежит изучение самих текстов «Истории», ее источников и других сочинений историка. Ученому удалось доказать принадлежность целого ряда оригинальных сообщений «Истории» перу Татищева и выявить большую редакторскую работу историка по созданию этих сообщений в обеих редакциях «Истории». Основные выводы С. Л. Пештича, несмотря на неод-

⁵ «Нет никакого основания предполагать, что Татищев по неизвестной причине выдумал это известие», — писал М. Н. Тихомиров об одном оригинальном чтении «Истории» (Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской», с. 48).

⁶ И. И. Смирнов писал: «невозможно допустить, чтобы Татищев выдумал фактическую дату съезда» (Смирнов И. И. Указ. соч., с. 259). А. Г. Кузьмин утверждает: «В рассказе же В. Н. Татищева имеются и такие подробности, выдумывать которые не было смысла при любой оценке событий» (Кузьмин А. Г. Статья 1113 г..., с. 84).

⁷ Пештич С. Л. Указ. соч., с. 327—335; он же. Русская историография XVIII в., ч. I. Л., 1961, с. 222—262, ч. II. Л., 1965, с. 124—163; Валк С. Н. Татищевские списки «Русской Правды». — В кн.: Материалы по истории СССР, т. V. М., 1957, с. 622—626; он же. «Вельможи» в «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В кн.: Литература и общественная мысль Древней Руси (ТОДРЛ, т. XXIV). Л., 1969, с. 349—352; Сазонова Л. И. Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В. Н. Татищева. — В кн.: Памятники русской литературы X—XVII вв. (ТОДРЛ, т. XXV). М.—Л., 1970, с. 29—46, и др.

нократную попытку опровергнуть их, остаются в силе и сейчас. Однако рамки общего исследования по историографии XVIII в. не позволили С. Л. Пештичу до конца решить проблему происхождения «татищевских известий»; для этого необходимо специальное монографическое исследование «Истории Российской» В. Н. Татищева.

Таким образом, в настоящее время вопрос о происхождении «татищевских известий» в целом остается открытым⁸. В то же время перед всеми современными исследователями истории Древней Руси стоит вопрос о возможности использования оригинальных чтений «Истории Российской». По нашему мнению, к не подтвержденным источниками сведениям Татищева следует относиться так же, как принято подходить к еще не проверенному источнику: их можно использовать только с оговоркой о том, что происхождение их еще неизвестно. И, конечно, нельзя строить какие-либо доказательства только на основе «татищевских известий».

* * *

Долгое время решение «татищевской проблемы» тормозилось отсутствием научного издания «Истории Российской». Теперь же в распоряжении исследователей имеется подготовленное на высоком научном уровне академическое издание труда Татищева⁹. Но для плодотворного изучения проблемы необходимо, на наш взгляд, наметить методику анализа «Истории Российской». В данной статье мы попытаемся изложить методику исследования «татищевской проблемы», основанную на предшествующей историографии и на собственном опыте в исследовании «Истории Российской».

Знакомство с богатым историографическим наследием проблемы показывает, что только изучением отдельно взятых «татищевских известий» решить проблему невозможно. Необходимо систематическое исследование *всего текста* «Истории Российской» по двум редакциям, которое заключается прежде всего в сравнительном анализе татищевского текста с источниками. К такому анализу необходимо привлечь весь комплекс известных сейчас древнерусских памятников, в которых содержатся сведения по проблемам, затронутым в «Истории». В процессе анализа выявится весь комплекс оригинальных чтений обеих редакций «Истории», а также может быть изучена творческая лаборатория самого автора — В. Н. Татищева.

⁸ Подробный анализ советской историографии изучения «Истории Российской» см.: Валк С. Н. «История Российской» В. Н. Татищева в советской историографии.— В кн. Татищев В. Н. История Российской, т. VII. Л., 1968, с. 5—29.

⁹ Татищев В. Н. История Российской, т. I—VII. М.—Л., 1962—1968. Далее при ссылках на это издание римской цифрой обозначается номер тома, арабской — страница.

Выявление комплекса «татищевских известий» позволяет систематизировать их, разделить на группы по различным признакам, главнейшим из которых может являться тематический¹⁰. Наличие определенных групп оригинальных сообщений делает возможным изучение сразу нескольких «известий», тогда как зачастую выяснение вопроса о происхождении каждого из них в отдельности бывает затруднительно. Так, С. Л. Пештич выявил целую группу «татищевских известий», относящихся к русско-болгарским отношениям XI—XII вв., и доказал принадлежность их самому Татищеву¹¹. С. Л. Пештич обратил внимание и на другие группы оригинальных «известий» «Истории»: речи, письма, сведения о градостроительстве и т. п.¹².

Каждое конкретное «известие» может быть рассмотрено и в цепи «известий» других групп. Изучение текста «Истории» показывает, что почти каждое оригинальное чтение Татищева связано по смыслу с целой группой других «известий», находящихся в том же рассказе (сообщении) или же разбросанных в различных местах «Истории». Например, известный «договор» Владимира с волжскими болгарами оказывается связанным не только с упоминавшейся группой оригинальных чтений «Истории» о русско-болгарских отношениях, но и с многочисленными «татищевскими известиями» «торгового» характера, относящимися к XI—XII вв.¹³ В рассказе «Истории» о нападении половцев на Русь в 1185 г. также можно выделить несколько «известий», которые взаимосвязаны, подчинены единой цели. Так, Татищев дает дополнительные по сравнению со всеми известными источниками сообщения о действиях половцев у Переяславля, Римова и Путивля. Летописи рассказывают, что половцы причинили много вреда этим городам; татищевские же дополнения совершенно очевидно уменьшают успех половцев: у Переяславля «половец же много в той час паде» и они «отступиша от града за днище»; Римов им взять все-таки удалось, но (по Татищеву) только тогда, когда оттуда ушла «лучшая дружина». Там также «много их паде». В сообщении о нападении половцев на Путивль Татищев подчеркивает, что они «града не взя» и отступили, «много у града погубя»¹⁴.

¹⁰ В современной литературе иногда неправомерно сужается круг «татищевских известий» указаниями на необходимость учитывать только «факты», присущие исключительно «Истории». Но такой подход влечет за собой произвольный отбор «известий». На наш взгляд, настоящий комплекс оригинальных чтений Татищева может быть выявлен только при текстуальном сличении «Истории» с известными источниками путем тщательного фиксирования любого рода отличий татищевского текста от этих источников.

¹¹ Пештич С. Л. О «договоре», с. 330—333.

¹² Пештич С. Л. Русская историография XVIII в., ч. I, с. 248—249.

¹³ Пештич С. Л. О «договоре», с. 330—333.

¹⁴ Татищев В. Н. IV, 304—305; спр.: ПСРЛ, т. I. Л., 1926, стб. 399, т. II М., 1962, стб. 646—649.

Выявление всего комплекса «татищевских известий» дает возможность также определить их функции в тексте «Истории». Определение функции каждого «татищевского известия» позволит ответить на вопрос: чем отличается сообщение или рассказ «Истории» от аналогичного сообщения или рассказа известного нам источника? Анализ показывает, что большая часть «известий» Татищева поясняет летописные сообщения, мотивируя поступки людей. Причем часть таких объяснений как бы логически вытекает из летописного текста, как бы подразумевается им. Например, в «речи» половецкого князя Кончака, предлагающего напасть на Киевскую область (где были убиты многие половцы во главе с «Бонаком»), мы находим «вставку» — «и помстимся крови их»¹⁵. А в татищевском сообщении о просьбе Переяславского князя Владимира о помощи находим дополнение: «Владимир же, опас имея, да не паки половцы возвратятся приидут, посла ко Святославу...»¹⁶ (дополнение выделено). Другие же объяснения совершенно независимы от текста источника, не вытекают из него.

Часть «татищевских известий» как бы уточняет известные по летописям сообщения, дополняет их именами людей, названиями населенных пунктов и рек, датами, привносит оценку событий и т. д.

Целый ряд «известий» появился в тексте уже I редакции «Истории» из-за ввода в нее других оригинальных чтений. Эти «обусловленные» сведения играют роль поддержки «татищевских известий», согласовывают их с летописными фактами. Так, например, в татищевском рассказе о приходе половцев на Русь в 1113 г. появилось имя князя Олега (в летописи — Давид): эта замена имени обусловлена вводом в текст «Истории» нескольких других «известий» под тем же 1113 г.¹⁷

Анализ всего комплекса «известий» Татищева должен показать, какую роль в тексте играют все оригинальные чтения «Истории Российской».

Сплошное изучение всего текста «Истории» делает возможным не только анализ «вставок» (относительно известных сейчас источников), но и того, как историк делал эти вставки, т. е. делает возможным раскрытие приемов составления им «Истории», редакторской работы Татищева. Большое значение здесь имеет выяснение отношения Татищева к источникам. Для изучения всех указанных вопросов необходимо определить источники всего текста «Истории»; соответственно будет определен источник

¹⁵ Татищев В. Н. IV, 304; ср. с Ипатьевской летописью (только в ней и ее списках читается аналогичный текст) ПСРЛ, т. II, стб. 646.

¹⁶ Татищев В. Н. IV, 304—305; ПСРЛ, т. II, стб. 647.

¹⁷ Добрушкин Е. М. О двух известиях «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1113 г.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. III. Л., 1970, с. 288—289.

контекста, в который введено «известие». Татищев далеко не всегда просто переписывал летописи и другие источники, а использовал их зачастую для составления новых, сводных сообщений и рассказов. Иногда «мозаика» составлена историком довольно просто: в основу положен определенный рассказ, а из другого рассказа (другой летописи) в первый сделаны дополнения. Так создан Татищевым рассказ о походе русских князей на половцев в 1185 г. За основу взят рассказ Ипатьевской летописи, а из Радзивиловской — попало лишь два отрывка. Иногда же «мозаика» составлена Татищевым из довольно мелких частей, взятых из двух и более летописей. Именно так составлен рассказ «Истории» под 1132 г. о событиях после смерти князя Мстислава (от слов «По преставлении Мстиславли послаша кияне» до «а зая Переяславль, волость сыновца своего» [IV, 189]). Большая часть этого татищевского отрывка основана на тексте Радзивиловской летописи, в который вкраплены и значительные по объему, и совсем небольшие сообщения Ипатьевской и Никоновской летописей¹⁸. Причем Татищев не механически «пригонял» куски из различных источников друг к другу, а согласовывал их, частично изменяя летописный текст, иногда же вводя для этого свой собственный.

Если обнаруживается «мозаика», то могут быть поставлены следующие вопросы: каким образом историк делал вставку в текст-основу из вспомогательного источника — в виде пересказа или же цитат; почему Татищев за основу взял ту, а не иную летопись, когда эти летописи имеют разные сообщения об одном и том же событии; оставлял ли Татищев противоречия между текстами использованных им источников и т. п. Выявляя источники для каждого отрывка «Истории», можно попытаться установить, в каких именно случаях историк вводил свои «известия»: только ли тогда, когда его рассказ составлен из нескольких летописных рассказов¹⁹ или же и при использовании сообщения одной летописи.

По тексту «Истории Российской», соответствующему известным источникам (а такой текст занимает большую часть татищевского сочинения), можно установить, как историк относился к источникам. Наряду с совершенно точной передачей текста летописи мы часто сталкиваемся и с такими приемами редакторской работы: перестановка слов в предложении²⁰, перестановка предложений в рассказе, соединение двух сообщений, данных в

¹⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 301—302; т. II, стб. 294—295; т. IX. М., 1965, с. 157.

¹⁹ Это наблюдается, например, в упоминавшемся рассказе под 1132 г.: в мозаичном рассказе введено несколько «известий», самые крупные из которых вставлены в начало (от слов «послы своя» до «на княжение») и в конец рассказа (от слов «Негодоваша бо» до «волость сыновца своего»).

²⁰ Точно переписывая фразу Ипатьевской летописи под 1113 г. «Се же слышав Владимир поиде в Киев», Татищев располагает слова в таком порядке: 4—2—3—1—5—6—7 (Татищев В. Н. IV, 179).

летописи под разными годами, в одно²¹. Также встречается перевод летописных дат с церковного календаря на гражданский²², изменение лексики и т. д.

Для изучения редакторских приемов Татищева интересны такие сообщения «Истории», которые построены на явном непонимании историком переписываемого им текста и о которых мы с уверенностью можем говорить как о татищевских. Такое сообщение выявлено Л. И. Сазоновой в рассказе «Истории» под 1185 г. о нападении половцев на Римов. Неправильное понимание Татищевым летописных слов о падении городских стен («городниц») привело к возникновению в его рассказе сведений о «городничих», которые якобы вывели за собой из города «лучшую дружину», что и явилось причиной падения города Римова под ударами степняков²³.

М. Н. Тихомиров, доказывая тезис о достоверности сведений «Истории», писал, в частности: «Представить же себе дело таким образом, что Татищев правильно передавал текст Ипатьевской летописи, а затем неожиданно, по какой-то причине, выдумывал отдельные известия, имеющие полнейшее правдоподобие, совершенно невозможно»²⁴. Этот аргумент повторяют все без исключения сторонники достоверности татищевских сообщений, хотя отношение Татищева к этому источнику еще никем из них не выяснялось. Изучение того, как историк передавал текст источников — «правильно» или «неправильно» — на протяжении всей «Истории» и даст возможность проверить этот аргумент, выяснить, действительно ли «неожиданно» появляются «татищевские известия».

Каждое «татищевское известие» следует также проанализировать с точки зрения соответствия его форме и содержанию русских летописей, так как все сообщения «Истории» (I редакции) написаны в летописной манере. Прежде всего надо установить, соответствуют ли факты «Истории» фактам летописей и вообще источников, известных в настоящее время. Наличие противоречия между сообщениями Татищева и источников может в какой-то степени свидетельствовать о принадлежности этих «известий» перу историка. Конечно, в отдельном случае можно допустить, что ошибка (или разночтение) принадлежит не Татищеву, а источнику, которым он пользовался. Но допустить наличие систем-

²¹ Под 1122 г. Татищев записывает сообщение о приходе митрополита Никиты из Царьграда и поставлении им Симона владимирским епископом. О Никите летописи говорят под 1122 г., а о епископе — под 1123 г. (*Татищев В. Н. IV, 183; ПСРЛ, т. I, стб. 292 и 293; т. II, стб. 286 и 287*).

²² Например, под 1132 г. в «Истории» читаем «15 августа» вместо летописного «на Госпожин день» (*Татищев В. Н. IV, 189; ПСРЛ, т. I, стб. 302; т. IX, с. 157*).

²³ Сазонова Л. И. Указ. соч., с. 33—34. Аналогичный случай см.: Добрушин Е. М. К истории похода русских князей на половцев в 1185 г.— «Украинский исторический журнал», 1972, № 8, с. 108—110.

²⁴ Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской», с. 49.

матических ошибок в источниках довольно трудно. Для того, чтобы ответить на вопрос о происхождении таких «известий», необходимо выяснить, случайны ли эти ошибки или они в какой-то мере отвечают представлениям самого историка о факте, связанны с другими «известиями» и т. д. Так, например, совершенно правдоподобно выглядит рассказ I редакции «Истории» о попытке князя Олега занять Киевский стол в 1113 г. Но в нем обнаруживается, например, такая ошибка: Мстислав дважды назван «юным» князем, тогда как ему в 1113 г. было 37 лет. Специальный анализ показал, что этот рассказ написан самим историком на основании записи Никоновской летописи под 1125 г.²⁵

Соответствие «татищевского известия» необходимо проверить и относительно других оригинальных чтений обеих редакций «Истории», т. е. выяснить, насколько согласованы между собой «татищевские известия». Иногда могут быть обнаружены такие несоответствия. В тексте I редакции есть не известное летописям сведение о том, что половцы потребовали за попавшего к ним в плен князя Игоря выкуп 2000 гривен. Во II редакции это «известие» расширяется: за Игоря половцы просят те же 2000, а «за прочих князей по 1000, а за воевод по 200 и по сту гривен». В татищевском же сообщении о возвращении из половецкого плена (1188 г.) брата Игоря — Всеволода говорится, что половцы отпустили его только тогда, когда он обещал «за себя заплатить 200 гривен серебра» (IV, 305; III, 138 и 145). А ведь выше сам Татищев писал, что за князей половцы требовали не 200 (выкуп воеводы), а 1000 гривен.

Интересный материал может дать также выяснение вопроса о том, насколько оригинальные сообщения Татищева согласованы со всем текстом «Истории» и с другими его же работами. Приведем один пример. Только «История» Татищева сообщает о съезде князей в 1113 г. под руководством Владимира Мономаха,— источники молчат об этом. Известие об этом «съезде» имеется в обеих редакциях «Истории» в статье 1113 г., причем текст статьи связан с этим съездом и еще раз подтверждает дату (он собирается между знаменитым восстанием киевлян 17—19 апреля и женитьбой Романа Владимировича в сентябре 1113 г. [IV, 180]). Однако в 36-й главе I части «Истории», как уже заметил И. И. Смирнов, сам Татищев датировал «съезд» совершенно неприемлемой датой — 1126 г. (I, 328—329), т. е. после смерти Мономаха. В примечании № 176 ко II редакции историк снова указывает на 1113 г., так как там речь идет о «начале владения» Мономаха (II, 231). Как видим, только в самой «Истории» имеется две даты одного и того же события, источник сообщения о котором неизвестен. Привлекая к анализу другие работы Татищева, непосредственно с «Историей» не связанные, мы опять обнаруживаем противоречия в датировке «съезда». В так

²⁵ См.: Добрушкин Е. М. О двух известиях «Истории Российской», с. 284—290.

называемом «Лексиконе Российском» Татищев опять указывает на 1113 г.²⁶; в «Напоминании на присланное расписание высоких и нижних государственных и земских правительств» мы находим уже новую дату — 1124 г.; и наконец, «Представление о купечестве и ремеслах» Татищева датирует этот «съезд» 1125 г.²⁷ Таким образом, обнаруживается несколько дат одного и того же события, причем разница между ними существенная — примерно 12 лет.

Не имеющие подтверждения в источниках, татищевские сообщения могут быть проанализированы с точки зрения стиля, идейной направленности, языка и т. д., т. е. соответствуют ли они и в этом летописным известиям. Значительный интерес представляет анализ языка оригинальных чтений Татищева. Известно, что все они написаны как бы на древнерусском языке, но тем не менее оказывается, что именно в оригинальных известиях «Истории» обнаруживаются слова, которых не знают древнерусские источники. Характерно в этом смысле употребление Татищевым союза «ач»: он неизвестен в древнерусском языке (во всяком случае такая сокращенная форма союза «аче» — «аше», как можно было бы предположить, не зафиксирована в словарях²⁸). Именно этот союз мы обнаруживаем в многочисленных сообщениях I редакции, причем в одних случаях «ач» используется в функции союза «аче», а в других случаях в совершенно иных значениях, неприсущих «аче» (например, как союз «но»). «Ач» встречается в тексте «Истории» около 100 раз, причем именно в тех отрывках, которые могут быть охарактеризованы как переработка известных летописных сообщений, либо вообще не имеют аналогии в источниках²⁹. В оригинальных «известиях» Татищева обнаруживаются также и грамматические ошибки, например, неправильное использование двойственного числа³⁰.

²⁶ Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской, сочиненный... Василием Никитичем Татищевым, ч. I. СПб., 1793, с. 214.

²⁷ Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950, с. 199; «Исторический архив», т. VII, с. 412. А. Г. Кузьмину, претендующему на окончательное решение вопроса об этом «известии», как полностью достоверном, приведенные здесь факты остались, к сожалению, неизвестными (см. Кузьмин А. Г. Статья 1133 г. ..., с. 87—88).

²⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стб. 33—36; Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. I. М., 1975, с. 59—60.

²⁹ См.: Татищев В. Н. IV, 157 (2 раза), 174 (2), 180, 186, 188 (2), 189, 197 (2), 198, 202—203, 205 (3), 207, 213, 214 (2), 217, 231, 237, 239, 241, 244, 247, 252, 258, 272, 274 (2), 276—277, 280, 282, 287, 291, 296, 297 (4), 298, 300, 302—304, 305 (2), 307 (3), 310, 313, 316 (2), 322 (3), 325, 328 (2), 329 (3), 332 (3), 335 (2), 342 (4), 344 (2), 348 (2), 350, 352—353 (2), 355 (3), 357 (2), 361, 363, 364—365, 367 (2), 374 (2 раза).

³⁰ См.: Чемерицкий В. А. Белорусские летописи как памятники литературы.— Рукопись дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Минск, 1967, с. 55—56. Для выяснения вопроса о происхождении языка и грамматики «татищевских известий» необходимо проанализировать язык всего текста I ре-

Следующий этап работы одинаково важен для выяснения вопроса о происхождении «татищевских известий» как I, так и II редакций «Истории Российской». Это — систематическое слияние обеих редакций друг с другом. Сравнивая текст I редакции с текстом II, необходимо прежде всего выделить все новые «известия» II редакции относительно I (и известных источников), а также амплификации (т. е. распространения, расширения текстов), имеющихся в I редакции. Все новые сведения и амплификации II редакции необходимо также классифицировать и сгруппировать, как это может быть сделано для «известий» I редакции. Наличие такой классификации даст возможность сравнить ее с классификацией «известий» I редакции, выяснить, совпадают ли группы «известий» обеих редакций по тематике, по способу ввода их в текст и т. п. Таким образом можно будет выяснить, имеется ли какая-нибудь связь между этими двумя системами и, следовательно, между принципами работы Татищева над текстами двух редакций «Истории Российской».

Важно выяснить, какие именно места текста I редакции подвергались обработке и, главное, амплификации при написании Татищевым II редакции «Истории»: только ли (или в основном) «татищевские» чтения I редакции или же основанные и на доступных нам источниках? Изучение одной татищевской статьи (1113 г.), например, показало, что почти все «татищевские известия» этой статьи I редакции предстают во II в амплифицированном виде. Дальнейшая разработка Татищевым именно этих сообщений при написании II редакции в некоторой степени может являться свидетельством того, что уже в I редакции они принадлежат перу самого историка. В противном случае придется допустить, что у историка нашелся какой-то (неизвестный) источник для определенного «известия» при написании I редакции. А позже, при работе над II редакцией, появился еще один (опять-таки нам не известный) источник, в котором тоже имелись сведения о том же событии, но только более полные, чем известные по сохранившимся до наших дней летописям и по тому источнику Татищева, которым он воспользовался при написании текста I редакции. Некоторые исследователи каждое новое сообщение II редакции относят к новому неизвестному источнику, а амплификации сообщений I редакции объясняют вторичным обращением Татищева к своим прежним источникам (использованным при создании I редакции). Но, во-первых, необходимо объяснить, почему при написании текста I редакции историк не включил то или иное сообщение, а поместил его только во II редакцию; во-вторых, следует выяснить и вопрос о том, действительно ли Татищев в процессе работы над текстом II редакции

дакции, а не только не подтвержденные источниками сообщения «Истории». Это также даст возможность выяснить, насколько точно историк передавал тексты летописей.

обращался к источникам, использованным при написании I. Конкретно это можно установить, проследив за тем, имеются ли такие сведения известных нам (и Татищеву) летописей, которые не попали в I редакцию, но обнаруживаются во II.

Сравнительный анализ двух редакций дает возможность выяснить, не меняются ли в корне сообщения I редакции во II. При наличии во II редакции совершенно неизменных или же просто амплифицированных (с добавлением уточнений, деталей) сообщений I редакции иногда встречаются изменения, значительно преобразующие сообщения I редакции. Примером такого изменения являются известные портреты и характеристики древнерусских князей, по-разному описывающие их внешность и характеры в I и во II редакциях³¹.

Выше были указаны приемы анализа, относящиеся в основном к изучению текста I редакции «Истории». При решении вопроса о происхождении «татищевских известий» II редакции за основу также принимается сравнение этого текста с источниками. Здесь большое значение имеет то, что совершенно определенно известен самый главный источник II редакции — текст I редакции «Истории». Если при написании I редакции историк стремился к тому, чтобы сводить известия из различных источников (в основном летописей), то при создании II редакции Татищев уже заботился (по его же словам) и об удобочитаемости своего труда, стараясь стилистически украсить его и «изъянуть»³². Поэтому-то выявление и анализ редакторских приемов историка при создании II редакции текста имеет большое значение для выяснения вопроса о происхождении «известий» как I, так и II редакций: сравнение методов обработки текстов обеих редакций Татищевым, наличие или отсутствие в них общих черт может дать ключ к решению всей проблемы в целом.

На наш взгляд, для решения вопроса о происхождении «известий» II редакции необходимо в основном проделать все тоже, что и при анализе текста I редакции. Вопрос о выделении комплекса «татищевских известий» в этой редакции «Истории» и его значение был рассмотрен выше. Остановимся на изучении редакторских приемов историка. Во-первых, важно проследить за теми «известиями» во II редакции, аналоги которых в I редакции могут быть с уверенностью отнесены к перу самого Татищева. Например, механически используя известие Никоновской летописи под 1125 г., Татищев уже в I редакции создал новый рассказ о не известном древнерусской истории факте — о походе Олега на Киев в 1113 г. Очевиден тот факт, что все

³¹ См.: Добрушкин Е. М., Лурье Я. С. Историк — писатель или издатель источников? (К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева). — «Русская литература», 1970, № 2, с. 221—222.

³² Татищев В. Н. I, 83 и 91; Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. — «Исторический архив», т. VI, с. 250, 252.

имеющиеся дополнения и изменения текста этого рассказа во II редакции должны быть отнесены не к таинственным источникам, а к творчеству самого Татищева. Анализ разночтений этих текстов по двум редакциям дает богатый материал для характеристики методов и направлений обработки историком текстов³³. Изучение этих методов дает, в свою очередь, материал для выяснения вопроса о происхождении многочисленных оригинальных отрывков «Истории».

При анализе текста II редакции «Истории» необходимо проследить за тем, как, в каком направлении развиваются оригинальные сообщения I редакции. Например, еще в I редакции мы выделили несколько «известий» в рассказе о нападении половцев на Русь в 1185 г., которые, как уже говорилось, уменьшают эффект от успехов половцев. В соответствующих фрагментах II редакции «Истории» мы находим дополнения уже относительно I редакции, которые также не подтверждаются известными источниками. Если в рассказе I редакции под Переяславлем половцев «много паде», то по II редакции — «весьма много побито» их, и указывается, что половцы «принуждены» были отступить. Описание событий у г. Римова по I редакции дополняется сведениями о том, что половцы «возвратились...», не столько русских плена, сколько своих потеряли». У Путиня половцы (по тексту II редакции) не просто понесли урон, но потеряли «паче знатных» и т. д. Таким образом, все три татищевские дополнения I редакции амплифицированы во II, причем новые вставки служат той же цели, что и дополнения в I редакции относительно летописного текста: по II редакции успех половцев становится совсем незначительным и даже более того, получается, что их постигла на Руси неудача. Специальный анализ этих отрывков по обеим редакциям «Истории Российской» показывает, что указанные здесь добавления Татищева к летописям связаны с целым рядом других вставок в рассказ под 1185 г. и служат в основном обоснованию собственной версии историка обстоятельств побега князя Игоря из половецкого пленя³⁴.

В тесной связи с исследованием текста «Истории» необходимо изучать маргинальные пометы и примечания, т. е. то, что совершенно определенно принадлежит перу Татищева. Можно проследить, каким именно сообщениям I редакции историк давал заголовки на полях, каким — во II, как меняются эти заголовки (распространяются, уменьшаются), переходя из I во II редакцию; имеют ли «татищевские известия» I редакции заголовки и соответствующие сообщения во II и т. д. Изучая примечания,

³³ Подробнее см.: Добрушкин Е. М. К вопросу о творческой лаборатории В. Н. Татищева.— В кн.: Вопросы историографии и источниковедения. Казань, 1974, с. 131—138.

³⁴ Добрушкин Е. М. О нескольких сообщениях «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1185 г.— В кн.: Материалы научной студенческой конференции, вып. II. Источниковедение историографии. М., 1970, с. 7—12.

также можно выявить, что именно комментировал историк, в каких случаях он давал ссылку на источник и т. п. Анализ примечаний в совокупности с текстом «Истории» может иногда дать возможность непосредственно установить источник определенного «известия». Приведу пример. Под 1165 г. в I редакции имеется сообщение о просьбе новгородского епископа Луки к митрополиту Иоанну и великому князю Ростиславу посвятить его в архиепископы и подчинить ему епископов смоленского и полоцкого. «Ростислав же архиепископство ему не возбранял,— читаем в I редакции,— а о епископах отрече» (IV, 269). Во II редакции этот рассказ о просьбе Луки читается в распространенном виде, причем одним из основных дополнений текста II редакции является объяснение причин, по которым князь Ростислав отказался подчинить Луке две соседние епархии (в I редакции нет никаких объяснений отказа): «Ростислав, разсудя довольно,— пишет Татищев во II редакции,— что подчинение епископов новогородскому ему не безвредно, умножает силу его, паче же князем смоленскому и полоцкому может впредь быть не безобидно, архиепископом ему быть позволил, а о подчинении епископов отказал» (III, 80. Курсив наш.— Е. Д.). Ни в одном известном в настоящее время источнике приведенного здесь мотива (либо иного) отказа Ростислава не обнаруживается. Возникает вопрос о происхождении этого текста: является ли он выпиской (или пересказом) из не дошедшего до нас источника или же плодом творчества Татищева? Не излагая здесь подробности анализа названного фрагмента, покажем только значение примечаний для получения ответа на вопрос о происхождении «известия». В примечании № 356 к тексту I редакции, после рассуждения о том, на каком основании Лука домогался архиепископства, Татищев записал: «Сие для чего князь великий не учил хотя не написано, однако, мнится, паче, чтоб новогородские чрез то великия силы не возимели или чтоб з другими князи вражде не дать причины из того» (IV, 448). Нельзя не заметить близости (вплоть до текстуальной) между приведенным отрывком из примечания и самим текстом повествования (мотивом отказа): совершенно те же политические мотивы, что и в тексте «Истории» (II редакции), обнаруживаются в примечании, которое бесспорно принадлежит самому Татищеву. Более того, сам историк, комментируя текст I редакции, свидетельствует об отсутствии в его источниках причин отказа Ростислава Луке (...для чего князь великий не учил хотя не написано...) и что называемый им в примечании мотив отказа — и это, пожалуй, самое главное — суть его собственная гипотеза (...хотя не написано, однако, мнится, паче, чтоб...). Таким образом, совершенно очевидно, что Татищев дополнил рассказ о Луке в процессе работы над II редакцией своим собственным мотивом: высказанная им при составлении I редакции гипотеза лишь в примечании, за текстом, перешла непосредственно в текст.

средственно в текст повествования II редакции без каких-либо оговорок. В связи с этим необходимость в комментарии текста II редакции отпала: действительно, в примечании № 492 (II редакции) уже ничего не говорится ни об отсутствии указания мотива в источниках, ни о гипотетическом характере предлагающего в тексте объяснения действий Ростислава (III, 246)³⁵.

Большое значение имеет изучение списков обеих редакций «Истории». В настоящее время эту работу значительно облегчает наличие приведенных в академическом издании вариантов чтений. Изучение разночтений в списках «Истории» дает возможность выявить редакторскую работу историка непосредственно в процессе создания им своего текста. В большинстве приведенных в этой статье примеров обнаруживается, что разнообразные дополнения, сделанные Татищевым во II редакции, представляют собой приписки на тексте Воронцовского списка «Истории», иногда вставленные историком вместо зачеркнутых вариантов, повторяющих чтения I редакции (например, о действиях половцев у Переяславля и Путивля, о побеге князя Игоря и т. д.). При этом для изучения «известий» «Истории» до 1111 г. может быть привлечено к анализу малоизвестное сочинение Татищева «Сокращение гистории русской», занимающее, видимо, промежуточное положение между I и II редакциями «Истории». Изложение событий в «Сокращении» доведено до 1111 г., причем в нем также имеются сведения, которые не подтверждаются известными источниками³⁶. Наибольший интерес представляют такие сообщения «Сокращения», которые не известны ни по источникам, ни по обеим редакциям «Истории Российской», но на месте которых в последней обнаруживаются, в свою очередь, оригинальные чтения. Сопоставление таких «лишних» сообщений «Сокращения» и «Истории» дает дополнительный материал при решении вопроса о происхождении уникальных сведений «Истории». Например, под 1094 г. во II редакции «Истории» появляется сведение о чрезмерной склонности князя Святополка («учинил с половцами мир. Но чтоб оной от великой его склонности не дорого купить, взял половецкого знатного князя Тугоркана дочь себе в жену и тем их умирил» [II, 101]). Это известие входит в цепь других не подтвержденных источниками сообщений II редакции о корыстолюбии князя, среди которых имеется и прямое указание на эту черту Святополка в его характеристике (IV, 179; II, 128). Сторонники достоверности сообщений «Истории» в таких случаях предлагают искать дополнительные, не известные нам источники, с которыми Тати-

³⁵ Подробный разбор этого известия см.: Добрушин Е. М. К вопросу о происхождении сообщений «Истории Российской» В. Н. Татищева.— «Исторические записки», т. 97, с. 281—287.

³⁶ Добрушин Е. М. Неопубликованная рукопись В. Н. Татищева по русской истории.— «Советские архивы», 1971, № 5, с. 87—95.

щев познакомился уже после написания им I редакции. Но в данном случае, вероятно, придется допустить, что на втором этапе работы историка над своим сочинением у него появился не один, а сразу два новых источника, которых он не знал при составлении I редакции и которые затем исчезли. Дело в том, что в «Сокращении» относительно мира с половцами и женитьбы князя написано: «Святополк принужден князя Тугоркона половецкого дочь в жену взять, и чрез то мир с ними учинил»³⁷. Это сообщение, как видим, по-иному трактует событие: Татищев не только не упоминает уже о скромности Святополка, но даже сообщает, что Святополк был вынужден пойти на этот брак.

И наконец, при анализе текстов обеих редакций «Истории» необходимо выявить и систематизировать все пропуски сообщений из известных нам источников (бывших у Татищева), т. е. те сведения, которые не попали в «Историю», тогда как весь источник в основном использован историком. Такая систематизация должна помочь установить причину невключения Татищевым именно этих сведений в свое сочинение.

Важный этап работы по выяснению происхождения «татищевских известий» связан с изучением общественно-политических взглядов историка на основании всего его творческого наследия и с выяснением степени отражения этих взглядов в тексте «Истории». Классификация всех татищевских чтений по тематическому признаку, о которой говорилось выше, и здесь имеет большое значение: как бы то ни было, все оригинальные сообщения «Истории» несут на себе знак особого внимания к ним Татищева. Этот вид работы даст возможность ответить на вопрос, насколько тематика «татищевских известий» близка к интересам историка, насколько эти известия соответствуют мировоззрению Татищева. Так, С. Н. Валк, проанализировав ряд текстов «Истории Российской», связанных с вопросом о возникновении «Русской Правды», показал, что Татищев редактировал тексты источников и делал в них свои вставки в силу «монархически-крепостнических» взглядов³⁸.

Необходимо также установить, чем мог руководствоваться Татищев при вероятном «изобретении» «известий». Для этого, по нашему мнению, следует выяснить — желательно на возможно широком круге источников — взгляды Татищева на достоверность своих источников (в частности, летописей), на задачи, стоящие перед историком. Эти непосредственно высказанные историком взгляды и принципы можно будет сравнить с материалом, полученным при изучении самого текста «Истории». Со-

³⁷ Добрушкин Е. М. Неопубликованная рукопись, с. 93. Анализ «татищевских известий» с привлечением «Сокращения» см.: Добрушкин Е. М. Изучение «Истории Российской» В. Н. Татищева и «Сокращение гистории русской». — В кн.: Историографический сборник, вып. 2(5). Саратов, 1974, с. 93—119.

³⁸ Валк С. Н. Татищевские списки «Русской Правды», с. 622—626.

четая анализ «татищевских известий» с изучением взглядов историка, С. Н. Валк убедительно объяснил появление в «Истории» не известного для Древней Руси термина «вельможи» стремлением Татищева сделать текст своего произведения как можно более доступным для своих современников³⁹. А Л. И. Сазонова, используя тот же метод, показала, что в рассказе «Истории» об известном походе Игоря на половцев 1185 г. многие дополнения летописного текста возникли под пером Татищева в результате его стремления «к беллетризации исторического повествования»⁴⁰.

Но вся редакторская работа Татищева над текстами своих источников не объясняется, конечно, только желанием историка сделать свой текст более доступным для читателей и «украшенным». Анализ «Истории» показывает, что зачастую обработка и амплификация источников Татищевым была обусловлена его стремлением как можно полнее раскрыть события, реконструировать их по глухим или просто слишком кратким летописным записям. Так, нами выявлены многочисленные дополнения в «Истории» летописных сообщений о встречах горожанами князей, о свадьбах и похоронах князей, о приходах на Русь половцев и об отправлении послов. Рассматривая эти дополнения в каждой из названных групп «известий», нельзя не обнаружить идентичности сделанных дополнений к летописным сообщениям. Например, к 15 летописным известиям (и известиям I редакции) во II редакции «Истории» Татищев к слову «послаша» («сла», «посла») прибавляет специальное указание на послов: в отрывке 1 — «своих знатных», во 2 и 4 — «знатнейших», в 3 — «лучших», в 5 — «знатного своего человека», в 6, 7 и 8 — «знатных», в 9 — «знатных мужей», в 10 и 11 — «знатных вельмож», в 12 — «двум знатных граждан», в 13 и 15 — «знатных людей» и в 14 — «знатных послов»⁴¹. Аналогичным образом дополнены во II редакции небольшие летописные сообщения о женитбах князей специальными указаниями на их «браки» (свадьбы): в отрывке 1 — «И бысть брак со многим веселием», 2 — «И бысть брак с великим веселием», 3 — «И была свадьба со многим пирорванием и веселием», 4 — «учинили брак с веселием великим», 6 — «брак с веселием многим отправили», 7 — «И бысть брак с многим веселием», 8 — «был брак отправлен с веселием многим» и 9 — «И был брак с великим веселием»⁴². Как видим, во всех случаях специально указывается, что свадьбы были «с веселием». Изучение всех этих групп дополнений указывает на то,

³⁹ Валк С. Н. «Вельможи» в «Истории Российской» В. Н. Татищева, с. 351.

⁴⁰ Сазонова Л. И. Указ. соч., с. 39.

⁴¹ Ср. Татищев В. Н. II, 133, 143, 168; III, 26, 74, 76, 83, 96, 98, 104, 107, 110, 112, 127, 219 соответственно с IV, 182, 189, 205, 231, 260, 271, (№ 8 в I ред. отсутствует), 281, 284, 286, 288, 289, 298, 365.

⁴² Ср.: Татищев В. Н. II, 128, 130, 158; III, 22, 55, 70, 115, 145, 225 соответственно с IV, 179, 180, 199, 228, 248, 257 (№ 7 нет), 309, 369.

что появление их под пером Татищева связано с представлениями историка об определенных сторонах жизни Древней Руси как подчиненных устойчивому этикету, обычаю. Дополняя летописные известия, Татищев реконструировал «обычай» встречи князя горожанами, «обычай» похорон князей; половцы приходят на Русь (в «Истории») также «по обычая». Не случайно поэтому встречаем в отрывке № 5, относящемся к женитьбе князя, фразу: «учинил брак с великим увеселением и великолепием, яко князю достойно»⁴³.

Конечно, далеко не последнее место в решении проблемы имеет попытка найти (либо идентифицировать) утраченные источники «Истории» В. Н. Татищева. Особый интерес представляет Раскольничья летопись; но вопрос о принадлежности тех или иных сообщений Татищева именно этой летописи может быть до некоторой степени решен и предложенным выше анализом текста «Истории Российской». Сам В. Н. Татищев в примечании записал: «Сим годом (1197.—Е. Д.) кончался манускрипт Раскольничей н. 2, которого конец видимо, что утрачен»⁴⁴. Следовательно, все выявленные «татищевские известия» обеих редакций «Истории» после данного примечания никак не могут быть отнесены к Раскольничьей летописи. Выявление комплекса «татищевских известий» по всему тексту обеих редакций «Истории» и анализ их по разработанным выше методическим линиям позволит сравнить оригинальные сообщения, помещенные в тексте до примечания о конце «манускрипта» и в тексте после этого примечания. Если сообщения Татищева в тексте после примечания полностью вписываются в систему «татищевских известий» другой части «Истории» и если при этом совпадают методы их ввода, тематика и т. п.,— мы можем говорить о том, что весь комплекс «татищевских известий» принадлежит неизвестному источнику.

После того, как вся указанная выше работа будет проделана, станет возможным, с одной стороны, подвести итог наблюдениям над редакторскими приемами Татищева и сравнить их с собственными высказываниями историка, с манерой обращения с источниками во времена Татищева, подвести итог проверке соответствия «татищевских известий» русским летописям. Вместе с тем можно будет попытаться реконструировать источник (или источники) этих сообщений «Истории», выяснить вопрос о том, что же представляет собой текст «Истории Российской» без всех этих «известий». Все это в совокупности даст возможность довольно определенно говорить о происхождении уникальных сообщений татищевского труда.

⁴³ Подробнее см.: Добрушкин Е. М. К изучению творчества В. Н. Татищева как писателя русской истории (древнерусский «обычай» в «Истории Российской»).— В кн.: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. (Сб. «XVIII век», вып. 9). Л., 1974, с. 149—167.

⁴⁴ Татищев В. Н. IV, 325 и 457 (прим. № 422).

Здесь, конечно, намечена лишь канва исследования, требующего очень большой работы. Очевидно, что многие стороны рассмотренной выше методики будут уточнены, а также появятся новые. Важно, на наш взгляд, применять разнообразные линии анализа как систему приемов для изучения каждого конкретного «татищевского известия» и текста «Истории» в целом.

* * *

Уже указывалось на то, что со временем полемики Щербатова с Болтиным проблема происхождения известий «Истории Российской» была неправомерно отождествлена с вопросом о научной добросовестности ее автора⁴⁵. Долгие годы (вплоть до последнего времени⁴⁶) эта проблема подменялась дискуссией о том, «мог» или «не мог» Татищев «выдумывать» известия, был ли он добросовестным ученым и т. д. Однако, перенося решение вопроса о происхождении оригинальных сообщений «Истории» в этическую плоскость, исследователи не учитывают прежде всего специфики творчества историка в эпоху создания «Истории Российской», смешивая современные правила и принципы работы ученого с представлениями историографов XVIII в. Выступая против такого «неисторического подхода к историкам XVIII века», Д. С. Лихачев справедливо указывает на важное различие «между историками XIX—XX веков и историками предшествующего времени. В наше время историк строго разделяет собственное мнение, которое он высказывает прямо и от своего имени, и показания источников; приводя эти показания, он дает (начиная уже с Карамзина) точные ссылки; реконструкции не смешиваются с фактами. Но так было не всегда. Даже осторожнейший историк древности Фукидид... признавался, что речи государственных деятелей, помещенные в его книге, он сочинил сам...»⁴⁷ И. М. Тронский в статье о Корнелии Таците пишет: «Традиционным приемом античной историографии были речи. Они влагались в уста государственных деятелей или полководцев, но в действительности представляли собой коммента-

⁴⁵ См.: Добрушкин Е. М., Лурье Я. С. Указ. соч., с. 223—224; Добрушкин Е. М. «История Российской» В. Н. Татищева в полемике И. Н. Болтина и М. М. Щербатова.— В кн.: Источниковедение отечественной истории, вып. 1. М., 1973, с. 116—117.

⁴⁶ Наиболее законченное выражение эта тенденция находит в статье: Кузьмин А. Г. Был ли В. Н. Татищев историком? — «Русская литература», 1971, № 1, с. 58—63. Во всех без исключения работах А. Г. Кузьмина, связанных с татищевской темой, конкретным источниковедческим исследованием «Истории» противопоставляются выдвинутые еще Болтиным абстрактные рассуждения о «честности» Татищева и «вероятности» его сообщений (см.: Кузьмин А. Г. Рязанское летописание, с. 33, 62, 65, 100, 128 и т. д.; он же. Статья 1113 г. ..., с. 83—89 и т. д.).

⁴⁷ Лихачев Д. С. Можно ли включать «Историю Российскую» Татищева в историю русской литературы? — «Русская литература», 1971, № 1, с. 65—66.

рии историка к описываемым событиям»; «Искажение действительности у Тацита часто бывает основано на попытках психологического проникновения в мотивы человеческих действий»⁴⁸.

Метод объяснения событий прошлого посредством дополнения самого источника, его переработки, «реконструкции» его сообщений был характерен и для начального периода русской историографии и был обусловлен своеобразным отношением создателя исторического труда к своему источнику. Так, М. Н. Тихомиров, писавший, что Татищеву незачем было «выдумывать» свои известия, в другом месте показал, что уже в конце XVII в. в России появляется «новый тип исторического произведения», который характеризуется наличием в нем «различного рода сказаний» баснословного характера, появлением переработки «летописных известий более раннего времени», причем эта переработка имела такой значительный характер (по словам М. Н. Тихомирова же), что «может создаться представление», будто их авторы «имели под руками материалы, дополняющие и расширяющие Повесть временных лет...»⁴⁹

Впрочем, и у самого Татищева можно встретить прямое указание на то, что он вставлял в тексты летописей «необходимые» слова, причем «дополнял» источники «теми же словами, какие имеются в манускриптах», т. е. используя язык летописей⁵⁰. Другой историк XVIII в.— Федор Эмин — в предисловии к своей «Истории» прямо указывал: «Но должен я всех уведомить, что многие речи, которые в сей Истории разные говорят лица, выдуманы...»⁵¹ И далее Ф. Эмин объяснял, что целью таких выдумок было «восполнение» показаний слишком кратких источников: например, «речь» Гостомысла он написал сам потому, что ее нет в источниках, и, «если Гостомысл оной не говорил, то по малой мере должен был говорить что-нибудь тому подобное»⁵². Конечно, эти слова принадлежат не Татищеву, а Ф. Эмину, которого по традиции не принято считать серьезным историком. Но независимо от отношения к творчеству этого младшего современника Татищева есть все основания считать, что приведенные выше слова Эмина отразили в данном случае бытовавшее среди его современников и коллег мнение и — безусловно — историографическую практику. По существу лишь в самом конце XVIII столетия историки подошли к пониманию разницы между собственной — даже самой удачной — гипотезой и реальными показаниями источников. Это отчетливо прослеживается в

⁴⁸ Тронский И. М. Корнелий Тацит.— В кн.: Корнелий Тацит. Соч. в двух томах, т. II. Л., 1970, с. 213, 237.

⁴⁹ Очерки истории исторической науки в СССР. Под ред. М. Н. Тихомирова, М. А. Аллатова, А. Л. Сидорова, т. I. М., 1955, с. 94.

⁵⁰ Эта цитата взята из «Предъизвещения» Татищева к первоначальной редакции «Истории», написанного на немецком языке (VII, 59).

⁵¹ Эмин Ф. Российская история..., т. I. СПб., 1767, с. LIX.

⁵² Там же, с. L—LI.

известной полемике Болтина с Щербатовым, в которой первый еще продолжал отстаивать мнение о допустимости внесения «догадок» историка без каких-либо оговорок в текст повествования, построенного в основном на пересказе источников⁵³. Поэтому нет ничего необычного и удивительного в том, что Татищев мог вносить свои собственные предположения в текст повествования без всяких оговорок.

Задача исследователя — установить, что в «Истории Российской» В. Н. Татищева действительно заимствовано из источников, а что вышло из-под его пера. И эта задача может и должна быть решена источникovedчески.

⁵³ Добрушкин Е. М. «История Российская» В. Н. Татищева в полемике И. Н. Болтина и М. М. Щербатова, с. 101—119.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ РУССКИХ КРЕСТЬЯН СИБИРИ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

М. М. Громыко

Обращаясь к изучению общественного сознания крестьянства феодального общества России, историк сталкивается со значительными источниками трудностями. В силу специфики класса отсутствуют, за небольшим исключением, материалы, которые исходили бы от его представителей и при этом сознательно фиксировали бы их взгляды, представления, настроения. В данной статье делается попытка на сибирском материале привлечь внимание исследователей к некоторым типам источников, обращение к которым позволяет, на наш взгляд, осветить отдельные стороны или элементы крестьянского сознания. При этом мы исходим из потребностей исследования как идеологического, так и социально-психологического уровней общественного сознания. Задача наша облегчается тем, что ряд методологических вопросов изучения общественного сознания русского крестьянства названного периода рассмотрен в специальных статьях¹. Кроме того, несколько типов источников, отражающих взгляды крестьян, уже охарактеризованы в советской историографии на общерусском материале. Это относится прежде всего к документам, созданным крестьянством во время восстаний, в периоды обострения классовой борьбы². Широко привлекались историками также крестьянские наказы и челобитные³.

¹ Рахматуллин М. А. Проблемы общественного сознания крестьянства в трудах В. И. Ленина.— В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, с. 398—441; Литвак Б. Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных крестьян первой половины XIX в.— В кн.: История и психология. М., 1971, с. 199—225; Черепнин Л. В. Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. (К теории проблемы).— В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М., 1974, с. 5—25.

² Буганов В. И. Прокламации С. Т. Разина и его сподвижников — памятники идеологической борьбы в годы второй Крестьянской войны в России.— В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. ..., с. 287—306; Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII—XVIII вв.— Там же, с. 239—269; Овчинникова Р. В. Из опыта изучения и реконструкции документов Военной коллегии Е. И. Пугачева.— Там же, с. 72—97.

³ Семёновский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. II. СПб., 1901, с. 669—697; Беляевский М. Т. Наказы крестьян Восточной Си-

В рамках статьи нет возможности даже бегло упомянуть все типы источников, использование которых может пролить свет на развитие в XVIII — первой половине XIX в. взглядов русского крестьянства Сибири — различных его слоев, сословных категорий, этнических общностей и социальных групп. Тем более, что об элементах обыденного сознания следует судить не только по высказываниям, но и по реакциям, действиям, поступкам. При таком подходе возможно использование для поставленной задачи источников очень далеких по своему непосредственному содержанию от вопросов общественного сознания. По существу любой документ, какой бы стороне общественной жизни он ни был посвящен, свидетельствует о каких-либо взглядах, представлениях, интересах, обычаях и т. д., т. е. о тех или иных чертах сознания какой-то социальной общности. Но при этом степень интенсивности материала будет различной. Поэтому правомерно выделять наиболее содержательные для данной задачи типы источников.

Говоря о крестьянстве Сибири, мы имеем в виду локальную часть крестьянства как класса феодального общества России в целом. Материалы об этой части русского крестьянства обладают в некоторых отношениях преимуществами для изучения общественного сознания по сравнению с крестьянством Европейской России: 1) поскольку большинство составляли здесь государственные крестьяне, а помещичье землевладение за небольшим исключением отсутствовало, сибирское крестьянство оставило более разнообразный источниковый материал в фондах местных учреждений; 2) относительно доступнее (по существу, а не в географическом плане) был здесь мир крестьянских представлений для стороннего наблюдателя из дворянской или разночинной интеллигенции⁴; 3) материалы осваиваемой окраины дают возможность рассмотреть процесс приспособления крестьянских представлений и традиций к новым условиям; 4) русский крестьянин принес в Сибирь в своих навыках, сужде-

бири в Уложенную Комиссию 1767—1768 гг.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны (Памяти акад. М. Н. Тихомирова). М., 1967; *Мавродин В. В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1727—1773 гг.)*. Л., 1964, с. 177; *Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII в.* М., 1958 с. 292—293; *Кавтарадзе Г. А. Жалобы крестьян первой половины XIX в. как источник для изучения их социальных требований*.— «Вестник ЛГУ», 1968, № 20; *Раскин Д. И. Классовая борьба монастырских крестьян в 20-е годы XVIII в и петровская церковная реформа. Тезисы докладов и сообщений XIV сессии Межресп. симпозиума по агр. ист. Восточной Европы*, вып. I. М., 1972, с. 159—161.

⁴ По этому поводу П. П. Семенов-Тян-Шанский, которому принадлежат ценные наблюдения о хозяйстве, быте и общественном сознании крестьян Западной Сибири 50-х годов XIX в., писал: «Как ни близко знал я своих земляков — крепостных рязанских крестьян, как ни доверчиво относились они к своему выросшему вблизи них и на их глазах барину, но все-таки в беседах об их быте и мировоззрениях, в заявлениях об их нуждах было что-то

ниях, чаяниях, вкусах не только определенные способы обработки земли, системы севооборота или приемы расчистки леса и постройки изб, но и общинный уклад, особенности поземельных отношений севера Европейской России (не случайно, документы крестьянских земельных сделок Среднего Зауралья XVIII в. так похожи на аналогичные грамоты Поморья XVII в.) и многие другие устойчивые представления; в условиях экономической, географической или этнической изоляции отдельных районов края традиции сохранялись дольше, чем в центре страны, поэтому сибирский материал ретроспективно проливает свет на ряд общерусских явлений, в частности, это относится к верованиям, как наиболее консервативной форме сознания.

Определяя сибирских крестьян как территориальную часть русского крестьянства, мы противопоставляем этот подход областническим поискам особой сибирско-русской народности⁵. Советская этнография, выделяя отдельные этнические группы русского населения в Сибири, справедливо подчеркивает общность русской народной культуры на всей территории страны.

Изучение крестьянского сознания невозможно без теснейшего контакта с этнографией и фольклористикой. Записи этнографов, фольклор, крестьянская литература — важнейшие источники по социальной психологии и идеологии крестьянства. Напомним в этой связи, какое значение придавал В. И. Ленин этнографическим наблюдениям и фольклору в изучении общественного сознания крестьян. По сообщению В. Д. Бонч-Бруевича, В. И. Ленин говорил ему о литературе по этнографии и фольклористике: «Какой интересный материал. Я бегло просматривал все эти книжки и вижу, что не хватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения. Ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных»⁶. Блестящим свидетельством широких возможностей этой группы источников для изучения кардинальных вопросов крестьянского сознания явились исследования К. В. Чистова и

недоговоренное и несвободное и всегда ощущался предел их искренности... крестьяне — старожилы Сибири, выросшие и развившиеся на ее просторе, не знали крепостной зависимости, и им легче было выкладывать свою душу в разговорах с людьми, приехавшими издалека и не принадлежавшими к их местным бюрократическим притеснителям — чиновникам. Поэтому я с успехом пользовался своими переездами, а еще более остановками в избах сибирских крестьян, чтобы ознакомиться с их бытом, аграрным положением и мировоззрением» (*Семёнов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1946. с. 41—42.*).

⁵ Подробную критику концепции А. П. Щапова о русско-сибирской народности см.: Кошелев Я. Р. Русская фольклористика Сибири (XIX — начало XX в.). Томск, 1962, с. 106—115.

⁶ Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин об устном народном творчестве.—«Советская этнография», 1954, № 4, с. 118.

В. К. Соколовой⁷. Роль пословиц как источника по истории крестьянского сознания интересно раскрыта Л. Н. Пушкиревым и Д. И. Раскиным⁸.

В данной статье рассматриваются источники, которые возникли в результате целенаправленного сбора этнографических наблюдений современниками изучаемого периода. Мы объединяем этнографические и фольклорные источники в одну группу, в силу тесного переплетения и взаимопроникновения этих материалов, причины которого лежат в самой исторической действительности, где «каждое фольклорное явление есть одновременно и неизбежно и факт народного быта и факт словесного искусства»⁹. При использовании в качестве исторического источника обрядового фольклора его невозможно отделить от описания обряда¹⁰.

Особенность фольклора как источника, едва ли не самая существенная, состоит в том, что он отражает народное *отношение к действительности*, «определенный тип и способ ее понимания и художественной обработки»¹¹. Это качество, делающее фольклор весьма уязвимым источником при изучении политической истории и материальной культуры, оборачивается неоценимыми преимуществами при исследовании крестьянского сознания. Однако и в этом случае в методику определения достоверности данных фольклора должно входить выявление художественной системы, в которую включены эти данные. Не менее важно отграничение явлений фольклора, отражающих предшествующие этапы развития сознания, от тех его данных, которые воплощают живые возвретия, реально функционирующие в изучаемый период.

Обильный этнографо-фольклорный материал, включающий данные по социальной психологии и идеологии крестьянства,

⁷ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1970; Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970.

⁸ Раскин Д. И. Русские пословицы как отражение развития крестьянской идеологии.— В кн.: Русский фольклор, вып. XIII. Русская народная проза. Л., 1972, с. 202—212; Пушкирев Л. Н. Пословицы, поговорки и приметы в записях XVII в. как источник по изучению сельскохозяйственного опыта русского крестьянина.— В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. VIII. М., 1974, с. 112—127; он же. Пословицы в записях XVII в. как источник по изучению общественных отношений.— «Исторические записки», т. 92. М., 1975, с. 312—335.

⁹ Чистов К. В. Фольклор и этнография.— В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1970, с. 4. По этому же вопросу см.: он же. Фольклористика и современность.— «Советская этнография», 1962, № 3; он же. Этнические аспекты славянской фольклористики.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII международный съезд славистов. М., 1973, с. 365—385.

¹⁰ Пропп В. Я. Специфика фольклора.— В кн.: Ленинградский государственный ордена Ленина университет.— «Труды юбилейной научной сессии. Серия филологических наук». Л., 1946, с. 138.

¹¹ Чистов К. В. Фольклор и этнография, с. 8.

был собран Отделением этнографии Русского Географического общества. Общество было создано в 1845 г., а в 1847 г. Отделение этнографии уже подготовило и в 1848 г. издало программу для созиания этнографических сведений, ответы на которую начали поступать в адрес РГО в 1848 г. из разных мест страны¹². Этот богатейший материал в сибирской его части до сих пор лишь в малой степени включался в оборот исторической и этнографической наук. Часть поступивших рукописей была опубликована (часто в сокращенном виде, с изъятием обширных текстов, ценных описательных данных) в изданиях Общества, другие отложились в его архиве. К сожалению, в архиве ГО нет единого фонда ответов на этнографическую программу 1847 г., как нет их и по более поздним программам. Эти рукописи разошлись по разрядам, систематизированным по административному делению. Сибирские материалы вошли в разряды 29 (Пермская губ.), 61 (Тобольская губ.), 66 (Акмолинская обл.), 62 (Томская губ.), 57 (Енисейская губ.), 58 (Забайкальская обл.), 60 (Приморская обл.), 56 (Амурская обл.) и 55 (Сибирь в целом). Из названных фондов лишь 29 разряд, включавший самые западные уезды Сибири, входившие в Пермскую губернию, описан Д. К. Зелениным. Возможно, что именно отсутствие сибирских фондов в обстоятельном описании архива ГО, сделанном Зелениным, способствовало их забвению.

Программа содержала 6 разделов (вопросов): «Относительно наружности», «О языке», «Домашний быт», «Особенности общественного быта», «Умственные и нравственные способности и образование», «Народные предания и памятники». В ряде сибирских ответов фигурирует седьмой пункт — о сбыте сельскохозяйственной продукции в 1846 г.; он был добавлен, по-видимому, местными властями. Составители программы раскрыли содержание каждого раздела, выделив основные моменты, предложив желательную классификацию, приведя примеры¹³.

¹² Далее в тексте мы будем называть ее программой 1847 г., так как эта дата была предложена руководителями Отделения Н. И. Надежиным и К. Д. Кавелиным (Этнографический сб., изд. РГО, вып. 1. СПб., 1853, с. VI—VII) и прочно вошла в источниковедение (Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Русского Географического общества, вып. 1. Пг., 1914, с. IV) и в историографию (Токарев С. А. История русской этнографии. Декабристский период. М., 1966, с. 216), хотя нам кажутся вполне убедительными аргументы М. Г. Рабиновича, доказавшего, что программа была издана и разослана лишь в 1848 г. (Рабинович М. Г. Ответы на программу Русского Географического общества как источник для изучения этнографии города.—В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. V. М., 1971, с. 37—38). Но и М. Г. Рабинович не отрицает подготовки ее в 1847 г. Подробнее об этнографических исследованиях ГО см.: Степанов Н. Н. Русское географическое общество и этнография.—«Советская этнография», 1946, № 1, с. 196 и сл.

¹³ Подробнее о разъяснении задач каждого раздела в программе см.: Рабинович М. Г. Указ. соч., с. 38—39.

Для исследования общественного сознания наибольший интерес представляют 3, 4 и 6 разделы. В «Домашний быт» помимо материальной культуры (орудия труда, жилище, утварь, одежда, пища) были включены занятия населения, обычаи и обряды, народная медицина, игры и праздники. В «Особенностях общественного быта» Этнографический отдел ГО рассчитывал получить ответы о местном управлении, сходках, раскладке новинностей, о преступлениях и наказаниях. Для 6 раздела предлагалось собирать фольклорные материалы, сохраняя в записях местные особенности языка.

Разъяснения к программе оставляли возможность для большой вариантности ответов, и, главное, состав информаторов и характер описываемых ими объектов были так различны (даже по размерам описываемой административной единицы — от одного села до целых округов), что по существу каждое представленное в ответ на программу описание составило самостоятельный источник со своими особенностями. В 1853 г. было разослано второе издание этой программы, в котором сохранились те же рубрики, не существенно расширялась поясняющая часть некоторых разделов.

Географическое общество распространило программу вместе с печатным обращением по своим отделениям, разослав ее также в центры епархий, директорам училищ, управляющим удельных контор и палат государственных имуществ. Поскольку в Сибири отделение ГО было открыто лишь в 1851 г., основную массу информаторов, приславших ответы на первую редакцию программы, составили сельские священники, действовавшие по запросам консисторий. Поступление ответов растянулось на несколько лет. На первый вариант программы ответы приходили иногда после издания второго варианта. Некоторые описания касались лишь части предложенных разделов, другие — добавляли материал, выходящий за рамки программы. Запросы послужили толчком к подаче дополнительных материалов, форма которых была предложена самими информаторами. Такими были, например, записи разговоров крестьян¹⁴.

Основной принцип, предложенный во введении к программе,— материал должен собираться на местах лицами, близко знакомыми с образом жизни народа,— соблюден в сибирских ответах. Это и сделало их достаточно достоверным источником. Нами выявлены и использованы 62 рукописи, поступившие в Географическое общество из Сибири в ответ на программу 1847 и 1853 гг. Подавляющая часть их датируется 1848—1850 гг. Они относятся в основном к Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниям и могут быть разделены на четыре почти равные по числу рукописей группы: 1) ответы по целым округам

¹⁴ АГО, р. 61, оп. 1, д. 10, 30.

или уездам, 2) по волостям, 3) по отдельным селам, 4) по отдельным вопросам (с разным территориальным охватом). Поскольку ответы, касающиеся отдельных сел, дают фактически и материал округи (прихода), то вторая и третья группы близки. Некоторые обобщенные данные по округу или уезду могут быть сопоставлены с детальной картиной отдельных волостей или сел. Но, как правило, они дополняют друг друга за счет освещения разных вопросов.

Все информаторы пишут чаще всего о предметах, в которых они хорошо осведомлены, но степень насыщенности материала нередко сильно снижается за счет неумения изложить данные, правильно понять программу. Некоторые активные корреспонденты ГО присылали по несколько рукописей, освещавших различные сюжеты программы. Государственный крестьянин Шадринского уезда Александр Никифоров Зырянов представил в Общество 14 рукописей¹⁵ (часть из них была опубликована в сокращенном виде в сборниках «Пермская старина»). В его материалах — ценные сведения о мирских сходках, обычаях, суевериях, записи свадебного обряда, песен, сказок и пр. Кроме того, даже совершенно лишенные конкретных данных, экскурсы этого автора представляют несомненный интерес для анализа крестьянского сознания. Приходится только удивляться, как такой тонкий этнограф, как Д. К. Зеленин, мог к последним дать в своем обзоре замечания типа «статья бессодержательная» или «статья очень неважная»¹⁶, по-видимому подходя к ним как к научным статьям, а не как к источнику.

Тюменский мещанин в начале своих контактов с Географическим обществом, а затем — помощник писаря в волостном правлении Балаганского округа, Федор Васильевич Бузолин направил в ГО 17 рукописей, среди которых только 5 касались города, остальные — крестьянских проблем¹⁷. Некоторые из них несомненно заслужили бы скептические замечания Зеленина, если бы этнограф включил сибирские фонды в свой обзор, т. к. содержит больше отвлеченных рассуждений автора (тоже ценных для исследования общественного сознания), чем конкретной информации. Но среди рукописей Бузолина есть и удивительно насыщенные сведениями. В их числе — крестьянский календарь, составленный по материалам Западной Сибири (1852 г.)¹⁸. Эта самая ранняя запись русского сибирского календаря уступает по качеству календарям квалифицированных собирателей конца XIX — начала XX в., но, опережая их на полвека, во многом подтверждает возможность ретроспективного

¹⁵ АГО, р. 29, оп. 1, д. 32а, 32б, 32в, 32г, 39, 41, 42, 43, 45, 46, 57, 58, 74.

¹⁶ Зеленин Д. К. Описание рукописей... вып. III, с. 1019, 1030.

¹⁷ АГО, р. 55, оп. 1, д. 38, 56—59; р. 61, оп. 1, д. 9, 13, 39—41; р. 62, оп. 1, д. 5; р. 59, оп. 1, д. 7.

¹⁸ Там же, р. 55, д. 59.

использования поздних материалов в изучении устойчивых традиций.

По поводу других материалов Ф. В. Бузолина член Географического общества Н. Щукин дал такой отзыв: «Статистическое Отделение поручило мне рассмотреть статью писарского помощника Бузолина под заглавием «Статистический взгляд на быт поселен Иркутской губ. Идинской волости». Исполнив это поручение, честь имею представить Отделению мое мнение. Идинская волость мне хорошо известна. В 1840 г. я описал ее по поручению V Отделения Собственной Канцелярии Е. И. В. Все изложенное писарем Бузолиным удивительно верно. Взгляды его правильны и обнаруживают светлый ум. Быт жителей срисован с натуры навычно рукою»¹⁹.

В ответах на программу наиболее обстоятельно представлена по сельским приходам материальная культура крестьян: жилище, одежда, пища, иногда орудия труда и приемы промыслов; во многие описания включены сведения о сельских и волостных общинах, о системах земледелия и сроках сельскохозяйственных работ; есть записи примет, обрядов и пр.

Все индивидуальные ответы, снабженные подписью авторов, оригинальны. Мы столкнулись с повторением материала только в волостных ответах Минусинского округа: в обстоятельных описаниях Тесинской, Шушенской и Новоселовской волостей дословно совпадают целые разделы. Наиболее близкими оказались тексты двух первых волостей; названия рек, данные о количестве населения, площиади земель — у каждой волости свои и вполне конкретны; общие же формулировки, а также описания сдежды, пищи, свадебного обряда и записи фольклора — одни и те же.

В Новоселовской волости, помимо географических и демографических сведений, отличаются от названных волостей описания орудий труда, одежды (при дословном совпадении отдельных фраз), записи загадок, пословиц и суеверий, но полностью совпадает свадебный обряд²⁰. Совпадают описания именно тех явлений, тождественность которых в одном районе вполне естественна. Тем не менее буквальность повторений в сочетании с высоким качеством информации свидетельствует о том, что волостные деятели здесь «обменивались опытом» при выполнении нелегкой задачи и пользовались, по-видимому, квалифицированной помощью.

Поскольку речь идет о сведениях, относящихся к сфере общественного сознания и притом к наиболее консервативным сторонам его (традиции производственные, семейные, праздничные, религиозные — т. е. взгляды, навыки и приемы, передающиеся крестьянством из поколения в поколение), ответы на про-

¹⁹ АГО, р. 55, д. 59.

²⁰ Там же, р. 57, оп. 1, д. 2, 3, 9.

граммой освещают отнюдь не только явления конца 40-х — начала 50-х годов XIX в. Они приложимы к предшествующему периоду с несомненным ретроспективным выходом в XVIII в. За отдельными явлениями обнаруживаются слои сознания, имеющие и более глубокие корни. Сказанное относится не только к материалам программы Географического общества, но к этнографическим и фольклорным источникам вообще. Следует с осторожностью применять к ним обычные представления о датировке исторического источника. Момент письменной фиксации такого явления дает лишь верхнюю хронологическую грань, отражающую зачастую этап уже очень ограниченного распространения самого явления (например, сохранение обычая у географически или этнически изолированной группы, оставшейся в стороне от основных социально-экономических процессов).

Ответы на программу ГО дают максимально широкий по сравнению с другими источниками охват территории Сибири почти одновременными описаниями русского крестьянства. Поэтому они могут быть взяты за источниковую основу, дополняемую и проверяемую как более ранними, так и позднейшими материалами.

Работа, начатая этнографическим отделением ГО на основе программы 1847 г., не прекращалась и позднее. В архиве Общества и в его периодических изданиях («Записках», «Вестнике», «Живой старине») отложились материалы более поздних записей по тем же районам, которые охватила программа. Они не следуют анкетной структуре программы, но сделаны по существу в намеченном ею направлении, освещая отдельные стороны материальной или духовной жизни крестьян. Это делает возможным в некоторых случаях сопоставить разновременные описания явления в одном и том же районе.

Углубление сведений в ответах на анкету 1847 г. возможно за счет описаний исследователей-современников, непосредственно наблюдавших объект (для Сибири абсолютное большинство их — члены Географического общества). Наибольшую ценность в качестве источника представляют те из них, которые явились результатом наблюдений «методом включения», т. е. достаточно длительного периода жизни в крестьянской среде того или иного района. «Желая иметь понятие об образе жизни прибрежных колымчан, надо было несколько времени прожить с ними: следовать за ними из зимних изб в летние балаганы; плавать с ними в карбасе или в ветке (мелкая промысловая лодка.—М. Г.) по быстрым рекам; взбираться верхом или пешком на скалы; прокладывать дорогу через густой лес; в жестокие морозы и метель носиться на легкой нарте, запряженной борзыми собаками, по бесконечной тундре,— словом надо было ни в чем не отставать от них. Такова была жизнь наша в продолжение почти трехлетнего пребывания здесь; мы жили в их обществе, одевались так же, как они, питались их вяленой рыбой и разделяли с ними все

неудобства здешнего климата при крайнем недостатке в потребностях всякого рода, что все дает мне возможность представить верное изображение жизни в Нижне-Колымске, а — за исключением немногих, местных обстоятельств — она одинакова по всем берегам Колымы»²¹. Ф. П. Врангель блестяще сформулировал задачу изучения образа жизни тружеников путем непосредственного участия во всей их деятельности, и его собственные записи о русских Приколымье несомненно принадлежат к числу наиболее достоверных источников.

К этой группе относятся описания материальной и духовной культуры крестьянства, сделанные учеными Сибири, сочетавшими четко осознанную научную задачу с великолепным знанием края: «Этнографические очерки Южной Сибири» С. И. Гуляева; «Полгода на Алтае» и «Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении» Г. Н. Потанина, отдельные разделы книги «Енисейский округ и его жизнь» М. Ф. Кривошапкина, «Поездка в Якутск» и «Очерки земледельческой промышленности в Восточной Сибири» Н. С. Щукина, ряд публикаций по крестьянским приметам, праздникам и обрядам Н. А. Кострова и др.²²

В XVIII в. местные исследования русского крестьянства отсутствовали. Академические анкеты XVIII в.— В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера и анкета 1760—1761 гг., собравшие по Сибири ценные данные по заселению и экономике края²³, материалы этнографические и фольклорные включили лишь применительно по аборигенному населению. Пробел компенсируется в известной мере наблюдениями путешественников-исследователей (С. П. Крашенинникова, И. Г. Гмелина, П. С. Палласа, И. П. Фалька). Записки и дневники их широко известны, и характеризовать их нет надобности. Ученые-путешественники по части обычаяев интересовались тоже преимущественно коренным населением Сибири, но отдельные ценные наблюдения по взглядам крестьян и обрядам русской деревни разбросаны по их сочинениям.

В этом ряду следует выделить записи опросов промышленников, проведенных Второй Камчатской экспедицией в Забайкалье, Предбайкалье, бассейне Витима и Олекмы. Они являются собой уникальный источник по изучению обычаяев соболиного про-

²¹ Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 гг. М., 1948, с. 140.

²² Гуляев С. И. Этнографические очерки Южной Сибири.— «Библиотека для чтения». СПб., 1848, т. 90; Потанин Г. Н. Этнографический сборник, вып. VI. СПб., 1864 (Материал собран Потаниным в 50-х годах); Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь, т. I. СПб., 1865, с. 49—125; т. II, с. 45—182; Щукин Н. С. Поездка в Якутск. СПб., 1864; «Журнал Министерства Внутренних дел» (далее — ЖМВД), 1853, кн. 6.

²³ Громыко М. М. Источники по истории освоения Западной Сибири в XVIII в.— «Известия Сибирского Отделения АН СССР. Общественные науки», вып. 1, 1966, № 1, с. 101—102.

мысла Восточной Сибири 30-х годов XVIII в. Записи вел С. П. Крашенинников; затем продолжил их переводчик И. Яхонтов под руководством И. Г. Гмелина²⁴. С. П. Крашенинников включил этот материал в сокращенном и литературно обработанном виде в главу «О витимском соболином промысле» первого тома «Описания земли Камчатки». При этом выпали все данные об «известиях» баргузинских, теленбинских, киренских, олекминских и чечуйских промышленников. Благодаря публикации полного текста рукописи²⁵, подготовленной Н. Н. Степановым в 1966 г., стало возможно использование источника для характеристики русских промыслов. В тексте сам Крашенинников четко отграничил конец рассказа об обычаях русских промышленников от начала изложения специфики «иноzemческих» народов²⁶. Источник уникален тем, что содержит данные не только о приемах охоты, о повадках соболя и занятиях русских, но проникает глубже в сложный мир крестьянских представлений, формировавшихся вокруг главного из лесных добывающих промыслов, рисует взаимоотношения уходившей на время промысла из деревни части крестьянской артели, их обычай и верования. Между тем проникновение в этот мир обычно было чрезвычайно затруднено нежеланием промышленников посвящать посторонних в секреты своего занятия.

Постоянным и эффективным средством фиксации и передачи традиционных природно-хозяйственных знаний, наблюдений и норм служили в крестьянской среде приметы, пословицы и поговорки. В этом своем качестве, а также как обобщенная форма выражения коллективного мнения по социальным вопросам они заслуживают внимания историка. Сибирская фольклористика накопила большой материал записей произведений афористических жанров²⁷ и выяснила, что подавляющая часть пословиц и поговорок известна в общерусском составе; однако приметы в значительной доле местные, сибирские²⁸. Для нашей задачи вопрос о соотношении этих частей не существен, так как самый факт бытования в данном районе той или иной приметы или пословицы свидетельствует об ограниченности ее смысла для сознания местного крестьянства. Изречения, принесенные из

²⁴ Архив АН, ф. 21, оп. 5, д. 170; С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.—Л., 1966, с. 155—174.

²⁵ С. П. Крашенинников в Сибири., с. 155—174.

²⁶ Там же, с. 172.

²⁷ Записи их вошли в состав некоторых ответов на программу 1847 г., многих отдельных этнографических описаний районов Сибири (см., например: Потанин Г. Н. Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении.—В кн.: Этнографический сборник, вып. VI. СПб., 1864, с. 117—122; Неклеаев И. Я. Поверия и обычай Сургутского края. Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО, кн. XXX. Омск, 1903, с. 194—201) и календарей (см. ниже).

²⁸ Кошелев Я. Р. Вопросы русского фольклора Сибири. Томск, 1963, с. 151—153.

мест выхода переселенцев, не приживались, если не соответствовали географическим, хозяйственным и социальным условиям края.

Много внимания неформализованные приметы и афористические изречения Сибири уделяли срокам сельскохозяйственных работ и соотношению их с растительными и климатическими показателями. Обширный цикл составляли приметы и поговорки по срокам весеннего сева²⁹. Прямые и иносказательные нормативы содержались и в пословицах, связанных с летне-осенними работами — сенокосом, севом озимых, жатвой и уборкой овощей³⁰. Трудно переоценить значение их в механизме закрепления и распространения земледельческого опыта. Каждый крестьянин с детских лет слышал пословицы, поговорки, загадки, приметы по хозяйственным вопросам. Авторитет поговорки не мог быть подвергнут сомнению, как мнение одного или даже нескольких лиц; содержащаяся в ней рекомендация воспринималась как непреложная истина, освященная мудростью поколений. Еще большим богатством отличался набор примет и поговорок о природе, тесно связанных с хозяйственными интересами крестьянина, но содержащих не прямые указания — нормы, а наблюдения, констатации подмеченных связей. Способность тонко чувствовать природу, подмечать мельчайшие изменения и нюансы в развитии растительного мира в сочетании с коллективностью и длительностью опыта делали возможным установление связей между явлениями, внешне совершенно оторванными друг от друга, но обладающими сопоставимыми реакциями на определенный комплекс природно-климатических условий. Весной внимательно присматривались не только к тем явлениям, которые надо учесть в текущих делах, но и к тем, при помощи которых можно прогнозировать особенности данного лета и характер урожая³¹.

Тенденция климатического прогнозирования и предсказывания сроков и качества урожая красной нитью проходит через все многообразие крестьянских естественных знаний, заложенных в приметах и поговорках. Стремление проникнуть в тайны природы и руководствоваться в своей деятельности установленными связями обнаруживает активное отношение к окружающему миру. Если в хозяйственной магии желание активно воздействовать на естественные процессы апеллировало к

²⁹ Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, с. 37; Скалоузов Н. Л. Народный календарь.— «Ежегодник Тобольского Губернского Музея», вып. XI, 1900, с. 119—120, 125.

³⁰ Скалоузов Н. Л. Указ. соч.— ЕТГМ, вып. IX, 1898, с. 76; вып. XII, 1902, с. 122—123; АГО, р. 55, оп. 1, д. 59, л. 1 и сл.; р. 61, оп. 1, д. 11, л. 1 об.; р. 57, оп. 1, д. 17, л. 63.

³¹ Скалоузов Н. Л. Указ. соч.— ЕТГМ, вып. IX, с. 73—74; Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913, с. 61; Кривошапкин М. Ф. Указ. соч., с. 38.

сверхъестественным силам, то здесь мы сталкиваемся со стихийно-материалистическим мировоззрением крестьянина. Часть примет была связана с мистическим восприятием отдельных календарных дней, но большинство из них имели или во всяком случае пытались иметь вполне реальную природно-хозяйственную основу.

Зимний цикл примет о погоде и видах на урожай, отражавший наиболее опосредованные связи явлений природы, был и более других отягощен суеверно-мистическими наслоениями и условно закрепленными календарными понятиями.

Часть сибирских примет о природе явственно отражала специфику географического района — горного, таежного или тундрового. Так, Б. Г. Герасимов в долине р. Бухтармы на Алтае записал цикл русских крестьянских примет о погоде, связанных с горами. Если туман опускался на горы — «туманы хватаются за горы», — ожидали ненастья; если же подымался кверху — «туман отстает от гор» — к вёдру. Если во время ненастья крик в горах отдается эхом — скоро установится ясная погода; если крик замирает — ненастье затянемется. Если «горы топятся», т. е. тучи задевають вершины, будет дождь; если тучи густые, но не задевають вершин, идут высоко — дождя не будет³² и т. п. Изречения такого типа, выросшие из конкретных наблюдений на местной почве, не закрепленные за определенными днями календаря, составляли наиболее реалистическую часть пословиц, совершенно лишенную какой-либо суеверной окраски. Материалы такого рода позволяют использовать записи примет как источник для анализа стихийного материализма крестьянского мировоззрения.

Афористические формы впитывали, разумеется, лишь часть богатой информации о природе, накопленной крестьянством, и были лишь одним из каналов ее передачи. При всех преимуществах их выразительной краткости они передавали народные наблюдения в упрощенном виде, изолируя конкретную связь двух явлений от многих других факторов, которые крестьянами фактически учитывались.

Более разносторонний материал о крестьянских трудовых традициях собран этнографами Сибири XIX в. в форме записей крестьянских календарей. Лучшие из них³³ содержат сведения не только о характере народного календаря и календарной обрядности, но и о сезонных занятиях крестьян в течение всего годового цикла с многочисленными данными о приметах, посло-

³² Герасимов Б. В долине Бухтармы.— В кн.: Записки Семипалатинского под отделя Зап.-Сиб. отдела РГО, вып. V. Семипалатинск, 1911, с. 89; Кошелев Я. Р. Вопросы русского фольклора Сибири, с. 153, 207.

³³ Макаренко А. А. Указ. соч.; Виноградов Г. С. Материалы для народного календаря русского старожильческого населения Сибири (Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния). Иркутск, 1918; АГО, р. 57, оп. 1, д. 17.

вицах, хозяйственной магии. В силу архаичности многих отраженных в календарях явлений, они могут быть использованы для характеристики трудовых традиций предшествующего периода. Кроме того, в ряде случаев (особенно это относится к календарю Г. С. Виноградова) приводятся высказывания глубоких старииков, ссылающихся на воспоминания детства или противопоставляющих новшества тому, что было «прежде». А. А. Макаренко не только собирал материалы в длительных и многочисленных экспедициях, но знал восточносибирскую деревню и в качестве наемного работника; Г. С. Виноградов — уроженец мест, в которых собран им материал; связанный родственными отношениями с некоторыми из своих информаторов, Н. Л. Скалоузбов (календарь его особого рода — это преимущественно собрание пословиц и примет, соотнесенных с календарными сроками) использовал не только собственные записи, но сведения многочисленных информаторов с мест, присланные по его запросу³⁴.

Календари, составленные квалифицированными исследователями методом непосредственного наблюдения и «полевого» сбора сведений на местах у самих крестьян, содержат ценнейшую информацию о сроках и приемах в земледелии, скотоводстве и промыслах, позволяют проследить процесс формирования трудового опыта крестьянства. Как правило, они содержат обобщенный материал, охватывающий значительный район, но с отдельными экскурсами, описывающими специфику той или иной волости. Степень достоверности увеличивается подробной характеристикой информаторов — фамилия, имя и отчество, место жительства, возраст, круг знаний (календари А. А. Макаренко и Г. С. Виноградова). Сведения календарей о сельскохозяйственном опыте (системы земледелия, изменения в орудиях труда, порайонное предпочтение тех или иных культур и пр.) подтверждаются данными, содержащимися в фондах местных учреждений того же района (волостных канцелярий, судных изб), но имеют преимущество перед ними в силу сводного характера, сочетающегося с передачей непосредственного отношения крестьян к хозяйственным задачам.

Важный аспект использования календарей как исторических источников — извлечение из них показателей отношения к труду, представлений крестьян о труде. Все календарные празднества и обряды связаны с основными производственными занятиями крестьянства, проникнуты уважением к труду; в них отражены определенные сроки и приемы сельскохозяйственной деятельности, заложен механизм идеологического закрепления про-

³⁴ Скалоузбов Н. Л. Народный календарь. Поверья, приметы о погоде и сроках сельскохозяйственных работ у крестьян Тобольской губернии.— ЕТГМ, вып. IX, 1898; вып. XII, 1902.

изводственных традиций, формирования общественного мнения. В этом же направлении дает материал и анализ процесса адаптации христианского календаря к потребностям крестьянского хозяйства.

Значение записей крестьянских обрядов (процедуры обряда, символики, обрядового фольклора и пр.) далеко не ограничивается своим непосредственным назначением, т. е. этот тип источника несет информацию не только о характере того или иного обряда, местах его распространения, социальной и этнической среде, в которой он принят. В нем отражаются многие стороны крестьянской этики, религиозных взглядов, представлений о взаимоотношении возрастных и половых групп и т. п.

Поясним сказанное в связи с записями свадебного обряда. Этот обряд в силу своей яркости, устойчивости и высокой степени распространенности был зафиксирован довольно подробно в XIX в. почти по всем районам Сибири³⁵. Иногда это специальные записи только свадебного обряда, иногда они включены в состав разнородных этнографических наблюдений. К числу последних относятся, в частности, описания свадебного обряда, включенные в ответы на программу 1847 г. Разумеется, качество этих записей во многом зависело от личности информатора, и соответственно далеко не одинаковые сведения содержатся в конкретных описаниях сибирских свадеб разных районов. Полные записи свадебного обряда содержат, помимо строго формализованного ритуала, закрепленного традицией, и обрядового фольклора, описания таких моментов, когда допускаются варианты поведения хозяев и гостей, в том числе лиц, не относящихся к ведущим персонажам обряда. В выборе вариантов поведения они руководствовались и требованиями обряда и общими этическими представлениями данной крестьянской среды, поэтому такое описание несет информацию о крестьянской этике.

Другой момент — сведения о деятельности лиц, постоянно исполнявших роли дружки, свахи жениха, свахи невесты, «половинка» и других персонажей свадебного обряда. Во многих описаниях подчеркивается, что в данной сельской общине эту функцию несли одни и те же лица на всех свадьбах. Это не только люди с определенным драматическим талантом, это носители и трансляторы традиции, а также представители контроля общин над исполнением этой традиции во внутрисемейных процедурах; данные о самом факте существования таких постоянных исполнителей ведущих обрядовых ролей и о их деятельности

³⁵ Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб., 1835; Гуляев С. И. Указ. соч., с. 2—47; Крюкошапкин М. Ф. Указ. соч., т. I, с. 49—125; Костров Н. Свадебные обряды минусинских крестьян.—«Иллюстрация», 1861, № 176, 177; Кашин И. Свадебные обычаи приаргунцев.—«Вестник РГО». СПб., 1860, ч. 30, с. 147 и сл.; АГО, р. 55, оп. 1, д. 38, 53; р. 61, оп. 1, д. 1, 29; р. 57, оп. 1, д. 7; р. 62, оп. 1, д. 19; р. 29, оп. 1, д. 12, 13, 22, 326, 63.

дают материал для одного из существенных вопросов — о механизме социального контроля в сфере сознания.

Некоторые элементы сибирского свадебного обряда проливают свет на существенные стороны крестьянского религиозного сознания. «Дружка — особенный знаток всех обрядностей в их принятой последовательности. На нем лежит обязанность управлять всем ходом свадьбы, он должен быть чем-то вроде знахаря, только с благодетельной стороны этого звания, т. е. отвращать всякие привороты и отговаривать приговоры злых людей. Это личность чрезвычайно бойкая и его разнообразные неожиданные действия и шутки должны внушать к нему страх и почтение. Он считает все для себя возможным. Одет он со всеми принадлежностями таинственного витязя: через плечо у него борчатое полотенце, подпоясан он бранным кушаком, на кушаке висят — справа — плеть, спереди — пистолет, слева — складной нож»³⁶. Эта характеристика дружки, сделанная по материалам Енисейского округа начала 60-х годов XIX в., перекликается с фактами, выявленными по записям свадебных обрядов 40-х годов ряда волостей Шадринского и Верхотурского уездов, Барабы, Алтайского горного округа, нескольких волостей Минусинского округа и Забайкалья³⁷. Дружкой мог быть только человек незаурядный, обладающий определенным актерским талантом, отличной памятью (знал множество текстов обрядового фольклора), уменьем заставить себя слушать, чувством ритма и чувством юмора и наконец (а, может быть, это и было главным), — репутацией ведуна. Не случайно в сибирских записях обрядов встречаются такие названия дружки: «сторож», «большак», «опасный», «вежливец»³⁸. Дружка не только знал и направлял последовательность всех длившихся в течение нескольких дней представлений и свадебных процедур, обрядов, пиршеств и встреч и исполнял в них ведущую роль, но и обладал в глазах крестьян своей общиной некоторой сверхъестественной властью, позволяющей ему выполнять специфическую роль в ритуалах. Местами эта деятельность дружки называлась «отпустить свадьбу» и совпадала по назначению своему с ролью священника, хотя и христианский обряд тоже непременно совершался. В описаниях свадьбы крестьян Шадринского уезда, Среднего и Верхнего Приобья, Минусинского округа и других зафиксированы элементы, отражающие ритуальную роль дружки³⁹. Сибирские наговоры дружек на

³⁶ Кривошапкин М. Ф. Указ. соч., т. I, с. 77.

³⁷ АГО, р. 29, оп. 1, д. 12, 13, 22, 326, 63; р. 62, оп. 1, д. 2, л. 2; р. 57, оп. 1, д. 2, лл. 11 об.—31; д. 3, лл. 12—30 об.; д. 7, лл. 11—22; д. 9, лл. 13—36 об.; Гуляев С. И. Указ. соч., с. 2—47; Кашин И. Указ. соч., с. 147—182.

³⁸ АГО, р. 29, оп. 1, д. 63, тетр. 1, лл. 1—2; Зеленин Д. К. Указ. соч., с. 1033.

³⁹ АГО, р. 29, д. 63, тетр. 1, лл. 2—8; тетр. 2, лл. 1—5; Зеленин Д. К. Указ. соч., с. 1034—1035; Гуляев С. И. Указ. соч., с. 42—43; АГО, р. 57, оп. 1, д. 7, лл. 21—22; Костров Н. Указ. соч.

«отпущение свадеб»⁴⁰, пространные и сложные, представляют собой сплав обращений к наиболее популярным угодникам православной церкви с заклинаниями от злых сил и чар.

Относительно устойчиво было закреплено в каждом селении за определенными несколькими лицами и исполнение ролей свах жениха, свах невесты (их могло быть по одной или две), иногда и «полудружьев» и некоторых других персонажей свадебного обряда. «Знающие» свахи, подобно дружке, вырисовываются из записей обряда персональными хранительницами контроля общины над исполнением обычая во внутрисемейных процедурах. Индивидуальными носителями традиции в общине были также знахари и знахарки — знатоки народного природоведения, народной медицины и ветеринарии, но в то же время хранители верований и суеверий, исполнители обрядов, наносивших подчас глубокий вред. Устойчиво сохраняющееся убеждение в возможности злостного воздействия колдунов и охранительных мер знахарей сочеталось с потребностью крестьянства иметь своего рода служителей культа, которые владели бы хозяйственной магией и всем тем сложным сплавом разных исторических слоев верований, которые в трансформированном виде составляли не только фольклорную форму, но и живую ткань общественного сознания. В 1852 г. тюменский информатор Географического общества, рассказывая о западносибирских крестьянских обычаях, объяснил, что «поселяне отправляют молебны» и «окрапляют земледельческие орудия» на Еремея Запрягальника для того, «дабы Колдуны и Лиходеи не вредили им своими дьявольскими заговорами»⁴¹. Однако «меры» официальной церкви против злых сил (примечательно сохранение веры в активных носителей зла — «кощунов» и «лиходеев», живущих среди людей) далеко не всегда были доступны крестьянину, особенно в сибирских условиях, а, главное, — соответственно всему мировоззрению,— казались недостаточными. Недаром дружка совмещал истовую молитву с наговором — этого от него и ожидали все участники обряда.

Сведения о знахарях — «волхидах» с трудом доходили до посторонних лиц, так как деятельность этих своеобразных крестьянских служителей культа шла вразрез с официальной церковью. Они принадлежали к глубоко скрытым сторонам жизни крестьянского мира. Тем не менее этнографы конца XIX в., которые смогли достаточно тесно соприкоснуться с повседневной жизнью русских сибиряков, констатировали их существование в разных районах края. В. С. Арефьев, по наблюдениям в Енисейском уезде, писал: «„Волхида“, т. е. человека, умеющего наговари-

⁴⁰ Клеменц Д. Наговоры и приметы у крестьян Минусинского округа (Материалы для изучения миросозерцания сибирского сельского населения). — «Известия Восточно-Сибирского Отделения ИРГО», т. XIX. Иркутск, 1888, с. 13; Гуляев С. И. Указ. соч., с. 42.

⁴¹ АГО, р. 55, 2и н. л. 59, л. 5.

вать, знают далеко в окрестности и часто приезжают к нему по делу из дальних местностей. Их недолюбливают и побаиваются, но часто просят научить какому-либо наговору, платя за это деньгами или натурою»⁴². «Боязньное почитание» «волхидок» и «еретиков» наряду с обращением к шаманам описал А. А. Макаренко в Приангарье⁴³. По описанию Н. А. Городцова, в Тюменском уезде знахарки и знахари фигурировали с ритуальной задачей при самых различных обстоятельствах деревенской жизни. Хотя хозяйственной магией многие крестьяне занимались сами, все-таки считалось нужным в определенных случаях привлекать знахарей. Наряду со знахарками, повивальные бабки совмещали медицинские и ритуальные функции⁴⁴; они тоже относятся к числу неформальных ролей в общине, причастных к механизму передачи традиций, выявить которые дают возможность записи обрядов.

Конкретизируем еще один аспект анализа коллективного сознания по записям свадебного обряда. Все основные элементы интерьера сибирской крестьянской избы — печь, палаты, голбец, кут и другие — были глубоко традиционны, вынесены из Европейской России, где они уже прочно укоренились к моменту движения в Сибирь. Они осознавались крестьянином как непременная принадлежность его повседневной жизни, вошли в домашние обряды, приметы, нормы поведения. Отработанная веками целесообразность каждого элемента определялась потребностями труда, отдыха, семейных отношений, развивавшихся в данной социальной и географической среде. Убедительным свидетельством прочности и значительности в коллективном сознании позиций традиционной структуры жилья служит место его элементов в обрядах. На самом начальном этапе свадьбы — сватовстве, первое появление в доме невесты «сватуны»⁴⁵ от жениха было отмечено наговором, место произнесения которого и поза произносящей подчеркивали значение вступления в дом — место обитания самой невесты. Примечательно, что текст этого наговора, записанный М. Ф. Кривошапкиным в Казачинской и Маклаковской волостях Енисейского округа в 50-х годах XIX в., совпадает, с незначительными отклонениями, с текстом, записанным С. И. Гуляевым в селении бассейна Верхней Оби в 40-х годах XIX в.— свидетельство широкого распространения и устойчивости этого элемента обряда⁴⁶. Куть, как женская часть избы, играла в свадебном обряде роль места, откуда надлежало появляться невесте в соответствующие моменты празднества. Из кути

⁴² Арефьев В. С. Образцы народной словесности.— «Известия Восточно-Сибирского отделения РГО», 1901, т. XXXII, № 1—2, с. 131—132.

⁴³ Макаренко А. А. Указ. соч., с. 10.

⁴⁴ Городцов Н. А. Указ. соч., с. 40, 41, 58.

⁴⁵ Сватуны — женщина высватывающая невесту, совершающая сватовство. Это могла быть и не сваха, а какая-либо родственница жениха.

⁴⁶ Гуляев С. И. Указ. соч., с. 2; Кривошапкин М. Ф. Указ. соч. т. I, с. 53.

выводили невесту во время смотрин, когда приехавшие в дом невесты жених, его родители, родственники и товарищи рассаживались чинно в избе; при появлении невесты все вставали и приветствовали ее. В кути оставалась невеста во время девишика, после обряда купанья в бане; оттуда ее снова торжественно выводили, когда приехавший со всем свадебным поездом жених был уже в избе; место его тоже было определено традицией — он должен был сидеть в переднем углу под божницей⁴⁷. В одном из вариантов обряда смотренья после выхода невесты жених брал ее за руку и они становились оба на одну половицу, «но так, что к образам всегда становится жених, а к дверям невеста». В этой позиции обменивались кольцами⁴⁸. Жесткая фиксации элементов обряда относительно деталей двора и дома может быть отмечена и в других моментах свадьбы.

В свадебном фольклоре, естественно, сохранялись традиционные формы частей жилища, в него не проникали нововведения. В обрядовом фольклоре рассматривается даже такой древний слой представлений, когда одушевлялось все, что окружало человека не только в природе, но и в быту. Разумеется, обращение к «середине» и «запечине» в изучаемый период — не более как художественная форма. Но представление о том, что нарушение принятых исстари правил может навлечь беду на молодую чету и будущую семью — вполне живой элемент коллективного сознания. Так же как и представление о том, что вступление в дом невесты при определенных обстоятельствах есть момент не только высокоторжественный, но и требующий особых мер для гарантирования успеха дела, для отвращения вмешательства злых сил — отсюда христианские молитвы, перемежающиеся наговорами — на крыльце, у красного окна, у двери, при переступании через порог. Из этой же области и выстрелы дружки в матицу во время свадебного пиршества — отпугивание злых сил от этого дома.

Четкая связь крестьянского дома и всех традиционных частей его с элементами семейных обрядов — одно из звеньев жесткой системы нормативов, в которой оказывался крестьянин феодального общества от самого своего рождения, одно из сцеплений в механизме конформирующего воздействия общества на личность. Это звено, как и вся система традиционных норм поведения, приковывало к определенной социальной и территориальной позиции. В то же время значительность местоположения дома и его элементов в обрядах, связанных с важнейшими этапами жизни человека, освящала жилище труженика, возвышала его в глазах крестьян, порождала соответствующую систему художественных образов, обогащая духовный мир, лишенный многих других источников развития. С другой стороны, теплое, заботли-

⁴⁷ АГО, р. 57, д. 2, л. 18; д. 9, лл. 20, 23; д. 3, л. 19, 22; Гуляев С. И. Указ. соч., с. 8, 28.

⁴⁸ Кривошапкин М. Ф. Указ. соч., т. I, с. 62.

вое отношение к дому, как к детищу рук своих или дедовских и месту повседневной деятельности, семейной и отчасти трудовой, способствовало сохранению этой стороны обрядовых традиций. Отсюда проис текают уникальные возможности записей семейных обрядов как источника для изучения труднодоступных исследованию сфер общественного сознания.

Особый вид этнографо-фольклорных источников составляют записи поверий, сделанные непосредственно со слов самих крестьян. Иногда они сочетались с записью обряда, связанного с данным поверьем. Таковы, например, записи поверий о домовом⁴⁹. В этих рассказах мифический «хозяин» предстает в облике реального хозяина дома. Характер его поведения в представлении крестьян непосредственно связан с обычными хозяйственными делами во дворе дома, проникнут осведомленностью о всех деталях данного хозяйства. Считалось, что «хозяин» может делать все работы по крестьянскому двору: поить, кормить и «обиживать» скот. Тот, кому удавалось обнаружить его за этим занятием, не должен был выдать своего присутствия, в противном случае «хозяин» «растает, скроется». Он выполнял эти работы или содействовал их выполнению в том случае, если реальные хозяева дома угождали ему, оказывали установленные знаки внимания. Домовой обладал, по крестьянским рассказам, определенной избирательностью в своих симпатиях не только в отношении людей, населявших дом, но и по отношению к животным. Нередко успех рачительного и изобретательного хозяина в уходе за скотом относили за счет безоговорочной благосклонности «хозяина» и т. п. Заслуживает внимания в записях этих преданий XIX в. трактовка отношения домового к бедняку как сочувственного. Проникновение социальных мотивов в поверья о «хозяине» свидетельствует о том, что мы имеем здесь дело с вполне живым явлением общественного сознания, а не с застывшими пережиточными формами. Если одушевление элементов дома в свадебном обряде превратилось в художественную форму, то вера в существование «хозяина» для многих крестьян составляет часть миросозерцания, органично связана с хозяйственной магией, уживается со стихийным материализмом.

В образе «суседко» — «хозяина» соединяются в представлениях сибирских крестьян, отраженных в записях поверий, черты доброго и злого начала, носителя благополучия и нечистой силы. Основное содержание верований о «суседке» — «хозяине», обнаруживающее магический характер этих представлений, т. е. стремление активно воздействовать на происходящее, проявлялось в домашних обрядах⁵⁰. Так, запись обряда, сделанная Г. С. Виноградовым в Тулуновской волости Нижнеудинского уез-

⁴⁹ Поверья и обряды крестьян-сибиряков (Материалы по этнографии Нижнеудинского уезда). — «Сибирский архив». Иркутск, 1915, № 3—5, с. 111—113; Зобнин Ф. Из года в год. — «Живая старина», вып. 1. СПб., 1894, с. 64.

⁵⁰ Арефьев В. С. Указ. соч., с. 130.

да в начале ХХ в.⁵¹ и отражающего несомненно традицию, сложившуюся в течение предшествующего периода, представляет большой интерес для анализа крестьянских верований. Ритуал обращения к «хозяину» и «хозяйке» имеет определенную аналогию с обрядом, обращенным к овину; оба культа — домового и овинника восходят к одному и тому же уровню дохристианских славянских верований. «Хозяин» и «хозяйка», являясь покровителями дома и двора, в то же время связаны в представлении сибирского крестьянина не только со скотоводством, но и с земледельческой деятельностью. Встречалось и разделение функций «покровительства» — самостоятельный культ дворового⁵². Не исключено, что и записанный Виноградовым обряд имел в виду две разных пары: покровителей двора — «хозяина» и «хозяйку» и покровителей дома — матушку-соседушку и батюшку-домового; подношение и моление делалось раздельно, обращение тоже разное. О связи с землей говорит обязательность подношения им хлебцов из муки первого помола. Еще более эта связь выражается в описаниях весенних обрядов сева, которые Г. С. Виноградов сделал в тех же селениях, где зафиксирован обряд, связанный с «первой квашней» — хлебом первого помола⁵³. «Покровитель» семьи не может не иметь отношения к главному занятию и основе благополучия — земледелию; надо заручиться его поддержкой в такой важнейший для хлебопашства момент, как начало сева. Если хозяйственная магия, через которую красной нитью проходят представления о том, что действие должно вызвать подобное ему, похожее на него явление, понуждает или даже насиливает сверхъестественную силу⁵⁴, то здесь мы, несомненно, имеем дело со стремлением примирить с собой, умилостивить сверхъестественное существо. Имитативный момент присутствует, но на гораздо более высоком духовном уровне, сформировавшемся уже, возможно, под влиянием христианской нравственности: «я вас люблю, и вы моих деток и меня любите».

В этой связи отметим, что материалы поздних сибирских записей русских обрядов и поверий подтверждают мысль, высказанную Б. А. Рыбаковым, об использовании этнографических данных XIX в. для исследования дохристианских верований славян путем проецирования их на археологические и ранние письменные источники⁵⁵.

⁵¹ Поверья и обряды крестьян-сибиряков..., с. 119.

⁵² Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.. 1903, с. 44—48; Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М.—Л., 1957, с. 98.

⁵³ Поверья и обряды крестьян-сибиряков..., с. 116.

⁵⁴ Аничков Е. В. Народная поэзия и древние верования славян.— В кн.: История русской литературы под ред. Е. В. Аничкова и др., т. 1. М., 1908, с. 64; Фрэзер Д. Золотая ветвь, вып. 1—4. М., 1928.

⁵⁵ Рыбаков Б. А. Основные проблемы изучения славянского язычества.— В кн.: «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 8. М., 1970, с. 140.

Как правило, описание обрядов (равно как и записи народных календарей и другие этнографические материалы) носит обобщенный характер, т. е. излагается не ход конкретной свадьбы или конкретного календарного празднества, а эталон, принятый в данной местности или у данной этнической общности. Реконструируется этот эталон автором записи на основе собственных наблюдений или рассказов информаторов, чаще и того и другого, в сочетании. Это свойство записей позволяет относиться к ним как к материалу типичному, избавленному в значительной мере от случайных фактов, но оно же требует и особенно внимательного отношения к позиции автора, поправок на его тенденциозность. Задача эта облегчена тем, что советское сибиреведение создало исследования по истории фольклористики и этнографии Сибири, в которых выявляется как степень достоверности записей, так и общеметодологические позиции их авторов и принадлежность их к определенным направлениям отечественной науки. В данном случае историк находится в благоприятном положении, так как может воспользоваться результатами смежных наук. Мы имеем в виду прежде всего фундаментальную монографию Я. Р. Кошелева по русской фольклористике Сибири, а также работу Л. Е. Элиасова по русскому фольклору Восточной Сибири, первая часть которой целиком посвящена истории сабирания и изучения фольклора⁵⁶. Поскольку сабирание фольклора было тесно связано с записями этнографического характера как в силу близости самих объектов по существу, так и в силу научных интересов сабирателей, в исследовании Я. Р. Кошелева обстоятельно рассматривается и этнографическая сторона деятельности тех же лиц.

Среди крестьянства Сибири изучаемого периода в ходу были рукописные сборники заговоров. Из исследователей прошлого века, сабиравших в Сибири фольклорный и этнографический материал, по-видимому, первым столкнулся с такими сборниками в 40-х годах С. И. Гуляев. В его книге «Знахарство», подготовленной автором к изданию, но не изданной, на рукопись которой обратила внимание Р. С. Липец, среди многочисленных собранных в Сибири заговоров есть и извлеченные из «старинных» ру-

⁵⁶ Кошелев Я. Р. Указ. соч.: Элиасов Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири, ч. 1. Улан-Удэ, 1958. В работах по истории русской этнографии и фольклористики в целом изучение материалов Сибири заняло видное место (Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966; Азадовский М. К. История русской фольклористики, т. 1—2. М., 1963). Уделяется этим вопросам много внимания и на страницах «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (см. статьи: Липец Р. С. Научное наследие С. И. Гуляева как этнографа, фольклориста.— В кн. Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. II. М., 1963, с. 36—57; Казаков А. П. Д. А. Клеменц—основатель Этнографического отдела Русского музея.— Там же, вып. IV. М., 1968, с. 45—61; Суринов В. М. Этнографические исследования Н. Л. Скалозубова.— Там же, с. 99—109; и др.).

кописных сборников⁵⁷. В 1888 г. Д. А. Клеменц опубликовал сообщение о двух таких рукописных сборниках из Минусинского округа: «Это два семейных сборничка заговоров, примет и молитв на разные случаи домашней жизни... Судя по способу начертания букв, можно с уверенностью сказать, что обе тетради не старше 40 или 50 лет». Оба сборника были написаны малограмотными людьми⁵⁸.

В источниковедческом плане особенный интерес представляет история возникновения одного из сборников Клеменца, полученного от крестьянина с. Тесинского. «Долго житейская мудрость, содержащаяся в ней (тетрадке.—М. Г.), передавалась устно и хранилась в величайшей тайне от посторонних. У деда, последнего владельца этих секретов, был грамотный сын, который и записал переданное ему на словах в тетрадку, и сам наказал своим наследникам хранить переданное сокровище в тайне от других и никому не передавать, так как этою мудростью и держится уже более ста лет их дом; но дух скептицизма растет; отец последнего обладателя секретов уже не полагался на свою память и записал их в тетрадку, а передавший эту рукопись в чужие руки, изверился в чудодейственную силу тайных молитв и заговоров. «Перестали помогать!» — объяснил он»⁵⁹.

По-видимому, Д. А. Клеменц прав, что самая запись заговоров есть уже некоторое отступление от преемственного хранения их как семейной святыни, тщательно скрываемой; не говоря уже о том, что запись — свидетельство грамотности, открывающей путь к преодолению суеверия. В то же время появление крестьянских рукописных сборников заговоров есть несомненное свидетельство реального бытования их в изучаемый период в качестве живого элемента крестьянских верований и крестьянского художественного творчества. Глубоко архаичные слои, прослеживаемые в некоторых наговорах, связанных, в частности, с хозяйственными задачами, неожиданно уживаются в Сибири с таким явлением, как существование круга чтения в крестьянской среде, наличие своих, крестьянских каналов распространения грамотности, книг и рукописей⁶⁰. Это сочетание было возможно ввиду отмечавшихся выше местных условий: известной географической и экономической изоляции, удаленности от наиболее развитых центров страны, но вместе с тем — относительно боль-

⁵⁷ ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 163, оп. 1, № 59 (5); *Липец Р. С.* Указ. соч., с. 40—41.

⁵⁸ Клеменц Д. А. Указ. соч., с. 30.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Ромодановская Е. К. О круге чтения сибиряков в XVII—XVIII вв. в связи с проблемой изучения областных литератур.— В кн.: Исследования по языку и фольклору, вып. 1. Новосибирск, 1965, с. 242—245; Покровский Н. Н. Антифеодальный протест крестьян-старообрядцев Урала и Западной Сибири и борьба с ним в XVIII в.— Автореферат дисс. на соиск. учен. степени докт. ист. наук. Л., 1973, с. 11—13.

шей самостоятельности крестьянина, меньшей его забитости, в силу отсутствия крепостного права; к этому следует прибавить сравнительно слабые позиции официальной церкви в крае и распространение раскола.

Для определения территории и социальной среды, в пределах которых проявлялся тот или иной элемент общественного сознания, отраженный в рассмотренных этнографических и фольклорных описаниях, необходимо привлечение других видов источников, освещивающих историю данного района и конкретной социальной группы. Использование указанных групп источников невозможно в отрыве от истории заселения отдельных районов Сибири и особенностей формирования и разложения сибирского крестьянства как локальной части класса.

К числу этнографических источников, освещивающих крестьянское сознание, примыкают записи обычного права, которое, как известно, сохранялось в большей или меньшей степени в среде крестьянства России очень долго. Поздние записи обычного права, в отличие от фиксации его во времена раннефеодальных государств, когда этот процесс был связан с формированием государственного законодательства, делались, подобно рассмотренным выше источникам, исследователями по личным наблюдениям и через опрос крестьян с целью изучения общественного и семейного строя крестьянской жизни.

Несмотря на наступление правовых узаконений феодального государства, несмотря на развитие и укрепление его бюрократического аппарата насилия, русская деревня сохраняет в значительной мере обычное право и осуществляет его в практике решения официальными низовыми инстанциями ряда вопросов. Разумеется, сфера применения обычного права все более суживается, часто оно приходит в острые противоречия с официальным законодательством, само испытывает влияние последнего, видоизменяется под влиянием динамики самой социальной структуры деревни. Когда Министерство государственных имуществ в 1847—1848 гг. и особенно Отделение этнографии Русского Географического общества в 60-х годах разработали программы для собирания народных юридических обычаев⁶¹, то смогли собрать в конечном счете силами многих ученых-юристов, этнографов, историков и просто энтузиастов на местах материал⁶², убедительно свидетельствующий о живучести этого явления.

Позднее деятельность по фиксации обычного права продолжалась на фоне пореформенного общественного интереса к вопросам крестьянского самоуправления и землепользования.

⁶¹ Этнографический сборник, вып. 6. СПб., 1864; Программа для собирания народных юридических обычаев. СПб., 1864.

⁶² Якушкин Е. Обычное право. Материалы для библиографии, вып. 1. Ярославль, 1876; вып. 3—4. М., 1907, 1909.

В 1876 г. при РГО была образована Комиссия о народных юридических обычаях под председательством Н. В. Калачева, которая констатировала на первом своем заседании, что программа Этнографического отделения 1864 г. имела «значительное влияние на развитие изучения у нас Обычного Права» и «не только вызвала на это поприще многих новых деятелей, но и создала целую литературу». Комиссия занялась разработкой новой программы⁶³. После ее создания в 1877 г. число вопросников по обычному праву в дальнейшем продолжало увеличиваться⁶⁴. В результате в архивах отложился и был частично опубликован чрезвычайно пестрый материал. Причиной пестроты было не только многообразие программ и различия местных вариантов одной и той же программы (так, программа 1864 г. «была перепечатана многими из губернских ведомостей с разными дополнениями и изменениями»⁶⁵). При пользовании одними и теми же вопросниками, корреспонденты, как и в ответах на этнографическую анкету, зачастую писали о совершенно разных вещах; кроме того, весьма существенные различия вносили сами корреспонденты — сказывался и общий уровень образования, и их убеждения, и степень осведомленности по конкретному вопросу, и пр.

Помимо правового сознания, эти материалы косвенно освещают ряд понятий государственных крестьян, выходящих за рамки юридических вопросов: взгляды на семью и взаимоотношения поколений; трудовое основание собственности, взгляды на общину, на свои права на землю, отношение к труду, брачные и семейные представления и традиции, проблема авторитетов, способы воздействия общественного мнения, общинный конформизм — вот далеко не полный перечень вопросов, для анализа которых дают сведения записи обычного права.

Датировка крестьянских представлений, выявляемых по материалам обычного права, должна производиться в каждом конкретном случае в зависимости от задач и характера фиксации (обычно составитель оговаривал, применяются ли те или иные положения в момент записи или относятся к прошедшему времени — «в прошлые времена», «в старое время», «раньше») и в сопоставлении с другими источниками. Нормы, функционировавшие в момент описания обычая, складывались задолго до этого, в то же время информатор иногда фиксировал традиционные формы, за которыми стояло уже новое содержание. Для Сибири сопоставление записей обычного права второй полови-

⁶³ АГО, ф. 1876 г., Канцелярия Географического общества, д. 29, лл. 1—120.

⁶⁴ Липец Р. С. Изучение обычного права в конце XIX — начале XX в.— В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. IV. М., 1968.

⁶⁵ АГО, ф. 1, оп. 1, д. 29, л. 4.

ны XIX в.⁶⁶ с судебно-следственными материалами XVIII — первой половины XIX в. показывает, что первые могут быть использованы в качестве источника при изучении взглядов крестьянства предшествующего периода. Мы имеем в виду проверку фактического применения юридического обычая и реального бытования тех или иных представлений в крестьянском правосознании по конкретным делам мелкого гражданского иска в деревне и следственным документам, связанным с опросом крестьян. Такие дела отложились в фондах сибирских судных изб, волостных правлений и острогов⁶⁷. Приговоры сельских и волостных сходов, изветы (запись устного сообщения крестьянина о происшествии), доездные подписи (сообщение выборного должностного лица из крестьян о результатах поездки, связанной с сыском беглых или уголовным расследованием), доверенности (документ, подтверждавший полномочия крестьянина в защите интересов общины по данному делу, содержание которого излагалось в доверенности), челобитные, прошения и другие документы XVIII — первой половины XIX в., исходившие от самих крестьян, отражают их правовые взгляды, выраженные в реальных ситуациях. Наложение этого конкретного материала на абстрактную схему порайонной записи обычного права позволяет определить хронологические рамки последнего.

Историкам, изучающим крестьянское сознание, следует обратить также внимание на те возможности, которые дает сочетание вещественных памятников с описаниями современниками материальной культуры для характеристики вкусов, интересов, уровня художественного мастерства, соотношения эстетических потребностей, практических задач и других элементов крестьянского сознания. Так, празднично-гостевая, парадная функция горницы делала ее местом, где больше проявлялись не только имущественные различия владельцев, но и индивидуальный вкус. Возможности для проявлений вкуса и мастерства были заложены в довольно разнообразных формах отделки интерьера жилищ, принятых в Сибири, — росписи, шитье, плетение, применявшимся и в избах (но в меньшей мере), и в горницах. Но и прикладное искусство развивалось в достаточно жестких рамках традиций. В ответах на анкету Географического общества, написанных жителем Шадринского уезда в 1849 г., отмечены

⁶⁶ АГО, р. 57, оп. I, д. 19; р. 62, оп. 1, д. 20; Юридические обычаи крестьян старожилов Томской губернии. Составил кн. Н. Костров. Томск, 1876; Загоскин М. В. Ответы на программу Императорского Русского Географического общества для собирания народных юридических обычаев. Иркутск, 1891 и др.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 517 (Кузнецкая воеводская канцелярия); ф. 1467 (Верхотурское уездное комиссарство); ф. 4272 (Бийская крепость); ф. 1672 (Красноярская воеводская канцелярия); ф. 1396 (Нерчинская воеводская канцелярия); ГАТОТ, ф. 47 (Тюменская воеводская канцелярия); ГАНО, ф. 105 (Чаусский острог); ф. 91 (Бердский острог); ф. Кайлинской, Легостаевской и Бердской земских изб; ГАТО, фонды волостных правлений и др.

два вида украшений избы и клети: развешанные по стенам полотенца «домашнего изделия», расшитые на концах узорами; искусно сделанные из соломы фигуры, иногда испещренные разноцветными лоскутками, прикрепленные к потолку на нитках («вроде канделябра»). Оба вида украшений изготавлялись женщинами⁶⁸. Украшение избы полотенцами описано в Томской губернии⁶⁹.

П. П. Семенов-Тян-Шанский наблюдал многоцветную роспись крестьянских домов в селе Секисовке на Алтае, заселенном «поляками» — русскими старообрядцами, бежавшими в Польшу в XVII в., но возвращенными в Россию и высланными в Сибирь Екатериной II. Путешественник был в Секисовке в 1856 г. «Внутренность их жилищ, — записал он о крестьянах этого селения, — отличалась замечательной чистотой, некрашенные деревянные полы были тщательно вымыты. Мебель, в особенности шкафы, а также потолки и стены были выкрашены яркими красками»⁷⁰. Роспись в Секисовке можно было бы счесть исключением, занесенным старообрядцами из Польши, но в нашем распоряжении есть свидетельства о широком распространении этого явления по Сибири. В отчете о поездке по югу Томской губернии и Горному Алтаю, проделанной в 1878 г. по поручению Западно-Сибирского Отдела РГО, Н. М. Ядринцев констатировал, что «у сибирских крестьян повсюду», и в том числе на Барабе, существует «большое пристрастие к раскрашиванию изб. Так, раскрашены двери, косяки, ставни»⁷¹. Естественно, что роспись, наблюдаемая как «большое пристрастие» в 1878 г., возникла здесь много раньше.

Исследователи сибирского народного зодчества Е. М. Ащепков и И. В. Маковецкий отмечают по более поздним вещественным источникам распространение искусства росписи по дереву в самых различных частях края: в степных районах нынешних Новосибирской и Иркутской областей, в Приуралье и на Алтае, в таежных районах — на Енисее и Ангаре. Известно, что Сибирь не представляла в этом отношении исключения: в Поволжье, Оренбуржье, Вологодской, Архангельской и Олонецкой губерниях описаны избы с расписными потолками, а также избы, где расписано было все, «что только можно красить»⁷².

Тональный вид росписи, ограничивающийся многоцветной раскраской деталей стен избы, печь, мебели, был, по-видимому

⁶⁸ АГО, р. 29, оп. 1, д. 70, л. 4.

⁶⁹ Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ.—Записки Западно-Сибирского отдела РГО, кн. 2. Омск, 1880, с. 25.

⁷⁰ Семенов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань, с. 61 (курсив наш.—М. Г.).

⁷¹ Ядринцев Н. М. Указ. соч., с. 25 (курсив наш.—М. Г.).

⁷² Ащепков Е. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950, с. 127; Маковецкий И. В. Деревянное зодчество Среднего Приангарья, XVII—XX вв.—В кн.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири, ч. 1. Приангарье. Новосибирск, 1971, с. 141—143.

му, характерен для интересующего нас периода; растительный, ковровый виды росписи и другие распространяются позднее. Он был тесно связан с архитектурой жилища. И. В. Маковецким убедительно показаны возможности, которые обнаруживало крестьянское мастерство в этом простейшем виде красочной отделки интерьера. «Росписи конструктивных элементов печи (сруба и досок опечья) усиливают их художественную выразительность... Цветная тональность резко выделяет их на белом фоне в основе воронцов и матицы потолка. Выявление дверного проема, простенка, верхних венцов сруба как бы подчеркивает внутренние габариты помещения, его главные очертания, гаснущие в сумерках зимнего дня или трепетного света небольшого огонька»⁷³. Потребность в ярком, нарядном, праздничном, пробивающейся сквозь будни тяжелой непрерывной работы, прослеживается во многих описаниях материальной культуры дома. Но наряду с богатством художественного видения, которое просматривается в использовании этих простых декоративных форм, отмечается однотипность, повторяемость вариантов, присущих данному региону, — стереотип традиции.

Мы остановились лишь на некоторых аспектах этнографических и фольклорных источников, которые необходимо использовать в историческом исследовании коллективного сознания крестьянства. Сказанным далеко не исчерпываются источниковые возможности материалов этого типа. Историкам следует продолжить этот разговор совместно с этнографами и фольклористами.

⁷³ Маковецкий И. В. Указ. соч., с. 142.

О ДОСТОВЕРНОСТИ СВЕДЕНИЙ ГУБЕРНАТОРСКИХ ОТЧЕТОВ XIX в.

Б. Г. Литвак

Губернаторские отчеты представляют собой свод данных, фиксировавших состояние губерний за год. Несмотря на чисто бюрократическое происхождение этого документа, он содержит такое обилие разнообразных, упорядоченных сведений, что его значение как незаменимого источника для изучения социально-экономической истории России XIX в. по крайней мере до появления земской статистики неоспоримо. Однако это не освобождает исследователя от критического взгляда на данный источник. Уместно напомнить о ленинской позиции по отношению к источнику, который по своему происхождению и положению в источниковой базе аналогичен губернаторскому отчету. Как известно, В. И. Ленин прямо говорил о неудовлетворительности фабрично-заводской статистики в России XIX в., но вместе с тем замечал: «Мы отнюдь не хотим сказать этим, чтобы ее данные не заслуживали внимания и разработки. Совсем на-против. Мы подробно разбирали недостатки современной системы, чтобы подчеркнуть необходимость особенно тщательной разработки данных. Главной и основной целью этой разработки должно быть отделение плевелов от пшеницы, отделение сравни-тельно годного материала от негодного»¹.

Использование материалов губернаторских отчетов, которое в последние годы резко возросло, все настоятельнее требует дальнейшего совершенствования методики их изучения.

Целью данной статьи является выявление и обоснование методических приемов, которые способствовали бы решению названной задачи. В этом направлении плодотворно работают И. Д. Коваленко, А. С. Ницентов, Н. Н. Улащик и другие исследователи. Н. Н. Улащик и А. С. Ницентов — авторы специальных работ источниковедческого плана, в которых подытожен материал более столетнего спора о значении губернаторских отчетов как исторического источника, четко определены позиции в современной дискуссии по этому вопросу. Это дает возмож-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 32.

ность ограничить анализ литературы статьей Н. Н. Улащика² и новейшим трудом А. С. Нифонтова³, предисловие и первая глава которого специально посвящены интересующим нас вопросам.

Работа Н. Н. Улащика впервые в советской литературе перевела вопрос о достоверности данных губернаторских отчетов на базу конкретного источниковедческого изучения вместо бытавших до него ссылок на историческую традицию в оценке этих данных и общих логических построений в пользу этой традиции. Хотя статья Улащика локально ограничена, сам подход автора к изучению этого вопроса и ряд его выводов имеют общее источниковедческое значение. Автор последовательно изучает данные отчетов об угодьях, населении, посеве и сборе зерновых и картофеля, скотоводстве, ярмарочных оборотах, судоходстве, промышленности. Из приложений к отчету Улащик выбрал только некоторые ведомости, именно те, которые удовлетворяли его интересы как историка дореформенной Литвы и Западной Белоруссии. Но даже с учетом этого ограничения источниковедческие наблюдения автора весьма ценные.

Рассматривая данные об угодьях, автор учитывает научные и социальные причины неточностей в определении размеров угодий. Считая, что данные геодезической съемки — самый достоверный источник, автор использует расчеты И. Стрельбицкого, относящиеся к 70-м годам, в качестве эталона для проверки степени точности указываемых в отчетах размеров пространства губерний и уездов. Автор обнаружил в фонде виленского генерал-губернатора данные о территории Гродненской и Виленской губерний, совпадающие с данными Стрельбицкого, но именно эти данные почему-то в отчетах не фигурировали. Данные об угодьях, заключает автор, «имеют условный характер» и пытаются определить меру этой условности. В этом отношении определенное методическое значение имеет его наблюдение о неточности понятия «неудобные земли». Автор полагает, что в пределах условности данных об угодьях наиболее точными были данные о пашне и сенокосах, находившихся в пользовании помещичьих крестьян. Еще более достоверными были данные о размерах государственных имений. Этот социальный признак, вводимый Улащиком, весьма удачен и доказателен⁴. Действительно, реальные жизненные обстоятельства заставляли как господствующий класс, так и крестьян быть особенно точными при определении размера используемых земель и их распределения по угодьям. Таким образом, устанавливается некая градация достоверности сведений об угодьях в пределах их общей неточ-

² Улащик Н. Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804—1861 гг.). В кн.: Проблемы источниковедения, IX. М., 1961.

³ Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX в. По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. М., 1974.

⁴ Улащик Н. Н. Указ. соч., с. 24—27.

ности, где на первом месте пашня и сенокосы государственных имений, затем помещичьих, с последующим падением степени точности по всем другим угодьям. Таков должен был быть вывод из самого анализа конкретных данных, но общий вывод автора более мажорный: «несмотря на свою относительную точность» данные об угодьях «прочно вошли в научный оборот и, видимо, удержатся и в дальнейшем, что не исключает, конечно, попыток критического их пересмотра»⁵.

Анализ данных о населении автор строит на последовательном сопоставлении сведений по ревизиям и губернаторским отчетам, показывая существенные пробелы этих двух источников (особенно по исчислению шляхты). Что касается губернаторских отчетов, автор предостерегает от использования их «только за один год, так как в нем может оказаться цифра, противоречащая всем остальным и очень далекая от истины»⁶.

Особый интерес представляет анализ данных о посеве и сбое зерновых и картофеля. Н. Н. Улащик показывает, что пробные обмолоты как средство определения урожая (с 1822 г.) не могли обеспечить точности, так как отражали реальный урожай на очень небольших площадях, а разнообразие обработки и ценности земель даже в соседних имениях сводили на нет точность данных пробных обмолотов. Различие в приемах определения урожая также не способствовало единобразию получаемых сведений. Именно поэтому все заинтересованные в сведениях об урожайности и урожаях на протяжении многих лет скептически оценивали их достоверность. Далее автор достаточно убедительно доказывает преимущество данных отчетов губернаторов перед данными Министерства государственных имуществ (МГИ) за 1843—1856 гг. Что же касается сведений о помещичьих посевах и посевах их крестьян, которые давали в изучаемых губерниях около 80% сбора зерна, то здесь авторское сопоставление свидетельств должно было бы удержать его от тех выводов, к которым он приходит. Так, совершенно очевидно, что отчет гродненского губернатора за 1845 г. дает неверную цифру посева зерновых, об этом пишет сам Улащик. Далее, имея дело с данными за 1843—1856 гг., автор приводит авторитетное свидетельство А. Ф. Фортунатова о том, что он сверил сведения за 80-е годы в губернаторских отчетах с погодными записями об урожае в помещичьих имениях и увидел их близость, отсюда делается совершенно неожиданный вывод: «...следовательно, отчеты губернаторов мало уступают в точности наиболее достоверным источникам своего времени, но они имеют перед ними то преимущество, что содержат сведения о производстве у всех категорий населения»⁷.

⁵ Там же, с. 35.

⁶ Там же, с. 39—40.

⁷ Там же, с. 48.

Это принципиально важное заключение Н. Н. Улащика неправомерно основывать на выводе Фортунатова, который действительно писал: «Особенно любопытна взаимная близость наименее конкретного источника губернаторских отчетов, опирающихся на догадки волостных правлений, с наиболее конкретным, с действительными погодными записями об урожае в частных хозяйствах». Но он имел в виду свое сравнение названных источников за 1883—1889 гг. Если подсчитать показатели, приведенные в приложении «Д», то окажется, что в его распоряжении имелись записи по отдельным имениям, расположенным в 228 уездах 42 губерний Европейской России за 1810—1889 гг. Причем за 1810—1870 гг. у него было всего 127 записей по 56 уездам. Естественно, что он сравнивал данные записей и губернаторских отчетов за годы 1883—1889, где такое сопоставление было возможно, и результаты этого сопоставления и привели его к вышеуказанному выводу⁸. Таким образом, расширительно трактовать этот вывод Фортунатова вряд ли возможно. Ведь Фортунатов говорит о 80-х годах, а реальные свидетельства, приводимые Улащиком, вовсе не подтверждают того же для первой половины века. Далее, то обстоятельство, что офицеры генерального штаба, видя недоброкачественность анализируемых данных, все же ими пользовались, также не повышает статус достоверности этих данных.

Между тем этот вывод приводит автор и при оценке достоверности сведений о количестве скота⁹. Здесь, однако, Улащик тонко замечает большую достоверность данных после 1842 г., чем до него, и это имеет основания, если учесть, что 1842 г.—переломный в организации системы подготовки и подачи губернаторских отчетов.

Общий вывод, к которому приходит Улащик, таков: «Опыт анализа цифровых данных отчетов трех литовско-белорусских губерний показывает, что в отношении точности они не уступают никаким другим источникам». Это более решительное заключение, чем те мнения советских ученых (Н. М. Дружинина, Л. А. Лооне и др.), с которыми солидаризируется Н. Н. Улащик¹⁰.

Потребности науки, все более и более отходившей от иллюстративного метода, не могли не воздействовать на позиции исследователей, которых губернаторские отчеты привлекали наличием систематического и систематизированного материала, «удобством» изучения. Поэтому более чем сдержанное отношение к данным об урожаях в губернаторских отчетах В. К. Яцунского должно было встретить ту реакцию, которая отражена в работе Н. Н. Улащика.

⁸ Фортунатов А. Урожай ржи в Европейской России. М., 1893, с. 62, 234—254.

⁹ Улащик Н. Н. Указ. соч., с. 50.

¹⁰ Там же, с. 55.

Губернаторские отчеты все шире привлекались, и все решительнее становилась позиция ряда исследователей «в защиту» губернаторских отчетов. Наиболее последовательно эту позицию отразил А. С. Нифонтов. Выступив с критикой скептицизма в отношении урожайной статистики губернаторских отчетов еще в 1958 г., Нифонтов в работах 1964 и 1968 гг.¹¹ расширил обоснование взгляда, который в новейшей работе сформулирован так: «...официальная статистика хлебных урожаев в России середины XIX в. безусловно заслуживает серьезного внимания исследователей»¹². Свою систему доказательств Нифонтов строит следующим образом. Он прежде всего пересматривает вопрос о традиционном недоверии к данным отчетов о посевах и урожаях хлебов. Он подвергает сомнению установившийся в литературе взгляд об отрицательном отношении виднейших экономистов и статистиков-современников к данным урожайной статистики отчетов. В его прочтении все собранные Фортунатовым отрицательные отзывы об урожайной статистике первой половины XIX в. (вернее, доземской статистики) теряют свою категоричность. Нифонтов подсчитал, что только по семи губерниям из 21, обследованной офицерами генерального штаба в 50—60-х годах, исследователи не удовлетворены сведениями об урожаях и не доверяют данным отчетов. Наконец, Нифонтов ссылается на исследователей конца XIX в. (Л. И. Грасса) и 20-х годов XX в. (В. Г. Михайловского), которые на основании данных губернаторских отчетов изучали периодичность урожайных и неурожайных лет в России¹³.

Общий вывод, к которому Нифонтов приходит, сводится к тому, что традиционное представление о скептическом отношении ведущих специалистов прошлого к данным об урожаях в губернаторских отчетах не имеет твердых оснований.

Затем Нифонтов исследует практику сбора сведений об урожаях в первой половине XIX в. Он рассматривает законодательные нормы, устанавливавшие порядок сбора этих сведений, с одной стороны, и документацию об источниках этих сведений — с другой¹⁴. Результат этого анализа он формулирует так: «Нет оснований отрицать, что исходные данные о сборе хлебов получались путем пробных умолотов на местах, т. е. отражали действительное количество зерна, получавшееся при измерении урожая на землях разных ведомств в различных уездах. Неосновательны также сомнения в ненадежности способов доставки этих первичных сведений об урожае в губернские учреждения;

¹¹ См.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г. Таллин. 1959, с. 61—63; Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л.. 1964, с. 220—230; «Исторические записки», 1968, т. 81, с. 216—258.

¹² Нифонтов А. С. Указ. соч., с. 6.

¹³ Там же, с. 16—35.

¹⁴ Там же, с. 35—49.

передавались они по разным, не связанным друг с другом каналам, что допускало их взаимную проверку»¹⁵.

Чрезвычайно интересно в методическом отношении впервые предпринятое А. С. Нифонтовым сравнение данных отчетов о средней урожайности по землям ведомств Министерства внутренних дел и Министерства государственных имуществ в 36 губерниях Европейской России за 1851—1860 гг. Построенные им графики по губерниям Нечерноземного и Черноземного центров показывают синхронность колебаний урожайности в помещичьих имениях и казенной деревне, что, по мнению Нифонтова, доказывает объективную ценность данных МВД, так как данные МГИ всегда считались более или менее точными¹⁶.

Общее заключение этой обширной главы, содержание которой мы попытались сугубо конспективно изложить, сводится к шести пунктам, сформулированным автором: материалы официальной статистики урожаев «по крайней мере до 70-х годов XIX в.» «незаменимы при изучении общего состояния и направления развития земледельческого производства как по всей России в целом, так и по ее основным хозяйственным районам»; они сопоставимы с показателями более позднего времени и «достаточно надежны для определения общей динамики урожайности хлебов в Европейской России на протяжении всего прошлого столетия»; они «вполне пригодны для цифровых характеристик урожаев зерновых по районам, охватывающим несколько губерний»; «допустимо использование абсолютных показателей не только о высеве, но и сборе хлебов» при сравнении с другими странами; их единобразие позволяет сопоставление по отдельным районам страны, а в пределах каждой губернии многолетние сведения «дают ясное представление» о смене хороших, средних и плохих урожаев, о пределах колебаний средних урожаев за данный период времени¹⁷.

Хотя Нифонтов, перечисляя приведенные пункты, под каждым из них ставит фамилии авторитетных статистиков прошлого, которым, как он утверждает, принадлежат эти выводы, в действительности они являются выводами автора и свидетельствуют о куда более радикальном пересмотре традиционных представлений, чем это было сделано всеми предшественниками исследователя. «Скептикам» противопоставляется позиция доверия к данным урожайной статистики. Тот узел сложных вопросов по оценке достоверности урожайной статистики губернаторских отчетов, который завязывался по крайней мере в течение столетия, в исследовании Нифонтова решительно разрубается. Нам представляется, что узел следует терпеливо развязывать, учитывая те преимущества, которые дает взгляд на губернатор-

¹⁵ Нифонтов А. С. Указ. соч., с. 49.

¹⁶ Там же, с. 57—78.

¹⁷ Там же, с. 79—80.

ский отчет как на цельную документную систему. Не вырывать из этой системы отдельные звенья или звено и по нему изучать степень достоверности, а видеть всю систему и внутри нее определять достоверность сведений отдельных частей.

Наличие множества законодательных актов и развивавших их инструкций, периодически издававшихся различными ведомствами в течение 20—70-х годов XIX в., свидетельствует не только о правительственном регулировании и контроле, но и в неменьшей степени о бессилии центральной власти так организовать сбор сведений об урожае, чтобы удовлетворить потребности администрации в этой информации. Но высказанные соображения относятся к умозрительной, логической критике доводов А. С. Нифонтова. Обратимся к фактам реальной жизни и, поскольку мы рассматриваем губернаторский отчет как систему документов, рассмотрим весь процесс подготовки отчета саратовского губернатора за 1842 г. с момента сбора сведений до момента получения губернатором замечаний министра внутренних дел по отчету (с 13 октября 1842 г. по 13 марта 1844 г.)¹⁸.

Выбор губерний для этой цели в общем-то особого значения не имеет, но степень типичности выявленных фактов по Саратовской губернии выше, чем если бы мы остановились, например, на Московской губернии, где общий профессиональный и культурный уровень уездного и губернского чиновничества был, конечно, выше среднего.

13 октября 1842 г. губернатор рассыпает циркуляр всем городским полициям, земским судам, исправникам, городским думам и сиротским судам, казенной палате и уделной конторе, палате госимущества, губернскому управлению, саратовскому и царицынскому епископам, комиссии народного продовольствия, саратовскому и дубовскому смотрителям судоходства, врачебной управе, комитету о тюрьмах, приказу общественного призрения, рекрутскому присутствию, конторе по иностранным поселениям. В подготовке отчета участвовали все уездные и почти все губернские учреждения. Вся чиновная масса предупреждена, что требуемые сведения должны быть представлены к 15 января 1843 г., «причем предваряю,— писал губернатор,— что если означенных ведомостей к назначенному сроку доставлено не будет или представленные на рассмотрение окажутся неполными и неверными, то они будут требуемы и возвращаемы к исправлению не иначе как с эстафетами насчет виновных»¹⁹. Как видим, речь идет не только о предоставлении сведений в срок, но и об ответственности за их качество. От кого какие сведения требовалось и кто за что отвечал? От городничих и земских исправников требовалось сообщить о случаях «замечательного приращения населения», о переселении, организации новых поселений, о

¹⁸ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 359.

¹⁹ Там же, л. 2 об.

количество родившихся и умерших, о народной нравственности, совращении от православия, о преступлениях по категориям, об арестантах, состоянии полицейской и пожарной частей, о новых ярмарках и торгах (по чьему разрешению открыты), о путях сообщения и их состоянии, о квартирной и подворной повинности. О сведениях, представляющих для нас особый интерес, скажем в формулировке самого документа: «...о состоянии и усовершенствовании земледелия, пчеловодства и вообще сельского хозяйства, о состоянии торговли, предметах и степени распространения или упадка оной, о причинах сего, о состоянии прежних и учреждении новых мануфактурных заведений, фабрик, заводов с означением, какие изделия на них вырабатываются, на какую примерно сумму серебром и куда сбываются»²⁰. Как видим, здесь все сформулировано таким образом, что можно было ограничиться описательной стороной вопроса и «общими соображениями», за которые отвечать не придется. От палаты государственных имуществ требовалось сведения о посеве озимого и ярового, их сборе, количестве нужного для посева и остатке хлебов, о мерах по обеспечению продовольствием в случае неурожая. Единственное прямое требование было указать «сколько имеется у жителей скота *примерно* (курсив мой.— Б. Л.), кроме казенных крестьян и свободных хлебопашцев», а в случае стихийных бедствий нужно было сообщить «например, сколько десятин какого хлеба и на какую сумму выбил град»²¹.

7 ноября 1842 г. в связи с полученным циркуляром МВД, посланным 14 октября 1842 г. за подписью министра Перовского, объявлявшего новый порядок составления отчетов и его образец (это были типографски размноженные «Отчет... гражданского губернатора за 18... год» и формы 27 таблиц приложения)²², губернатор рассыпает соответствующим адресатам формы таблиц приложения, не изменяя срока их представления. Таким образом, не отменяя свою прежнюю инструкцию, губернатор обеспечил себя получением сведений по новым формам из различных учреждений, компетенция которых соответствовала предмету этих таблиц. Никому не было поручено представление сведений по ведомости № 5 («О рассмотренных губернатором судебных приговорах»), № 15 («Статистические сведения»), № 21 («О посеве и урожае хлеба, овощей и плодов по ведомству разного звания хлебопашцев») и № 25 («О раскольниках по различным их толкам»). Если ведомость № 5 могла быть заполнена в канцелярии губернатора, то все остальные должны были составляться по сведениям, полученным из уездов, т. е. от земских судов, исправников и священников. Но если палата госимуществ, как мы видели, была точно ориентирована в сведениях для таблицы № 21,

²⁰ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 359, л. 5.

²¹ Там же, лл. 5 об.— 6.

²² Там же, д. 358. См. приложение к статье.

то уездные власти ее не знали. Комиссия народного продовольствия, как видим, не привлекалась к сбору сведений по этой таблице, она отвечала только за ведомость о хлебных и денежных запасах продовольствия²³. Следовательно, в самой канцелярии губернатора сводились данные для этих таблиц, черпаемые из донесений с мест.

Сбор сведений для отчета явно задерживался, судя по переписке об этом, во всяком случае до 26 января 1843 г. сведений в полном объеме еще не было, но 27 февраля отчет за 1842 г. был уже направлен в Министерство внутренних дел²⁴. В сопроводительном письме на имя статс-секретаря А. С. Танеева губернатор писал, что, представляя отчет по требуемой форме за 1842 г. «в полном объеме», он только ведомость № 3 («Оделах, находящихся в производстве свыше трех лет»), дал в сокращенном виде, не расчленяя по каждому делу в отдельности, ибо таблица получилась бы громоздкой. 19 марта Танеев ответил, что отчет был доложен царю и по его повелению вынесен на рассмотрение в комитет министров²⁵.

Обратимся к анализу замечаний губернской канцелярии по представленным ей материалам для этого отчета²⁶. Эти замечания показывают, что чиновники канцелярии губернатора владели формальными приемами сопоставления цифр, полученных из разных ведомств по одному и тому же предмету, умело выявляли противоречивость показателей внутри каждого донесения, «ловили» авторов донесений на разноголосице данных, представленных к отчету, и оперативных донесений. Все эти приемы при последовательном их применении в отношении всех сведений для 27 таблиц приложения в общем и целом могли бы обеспечить устойчивое доверие к данным отчетов. Однако такой сравнительно тщательной проверке подвергались только те сведения,

²³ В фонде Саратовской губернской комиссии народного продовольствия насчитывается 323 ед. хр. за 1836—1869 гг. В них нет никаких следов, которые отражали бы интерес к первичным данным о сборе и посеве хлебов, об урожайности. Версия о потерях документации, обычно приводимая в этом случае, исключается, т. к. в этом же фонде мы насчитали 236 ед. хр. (73% всех материалов) ведомостей о справочных ценах на хлеб и другие припасы, охватывающие период с 1 сентября 1846 г. по декабрь 1864 г. То, что имело непосредственно административный «выход», не оставалось вне поля зрения губернского начальства. Значение комиссий народного продовольствия как органов, контролирующих «урожайную статистику», явно преувеличивается. Ведь комиссии получили нечто похожее на канцелярию только в результате утвержденного царем журнала заседания комитета для устройства хлебных магазинов от 16 января 1836 г. (членами комитета были такие сановники, как Сперанский, Канкрин, Блудов). Но эта «канцелярия» — рабочий орган комиссий — представлялась советником хозяйственного отделения казенной палаты. Он, конечно, физически не был в состоянии, кроме исполнения прямых обязанностей, еще и собирать, а главное проверять сведения о реальных умолотах, даже если бы он этого и хотел.

²⁴ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 359, лл. 72—81.

²⁵ Там же, л. 104.

²⁶ Там же, лл. 82—99.

которые относились к узкополицейским функциям местных властей. По своему конкретному характеру эти замечания можно разделить на четыре группы: к первой отнесем непредставление определенных сведений. Так, по Сердобскому уезду не представлены сведения о преступлениях, по Балашовскому, Царевскому и Камышинскому «статистические таблицы» (ф. № 15). Ко второй — «неправильное», «небрежное», «беспорядочное» оформление донесений, что приводило к грубым ошибкам или невозможности их использования и требовалось переделки и уточнения. Так, по Петровскому, Кузнецкому, Сердобскому, Волгскому, Хвалынскому, Николаевскому, Новоузенскому и Царицынскому уездам сведения о народонаселении были некачественными (речь идет не о том, отражали ли они реальное положение, а об элементарном несовпадении суммарных итогов с итогами распределения по полу, религиозному признаку, или не показано число родившихся и умерших). К третьей — несоответствие представленных сведений данным, имеющимся в канцелярии по оперативной переписке, предварительным данным чиновников канцелярии или разноречивость в различных частях донесения. Например, по Камышинскому уезду был показан 21 преступник, а в особом, специальном донесении только 6; по Царевскому — в ведомости о преступлениях дел не числится, но в донесении от 3 февраля 1843 г. полиция сообщала о 21 преступнике. По Волгскому уезду было сообщено об отсутствии заводов. Чиновник канцелярии усомнился в этом, считая, что там есть кирпичные заводы, пивоваренный «и, может быть, есть и другие»²⁷. Чиновник не ошибался в своих предположениях, так как в статистическом комитете имелись ответы на «программу» 1841 г. волгского исправника, который сообщал о наличии 5 винокуренных заводов с 350 рабочими²⁸. По ведомости Петровского земского суда числились 2 самоубийства, а в тексте донесения при объяснении причин самоубийств говорится, что 2 произошли от пьянства, 14 от болезни и 2 от грома («будто от грома можно быть самоубийцею!» — восклицает язвительно чиновник)²⁹.

К четвертой группе относятся результаты сопоставления донесений различных уездных ведомств. Приведу перечень различий по данным исправников и земских судов.

По Волгскому уезду первый показал 65 бродяг, второй — 12. По Балашовскому — случаев самоубийства соответственно 1 и 10; по Хвалынскому — исправник краж не числится, земский суд — 10, первый числит 55 дезертиров и беглых, второй — только 32. По Николаевскому уезду исправник числится убийств — 12, суд — 3; в Царевском уезде по данным исправника было 68 дезертиров и бродяг, по данным суда — почти вдвое меньше — 39. Новоузен-

²⁷ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 359, л. 85 об.

²⁸ ГАСО, ф. 421, оп. 1, д. 7211, л. 52.

²⁹ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 359, л. 89 об.

ский — случаев воровства соответственно 45 и 26, бродяг — 71 и 39. В Камышинском краж — 67 и 56. Совершенно очевидно, что выяснить, какие цифры более точны, губернским чиновникам вряд ли удалось в спешке, вызванной необходимостью представить губернаторский отчет до 1 марта, и они маскировали эти прорехи чисто арифметической точностью. Во всяком случае замечания МВД по отчету, полученные 23 февраля 1844 г., сводятся к указанию ряда мер по административной практике: взыскать недоимки за 1842 г. в 1843 г., поскольку этот год был урожайным, наказать членов Петровского земского суда за чрезмерное накопление количества нерешенных дел и проч.³⁰ Некоторое недоверие к цифровым данным высказано по поводу сведений об обратившихся в православие раскольниках и лютеранах. По данным отчета, первых числился 871 человек, вторых — 11. Но оберпрокурор Синода показал другие цифры — 630 и 3 соответственно³¹. «По ведомости № 18,— писали из министерства,— видно, что на фабриках и заводах в 1842 г. выработано на сумму 1 912 000 руб., а в отчете за 1841 г. ценность фабричных изделий в том году показана в 4 300 000 руб., о таковом значительном упадке... следовало подробно объяснить». Как видим, ни тени сомнения в цифрах, так как вывод об упадке уже сделан. Но ларчик открывался просто: в 1841 г. стоимость выработанной продукции указывалась в ассигнациях, а в 1842 г.— в серебре (хотя это и не было оговорено)³². По отчету 1849 г. получаем такую же картину, правда, с несколько более въедливыми замечаниями министерства³³. На этот раз замечания делятся на «А. замечания, требующие распоряжений губернского начальства», «Б. замечания, требующие дополнительного объяснения», и «В. замечания, относящиеся к редакции отчета». Остановимся на замечаниях второй группы, как наиболее важных для нас. Министерство просит объяснить расхождения в отчете и в ведомости № 7 по количеству имений, находящихся в опеке. В первом случае их указано 598, во втором — 725. Канцелярия губернатора обращает внимание министерского контролера, что в примечании к ведомости числится 127 имений, взятых в опеку за неуплату долгов. В двух других случаях канцелярии пришлось признать свою оплошность. По ведомости № 11 числилось 2703 головы заболевшего скота и 1735 — павшего, а по отчету врачебной управы — 1145 и 658, соответственно. Министерство резонно спрашивало, каким же цифрам верить. Ответ канцелярии губернатора достоин цитирования: «Сведения о числе заболевшего и павшего скота показаны с отчетов градских и земских полиций, которые как основанные на ближайших местных справ-

³⁰ Там же, лл. 106 об.— 107.

³¹ Там же, л. 107.

³² Там же, л. 114.

³³ Там же, л. 1100.

ках точнее доставляемых врачебную управою. Для устранения на будущее время подобного разноречия сделано распоряжение, чтобы врачебная управа при составлении своих отчетов имела в виду сведения градских и земских полиций»³⁴. На вопрос о причинах повышения доходов в городе Волгске и падении их в других городах канцелярия ответила, что данные по Волгску ошибочны по вине секретаря городской думы.

Процесс сбора сведений, их проверка в канцелярии губернатора (замечания по этой проверке), а затем замечания МВД по отчету — все это не изменилось и через 10 лет (судя по материалам отчета 1858 г.)³⁵, и через 20 лет (судя по отчету за 1869 г., хотя в его подготовке уже участвовала земская управа)³⁶. Особо подчеркнем, что ни разу не было никаких попыток проверки данных ведомостей № 21 и 22 («О посеве и урожае хлеба, овощей и плодов по ведомству разного звания хлебопашцев» и «О справочных и торговых ценах на разные роды хлеба в течение года»). И это общее явление, так как последовательный просмотр «выписок из журналов Совета министра внутренних дел» по представленным отчетам за 1848—1850 гг. по Владимирской, Воронежской, Казанской, Калужской, Курской, Нижегородской, Новгородской, Пензенской, Тверской и Тульской губерниям показал, что они не содержат никаких замечаний по ведомостям № 21, но зато весьма внимательны к ведомости № 20 — «О хлебных и денежных запасах продовольствия»³⁷. Это не случайно, так как ни в законодательстве, ни в административной практике мы не найдем указаний об ответственности за точность данных ведомости № 21. Вся практика подготовки и проверки губернаторских отчетов, описанная нами, безусловно свидетельствует о том, что как раз те сведения, которые вызывают особый интерес современных историков, менее всего подвергались проверке в канцелярии губернатора. И дело вовсе не в злом умысле чиновников: они проверяли те сведения, за верность которых несли личную ответственность.

Какова ответственность губернатора? Практически весь XIX в. и вплоть до 1917 г. «губернаторы для основательности в своих действиях и пользы вверенного управления должны стараться иметь самые точные и по возможности подробные сведения о состоянии губернии во всех отношениях; о народонаселении и соразмерности оного как с пространством, так и естественными средствами края... о количестве пажитных полей, лугов, лесов и прочих угодий; о судоходных и других реках и водах, орошающих губернию; о числе и взаимных расстояниях городов, сел, деревень, заводов, фабрик и о числе, занятиях и положении

³⁴ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 359, лл. 7 об., 8.

³⁵ Там же, д. 252.

³⁶ Там же, ф. 421, оп. 1, д. 258.

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 2, л. 1519, 1628, 1688.

жителей, промышленности их как земледельческой, так и руко-дельной и торговой; о повинностях всякого рода; о публичных врачебных и богоугодных заведениях, церквях, монастырях и так далее; наконец, о состоянии народной нравственности, о кой можно судить по числу и роду преступлений, склонностям и на-выкам людей разных состояний, особенно же многочисленнейших классов»³⁸. Как видим, эту обширную программу сведений губернатору рекомендовалось иметь «для основательности» его деятельности, он должен был «стараться», но не обязан был иметь точные на этот счет сведения. Заметим далее, что па-раметры социально-экономической жизни сводятся к почвенно-гео-графическим условиям, т. е. более постоянным факторам, чем экономическая конъюнктура, зато показатели «нравственности» названы точнее.

Статистические комитеты отвечали за то, чтобы сведения, отправляемые в МВД «содержались в исправности и порядке в самих статистических комитетах»³⁹. Только с 1864 г. их главной задачей стало установление «по каждой губернии правильнейших способов собирания... точных статистических сведений о количестве и качестве земель, народонаселения и производи-тельных силах губернии и в поверке и обработке этих сведений по однообразным формам, установленным МВД»⁴⁰. И даже в этой формулировке ответственность статистического комитета определена весьма нечетко.

На уездном уровне «предметы ведомства полицейских управ-лений» сформулированы в 42 пунктах 68 параграфа «Свода за-конов...». Из интересующих нас обязанностей п. 13 требует све-дения о происшествиях доставлять прямо губернатору⁴¹, п. 30 предписывает «составление ведомостей о находившихся в уезде церквях, монастырях, благотворительных и учебных заведениях, заводах, фабриках, о числе селений и жителей уезда; о всех жи-вущих в городах, вновь прибывающих и убывающих и отправ-ляющихся в оные разные должности и работы по найму; о рождаю-щихся, вступающих в брак и умирающих; сведения о способах пропитания пребывающих в городе иногородних и иностранных»⁴². Согласно п. 36 требовалось «представление по начальству о всяких найденных редких произведениях природы, древностях и проч.»⁴³ Как видим, прямой ответственности за доброкачествен-

³⁸ Свод законов Российской империи. Свод губернских учреждений. СПб., 1892, № 294. Основание: Наказ от 3 июня 1837 г. § 28 (№ 10 303).

³⁹ Там же, § 296, 297. Основание: законодательные акты 20 декабря 1834 г. (§ 27—49). 3 июня 1837 г. (§ 30), 16 апреля 1842 г., 2 ноября 1854 г., 26 де-кабря 1860 г., 13 января 1869 г.

⁴⁰ Свод законов..., § 606. Основание: законодательные акты 1864, 1869, 1870, 1874 и 1890 гг.

⁴¹ Ссылки на законодательные акты 1837, 1845, 1860 и 1862 гг.

⁴² Законодательные акты 1782, 1837 и 1862 гг.

⁴³ Законодательные акты 1837 и 1862 гг.

ность сведений не предусмотрено, ибо сведения, требуемые по п. 30, доставлялись становыми приставами («Свод законов», § 778).

Уездный исправник обязывался «обращать постоянное внимание на посевы и урожай хлеба и трав. В случае же особенных несчастных приключений в селениях или неурожая хлеба или же истребления или важного повреждения оного градом, наводнением, пожаром и т. д. он доносит о сем губернатору немедленно» («Свод законов», § 775 со ссылкой на законодательные акты 1837 и 1862 гг.).

Здесь уже, хотя и нет формулировки об ответственности, она безусловно подразумевается. А § 738 «Свода законов» еще более категоричен: «Уездное полицейское управление, получая через становых приставов и другие начальства от надлежащих волостных и сельских управлений сведения о посеве и урожае хлеба, доставляет оные благовременно в надлежащем порядке губернатору под собственною, в противном случае за всякую медленность или неверность сведений, законною ответственностью»⁴⁴. В этой формуле все ясно и определенно, но... невыполнимо. Полицейское управление отвечает за верность сведений, которые не оно собирает. Это обстоятельство настолько очевидно, что уйти от ответственности при нормальном положении вещей (т. е. когда ничего катастрофического не случалось) было проще простого. Ведь полицейский чиновник — становой пристав — только передаточная инстанция: он не отвечает за верность сведений, хотя ближе всего стоит к непосредственному их источнику. Вообще говоря, в функциях станового пристава, касающихся данного предмета, ощущается двойственность: сведения о посеве и урожае он передает, а оперативные донесения «о видах урожая хлебов и трав, о переменах в произрастании и об окончательной уборке с полей хлеба» составляет сам⁴⁵, причем в последнем случае его ответственность очевидна, ибо весь смысл этого параграфа в своевременной сигнализации о беде. Таким образом, если полицейское управление не могло проверить верность сведений и его самого тоже на этот счет проверить нельзя было, то оставалась реальная ответственность за своевременность доставки этих сведений. Но именно данная ответственность не способствовала достоверности представляемых сведений. Заметим далее, что сам факт девятикратного за 30 лет законодательного подтверждения ответственности полицейского управления свидетельствует о перманентном нарушении этих обязанностей. Следовательно, степень ответственности за достоверность сведений губернаторского отчета была прямо пропорциональна ответственности за непосредственные функции аппарата управления.

⁴⁴ Законодательные акты 1837, 1838, 1839, 1842, 1845, 1861, 1862, 1864, 1866 гг.

⁴⁵ Свод законов § 793. Основание: законодательные акты 1837 и 1862 гг.

Из 15 перечисленных в § 396 «Свода законов» упущений или злоупотреблений, за которые губернаторы подвергаются взысканиям, нет даже намека на неточность или ошибочность в отчетах.

Если за точность данных по «урожайной статистике» не отвечали на губернском и уездном уровнях, то тем более это относится к волостному и сельскому уровню. А. С. Нифонтов полагает, что по крайней мере с 50-х годов эти сведения основывались на данных фактического умолота, и определяет, что таких показателей получали в среднем по губернии от 20—30 селений⁴⁶. Хотя по фонду Саратовской комиссии народного продовольствия мы не нашли ни одного такого случая, мы все же примем допущение Нифонтова, но даже и тогда сведения об урожаях далеко не отвечают требованиям, о которых Фортунатов говорил как о вполне удовлетворительных. Он писал: «Определение урожаев не нуждается во всеобщем сплошном опросе, фикция всеобщего опроса до сих пор присуща русским губернаторским отчетам: на самом деле волостные цифры являются результатом не всеобщего наблюдения, а суммарных догадок», и пришел к выводу, что 12 показаний на волость можно считать «вполне удовлетворительными»⁴⁷.

Ясно, что 20—30 наблюдений по губернии не могут считаться достаточными и что первичные данные об урожаях были именно предположительными, поэтому вся иерархия государственного аппарата в масштабе губернии не могла нести ответственность за их достоверность. Справедливости ради отметим, что сведения о ценах на продовольствие должны были собираться «точнейшие» как от городских общественных управлений (§ 325 «Свода законов»), так и от уездных властей. Дело в том, что в первом случае «точнейшие сведения о истинных на жизненные припасы ценах» служили три или четыре раза в год для составления тарифов, чтобы не продавали выше ее⁴⁸. В этом были заинтересованы и продовольственные комиссии и военное интендантство. Отвлекаясь сейчас от того очевидного факта, что все те, кто обязан был доставлять эти сведения, по вышеуказанным обстоятельствам были склонны к повышению этих цен, мы привели его только для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, что чем выше была чисто административно-функциональная заинтересованность в тех или иных сведениях, тем выше вероятность их сохранения в сравнительно систематическом виде в фондах губернских учреждений и сравнительной достоверности.

Анализ замечаний по ведомости № 20, о которых упоминается выше, послужит лишним доказательством основательности данного вывода.

⁴⁶ Нифонтов А. С. Указ. соч., с. 40—41.

⁴⁷ Фортунатов А. Указ. соч., с. 205.

⁴⁸ Законодательные акты 1837, 1866, 1870 и 1892 гг.

Совет министра внутренних дел, рассматривая отчет казанского губернатора за 1848 г., отмечает резкое увеличение недорогомыслия хлеба по магазинам в сравнении с 1847 г. и о причинах за-прашивает губернатора, который объясняет это выдачей кратковременных ссуд, не возвращенных, как предполагалось, в течение 1848 г.⁴⁹

В Новгородской губернии по отчету за 1849 г. было замечено увеличение ссуды по Боровичскому и Белозерскому уездам с 2193 до 9394 четв., хотя «урожай ярового хлеба был изобильный». Министр требует быстрейшего возвращения этой ссуды. Ответ губернатора сводился к тому, что боровичский предводитель дворянства сообщил об ошибке писца, которая будет исправлена в отчете за 1850 г., а от белозерского предводителя ответа на запрос еще не получено⁵⁰.

Дотошно следили чиновники МВД за количеством хлебных магазинов, числом крестьян, подлежащих хлебному сбору, движением хлебных капиталов, за разметками общественной запаски, и любое разночтение в данных замечалось и должно было получить объяснение⁵¹.

Чрезвычайно поучительна переписка министра внутренних дел Первовского с тульским губернатором по поводу ведомости № 20 отчета за 1845 г. Чиновниками министерства было замечено, что цифровые данные в этой ведомости ничем не отличаются от данных за 1844 г. Министр, указав на этот факт в письме к губернатору, потребовал поставить на вид вице-губернатору Барановичу. Губернатор в своем ответе просил о снятии этого взыскания ввиду того, что в 1845 г. было разрешено не производить ежегодного сбора хлеба, ссылаясь при этом на разрешение министерства внутренних дел. Первовский в новом письме сообщает, что разрешение МВД касалось того хлебного долга, который образовался вследствие ссуды 1840 (неурожайного) года, ежегодный же сбор хлеба никем не отменялся и должен был производиться, а потому — заключает министр — «количество хлеба, состоявшее к 1846 году в недоборе и наличности не могло оставаться то же, как было в 1845 году».

По сему находя сделанное Вами объяснение неудовлетворительным, я вновь предлагаю Вам представить мне сведения, сколько в 1845 г. поступило с помещичьих крестьян Тульской губернией хлеба для составления запаса продовольствия...»⁵². Конечно же, те сведения, которые представил губернатор в ответ на это письмо, датированное 6 июня 1847 г., вряд ли отражали действительное состояние хлебного запаса на 1846 г., но сам факт наложения административного взыскания на вице-губернатора

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 2, д. 1519, лл. 62—63.

⁵⁰ Там же, д. 1628, л. 76.

⁵¹ Там же, л. 67—71; д. 1519, лл. 14—17, 18—26, 53—61 и др.; д. 1688, л. 88.

⁵² ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 4, д. 67, приложение.

тора и строгого выговора губернатору свидетельствует о том, что степень внимания к ведомости № 20 была весьма высокой. А это, в свою очередь, обеспечивало достаточную достоверность содержащихся в ней сведений, так как без сравнительно точной информации регулировать «продовольственное дело» было нельзя.

Таким образом, исходя из степени необходимости для повседневной деятельности губернских учреждений собираемых сведений и степени строгости контроля за их достоверностью со стороны МВД, а также законодательно определенной ответственности за их верность, мы можем априорно установить градацию достоверности сведений в губернаторском отчете как системе делопроизводственной документации. Поскольку 27 ведомостей приложения отражали эти сведения вплоть до 1870 г. и затем в преобразованном виде практически действовали до XX в., мы их используем в качестве основы для группировки. В первую группу — с наиболее вероятной достоверностью сведений — относим ведомости № 1, 2, 4—10, 12—14, 24—27 (всего 16 ведомостей, сведения которых наиболее близко затрагивали непосредственные функции администрации и поэтому тщательнее контролировались). Ко второй группе — с вероятной достоверностью — относятся № 3, 11, 15, 16, 20, 22 и 23 (7 ведомостей, охватывающие предметы, важные для административной практики и поэтому в различной мере, но все же подвергавшиеся систематическому контролю). К третьей группе — сомнительной достоверности — относим ведомости № 17—19 и 21, сведения которых имели опосредованное значение для административной практики и, главное, по своим объективным качествам трудно поддающиеся проверке, если бы такая предпринималась.

По мере возрастания интереса местных властей к сведениям, отражаемым в некоторых ведомостях второй и особенно третьей групп (а это характерно для времени, начиная с момента разворачивания деятельности земства), совершенствуется практика проверки верности сведений о фабриках и заводах, о посеве и сборе хлебов и другое, поэтому третья группа примерно после 60-х годов может быть слита со второй. Конечно, предлагаемая группировка — только рабочая гипотеза, которая должна уточняться, но она представляется нам достаточно прочной, чтобы служить инструментом для дальнейшего источниковедческого изучения отчетов, особенно если удастся при этом применить математические методы, в частности корреляционный анализ.

Исходная позиция наша такова: поскольку три указанных группы ведомостей по условиям сбора и оформления сведений характеризуются различной степенью достоверности, то нельзя ли путем сопоставления ведомостей получить дополнительные показатели уровня достоверности ведомостей третьей группы, потому что именно по этой группе, представляющей особый интерес, существующие ныне в источниковедческой практике приемы определения достоверности — недостаточны. Само собой

разумеется, что сравнивать можно только те ведомости, материал которых «резонирует».

Попытаемся на примере сопоставления двух «резонирующих» ведомостей второй и третьей групп проиллюстрировать возможные приемы такого изучения. Для этой цели берем ведомость № 20 из второй группы и ведомость № 21 из третьей. Первая отражает состояние продовольственного запаса в губернии, вторая — урожай зерновых и картофеля. Совершенно очевидно, что их материал «резонирует». Мы отмечали пристальный интерес, пусть даже только ведомственно-бюрократический, к данным ведомости № 20, что все же обеспечивало устойчивый уровень достоверности ее сведений. Ведомость № 20 отражает динамику пополнения запасов продовольствия раздельно по яровым и озимым хлебам. Важнейшими для нас в данном случае являются сведения о хлебных ссудах и недоимках. Сопоставляя динамику этих показателей за ряд лет со сведениями об урожаях по ведомости № 21, можно установить закономерности обратной корреляции и степень ее тесноты, т. е. коэффициент корреляции. Естественно, что сопоставление указанных данных ведомостей должно вестись не в пределах одного года, а ряда лет (не менее двух), тогда динамика размеров хлебной недоимки и ссуды будет точно сигнализировать о динамике урожаев. Таким образом можно получить дополнительные устойчивые признаки, которые позволяют судить о достоверности данных ведомости № 21. Если в эту цепь сопоставимых данных включить и данные ведомости № 22, в частности сведения о ценах на хлеб, то мы получим еще более совершенный механизм, который можно будет применить, оперируя как погубернскими, так и поуездными данными. Во всех тех случаях, когда коэффициенты будут отклоняться от ожидаемых величин, это будет сигнализировать о необходимости дополнительной проверки данных ведомости № 21 и во всяком случае о правомерности недоверия к ним (в первую очередь на уездном уровне).

Попытаемся на примере визуального сопоставления (без применения более чутких математических методов) проверить «работоспособность» предлагаемой методики (см. табл. 1). Для этой цели возьмем ведомости № 20 и 21 из губернских отчетов по Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерниям за 1845, 1846, 1854, 1855 и 1856 гг.⁵³ Выбор лет не случаен: перед нами два продовольственных цикла в два и три года середины двух десятилетий. В пределах этих циклов должна проявиться зависимость выбранных показателей, а интервал в десятилетие должен снять опасения о возможных случайностях этой зависимости.

Приведем сводную таблицу по указанным губерниям.

⁵³ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 1779, 1855, 1864, 2543; ф. 1281, оп. 4, д. 59, 65, 67, 84, 86, 89; оп. 6, д. 26а, 47, 52, 57, 59—61, 89, 112.

Таблица 1
Чистый урожай зерновых и задолженность хлеба на душу
(в четвертях)

Губерния и категория крестьян	1845 г.		1846 г.		1854 г.		1855 г.		1856 г.	
	Чистый урожай	Недоимка и ссуда								
Орловская										
Помещ.	4,3	0,15	5,1	0,19	5,1	0,17	2,3	0,26	3,2	0,28
Государ.	0,7	0,25	7,7	0,027	7,2	0,46	3,4	0,56	3,8	0,7
Рязанская										
Помещ.	5,5	0,17	4,8	0,16	5,1	0,87	2,0	0,89	6,8	0,8
Государ.	7,3	0,36	7,8	0,45	2,2	0,67	1,4	0,76	7,2	0,95
Тамбовская										
Помещ.	7,4	0,18	5,1	0,2	3,0	0,06	1,8	0,09	5,6	0,59
Государ.					3,9	0,98	3,0	1,0	8,6	1,2
Тульская										
Помещ.	6,8	1,54	7,4	—	6,5	0,39	3,9	0,49	5,4	0,49
Государ.	11,7	0,24	10,0	0,26	6,6	0,72	3,5	0,8	4,7	0,96

Поскольку в данной ситуации нас не интересуют абсолютные цифры, то мы в целях упрощения состава таблицы рассчитали чистый урожай (ярового и озимого хлеба) на душу (помещичьих и государственных крестьян отдельно), недоимку и ссуду — также на душу. Основанием для расчетов служили абсолютные цифры по урожаю, недоимке и ссуде и количеству душ, обязанных ежегодным продовольственным сбором, которое указывалось в ведомости № 20.

Условный продовольственный цикл — двухлетие 1845—1846 гг. — четко выявляет обратную корреляцию наших показателей у государственных крестьян Орловской губернии и помещичьих Тульской. «Нейтральны» показатели по помещичьим крестьянам Орловской, Рязанской и по государственным крестьянам Тульской губерний. Прямую корреляцию дают показатели по государственным крестьянам Рязанской губернии.

Второй условный продовольственный цикл — трехлетие 1854—1856 гг. — отражает более четко обратную зависимость показателей: падение массы урожая на душу населения обязательно вызывает повышение хлебной задолженности. Данные за это трехлетие показывают, что для анализа нужно брать показатели сплошного отрезка времени и как можно за большее число лет. Если бы, например, мы ограничились сравнением показателей 1854 и 1856 гг., то трудно было бы установить закономерность обратной зависимости, так как именно 1855 г. с показателям явного падения урожая раскрывает причины

повышения задолженности в 1856 г., несмотря на его сравнительную урожайность. А это, в свою очередь, подтверждает закономерность обратной корреляции. Следовательно, если при сопоставлении показателей за беспрерывный ряд лет эта корреляция в какие-то годы по каким-то уездам (губерниям) будет нарушаться, то достоверность урожайных данных может быть поставлена под сомнение, если же этого не произойдет, то наше доверие к сведениям об урожае получит новые доказательства.

Приложение

Перечень ведомостей, прилагаемых к губернаторскому отчету по циркуляру 1842 г., действовавшего до 70-х годов *

1. Общая ведомость — делопроизводство по всем присутственным местам губернии.
2. О количестве бумаг по местам, подведомственным губернатору.
3. О делах по губернскому правлению, продолжающихся более трех лет.
4. По обороту капиталов в тюремных комитетах.
5. О рассмотренных губернатором судебных приговорах и о количестве арестантов по ним.
6. О бессрочноотпускаемых нижних чинах.
7. О состоянии дворянских и городских опек.
8. Об успехах полюбовного размежевания земель.
9. О капиталах и денежных оборотах Приказа общественного призрения.
10. О заведениях Приказа общественного призрения и о числе призреваемых.
11. О падеже скота.
12. О денежных сборах на исправление разных повинностей.
13. О цене сдачи рекрут.
14. О доходах и расходах городов.
15. Статистические сведения.
16. О речном судоходстве.
17. Об оборотах на ярмарках.
18. О фабриках и заводах.
19. О числе разного скота в губернии.
20. О хлебных и денежных запасах продовольствия.
21. О посеве и урожае хлеба, овощей и плодов по ведомству разного звания хлебопашцев.
22. О справочных и торговых ценах на разные роды хлеба в течение года.
23. О состоянии народонаселения в губернии.
24. О числе и роде преступлений.
25. О раскольниках по различным их толкам.
26. Об иноверцах.
27. О замечательных происшествиях, случившихся в губернии.

* Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел с учреждения министерства по 1 октября 1853 года. СПб., 1854, т. I, с. 337.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ХЛЕБНЫХ ЦЕН В РОССИИ XIX — НАЧАЛА XX В.

Б. Н. Миронов

Актуальные проблемы социально-экономической истории России XIX — начала XX в., например, развитие производительных сил в сельском хозяйстве, в том числе помещичьем и крестьянском, история торговли, государственного бюджета, хозяйственной конъюнктуры, положение трудящихся масс и т. д.— не могут быть решены на высоком научном уровне без изучения истории цен вообще и хлебных цен в особенности.

Однако, несмотря на бесспорную важность этой проблемы, ее разработка в отечественной историографии не может считаться удовлетворительной, поскольку широко, на систематическом статистическом материале, история хлебных цен в России XIX — начала XX в. до последнего времени изучалась мало¹.

Причины слабой изученности истории хлебных цен кроются в недостаточном знакомстве исследователей с сохранившимися источниками о ценах, в предубеждении некоторых историков к официальной дореволюционной статистике и, наконец, в несовершенстве методики, используемой при генерализации данных о ценах. Исходя из этого, в настоящей статье ставится задача определить важнейшие источники о хлебных ценах XIX — начала XX в., оценить их достоверность и предложить некоторые приемы их обработки.

¹ См.: Струмилин С. Г. О внутреннем рынке России в XVI—XVIII вв.— «История СССР», 1959, № 4, с. 84; Яцунский В. К. К вопросу о собирании и публикации материалов по истории урожая и цен в России.— В кн.: Проблемы источниковедения, т. IV. М., 1955, с. 350—355; Ковалченко И. Д. и Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974. Авторы широко использовали данные о хлебных ценах только за 1809—1819, 1847—1856 и 1881—1890 гг., поскольку цель авторов состояла не в изучении истории цен, а в исследовании эволюции аграрного рынка; Рахматуллин М. А. Хлебный рынок и цены в первой половине XIX в.— В кн.: Проблемы генезиса капитализма. М., 1970. Автор привлек значительное количество данных о хлебных ценах за 1811—1850 гг. по отдельным городам для характеристики российского хлебного рынка первой половины XIX в.

Источники о хлебных ценах

С точки зрения видов и характера источники о хлебных ценах 1801—1914 гг. можно разделить на две группы, соответственно относящиеся к 1801—1881 гг. и 1882—1914 гг. За первый период данные о местных хлебных ценах встречаются главным образом в ведомостях о справочных ценах и носят сугубо официальный характер. За второй период источники о хлебных ценах более многочисленны, так как сведения о ценах стали собираться и разрабатываться рядом учреждений.

Ведомости справочных цен представляли собой статистические отчеты местных административных органов о состоянии недельных, месячных, сезонных и годовых хлебных цен в губерниях. Эти отчеты являлись результатом особых статистических обследований состояния хлебных цен в губерниях, регулярно проводившихся по специальной программе.

По происхождению ведомости хлебных цен — официальная текущая статистика, имевшая совершенно конкретную цель: дать по возможности точную картину уровня и движения хлебных цен во всех российских губерниях. Составители ведомостей — чиновники и полицейские, по своим служебным обязанностям хорошо знавшие состояние цен, действовали по инструкции, составленной в Министерстве внутренних дел (МВД); они и губернаторы несли ответственность за точность сообщаемых сведений. Следует отметить, что данные о ценах, сообщаемые ведомостями, — это уже соответствующим образом обработанные и приведенные в определенную систему данные, что существенно облегчает их использование. Тем не менее ведомости справочных цен нуждаются в проверке.

Справочные хлебные цены стали фиксироваться еще в начале XVIII в.² Их назначение состояло в том, чтобы центральные учреждения могли контролировать операции местных учреждений по закупке товаров для казны. Характер данных, сообщаемых этим источником, несмотря на множество частных распоряжений правительства, дополнявших и разъяснявших основные положения о порядке установления и использования справочных цен для государственных закупок, не претерпел существенных изменений ни в XVIII в., ни в XIX в. До 1881 г. действовало высочайше утвержденное в 1802 г. Положение о справочных ценах на предметы продовольствия³. При кодификации первого «Свода законов» оно было распределено между уставами разных учреждений, имевших прямое или косвенное отношение к установ-

² См. подробнее: Миронов Б. Н. О достоверности ведомостей о хлебных ценах XVIII в.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. 2. М., 1969, с. 249—262.

³ I ПСЗ, т. XXVII, № 20224. См. также: Устав народного продовольствия.— II ПСЗ, т. 13, ст. 267—275.

лению справочных цен, и при последующих изданиях «Свода законов» порядок оставался в этом отношении неизменным⁴.

В соответствии с Положением о справочных ценах и Уставом народного продовольствия, сведения о ценах на хлеб и фураж собирались до 1861 г. городничими и исправниками под наблюдением местных предводителей дворянства, после 1861 г.—полицейскими управлениями. Общую ответственность за точный и своевременный сбор и доставку сведений несли губернаторы⁵.

Чтобы оценить точность и полноту справочных цен, а также их назначение, необходимо знать кем, когда, по какой форме составлялись ведомости о справочных ценах и в какие учреждения поступали.

Сведения о губернских справочных ценах за прошедший год губернаторы сообщали к 1 марта в Департамент общих дел МВД в приложении ко всеподданнейшему отчету⁶. Губернаторские отчеты появились с начала XIX в. Всю первую треть XIX в. они составлялись регулярно. Однако и по форме, и по содержанию не были однородными и поэтому далеко не всегда содержали сведения о ценах. Но с 1833 г., как правило, в отчетах стали приводиться справочные цены на хлеба. Форма, по которой составлялись ведомости о ценах в течение 1833—1881 гг., изменилась, но не существенно, и в основном имела следующий вид:

1. Губерния и уезды.
2. Роды хлеба: рожь, пшеница, овес, и пр.
3. Справочные цены за четверть: зимние, весенние, летние, осенние.
4. Торговые цены.

Такая же ведомость из губернских правлений доставлялась в Министерство государственных имуществ, в Провиантский департамент Военного министерства, в Комиссариатский департамент Морского министерства. В последних двух случаях в ведо-

⁴ Беклемишев П. А. Справочные цены. Сборник правительственных распоряжений и разъяснений Правительствующего Сената по установлению справочных цен и применению их при казенных заготовлениях. СПб., 1900, с. 263.

⁵ Положение 1802 г. о справочных ценах требовало, чтобы справочные цены на провиант и фураж утверждались ежемесячно во всех уездах на заседаниях, в которых принимали участие уездный дворянский предводитель, капитан-исправник, городничий, городской голова и гласные от гильдий. Уездные справочные цены на все виды хлеба должны были выводиться как средние арифметические («сложные») из всех существовавших цен в данном месяце по уезду. Ведомости о ценах в уезде следовало ежемесячно посыпать губернатору. На основании представленных данных в губернском правлении полагалось ежемесячно выводить губернские справочные цены (среднеарифметические из средних уездных цен) и утверждать их на заседании, в котором участвовали губернатор, губернский предводитель дворянства, почетные дворяне, помещики, городской голова с гласными и «торгующими промышленниками». Утвержденные губернские справочные цены губернатор ежемесячно должен был представлять в центральные учреждения (I ПСЗ, т. XXVII, № 20224).

⁶ Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник.— В кн.: Проблемы архивоведения и источниковедения. Материалы научной конференции архивистов Ленинграда. 1964 г. Л., 1964, с. 227—246.

ности добавлялись сведения о ценах на сухопутные и водные перевозки.

В Хозяйственный департамент МВД из губернских правлений поступали два вида ведомостей:

I. О недельных ценах на хлеб и фураж по форме: 1. Губернии, города и местечки. 2. Базарная (лавочная) и оптовая цена за четверть: ржи, ржаной муки, пшеницы, гречневой крупы и овса. 3. Общая цена сена за пуд.

II. О месячных ценах в губернии по форме: 1. Наименование припасов: а) муки (за куль, четверть); б) ржи (за четверть) и т. д. 2. Цены: а) высшие (в уездных городах, в прочих городах, в уездах); б) низшие; в) средние; г) сложные (среднеарифметические). 3. Цены в среднем по губернии: а) высшие; б) низшие; в) средние.

В Департамент полиции исполнительной из губернских правлений поступали два вида ведомостей о справочных ценах:

I. О справочных ценах по форме: 1. Наименование припасов. 2. Высшие цены за четверть: а) в ноябре прошедшего года; б) в апреле настоящего года. 3. Сложные цены. 4. Цены фунта муки и фунта крупы.

II. О ценах на сухопутные и водные перевозки — ежемесячно, с ноября по март и с мая по сентябрь, по форме: 1. Губерния и уезды. 2. Цены низшие, высшие и средние за перевозку на 100 верст: а) сухим путем (на обыкновенных подводах, считая по 30 верст в день, на срочных подводах — 65 верст); б) водным путем.

Такая же ведомость в двух экземплярах представлялась в Военное министерство для Артиллерийского и Комиссариатского департаментов⁷.

Знакомство с архивными материалами показало, что порядок сбора сведений о хлебных ценах, предусмотренный Положением о справочных ценах, соблюдался в точности. В течение 1801—1914 гг. ведомости о ценах регулярно присыпались губернскими правлениями в вышеуказанные центральные учреждения. К сожалению, ведомости о ценах относили к материалам такого рода, которые периодически, через 10—20 лет, большей частью уничижались. Из старых описей Хозяйственного департамента, хранящихся в ЦГИА СССР, за 1801—1839 гг. видно, что с 1801 г. департамент систематически получал с мест ведомости о месячных ценах, но в описях против названий подавляющей части дел, содержащих сведения о справочных ценах, стоит пометка «к унич-

⁷ Памятная книжка полицейских законов для земской полиции, помещиков и вообще земских обывателей. Составил В. Лукин. СПб., 1857, § 80 — О собирании сведений о ценах; Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел, с учреждения Министерства по 1 октября 1853 г., т. I. СПб., 1854, с. 49, 125, 367; Общий обзор записей по ведомствам и главным управлением Империи (составлен в ЦСК под ред. Е. Огородникова). СПб., 1867, с. 188—195.

тожению⁸. Те же дела с ведомостями о ценах за первую половину XIX в., которые по разным соображениям сохранялись, позже тоже были в большинстве уничтожены⁹. Подобная практика существовала и в других учреждениях, собиравших сведения о ценах: Провиантском и Комиссариатском департаментах, а также Департаменте полиции исполнительной. В результате постоянного уничтожения ведомостей о хлебных ценах к настоящему времени первичные данные о ценах сохранились в незначительном количестве.

Отчеты губернаторов хранились «навечно», но они не могут полностью компенсировать гибель основной массы ведомостей о хлебных ценах, потому что, во-первых, отчеты стали включать данные о справочных ценах только с 1833 г.; во-вторых, далеко не все губернаторские отчеты сохранились¹⁰.

Однако в основном за первую половину XIX в. сведения о справочных хлебных ценах (месячные или сезонные цены ржаной муки, овса, гречневой крупы и сена в губерниях или губернских городах) либо попадали в ежегодные отчеты Министра внутренних дел, которые, к сожалению, сохранились не за все годы, либо публиковались в официальных изданиях МВД: газетах «Северная пчела», «С.-Петербургские ведомости», «Журнале МВД»; а также в некоторых других периодических изданиях: «Земледельческой газете», «Трудах Вольного экономического общества», «Коммерческой газете», «С.-Петербургской коммерческой газете», «Губернских ведомостях» и др.

Значительное количество ведомостей о справочных хлебных ценах сохранилось в материалах Управления III округа путей сообщения¹¹. Сведения о ценах в Управлениях других округов почти не сохранились. Некоторое количество данных о справочных ценах было опубликовано в топографических и статистических описаниях губерний, в статистических сборниках МВД, Министерства финансов и государственных имуществ (МГИ), а также в работах аналитического характера.

Кроме ведомостей справочных цен за 1801—1881 гг. частично сохранились и другие источники о хлебных ценах: приходо-расходные книги различных учреждений (больниц, богаделен, монастырей и т. п.) и частных лиц, печатные прейскуранты в крупнейших портовых городах — Петербурге, Одессе, Риге. «Виды внешней торговли», содержащие сведения об экспортных хлебных ценах, отчеты чиновников Провиантского и Комиссариатского департаментов Военного министерства о закупках хлеба и

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1287. Хозяйственный департамент, оп. 49, д. 3585. Опись дел Хозяйственного департамента за 1814—1821 гг., лл. 5, 7, 11 и др.; д. 3587. Опись дел за 1821—1839 гг., лл. 6, 14 и др.

⁹ Там же, оп. 1, ч. 2, с. 19—20; оп. 5, с. 200 и т. д.

¹⁰ Ковалченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967, с. 21—23.

¹¹ Центральный государственный архив г. Москвы (далее — ЦГАМ), ф. 47.

фуража для армии¹², материалы комиссий и отрядов уравнения денежных сборов с государственных крестьян (по ведомству Министерства государственных имуществ¹³), содержащие сведения о хлебных ценах, по которым продавали хлеб крестьяне, «Ежегодник Министерства финансов», который иногда сообщал сведения о ценах на хлеб, покупаемый казной для винокуренных заводов, и некоторые другие источники.

Сведения всех выявленных в архивах (ЦГАДА, ЦГИА, ЦГВИА) и в периодической печати источников о справочных хлебных ценах за 1801—1881 гг. вместе позволяют получить непрерывные динамические ряды цен на рожь, овес, ржаную муку и гречневую крупу в губернских городах за 1809—1859 гг., в губерниях — за 1796—1807 гг. и за 1833—1881 гг. (за 1860—1875 гг. можно построить ряды цен только для ржи, ржаной муки и овса). За 1833—1859 гг. имеются также данные о ценах на ячмень и пшеницу.

Значительно более полную картину состояния хлебных цен в российских губерниях XIX — начала XX в. по сведениям официальной статистики можно получить из материалов областных архивов, где в подавляющем большинстве сохранились как первичные данные о ценах, собранные на местах (в городах, посадах, селах), так и подготовленные губернскими правлениями на их основе ведомости справочных цен. Сравнение тех и других показало, что ведомости справочных цен, посыпавшиеся в центральные учреждения, — краткая и точная выжимка из того порою огромного материала, который представлялся в губернские правления с мест. И по номенклатуре товаров, и по количеству населенных пунктов ведомости справочных цен уступают первичным данным о ценах. Но одновременно в этом состоит и достоинство ведомостей: освобожденные от излишней детализации и конкретности, они дают обобщенную характеристику уровня и динамики хлебных цен в губерниях.

В областных архивах данные о хлебных ценах, как правило, находятся в фондах: губернских правлений (за 1801—1918 гг.), канцелярий губернаторов (1801—1918 гг.), губернских статистических комитетов (1835—1918 гг.), волостных правлений (1801—1861 гг.), нижних земских судов (1801—1863 гг.), городнических правлений, городовых магистратов, городских и посадских дум (1801—1870 гг.), губернских присутствий (1889—1918 гг.), губернских и уездных земских управ (1864—1918 гг.), городских управ (1870—1918 гг.), уездных и городских полицейских управлений (1864—1918 гг.).

¹² Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), ф. 25, 35.

¹³ Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнения денежных сборов с государственных крестьян, вып. 2. СПб., 1857, с. 103—113.

За второй период — 1882—1914 гг.— источники о хлебных ценах многообразны. Наряду со справочными ценами, которые продолжали поступать в МВД, сведения о местных ценах с 1882 г. собирали через добровольных корреспондентов Департамент земледелия и публиковал эти сведения в издании «Год... в сельскохозяйственном отношении».

Активно интересоваться хлебными ценами стало и Министерство финансов. С 1888 г. Департамент окладных сборов при этом министерстве стал регулярно получать сведения о хлебных ценах в губерниях, собиравшихся податными инспекторами, и публиковать их в «Вестнике финансов, промышленности и торговли». Еще раньше, в 1884 г., Департамент торговли и мануфактур начал разрабатывать данные о ценах, в том числе о хлебных ценах, на важнейших русских и иностранных рынках и публиковать подобные данные в «Вестнике финансов, промышленности и торговли», а с 1893 г.— и в «Торгово-промышленной газете». В последних двух органах Министерства финансов, а также в «Обзорах внешней торговли» Департамент таможенных сборов публиковал данные о биржевых ценах на хлеб в главнейших русских портах.

В 80-е годы XIX в. Военное министерство предоставило архив Интендантства Центральному статистическому комитету (ЦСК) для разработки статистики хлебных цен. Результатом этого сотрудничества явились ценные публикации данных о хлебных ценах за 1865—1894 гг. по сведениям интендантского ведомства¹⁴.

Не остались в стороне от разработки данных о ценах на хлеб и земства. Земские издания: статистические сборники и ежегодники, сельскохозяйственные обзоры и т. п., а также доклады, приложения, журналы земских собраний и пр.— содержали сведения о хлебных ценах. Более или менее систематические сведения о ценах разрабатывали 22 земства (из 34-х), но и их сведения не всегда позволяют воссоздать непрерывный ряд цен¹⁵.

Необходимо отметить, что все перечисленные учреждения собирали и публиковали сведения о хлебных ценах вплоть до 1917 г., а в ряде случаев подготовили обширные публикации о ценах 50—70-х годов XIX в.¹⁶ Каждое из учреждений собирало сведения о ценах с точки зрения своих ведомственных потребностей. Департамент земледелия интересовался состоянием местных заготовительных цен, а Министерство финансов — состоянием оптовых хлебных цен, по которым закупался хлеб казенными

¹⁴ «Временник ЦСК», 1889, № 4; Отчет Главного интендантского управления за 1868—1895 гг. СПб., 1869—1896.

¹⁵ Фортунатов А. Ф. Сельскохозяйственная статистика Европейской России М., 1893, с. 235—239; Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции, т. I. Л., 1925, с. 180—183.

¹⁶ Материалы по разработке тарифов российских железных дорог, вып. 1. СПб., 1889; Сведения о международной хлебной торговле.— «Временник ЦСК», 1889, № 5; и др.

винокуренными заводами, ему подведомственными. Департамент таможенных сборов разрабатывал данные об экспортных ценах, а внимание Военного министерства привлекали подрядные и заготовительные цены. Наконец, земские учреждения собирали сведения о ценах, по которым хлеб продавали крестьяне.

Однако наиболее массовыми и, как показывает источниковедческий анализ, наиболее достоверными сведениями о хлебных ценах после 1881 г. являются данные Департамента земледелия. В основе этого источника лежат показания самих хозяев — добровольных корреспондентов Департамента. Для правительенной статистики XIX в. сбор сведений через добровольных корреспондентов — явление не совсем обычное. Это новшество было введено в связи с тем, что Министерство земледелия было не удовлетворено теми данными, которые собирали ЦСК через губернские статистические комитеты. Поэтому с 1881 г. министерство организовало свой учет цен через добровольных корреспондентов из сельских хозяев. Три раза в год они присыпали непосредственно в министерство сведения о ценах на хлеб. На основании этих данных в Департаменте земледелия определялись средние весенние и осенние цены на хлеб в губерниях.

Полнота и достоверность данных Департамента земледелия позволяют исследователю, опираясь на них, составить наиболее полную и достоверную картину состояния хлебных цен после 1881 г.

Сведения Департамента земледелия позволяют получить за 1882—1914 гг. непрерывные ряды цен на хлеба по всем губерниям Европейской России, причем не только на рожь, овес, ячмень, пшеницу, но и на гречиху, просо и др.

Таким образом, анализ движения хлебных цен в России за 1801—1881 гг. целесообразно проводить, основываясь на данных ведомостей справочных цен, а за 1882—1914 гг.— на данных добровольных корреспондентов Департамента земледелия.

Характеристика справочных цен за 1801—1880 гг. и цен Департамента земледелия за 1881—1914 гг.

Анализ статистических данных может дать надежные выводы, если эти данные отвечают двум непременным условиям: достоверности и однородности. Поэтому необходимо рассмотреть источники о хлебных ценах XIX — начала XX в. под этим углом зрения.

Как уже упоминалось, главным источником сведений о хлебных ценах 1801—1881 гг. являются ведомости о справочных ценах. Достоверность справочных цен иногда подвергалась сомнению¹⁷. Однако эти сомнения почти никогда не подкреплялись

¹⁷ I ПСЗ, т. XXVII, № 20224; Егунов А. Н. О ценах на хлеб в России. М., 1855, с. 15—16.

конкретными доказательствами, в то время как исследователи, положительно оценивавшие справочные цены, приходили к подобной оценке на основе серьезного источниковедческого анализа.

Точность данных о хлебных ценах нередко подвергалась и подвергается сомнению и критике по двум причинам. Первая причина состоит в невозможности получения абсолютно точных данных о ценах, вторая — в том, что данные о ценах за месяц, сезон или год, в уезде, губернии, районе и по России в целом не являются показателями об отдельной сделке, отдельном рынке в какой-то момент времени; это есть цена, охватывающая и обобщающая все или, по крайней мере, большую часть случаев установления цены хлеба на рынках большой территории, каковой обычно бывает уезд или губерния, иногда равная по площади западноевропейской стране. Критики же, сравнивая типичную цену с конкретной ценой, всегда обнаруживают между ними расхождения. Но на этом основании неправомерно еще делать заключение о недостоверности данных о ценах: единичное и общее никогда не совпадают и нельзя искать между ними тождества.

Достоверность ведомостей о справочных ценах, относящихся к началу исследуемого периода, проверялась путем сравнения справочных цен с ценами приходо-расходных книг казенных винокуренных заводов за 1796—1803 гг., с ценами, предоставленными губернскими правлениями сенаторам при ревизии в 1800 г. 5 губерний — Владимирской, Калужской, Рязанской, Тамбовской, Тульской. Анализ показал, что справочные цены относительно цен приходо-расходных книг завышены в среднем на 0,5—1,0%¹⁸, а относительно цен, поданных сенатором-ревизором, завышены в среднем на 0,4—2,1% в уездах, и на 0,1—1,6% в городах¹⁹.

Незначительные расхождения между ценами из приходо-расходных книг и справочными ценами объясняются тем, что в приходо-расходные книги записывались цены единичных сделок, в то время как справочные цены — средние цены за неделю или месяц. Небольшое отличие справочных цен, поданных губернскими правлениями сенаторам-ревизорам, вызвано исключительно округлениями при расчете средних цен.

¹⁸ ЦГАДА, Д. О., оп. 11, д. 31319; ф. 275/1, д. 40, 233, 253; ф. 291, оп. 1, д. 14666; ф. 273, д. 11757-А, 18892, 19076, 19068; ЦГВИА, ф. 18, д. 36, 170, 321; Государственный исторический музей, ф. 14, оп. 2, д. 188, 1717, 4874, 1719, 2970, 2971, 2939, 2516, 419; ЦГИА СССР, ф. 1086/1, д. 835; Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 276, оп. 1, д. 64; Архив АН СССР, ф. 27, оп. 1, д. 111.

¹⁹ Справочные цены находятся в ЦГАДА, ф. 273, кн. 18956, 18987—18990; сведения, поданные ревизорам, в ЦГИА СССР, ф. 1375 (Ревизия Владимирской, Калужской, Рязанской, Тамбовской, Тульской губерний), д. 6, 9—18, 20—23, 26—33, 35—39, 41—48, 49—50, 52—59, 61—64. Более подробно о методе проверки см.: Миронов Б. Н. Указ. соч., с. 255—257.

В середине XIX в. достоверность справочных цен на хлеб проверялась известными исследователями Я. А. Соловьевым, А. Н. Егуновым и комиссиями уравнения денежных сборов с государственных крестьян. Соловьев сравнивал справочные цены с ценами, по которым помещики продавали свой хлеб, а комиссии сравнивали справочные цены с ценами, по которым продавали свой хлеб крестьяне. Сравнение показало, что справочные цены в обоих случаях оказались на 6—12% выше²⁰.

Обстоятельный анализ достоверности справочных цен на хлеб выполнил в 50-е годы XIX в. А. Н. Егунов. Он сравнил, во-первых, ежемесячные справочные цены, доставлявшиеся губернскими правлениями в МВД, с еженедельными сведениями, доставляемыми губернаторам от магистратов и полиции в 1849 г. по 9 губерниям; затем сравнил по ряду губерний (Киевская, Смоленская и др.) справочные цены с ценами по частным записям; в-третьих, проанализировал соотношение цен между губерниями по справочным ценам и по другим источникам. Проверка показала, что расхождение между справочными и ценами, по которым хлеб продают крестьяне и помещики, составило от 6 до 12%. А. Н. Егунов путем анализа механизма сбора и составления справочных цен выяснил причину систематического завышения справочных цен. «Авторы» справочных цен — чиновники губернского правления — получали от магистратов разнообразные и достоверные сведения о ценах. Опасаясь внезапного повышения цен, они выставляли в справочных ведомостях, отправлявшихся в центральные учреждения, обыкновенно высшие из действительных цен, т. е. не те цены, по которым хлеб продавали помещики и крестьяне, а те, по которым продавали купцы. Чиновники поступали так, отчасти страхуясь от неожиданного повышения цен, чтобы не расплачиваться собственным имуществом за это повышение, отчасти, стремясь максимально облегчить счетную работу, отчасти из-за отсутствия четко разработанной методики сбора и обработки данных о хлебных ценах. Причина этого коренилась также в административной практике, в соответствии с которой, если какое-либо ведомство не могло купить необходимого хлеба по справочной цене, то оно обращалось к учреждениям и лицам ее выдавшим, с требованием поставить данное количество хлеба по справочной цене,— и последние были обязаны исполнять подобные требования²¹.

Анализ механизма составления ведомостей о справочных ценах за другие годы и по другим губерниям подтвердил правильность вывода А. Н. Егунова.

²⁰ Соловьев Я. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. М., 1855, с. 312, 316; Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиами и отрядами уравнения денежных сборов..., с. 103—104.

²¹ Егунов А. Н. О ценах на хлеб в России. М., 1855, с. 15—45.

В свете вышеизложенного понятна причина незначительного расхождения между справочными ценами, с одной стороны, а с другой — ценами приходо-расходных книг винокуренных заводов и ценами, поданными ревизорам-сенаторам,— все эти цены относились к розничной торговле. Напротив, справочные цены и цены на хлеб, продаваемый крестьянами и помещиками, различались существенно — на 6—12%, как раз на величину средней прибыли, которую получали купцы, торговавшие хлебом.

Анализ достоверности справочных цен на хлеб производился неоднократно и в пореформенное время. В 70-х годах XIX в. известный исследователь В. И. Чаславский, сравнив годовые справочные цены Казанской губернии за 1866—1871 гг. с ценами торговых книг купцов, обнаружил, что между данными этих источников отсутствует систематическое расхождение. На основании этого автор пришел к выводу, что справочные цены на хлеб достоверны²².

В 80-х годах сотрудник ЦСК В. Д. Аленицын оригинальным способом проверил достоверность справочных цен: он сравнил по всем губерниям местные цены с ценами в портах, куда доставлялся хлеб ближайших губерний, и установил, что в целом портовые цены отличались от местных цен в губерниях на величину стоимости провоза хлеба из этой губернии к порту²³.

В конце XIX в. статистическое отделение Московской городской управы подвергло проверке московские справочные цены за 1796—1894 гг.²⁴ Точность петербургских справочных цен за вторую половину XIX в. оценивалась А. Е. Лосицким²⁵ и А. М. Рыкачевым²⁶. Результаты проверки оказались в целом благоприятными. Исследователи заключили, что справочные цены вполне пригодны для оценки относительных изменений цен, в особенности за продолжительные промежутки времени. Что касается установления абсолютной высоты цен, то они имеют тенденцию более или менее завышать цены, по которым хлеб продается из первых рук, т. е. помещиками и крестьянами.

Таким образом, ведомости о справочных ценах, доставлявшиеся в центральные учреждения губернскими правлениями, неискажали действительной цены на хлеб. Они сообщали цены, по которым хлеб лучшего качества продавался купцами в розничной городской и сельской торговле. Поэтому о тенденции к завыше-

²² Чаславский В. И. Хлебная торговля в Центральном районе России, ч. 1. СПб., 1873, с. 95.

²³ Аленицын В. Д. Опыт расчета стоимости пшеницы, ржи, овса и ячменя.— «Временник ЦСК», 1889, № 12, с. V—VI.

²⁴ Хлебопекарный промысел и такса на хлеб в Москве. М., 1889; «Известия Московской городской думы», 1894, март, вып. 1, отд. II, с. 15—36.

²⁵ Лосицкий А. Е. Торговое движение к С.-Петербургу и из него.— «Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1896—1897 гг.», 1899, с. 218.

²⁶ Рыкачев А. М. Справочные цены и городская статистика.— «Городское дело», 1910, № 19.

нию справочных цен можно говорить только в том случае, если под действительными иметь в виду цены, по которым хлеб продавали помещики и крестьяне. Именно эти цены и считали современники действительными, а именно поэтому им казалось, что действительные цены ниже справочных цен. Второй вывод из анализа достоверности справочных цен состоит в том, что поскольку справочные цены за 1801—1881 гг. являлись ценами хлеба в розничной торговле, извлеченные из ведомостей о справочных ценах, они не только достоверны, но и однородны.

Переходим к анализу достоверности сведений о хлебных ценах за 1882—1914 гг. Данные о хлебных ценах Департамента земледелия за 1882—1914 гг. рассматривались современниками как самые достоверные из всех имевшихся в то время²⁷. Сведения о ценах департамент получал из всех уездов и губерний России от добровольных корреспондентов, которые, во-первых, хорошо знали местный рынок, во-вторых, не были заинтересованы в подаче неверных, особенно завышающих действительные цены данных. Корреспонденты заполняли специальные печатные бланки (рассыпавшиеся департаментом) по особой инструкции, которая была напечатана на обратной стороне бланка. Инструкция предусматривала доставление сведений о ценах не по единичным, а по массовым сделкам, т. е. о типичных ценах, существовавших на рынках уезда в весенний и осенний периоды, причем цены, по которым производители продавали хлеб, с точным обозначением меры, качества хлеба и амплитуды колебаний цен. Благодаря этому поступавшие в департамент сведения отличались однородностью. Ежегодно приходило несколько сот заполненных бланков, более или менее равномерно распределявшихся между губерниями. Поступившие сведения группировались по уездам и губерниям и систематически публиковались в издании «Год... в сельскохозяйственном отношении». В публикации указывались не только средние цены, но и количество присыпаемых сведений, на основании которых средние цены выводились. Однотипная методика обработки первичных сведений вместе с однородностью сообщавшихся корреспондентами сведений дали в распоряжение исследователей ценнейшую информацию о движении хлебных цен по всем губерниям России за каждый год периода 1882—1914 гг.

Однако сведения корреспондентов имели некоторые недостатки²⁸. Данные эти касались только цен осенних и весенних (с 1888 г.), т. е. цен двух из четырех периодов, хотя и наиболее важных как для производителей, так и для потребителей хлеба, поскольку с окончанием жатвы устанавливались более или менее стабильные цены на хлеб до весны, когда виды на урожай сле-

²⁷ Озеров И. Н. Соотношение различных категорий цен на хлеба до войны и в 1923—1924 гг.— В кн.: Хлебные цены и хлебный рынок. М., 1925, с. 82; Лященко П. И. Указ. соч., с. 183.

²⁸ Лященко П. И. Указ. соч., с. 183.

дующего года начинали вносить свои корректизы в дальнейшее движение цен. Этот недостаток данных Департамента земледелия нужно иметь в виду, но не следует его значение преувеличивать, так как различие в цене хлеба, подсчитанной как средняя за 12 месяцев и средняя осенней и весенней цены, почти никогда не превышало 3—5 %.

Из-за недостаточно однородного распределения корреспондентов некоторые уезды были в данных Департамента земледелия представлены слабо. Состав корреспондентов из года в год изменялся, поэтому указываемые цены относились то к крестьянскому, то к помещичьему хлебу. Вследствие преобладания в числе корреспондентов землевладельцев-помещиков можно полагать, что цены Департамента земледелия относились преимущественно к помещичьему хлебу. Но помещичий хлеб почти всегда был лучшего качества, чем крестьянский. Поэтому цены Департамента земледелия являлись ценами на хлеб хорошего качества, по которым купцы покупали его у помещиков и крестьян.

О точности сведений, сообщавшихся добровольными корреспондентами в Департамент земледелия, можно судить не только по тому, что у сельских хозяев отсутствовали мотивы кискажению цен, но и на основании прямого сравнения данных о ценах по другим источникам. За 1881—1887 гг. мы имеем возможность сравнить справочные цены, цены Интендантства и цены Департамента земледелия (см. табл. 1).

Из таблицы 1 видно, что средние семилетние цены за 1881—1887 гг., по сведениям добровольных корреспондентов Департамента земледелия, были на 5—12% ниже справочных цен и на 21—22% ниже цен интендантских закупок. Большая разница интендантских цен и цен Департамента земледелия объясняется тем, что заготовление хлеба Интендантством, носившее характер казенных поставок, сопряжено с неизбежными формальностями (дача залогов, расплата талонами и др.), которые не встречались в частной торговле. Это вызывало со стороны поставщиков хлеба законное стремление завысить цены как компенсацию за риск и проволочки, что хорошо было известно современникам²⁹.

Особенность цен, сообщавшихся в Департамент земледелия добровольными корреспондентами, состояла в том, что цены эти являлись продажными ценами производителей хлеба, в то время как справочные цены являлись продажными ценами купцов. Именно этим и объясняется расхождение справочных и цен Департамента земледелия на 5—12%.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что данные о ценах Департамента земледелия за 1882—1914 гг. являлись, во-первых, достоверными, во-вторых, однородными, поскольку они отражали состояние цен в одной определенной сфере хлебной

²⁹ Военно-статистический сборник, вып. IV, Россия. СПб., 1871, с. 587.

Таблица 1

Сравнение данных о ценах на хлеб по сведениям Интендантства (I) *,
ведомостей справочных цен (II) ** и Департамента земледелия (III)
за 1881—1887 гг.***

(средние цены по Европейской России в кредитных копейках за пуд)

Источники сведений о ценах	1881		1882		1883		1884		1885	
	ржъ	овес								
I	139	79	98	69	83	69	94	71	79	73
II	109	74	83	63	82	63	78	66	69	69
III	103	68	84	58	83	61	72	59	63	63

Источники сведений о ценах	1886		1887		В среднем за 1881—1887 гг.							
					абсолютн.				соотношение, % цены (III)-100			
	ржъ	овес	ржъ	овес	ржъ	овес	ржъ	овес	ржъ	овес	ржъ	овес
I	71	71	58	54	89	69	122	121				
II	62	62	55	49	77	64	105	112				
III	58	50	47	38	73	57	100	100				

* «Временник ЦСК», 1889, № 4. По сведениям интендантства имеются данные только о ценах на ржаную муку, которые примерно на 25% выше цен ржи за одноименную единицу веса.

— В соответствии с этим соотношением цены на ржаную муку переведены в цены на ржь.

** «Временник ЦСК», 1888, № 3.

*** 1882—1887 гг. в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1883—1888.

торговли и соответствовали хлебным ценам, по которым помещики и богатые крестьяне продавали хлеб хорошего качества.

Таким образом, справочные цены 1801—1881 гг. — это цены хлеба хорошего качества в розничной торговле, они на 6—12% превышали заготовительные местные цены хлеба. Цены Департамента земледелия за 1882—1914 гг. — это местные заготовительные цены хлеба хорошего качества, они на 5—12% были ниже справочных цен. На основании справочных цен можно получить непрерывный однородный динамический ряд цен за 1801—1881 гг., на основе местных заготовительных цен — подобный ряд цен за 1882—1914 гг. Чтобы соединить динамические ряды цен до и после 1881 г. в один динамический ряд однородных цен, необходимо либо справочные цены 1801—1881 гг. уменьшить на 6—12%, либо заготовительные цены 1882—1914 гг. увеличить на 5—12%. Соединение двух динамических рядов цен произведено на основании увеличения местных заготовительных цен 1881—1914 гг. на 10%. Основанием для этого послужило то, что динамический ряд 1881—1914 гг. короче, чем ряд 1801—1881 гг., по-

этому внесение поправки в данные 1881—1914 гг. менее трудоемкий процесс, чем аналогичная операция с данными за 1801—1881 гг.³⁰

Поправка в 10% взята потому, что расхождения справочных и заготовительных цен чаще находятся у максимальной, чем минимальной границы.

Для получения однородных данных необходимо не только использовать одни и те же источники, но также применять одну и ту же методику их обработки и группировки извлеченных из них данных. Характер источников о хлебных ценах за 1801—1914 гг. позволяет использовать следующую методику при их генерализации. Для установления губернских цен предварительно определялись цены за каждый год по отдельным уездам и по ним вычислялись средние арифметические цены для губерний³¹. Если сведения о ценах во всех или большей части уездов отсутствовали, губернские цены выводились на основании цен в губернском городе. При установлении цен губернских или уездных, в случае наличия нескольких источников за данный год, предпочтение отдавалось тому из них, где годовые цены выведены из цен месячных или сезонных. Средние цены по губерниям из уездных цен, средние цены из месячных за год, из годовых за десятилетия и т. д.— определялись как средние арифметические. Если в источнике указывался интервал, в котором находились цены, то за среднюю цену принималась середина интервала; если имелись данные о сортах, то учитывалась цена хлеба лучшего качества.

Наряду с достоинствами источников о ценах, которые позволяют получить непрерывный динамический ряд однородных цен за 1801—1914 гг., ведомости о справочных ценах и сведения Департамента земледелия обладают рядом общих недостатков. Они заключаются в следующем.

Сведения, сообщаемые этими источниками, не всегда представляют последовательный ряд месячных или уездных цен, ограничиваясь иногда тремя-четырьмя показаниями для целого города или несколькими пунктами для всей губернии.

При показании цен в источниках не всегда указывалась натура (мера или вес) продаваемого хлеба, а в ряде случаев натура показывалась в разных единицах измерения, вследствие чего затрудняется перевод разнородных мер к единой.

В обоих источниках далеко не всегда содержатся указания на качество хлеба (степень сортности, сырости и т. п.), цена которого отмечена, в то время как на разных рынках, в разное время торговали различными сортами одного и того же хлеба; иногда вполне сходные сорта носили различные названия; и то и другое затрудняет сравнение цен в разных местностях.

³⁰ Миронов Б. Н. Хлебные цены в России XVIII в. Л., 1969 (Рукопись дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук).

³¹ Часто эту работу выполняли составители ведомостей о справочных ценах и Департамент земледелия.

В источниках обычно указываются цены в текущей валюте. При переводе их на золотой рубль по курсу асигнационного или кредитного рубля возможны погрешности вследствие того, что перевод этот возможно осуществить по курсу Петербургской биржи, в то время как местные курсы не всегда с ним совпадали.

И наконец, почти никогда в источниках не указывалось количество хлеба, проданного по той или иной цене, что лишает возможности исчислить средневзвешенные цены, т. е. средние цены с учетом удельного веса хлеба, проданного по конкретным ценам. Этот недостаток данных о ценах, на который часто указывают, нуждается в особой оговорке. Из-за отсутствия информации о количестве товарного хлеба годовые цены возможно вычислять из сезонных или месячных, губернские — из уездных, среднероссийские — из губернских как среднеарифметические цены. Но иногда при значительных колебаниях цен в течение года и в разных уездах и губерниях, с одной стороны, и при неодинаковом сбыте хлеба в различные месяцы в разных уездах и губерниях, с другой, среднеарифметические цены не всегда могут выражать действительную среднюю цену хлеба, проданного за известный год в определенной губернии, районе или по России в целом. Поэтому, ввиду большого значения хлебных цен для благосостояния населения, весьма важно попытаться определить степень расхождения среднеарифметических от средневзвешенных цен, которые наиболее приближаются к действительным средним ценам. Для этого необходимо иметь сведения о сезонных и месячных ценах в уездах и губерниях и о размере продаж в течение каждого сезона или месяца по уездам и губерниям.

Сравнение среднеарифметических и средневзвешенных цен, произведенное на данных конца XIX—начала XX в., свидетельствует, как это будет показано ниже, что расхождения между ними были сравнительно не велики.

Большая часть товарного хлеба отправлялась по железным дорогам и внутренним водным путям, поэтому на основании данных о перевозках хлеба по сезонам можно довольно точно подсчитать соотношение между поступлением хлеба на рынок (и соответственно между продажей хлеба) по сезонам. Сведения о перевозках хлеба по сезонам года за 1897—1901 гг. извлечены из изданий: «Статистика перевозок по железным дорогам» и «Вестник финансов, промышленности и торговли»³², — за соответствующие годы. По этим сведениям были определены (по

³² В «Вестнике финансов, промышленности и торговли» за 1897—1901 гг. содержатся сведения о подвозе хлебов к внутренним и портовым рынкам. См. также: Лященко П. И. Указ. соч., т. I, с. 265; Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922, с. 25—26; Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения, ч. 3. СПб., 1903, с. 93—95.

Таблица 2

Соотношение между поступлением хлеба на рынок по сезонам
в 50 губерниях Европейской России за 1897—1901 гг.
и сезонные колебания хлебных цен

	Зима	Весна	Лето	Осень
Среднесезонное поступление, %	100	87	87	126
Сезонные цены (невзвешенные), % от среднеарифметической цены за 4 сезона	102	103	100	95

ржи, овсу, и пшенице) соотношения между сезонными поступлениями хлеба на рынок (см. табл. 2).

Средневзвешенная годовая цена хлеба в Европейской России за 1897—1901 гг., подсчитанная по данным таблицы 2, равняется 99,58, а средняя невзвешенная годовая цена — 100, т. е. практические цены, найденные обоими способами, совпадают. По отдельным губерниям расхождение среднеарифметической и средневзвешенной цен колеблется от 0 до 5%, что тоже можно признать несущественным. Существенную разницу между обоими видами средней цены можно было бы ожидать лишь при совпадении значительных колебаний по сезонам как местных цен, так и размеров подвоза хлеба на рынки; а так как случается это очень редко, то средневзвешенные цены могут иметь практическое значение лишь в исключительные годы.

Средние хлебные цены по районам губерний и по всем 50 губерниям тоже можно вычислять как среднеарифметические, т. е. не принимая во внимание производимого каждой губернией хлеба, поскольку и в этом случае расхождение цен взвешенных и невзвешенных на урожае хлебов в губерниях невелики. Как показало сравнение взвешенных и невзвешенных средних цен по 50 губерниям Европейской России за каждый год десятилетия 1891—1900 гг., эти расхождения колебались от 1 до 8%.

Таким образом, расхождения среднеарифметических и средневзвешенных хлебных цен незначительны. Результат этот определяется, во-первых, тем, что рыночные цены на хлеб уже сами по себе, вследствие закона спроса и предложения, учитывают размеры оборотов хлебов на местных рынках: в месяцы уменьшения привоза хлеба на рынки (весна и лето) хлебные цены растут, а в месяцы увеличения подвоза хлеба на рынок (осень, зима) — снижаются; в губерниях с высокими урожаями — цены ниже, а в губерниях с низкими урожаями — выше средних цен по России. Вторая причина малого расхождения взвешенных и невзвешенных хлебных цен состоит в том, что колебания сезонных цен в средние по урожайности годы — несущественны: в пределах 5%, а колебания сборов хлеба между губерниями еще менее существенны, чем колебания хлебных цен.

Аналогичные расчеты, выполненные по некоторым крупным хлебным рынкам России в 1850—1860 гг., до создания развитой железнодорожной сети, показали, что расхождения взвешенных и невзвешенных среднегодовых хлебных цен были также невелики — лишь на 2—4% больше, чем в конце XIX в. Подобный же результат был получен и при оценке расхождения среднероссийских взвешенных и невзвешенных хлебных цен³³.

Таким образом, как справочные цены за 1801—1881 гг., так и цены Департамента земледелия за 1882—1914 гг. имели определенные недостатки. Было бы, однако, ошибочным полагать, что указанные недостатки сведений о хлебных ценах (а вследствие этого и недостатки анализа, выполненного на базе этих цен) присущи только русским источникам. Почти в той же мере подобные недостатки присущи и европейским данным о хлебных ценах, так как в значительной мере они вытекают из характера хлебных цен и хлебной торговли и потому по природе своей неустранимы³⁴. Так, например, классификация партий хлеба по качеству зерна из года в год на одном и том же рынке меняется — в зависимости от преобладающих особенностей последнего урожая и требований покупателей. Партии, состоящие из разносортного зерна, расцениваются приблизительно по средней норме (даже определение таких качеств зерна, как крупность, округлость, твердость, в разных местностях различны, находясь в зависимости от устройства жатвенных машин, мельниц и рода помола). Отсюда вытекает, что абсолютная однородность данных о ценах и, следовательно, абсолютная точность анализа не достижимы.

В связи с неизбежностью погрешностей в выводах при анализе цен важно знать меру неточности. Чтобы ее оценить, необходимо выяснить, накладывались или взаимопогашались дефекты первичных данных о ценах и каковы пределы максимального отклонения используемых цен от действительных.

Одни исследователи указывают, что с увеличением количества статистических данных влияние большей части перечисленных погрешностей имеет тенденцию все более и более уменьшаться, так как при выводе средних цен, по крайней мере за продолжительный период времени, отклонения цен в одну сторону уравновешиваются их отклонениями в противоположную сторо-

³³ Архив Географического общества СССР, р. 48, оп. 1, д. 1 (О хлебной торговле); Там же, р. 48, оп. 1, д. 32 (*Милотин Н. Обозрение хлебной промышленности и торговли в видах обеспечения народного продовольствия*); там же, р. 47, оп. 1, д. 19 (*Ф. Тюменев. Статистические сведения о движении судоходства на Рыбинских пристанях*); «Груды экспедиции, снаряженной Вольным экономическим обществом и Русским географическим обществом для исследования хлебной торговли и производительности в России», т. 1—4. СПб., 1868—1875.

³⁴ Подробно об этом см.: *Моргенштерн О. О точности экономико-статистических наблюдений*. М., 1968, с. 161—183, 180—203.

ну, т. е. взаимопогашаются. Другие исследователи, наоборот, считают, что практически все дефекты первичных данных о ценах суммируются³⁵.

Представляется, однако, что обе точки зрения — крайности, не соответствующие действительной судьбе отдельных погрешностей первичных сведений при генерализации данных о ценах. Дело в том, что указанные неизбежные погрешности в первичных данных о ценах являются не систематическими, а случайными и не зависимыми одна от другой, ввиду того что одна погрешность не влечет за собой обязательно и другую. Вследствие наличия случайных погрешностей в первичных данных действительные цены то преувеличиваются, то преуменьшаются. Поэтому ошибки в первичных данных при генерализации не могут суммироваться. Однако не могут они и полностью взаимопогашаться, поскольку, во-первых, возможны накладки одной ошибки на другую и, во-вторых, отдельные ошибки не равны друг другу. Вследствие случайного и независимого характера погрешностей в первичных данных они не суммируются и не взаимопогашаются, а уменьшаются. Такое решение проблемы обусловлено тем, что вероятность совместного проявления любого числа взаимно независимых событий (а погрешности, с точки зрения теории вероятностей, как раз и являются независимыми случайными событиями) равна произведению вероятностей этих событий³⁶. Если, например, вероятность³⁷ преувеличения цены из-за неправильного учета качества хлеба равна 0,5, вероятность преувеличения цены из-за невзвешивания цен — 0,5, то вероятность того, что все погрешности суммируются, будет равняться: $0,5 \times 0,5 = 0,125$.

Таким образом, средняя общая погрешность цен, полученные на основе генерализации данных справочных ведомостей и Департамента земледелия, как правило, не может превышать наибольшую из погрешностей, равную 10% от действительной цены.

Максимально возможная погрешность, которая может получиться в результате наложения одной погрешности на другую, равняется сумме семи видов погрешностей: погрешности уездной цены из-за отсутствия данных о ценах за все месяцы, она составит 0—5% от цены хлеба; губернской цены из-за отсутствия данных по всем уездам — 5—8%; неправильного учета качества хлеба — 5—10%; невзвешивания цен — 0—5%; неточности натуры (меры или веса) — 3—5%; не вполне точного перевода оптовых цен в розничные — 1—4%; не вполне точного перевода номиналь-

³⁵ Там же, с. 171.

³⁶ Гнеденко Б. В., Хинчин А. Я. Элементарное введение в теорию вероятностей. М., 1964, с. 31.

³⁷ Численное значение вероятности равно отношению числа случаев «благоприятствующих» данному событию, к общему числу «равновозможных» случаев.

ных цен в золотые рубли — 1—3% от цены хлеба³⁸. Сумма всех погрешностей составляет внушительную величину 15—40% от цены хлеба. Но вероятность этой максимальной ошибки ничтожно мала. Если вероятность каждой погрешности в отдельности не превышает 0,5 (по причине ее случайного характера погрешность может быть, а может не быть), то вероятность наложения погрешностей составит: $0,5 \times 0,5 \times 0,5 \times 0,5 \times 0,5 \times 0,5 = 0,008$. Следовательно, не более, чем в 8 случаях из 1000, при выведении губернской цены возможна предельная ошибка в 15—40% от истинной цены. Вероятность же 40% ошибки еще меньше, потому что вероятность того, что каждая ошибка в отдельности будет максимальной, меньше 0,5. Практически возможность максимальной погрешности исключена.

Общий вывод анализа достоверности и однородности данных о хлебных ценах состоит в следующем. На основании анализа справочных цен за 1801—1881 гг. и цен Департамента земледелия за 1882—1914 гг. возможно прийти к относительно точным и принципиально правильным выводам об уровне и динамике хлебных цен, хотя абсолютная точность практически недостижима.

Результаты источниковедческого анализа хлебных цен XIX—начала XX в. убеждают в возможности и необходимости их всестороннего исследования.

³⁸ Величины отдельных погрешностей определены эмпирически.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Ю. Ю. Каух

В области исторических исследований все отчетливее сказывается влияние научно-технической революции, проявляющееся в широком применении историками новых исследовательских приемов и новой, прежде всего электронно-вычислительной техники. Это происходит в то время, когда появляются новые поколения электронно-вычислительных машин, владеющих более мощной памятью, что расширяет возможности их использования именно в общественных науках, где мы имеем дело с особенно большими массами разнородной информации. Кроме того, новая техника позволяет одновременно обрабатывать значительные массивы информации по нескольким программам. Совершенствуется и аппаратура ввода и выдачи информации. В Советском Союзе пущены в производство оптические приспособления для передачи нанесенной на специальные бланки информации в память электронно-вычислительной машины. Это избавляет исследователей и их технический персонал от изнурительной работы по перфорированию исходных данных.

По мере увеличения возможностей использования такой мощной современной техники, как электронно-вычислительные машины, среди ученых стали одновременно распространяться как чувства облегчения, так и растерянности. Облегчения — потому, что новая техника сулит огромную экономию исследовательского труда (в том числе изнурительного и рутинного вычислительного) и открывает реальные перспективы постановки и решения таких задач, которые раньше считались просто непосильными. Растерянности — потому, что яснее, чем раньше стало видно, из какого обилия индивидуальных событий слагаются более крупные исторические события, какое множество факторов воздействует (или может воздействовать) на исторический процесс. Все это послужило питательной почвой для некоторого возрождения в буржуазной историографии субъективизма и агностицизма.

Надо сказать, что с подобными идеями выступают чаще всего философы. Историки, занимающиеся исследовательской рабо-

той, как правило, такими откровенными признаниями, которые по существу поставили бы под сомнение и их собственную работу, не выступают. Но тем не менее в последнее время некоторые буржуазные историки склонны преувеличивать относительность, которая, по их мнению, якобы присуща историческим знаниям

Многие буржуазные историки, идя по пути новых поисков, начинают вовсе отрицать возможность теоретических исследований и объяснений. Высказываются мнения о том, что невозможно вообще применять статистический анализ при изучении процессов экономической истории; выдвигаются и какие-то «новые» теории социально-экономических процессов, в которых отсутствовал бы устаревший, согласно взглядам авторов этих теорий, принцип «экономической детерминированности»¹.

Вместе с тем среди серьезно относящихся к своей работе буржуазных ученых имеют место попытки найти научную теорию, которая была бы способна объяснить изучаемые ими явления и процессы². Американский исследователь Марфи пишет, что стремление «все больше применять количественные методы в истории органически входит в более широкое стремление научного подхода к истории»³. Применение количественных методов, особенно в историко-экономических исследованиях, часто свидетельствует о стихийном приближении буржуазных ученых к марксистской теории. И более широким историческим фоном всех этих процессов являются, как уже указывалось, последствия научно-технической революции, которые сказываются и в том, что молодые поколения специалистов в области общественных наук и студенчество в настоящее время имеют более высокий образовательный уровень, более активно интересуются естественнонаучными методами, чем в те десятилетия, когда родилась и господствовала традиционная описательная буржуазная историография.

В соответствующей литературе параллельно имеют хождение два термина: математические методы и количественные или количественно-квантиативные методы. По существу надо бы более четко разграничивать эти понятия. Было бы, по-видимому, правильнее говорить о количественных методах, когда мы применяем существующую математическую аппаратуру, используем электронно-вычислительные машины для обработки имеющейся в источниках количественной информации, намного повышая эффективность работы (и тем самым осуществляя такие сложные операции, для кото-

¹ Tuma Elias H. Economic history and the social sciences.— Problems of Methodology. Berkeley and Los Angeles, 1971, p. 71; Loynes Robert M. The role of models.— In: Mathematics in archaeological and historical sciences. Edinburg, 1971, p. 544.

² См.: Кахк Ю. Нужна ли новая историческая наука? — «Вопросы истории», 1969, № 3.

³ Murphy Georg G. Historical Investigation and Automatic Data Processing Equipment.—«Computers and the Humanities», 1968, vol. 3, N 1, p. 2.

рых у нас при старых «ручных» методах обработки информации просто не хватило бы сил и времени). О математических методах следовало бы говорить тогда, когда мы применяем уже выработанные специально для исторических исследований математическую методику (например, специальные уравнения, разработанные для историко-демографических исследований)⁴.

Но так как в литературе такого четкого разграничения, как правило, не делается, то неизбежен определенный разнобой и в настоящей статье.

К области количественных методов относятся и те работы, в которых ЭВМ используется как своеобразный архив, библиотека или даже научная публикация. Одной из наиболее интересных, но, к сожалению, еще не законченных работ последнего типа является реконструкция 8000 семей на основе данных кадастра Флоренции 1427 г., которая предпринята Центром исторических исследований в Практической школе в системе высшего образования в Париже⁵. Данные, взятые из названного источника, вводятся в электронно-вычислительную машину. В результате мы имеем дело со своеобразным архивом, где хранится вся содержащаяся в источнике информация. Для того чтобы пользоваться этим архивом, исследователь не должен больше знакомиться со всеми материалами, а просто задает машине конкретный, интересующий его вопрос. Через печатающие устройства ЭВМ он получит ответ, а следовательно,— и определенную научную публикацию, но публикацию своеобразного целевого назначения.

Во Франции ведутся работы и по подготовке «Общего свода древних книг из библиотек Франции, изданных с 1500 по 1812 гг.», которым будут пользоваться с помощью ЭВМ⁶.

Интересная попытка создать при помощи ЭВМ фонд информации (библиотеку) по международным отношениям была сделана в Чехословакии⁷.

В области применения новой техники и математических методов перед нами, следовательно, открываются две магистральные линии развития. С одной стороны, применение более сложных методов математико-статистического анализа, который позволяет углубить марксистский анализ изучаемых явлений и процессов, с другой — создание своеобразных электронно-вычислительных

⁴ Обзор работ советских историков по применению математических методов см.: Бессмертный Ю. Л. Математические методы и их применение при изучении проблем средневековья.— «Средние века», вып. 34, 1971, с. 81—90.

⁵ L'historien l'ordonnateur: Comptre-rendu provisoire d'enquête. V Congress international d'histoire économique. Moscou, 1970, p. 21—30.

⁶ Шнейдер Т. Машина и история (о применении механических и электронных средств в исторических исследованиях).— XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970, с. 3.

⁷ Švankmajer M. Použíte prostředku výpočetní techniky v historické práci.— «Věstník Československé Akademie Věd», Ročník 72, 1963, číslo 3, c. 377—379.

архивов. Эта последняя работа очень велика по объему, и существование ее не так просто и быстро. По существу мы имеем дело с проблемой, которая волнует в настоящее время и работников книгохранилищ и специалистов, которые ищут оптимальные способы для быстрой переработки тех мощных потоков информации, которые нам приносит прежде всего периодическая печать.

В настоящей статье мы обращаем основное внимание на первый путь, т. е. эвристические аспекты исследовательской работы.

Хотя археологи еще до историков приступили к первым опытам по применению электронно-вычислительной техники, в области археологии еще мало создано таких электронно-вычислительных фондохранилищ, о которых речь шла выше. Самые значительные фонды информации об археологических находках, которые воспроизводятся при помощи электронно-вычислительной техники, имеются в настоящее время, по нашим сведениям, во Франции. Как правило, археологи подвергают обработке сравнительно ограниченные объемы информации (несколько сот или несколько тысяч археологических находок). Каждый археологический объект характеризуется несколькими признаками (параметрами), которые вводятся в ЭВМ для математико-статистического анализа. Можно сказать, что этот анализ идет в трех плоскостях — места, времени и формы. Что касается первых двух, то тут электронно-вычислительная техника в несколько раз повышает возможный объем и эффективность работы. Как хорошо известно каждому специалисту в этой области, довольно трудоемкой стадией исследовательской работы является нанесение археологических объектов с определенными признаками на карту распространения, где фиксируются объекты лишь по самым важным, по мнению исследователей, признакам. Электронно-вычислительная техника, особенно если она соединена со специальными картографическими устройствами, во много раз облегчает эту работу и дает исследователю возможность проверить гораздо больше гипотез (в том числе маловероятных и с эвристической точки зрения самых интересных).

Наиболее сложной является работа в плоскости формы. Тут самому исследователю приходится выделять существенные элементы формы, так как они, как правило, с очень большим трудом поддаются классификации. В связи с этим неизбежно появление некоторых моментов субъективизма. Кроме того, некоторые исследователи с полным правом указывают на то, что нам в настоящее время очень трудно «задним числом» выяснить, что могло быть существенным и важным с точки зрения наших предков, которые сотни или тысячи лет назад изготовили изучаемые нами археологические объекты⁸.

⁸ Cowgill George L. Computer Applications in Archaeology.— «Computers and the Humanities», 1967, vol. 2, N 1, p. 18.

Несмотря на вышеуказанные ограничения, именно применение математико-статистических методов может во много раз содействовать уменьшению элементов субъективизма в суждениях и оценках. Как правило, в археологических исследованиях мы часто имеем дело с типологией или классификацией. На основе того, как похожи одни археологические объекты на другие, специалисты выносят заключения о том, какие культуры или этнические объединения близки друг другу, какая была между ними генетическая связь и т. д. Но и при измерении степени сходства часто могут встретиться элементы субъективизма. Уже давно ощущается необходимость формализованных методов измерения степени различия или сходства. Подобные и при этом довольно разнообразные методы так называемых таксономических измерений имеются в арсенале математической статистики, и подтверждением того, что ими уже широко пользуются в археологических исследованиях, явилась англо-румынская научная конференция, посвященная применению математических методов в археологии, состоявшаяся в Бухаресте в 1970 г.

В литературе указывается, что в археологических исследованиях используются такие сложные математические методы, как хи-квадрат, регрессионный и факторный анализы и разные таксономические методы измерения дальности по чертам сходства⁹. Но специально выработанных только для археологии математических методов пока еще не существует.

«У меня впечатление,— пишет Джордж Л. Каугил,— что большинство археологов все еще только наблюдает за тем, как идут эксперименты по применению электронно-вычислительных машин, и при этом их настроения очень разнообразны — от вражды до дружественной заинтересованности и ожидания, пока новая техника больше оправдает себя, прежде чем они сами вынесут какое-либо существенное суждение и начнут ею пользоваться. Степень понимания и разумного интереса к проблеме среди археологов старше 35 лет до отчаяния низка, однако все более ощутимыми эти признаки становятся среди студентов старших курсов»¹⁰.

В литературе по этому вопросу можно встретить самые противоположные точки зрения. Так, например, английский археолог Д. Г. Кандалл категорически отрицает всякое эвристическое значение математических методов. По его мнению, математик должен «быстро, эффективно... выполнить те задачи анализа, которые выполняются или могут выполняться полностью механически. Следовательно, надо разделить то, что требует продолжительных наблюдений и проверок, от того, что надо делать раз и навсегда. Когда он выполнил свою роль для удовольствия своих коллег-археологов, математик должен уйти со сцены...»¹¹

⁹ Cowgill George L. Op. cit., p. 20.

¹⁰ Ibid., p. 17.

¹¹ Kendall David L. Seriation from abundance matrices.— In: Mathematics in archaeological and historical sciences, p. 216—217.

Но другие археологи выражают уверенность, что рано или поздно математические методы получат широкое распространение среди археологов потому, что, как пишет Роберт Г. Ченхал, и археолог «должен стать лицом к лицу с другими научными дисциплинами и активно искать новые пути обработки и истолкования своих данных, если он хочет создать что-нибудь более существенное, чем обзор собранных и анализированных им материалов. Электронно-вычислительная машина может многое сделать для нас всех, но мы должны научиться пользоваться ею и тогда дать волю нашей фантазии, которая подскажет нам новые планы исследований»¹².

При математическом анализе исторических источников можно поступить двояким образом. Можно ввести в ЭВМ лишь часть той информации, которая содержится в источниках и которую мы считаем существенной. Но возможен и другой путь — при помощи статистического анализа найти, что может быть существенным или может скрываться в текстах. В этом случае мы имеем дело с так называемым контент-анализом, который широко применяется как в социологии, так в последнее время и в истории. При помощи такого анализа сделаны попытки выяснить авторство анонимных текстов или найти так называемое латентное содержание текста, т. е. выяснить непреднамеренные искажения истины авторами, определить влияние субъективных мотивов авторов и т. д.

Контент-анализ начал внедряться в практику исторических исследований в 50-е годы, но резкое повышение интереса к нему наблюдалось в следующем десятилетии, когда в этой области стали пользоваться ЭВМ и появились руководства и монографические исследования¹³.

В первое время, однако, имели место и довольно любопытные казусы. Ф. Х. Смитс приводит пример о том, как один шотландский священник А. К. Мортон, применяя недостаточно солидный метод контент-анализа, старался доказать, что известный по Евангелию Павел не является автором многих приписываемых ему произведений. Вступая с ним в спор, священник из США — Д. В. Эллисон отмечал, что если следовать примененному Мортоном методу контент-анализа, можно доказать и то, что сам Мортон не может быть автором некоторых написанных им статей¹⁴.

Но первые неудачи не охладили пыл убежденных сторонни-

¹² Chennall Robert L. The Impact of Computers and Archaeological Theory: An Appraisal and Projection.—«Computers and the Humanities», 1968, vol. 3, N 1, p. 23.

¹³ Довольно интересный обзор применения этой методики дал Т. Ф. Карни (Carney T. F. Content analysis: a review essay.—«Historical methods newsletter», 1971, vol. IV, N 2, p. 52—61).

¹⁴ Smith Philip H. The computer and the Humanist.—In: Computers in humanistic research. Englewood Cliffs, 1967, p. 22—23.

ков этих методов, особенно во Франции. Историк А. Дюpron обвиняет историков, придерживающихся традиционных методов, в том, что они слишком поверхностно относятся к источникам и интересуются ими лишь тогда, когда они сообщают им что-то полезное для датировки или для уточнения каких-либо деталей. «Но источник... никогда систематически не изучался, как таковой: история слишком спешит, слишком занята своими проблемами, чтобы признать за источником право на самостоятельное существование...» — пишет А. Дюpron. «Словарь договора, лексика и синтаксис дипломатической корреспонденции открывает перед нами целый духовный мир...»¹⁵

Дюpron прав, указывая на то, что из источников можно извлекать еще много интересного материала для характеристики склада мыслей, убеждений и предубеждений их составителей. Но создается впечатление, что он надеется достичь это простой перекодировкой и статистической обработкой материала, забывая или преуменьшая значение теоретического истолкования текста.

Мы «уже можем на вполне законных основаниях мечтать о прочтении истории, исходя из математической модели», — утверждает Дюpron, несколько упрощая ситуацию. Он сам же вынужден указать на большие затруднения, связанные с осуществлением этой мечты. Первое из них — неполнота сохранившихся источников: «...история работает, используя только то, что сохранилось, только остатки... Кроме того, эти остатки, пока мы не сумеем проникнуть в их тайну с помощью математического метода, будут плодами чистой случайности, а не типичными образцами, сознательно отобранными в соответствии с научными критериями. Каждый из этих остатков, разумеется, можно разложить на простейшие элементы, а последние — перегруппировать, но от этого не исчезает непроницаемая пустота исчезнувшего»¹⁶.

Довольно широко и успешно ЭВМ применены в исследованиях по истории экономики. Подвергнуты анализу и такие проблемы, как тенденция экономического развития, процессы становления национального рынка и др.

Начинает применяться ЭВМ и в исторической демографии. Одну из самых интересных попыток использования ЭВМ для обработки историко-демографических данных предпринял Х. Палли¹⁷.

¹⁵ Дюpron A. Языки и история.— XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970, с. 8.

¹⁶ Там же, с. 15.

¹⁷ Palli H. Historical demography of Estonia in the 17th—18th centuries and computers.— In: *Studia historica in honorem Hans Kruus*. Tallinn, 1971. О работах, проделанных в Англии, докладывал на V Международном конгрессе экономической истории Р. С. Скофильд (Скофильд Р. С. Восстановление семей при помощи вычислительных машин.— V Международный конгресс экономической истории. М., 1970).

Довольно интересные исследования появились и в области политической истории. Прежде всего это те работы, где возможен мост от социологии к истории. Уже с конца 1930-х годов в буржуазных странах в ходе предвыборной борьбы широко применялись методы социологических исследований. С течением времени исследователей стали интересовать не только возможные прогнозы выборов, но и выяснение тех факторов, которые влияют на исход политической борьбы. Кроме того, в результате социологических исследований накопилось довольно много источников, которые можно было подвергнуть дальнейшему, более глубокому изучению уже после выборов и в свете результатов этих выборов. Вследствие этого появилось много работ как социологов, так и историков, посвященных проблемам политического поведения людей. Довольно характерными можно считать исследования американских ученых И. де Сола Поола и Р. Абельсона, которые по заданию демократической партии для подготовки выборной кампании 1960 г. подвергли анализу сохранившиеся в архивах Социологического института Ропера материалы предвыборных социологических опросов 1952, 1954, 1956 и 1958 гг.¹⁸ Все эти исследования были запланированы и проводились с применением и электронно-вычислительной техники, и математических методов.

Еще более интересными являются попытки применить математические методы для анализа сущности таких явлений, как, например, гражданская война. Особо следует выделить работу финского историка В. Расила, который при помощи факторного анализа убедительно показал, что разразившаяся в Финляндии после Великой Октябрьской социалистической революции гражданская война была борьбой между имущими и неимущими, буржуазией и пролетариатом¹⁹.

К 60-м годам относится применение методов статистического анализа в области изучения классовой борьбы и народных движений, например волнений крестьян и сельского пролетариата во Франции и Англии в конце XVIII и в первой половине XIX в. Для большинства этих исследований характерен сбор и статистическая обработка большого количества данных о составе участников народных волнений, об экономике разных районов, об урожаях и жизненном уровне и т. п. К довольно интересным выводам пришел и американский историк Ч. Тилли, подвергая статистическому анализу данные об участниках контрреволюционных мятежей в Вандее и об охваченных этими мятежами районах в годы Великой французской революции

¹⁸ Solá Pool I. de and Abelson R. The simulmatics project.— In: Selected readings in the quantitative analysis of historical data (далее: Quantitative history). Georgetown. 1969, p. 399, 414.

¹⁹ Rasila V. Kansalaissodan sosialinen tausta. Helsinki, 1968.

1789—1794 гг.²⁰ Однако в появившихся до сих пор работах применяются традиционные — менее сложные — математические методы²¹.

Предварительные данные по изучению народных движений в Швеции за период с 1850 по 1950 г. с применением математических методов и ЭВМ были изложены историками К. Е. Андре и С. Лундквистом на XIII Международном конгрессе исторических наук²².

Используя материалы обсуждения (и голосования) по некоторым законам в Английском парламенте в 1840-е годы и применяя выработанную социологами шкалу Гутмана и корреляционный анализ, В. О. Эйделоте проанализировал при помощи ЭВМ факторы, влиявшие на решения, которые выносились членами парламента²³.

В марксистской историографии известны попытки применения элементов теории решений при изучении внутриполитической истории²⁴.

Не удивительно, что именно в области исследования истории возникновения современного капиталистического общества и классовой борьбы наиболее отчетливо отражалось столкновение двух мировоззрений.

Попытки количественного анализа, предпринятые С. Тхернстромом — социальной мобильности США в период индустриальной революции XIX в. и Хигонетами — состава и деятельности французского парламента в 1846—1848 гг. могут быть охарактеризованы как стремление не только пересмотреть, но и ревизовать марксистскую трактовку указанных проблем²⁵. Делаются попытки «пересмотра» при помощи математических методов и таких марксистских концепций, как зависимость политического поведения людей от их социального положения. Л. Бенсон, например, считает, что можно достичь более значи-

²⁰ Tilly C. The analysis of counter-revolution.—In: Quantitative history..., p. 181—208.

²¹ Обзор этих работ дан Д. С. Хольмбергом (*Holmberg James C. The Ruck to Violence in Social Analysis: A review essay*.—«Historical Methods Newsletter», 1971, vol. IV, N 3, p. 88—89).

²² Андре К. Е. и Лундквист С. Использование массивов исторической информации — опыт изучения шведских народных движений.—XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970.

²³ Aydelotte W. O. Voting patterns in the British House of Commons in the 1840-s.—In: Quantitative history..., p. 415—442.

²⁴ Kahk J. On the agrarian policy in the Baltic provinces in the 1840-s (An attempt at an analytic approach to political development).—In: *Studia historica in honorem Hans Kruus*. Tallinn, 1971, p. 315—343; Matita M. A model of Michael the Brave's decision in 1955.—In: *Mathematics in archaeological and historical sciences*, p. 516—523.

²⁵ Thernstrom S. Notes on the historical study of social mobility.—In: Quantitative history..., p. 98—108; Higonnet P. L.—R. and Higonnet T. B. Class, corruption and politics in the French Chamber of Deputies 1846—1848.—Ibid., p. 129—147.

тельного успеха, изучая борьбу вокруг американской конституции, если группировать людей не по их «экономическим интересам», а по некоторым другим показателям, как, например, их «установки, убеждения, символы, их чувства солидарности»²⁶.

Диапазон математических методов, примененных историками и археологами, довольно широк, но специальных методов или даже специальных по своей основной структуре программ выработано очень мало. Возможно, однако, что в обозримое время и не будет необходимости в разработке специальных программ. «Для близкого будущего (скажем, следующих 10 лет), — пишет Марфи, — основным типом работы в области истории, по-видимому, будет экспенсивное распространение уже до сих пор примененных методов»²⁷. При этом не надо забывать, что уже имеющиеся на руках у историков математические программы и «методы» достаточно разнообразны. Из них действительно можно еще черпать долго, но в то же время нельзя не признать, что до сих пор очень мало применяются в исторических исследованиях методы математической логики, которые как раз должны быть особенно пригодными для исследований, где так часто приходится встречаться с качественными признаками.

Господствует мнение, что математические методы применимы только для сравнительно короткого отрезка времени — для того периода, от которого сохранилось множество письменных источников. Однако уже при анализе археологических находок широко применяются, как указывалось выше, математические методы и электронно-вычислительные машины. Чем ближе к нашему времени, тем большим количеством находок располагают археологи. Когда же появляются первые письменные источники, мы сталкиваемся со своеобразной «математической» пропастью — появляются столетия, которые вдруг не поддаются «математическому анализу». И действительно, как отмечается в соответствующих руководствах по методике исторического исследования, по истории Руси первой половины XI столетия не известно ни одной подлинной рукописи, от второй половины сохранилось 7 рукописей, от XII столетия — 8 подлинных памятников письменности, а от XIII — 20²⁸. Именно появление новых математических методов заострило наше внимание на том, как неравномерно распределены письменные источники по периодам. И для воссоздания более полнокровной картины о бесписьменных веках истории нет, по-видимому, другого пути, как обращение к материальным (в том числе и археологическим) памятникам. Материальные памятники могут многое сказать о процессах заселения, о развитии производительных сил и материальной культуры в ранние

²⁶ Цит. по: *Aydelotte W. O.* Op. cit., p. 11.

²⁷ *Murphy George G.* Op. cit., p. 7.

²⁸ Пронщайн А. П. Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971, с. 36.

периоды средневековья. Именно в этой области в буржуазной науке нашли применение и статистические методы. Мы имеем в виду выработанную немецким историком В. Абелем и его учениками теорию пустошей (*Wüstungs theorie*). Наши марксистские историки уже дали свою критику идеалистической сущности этой теории. Однако для более глубокого понимания процессов заселения и демографических процессов в те отдаленные периоды требуются как углубление археологических исследований, так и математический анализ добывшего в их ходе материала. Нельзя не обратить внимание на то, что первая работа, специально посвященная этим проблемам и названная «Пустошь в России», издана в Западной Германии²⁹.

Ленинградские историки блестяще доказали, что уже писцовые книги XIV—XV вв. содержат много массовых данных и вполне пригодны для статистической обработки³⁰. Современная классификация разделяет актовый материал по истории России на 51 группу, и из них 30 групп относится к таким, в которых можно найти цифровой материал³¹. Это же относится и к такого рода источникам, как послужные списки, разрядные книги, межевые книги, оброчные и писцовые книги, таможенные книги и ревизские сказки, которые тоже легко поддаются статистическому анализу.

Когда мы подходим к XVIII—XIX столетиям, то материал, годный к статистической обработке, все время возрастает. Появляются массовые источники, которые историк Б. Г. Литvak характеризует следующим образом: «Под ними мы понимаем такие источники, которые имеют или которым можно придать сравнительно разработанный формуляр, что дает возможность содержащиеся в них отдельные частные факты, сами по себе имеющие ограниченную для исторического исследования ценность, подвергнуть статистической или иной обработке и научной группировке для получения данных обобщающего характера»³².

В период борьбы за Советскую власть и в годы социалистического и коммунистического строительства на первый план исторической арены выдвигается рабочий класс. В специальном сборнике, посвященном историографии и источниковедению истории рабочего класса, одно из главных исследовательских направлений в этой области формулируется следующим образом: «Количественный и качественный состав рабочего класса,

²⁹ Goehrke C. Die Wüstungen in der Moskauer Russland studien zur Siedlungs.—In: Bevölkerungs und Sozialgeschichte, Bd. I. Wiesbaden, 1968.

³⁰ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971.

³¹ Пронштейн А. П. Указ. соч., с. 52—56.

³² Литvak Б. Г. О некоторых приемах анализа и характеристики источников в трудах В. И. Ленина.—В кн.: Источниковедение истории советского общества. М., 1964, с. 12.

источники его формирования и пополнения, изменения в его культурно-техническом уровне и материальных условиях жизни в связи с ростом промышленного производства и структурными изменениями в промышленности СССР»³³. Следовательно, и тут мы имеем дело с богатыми возможностями математико-статистического анализа.

Что касается процессов ближайшего исторического прошлого и современности, то вопрос об обогащении арсенала исторической науки методами конкретных социальных исследований уже давно стал на повестку дня.

Анкетное обследование социальных явлений нашей современности, построенное на основе ленинских методологических требований, открывает перед историками советского общества широкие перспективы³⁴.

Это значит, что историки, занимающиеся проблемами советского периода, все в большей степени будут или сами проводить конкретно-социальные исследования или пользоваться их результатами, а следовательно, должны ориентироваться в той математической аппаратуре, которая применяется в настоящее время при проведении подобных исследований.

Знаменательно, что специалисты по истории советского общества в последнее время серьезно стали указывать на такой недостаток их работ, как иллюстративный метод. Они пришли к выводу, что одним из самых существенных путей для борьбы с ним является сбор и математико-статистический анализ массовых источников. «Одним из непреодоленных до конца и сейчас пороков, сказывающихся на многих диссертациях и других исследованиях по истории партии, является так называемый иллюстративный метод изложения», — пишет М. А. Варшавчик. «По иллюстративному методу любое выдвигаемое автором положение подкрепляется одним или несколькими примерами. При этом примеры, иллюстрации используются не для пояснения авторской мысли, что, конечно, вполне допустимо, а составляют всю систему доказательств. Доказательство по несложной формуле «так, например», — очень просто, оно не требует ни привлечения широкого круга источников, ни тщательного и продуманного их отбора, ни углубленной, кропотливой работы с ними. Может быть и поэтому сакраментальная формула «так, например» завоевала себе немалое число сторонников, а кое-кто из них даже пытается всякую критику подобного «метода» доказательств представить как стремление изгнать факты из исторических исследований»³⁵.

³³ Вопросы историографии и источниковедения истории рабочего класса СССР. Л., 1962, с. 5.

³⁴ Литvak Б. Г. Указ. соч., с. 34.

³⁵ Варшавчик М. А. Предмет и задачи источниковедения истории КПСС. М., 1967, с. 133—134.

В связи с этим разгорелся спор вокруг вопроса, можно ли применять в исторических исследованиях метод выборочного анализа или нет³⁶. Но при этом, как нам кажется, недостаточно обращается внимание на то, каковы цели и характер исследований. Нет сомнения в том, что если нам важно изучить и локальные явления, и местные различия, то никакие выборочные исследования невозможны. Нет сомнения в том, что всегда лучше изучать все, чем часть. Но столь же несомненно, что если нам нужны общие ответы на принципиальные вопросы, и объем существующего материала затягивал бы решение этой проблемы на очень долгое время, то с научной точки зрения позволительны и выборочные исследования, при изложении результатов которых нужно сделать все нужные ограничения и оговорки. В ходе этой дискуссии было высказано мнение о том, что «необходимо направить коллективные усилия исследователей» на изучение так называемых массовых источников по единой методике «с применением математических методов и счетно-вычислительных машин»³⁷.

Следует остановиться на тех затруднениях, которые возникают при изучении исторических процессов в связи с неполной сохранностью исторических источников. Как известно, В. И. Ленин считал фундаментом научного изучения любого общественно-исторического явления «всю совокупность» относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого исключения*³⁸. Но как выполнить это требование, как добраться до сущности изучаемых нами процессов, если мы заранее знаем, что сохранившиеся источники отражают лишь мизерную долю из всех тех факторов и событий, которые в свое время оказали влияние на изучаемый нами процесс или явление?

На первый взгляд, перед нами неразрешимое противоречие, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что это противоречие вытекает лишь из того, что мы слишком просто и интуитивно подходим к такому понятию, как факт.

По вопросу о философском понимании факта и о его научном познании советскими философами опубликовано много интересных работ³⁹. В данном случае мы, однако, ограничимся лишь проблемами исторического факта. «Несомненно, в истории человечества имеется масса незафиксированных событий, — пишет С. Сычев. — Такие события не относятся к историческим фак-

³⁶ Литvak Б. Г. Указ. соч.: *Варшавчик М. А.* О некоторых вопросах источниковедения в истории КПСС.— «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4; Стрельский В. И. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в.—1917 год. М., 1962, с. 76.

³⁷ Литvak Б. Г. Указ. соч., с. 18.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.

³⁹ См., например, Косолапов В. В. Гносеологічна природа наукового факту. Київ, 1964; Мерзон Л. С. К вопросу о гносеологической природе фактов науки.— В кн.: Философские исследования. Л., 1968, с. 3—36.

там, о них можно говорить как об исторических событиях лишь предположительно или в смысле научного предвидения. Исторический факт как философская категория вводится в научное знание прежде всего для того, чтобы отличить зафиксированные события от незафиксированных»⁴⁰.

Следовательно, в таком научном и философском понимании факта у нас всегда имеется возможность выполнить ленинское требование — изучать, или учитьвать всю совокупность факта.

Количественные и математические методы к тому же дают возможность восстановить утерянные данные, т. е. превратить незафиксированные данные в условно зафиксированные. Если мы имеем определенное количество источников, дошедших до нас от какого-то периода, и некоторые из них имеют пробелы (там не хватает некоторых элементов, которые имеются в других аналогичных источниках), то известное из теории информации свойство избыточности информации в реально (и более полно) сохранившихся источниках дает нам возможность с *определенной долей вероятности* заполнить эти пробелы, воссоздать потерянную в этих конкретных случаях информацию. Еще больше пользы могут принести нам количественные или математические методы, если мы изучаем проявление исторических закономерностей в тех случаях, когда знаем, что у нас нет данных о всех факторах, в результате воздействия которых эти закономерности проявились. Другими словами, речь идет об изучении действия социальных механизмов в прошлом, выяснении связей между явлениями и факторами и поисках самых существенных, причинных связей. При этом затруднения могут возникнуть не только из-за того, что полностью отсутствуют данные о каких-то факторах. Может быть и так, что у нас имеются данные об этих факторах, но факторы такие, что их можно характеризовать только качественно, и поэтому их очень трудно внести в схему, построенную в основном при помощи количественных показателей. Очень интересный пример привел в своей цитированной уже статье Б. Г. Литвак, когда он указал на то, что В. И. Ленин в одной из своих работ пишет, что данные о денежных групповых рабочих взносах «вскрывают перед нами только *небольшую долю* рабочей поддержки», что они не показывают «поддержки моральной, поддержки личным участием, поддержки направления газеты, поддержки материалами, обсуждением, распространением и т. д.»⁴¹. Но несмотря на это — и благодаря тому, что количественно измеряемые данные о денежных взносах действовали в том же направлении, как перечисленные качественно измеряемые факторы, — Ленину удалось, используя и такие неполные данные, прийти к очень важным выводам.

⁴⁰ Сычев С. Исторический факт и его методологическое значение.— В кн.: Некоторые проблемы методологии научного исследования, ч. II. М., 1968, с. 167.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 69.

В подобных случаях мы должны построить модель изучаемого социального процесса. И в связи с этим сразу же возникает вопрос: допустима ли модель в такой области, как историческое исследование? Ведь человеческая история — столь сложное многофакторное, изобилующее качественными аспектами явление, что очень трудно поддается логической классификации и абстрактному описанию. Против попыток построения исторических моделей приводят и аргумент неповторимости, и индивидуальности социальных объектов. «В действительности сама неповторимость социальных объектов носит относительный характер... — пишет Б. С. Раббот. Каждая личность одновременно индивидуальна и социально однородна со многими другими личностями. Именно эта однородность позволяет экспериментально изучать личности, их группы, объединяющиеся в социальные организации и институты, и получать общественно значимые выводы»⁴².

Общетеоретические аспекты применения моделей в исторических исследованиях очень слабо разработаны. Построение творческой модели исторического явления или процесса собранных эмпирических цифровых материалов в нашем понимании есть нечто, отличное от простого отыскания подходящего в конкретном случае алгоритма для произведения математических операций. Модель — это орудие научного познания, не только отражение и прием систематизации исследуемого материала, но своеобразная кольцевая станция на путях познания истины, где встречаются, с одной стороны, эмпирический материал и, с другой — вносимые исследователем в процесс познания элементы теории. С одной стороны, развитие теории, по Энгельсу, «нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью»⁴³. С другой, систематизируя собранные материалы и строя модели, историк исходит из определенных теоретических предположений. «Модель... — пишут Р. П. Девяткова и В. А. Штофф, — есть один из важнейших способов связать теорию с действительностью именно потому, что она отражает действительность в упрощенном и идеализированном виде»⁴⁴.

Построение модели и внесение в нее эмпирических данных — это способ проверки, уточнения и усовершенствования теории. Будет ли результатом применения модели эвристический эффект — обогащение знаний, раскрытие новых аспектов процессов и явлений — это зависит уже от конкретных обстоятельств, а именно, от характера имеющегося в распоряжении исследователя материала и от его мастерства.

⁴² Раббот Б. С. Проблемы эксперимента в социальном исследовании. М., 1970, с. 189.

⁴³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 499.

⁴⁴ Девяткова Р. П., Штофф В. А. Проблемы идеальной типологии и моделей в историко-социальных науках.— В кн.: Проблемы методологии социального исследования. Л., 1970, с. 25.

Роберт М. Лайнз совершенно правильно указывает на то, что «не существует такой вещи, как корректная или единственная модель какой-то ситуации и что нет никакого смысла говорить об использовании всех данных в какой-то ситуации...»⁴⁵. Мы должны быть, с одной стороны, оптимистами потому, что «опыт в других отраслях познания... показал, что математические модели привели к такому прогрессу, который не мог бы быть достигнут другим путем...» — пишет он. Но, с другой стороны, надо быть и осторожным, потому что при построении модели в общественных науках придется выбросить «столько деталей, что неизвестно, не выбросим ли мы ребенка из ванны вместе с водой...»⁴⁶. Как несомненное достижение применения математических или даже квазиматематических моделей он считает то, что их использование заставляет исследователей формулировать свои мысли более точно.

При исследовании общественных явлений нельзя пользоваться экспериментами или пробиркой, все это должно заменить абстрактное мышление, построение абстрактных моделей. В литературе модели разделяются иногда на модели действия и модели тенденций. С моделями тенденций мы имеем дело, когда, например, изучаем тенденции развития производительных сил или те тенденции, которые проявились в ходе политической борьбы. «Модель действия представляет формализацию теоретических концепций, объясняющих функционирование систем или ее отдельных частей» (дефиниция Б. С. Работы)⁴⁷. Эти модели действия чрезвычайно сложные. «...Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны экономических условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств», — пишет К. Маркс⁴⁸.

Историк по существу уже априорно может знать, что, изучая какой-то социальный процесс, он не в силах охватить все факторы, влияющие на процесс. Однако такое положение по существу не представляет собой исключения. Во всех областях науки идет беспрерывный процесс приближения к абсолютной истине, которая бесконечна и в ходе приближения к которой все больше углубляются наши знания.

Как поступают в подобной ситуации естествоиспытатели? Желая выяснить влияние или значение какого-либо определенного фактора, они выделяют его, создают экспериментальную

⁴⁵ Loynes Robert M. Op. cit., p. 543.

⁴⁶ Ibid., p. 544.

⁴⁷ Работа Б. С. Указ. соч., с. 195.

⁴⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 354.

ситуацию, в которой влияние оказывает в основном только этот фактор. Если влияние этого фактора не обнаружилось, то такая же процедура осуществляется в отношении других факторов.

Когда в общественных науках — социологических или исторических исследованиях — применяется, например, корреляционный или регрессивный анализ, то часто обнаруживается, что те факторы, влияние которых изучается, не объясняют всего «поведения» социального объекта. Если, например, корреляционный анализ указывает, что между количеством забастовок и повышением стоимости жизни существует корреляционная связь +0,3 и, следовательно, коэффициент детерминизации — лишь 0,09, то это значит, что забастовочная борьба не зависит только от процессов повышения стоимости жизни. Имеются другие факторы — деятельность политических партий, идеологическая борьба и т. д. и т. п., — которые тоже сильно влияют на забастовочную борьбу. Результаты как корреляционного, так и регрессивного анализа довольно точно указывают на то «пространство необъяснимости», которое вызвано тем, что в нашем распоряжении при проведении этого анализа не было данных о всех существенных факторах. И, следовательно, именно математический анализ показывает нам влияние существовавших в свое время в исторической действительности общественных сил и факторов, по которым не сохранилось источников или которых мы просто не умели учитывать.

Одним из частных примеров модельного анализа является симуляция. «Одной из форм модельного мышления, получающей все более широкое распространение и применение в социологических исследованиях, является так называемая симуляция», — пишет Б. С. Раббот. «В узко специальном смысле слова под симуляцией понимают операции с моделями, выполняемые электронно-вычислительными устройствами»⁴⁹. Симуляционный анализ вырос из той практики разыгрывания военных игр, которыми уже давна занимались в высших военных училищах. В последнее время он все более широко применяется во всех высших учебных заведениях, в которых подготавливаются менеджеры для крупных капиталистических фирм. И не удивительно, что в исторических исследованиях также появились симуляционные модели в области экономической истории.

Рассмотрим один конкретный пример из этой области, который получил большую международную известность. Как известно, в гражданской войне в США в середине XIX столетия столкнулись две социальные системы — система рабства и система свободного труда. Не удивительно, что историков этот сюжет особенно интересует, так как тут есть возможность сравнить на конкретном историческом материале две принципиально различные системы. Одна из последних попыток была предпринята

⁴⁹ Раббот Б. С. Указ. соч., с. 189—190.

профессором Чикагского университета Робертом У. Фогелем и его учениками. Надо признаться, что в своих последних работах Фогель и С. Л. Энгерман сами признают, что простое сравнение рентабельности плантационных хозяйств еще ничего не говорит об относительной эффективности двух экономических систем. Однако сами они, по существу, дальше не идут и в последних работах просто сравнивают эффективность труда в сельском хозяйстве рабовладельческого Юга с эффективностью труда опять-таки в сельском хозяйстве на Севере⁵⁰. В нашей марксистской историографии выступление Фогеля и Энгермана на V Международном конгрессе экономической истории оценивалось как попытка оправдать систему рабства⁵¹. В подобной оценке есть доля истины, но, по-нашему мнению, следует большее внимание обратить на методологию, применяемую американскими исследователями. Они сами называют ее анализом исторических альтернатив, и возлагают на этот метод большие надежды. Суть его заключается в искусственном построении несуществовавших в истории альтернатив (*counterfactual analysis*). Так, например, вычисляется, как развивалась бы экономика Америки, если бы не были построены в середине XIX столетия железные дороги и т. п. Сомнения и возражения вызывает то, что провозглашается принцип сопоставления существовавших и не существовавших ситуаций и тенденций. При сравнении рабского и свободного труда такая постановка вопроса вообще не оправдана — ведь обе разновидности труда существовали в середине XIX столетия в Америке. Но, кроме того, Фогель и Энгерман допускают ошибку, вырывая свой объект исследования из конкретной исторической действительности. Уже Маркс указал на то, что рабовладельческое плантаторское хозяйство было исторически и географически обусловлено. «Возделываемые рабами культуры предметов южного экспорта — хлопок, табак, сахар и т. д. — являются доходными лишь в том случае, если они производятся большими группами рабов в массовом масштабе и на обширных пространствах естественно плодородной почвы, требующей лишь примитивного труда», — писал Маркс. «Интенсивные культуры, зависящие не столько от плодородия почвы, сколько от вложенного капитала, образованности и инициативности работника, противоречат самому существу рабства»⁵².

Историческая альтернатива и соревнование систем рабского и вольного труда действительно имели место накануне граждан-

⁵⁰ Фогель Роберт У., Энгерман Стэнли Л. Хозяйственная эффективность рабства: сравнение северного и южного сельского хозяйства в США в 1860 г.— V Международный конгресс экономической истории. Л., 1970.

⁵¹ Косачев Б. С. Некоторые вопросы экономического развития США первой половины XIX века.— В кн.: Основные проблемы истории США в американской историографии от колониального периода до гражданской войны 1861—1865 гг. М., 1971, с. 226.

⁵² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 344.

ской войны в США. Но соревнование этих двух систем надо изучать там, где они имели более или менее равные шансы и где их противоборство проявилось на исторически перспективных направлениях. Ареной этой борьбы были так называемые свободные земли Запада, куда шло движение как из рабовладельческого Юга, так и из свободного Севера. «На «свободные земли» Запада наряду с фермерами претендовали плантаторы-рабовладельцы,— пишет И. П. Дементьев.— Характеризуя эту борьбу в США в период, предшествовавший гражданской войне, Ленин писал, что «аграрный вопрос так же выдвигался тогда на одно из первых мест самым ходом американского социального движения...»⁵³.

У В. И. Ленина метод сравнительного изучения исторических альтернатив блестяще применялся, когда он изучал и сравнивал две исторически существовавшие в свое время тенденции развития капитализма в земледелии России.

Что можно считать специфическим при ленинском построении сравнительных моделей исторического развития?

Прежде всего и преимущественно то, что мы имеем дело не с какими-либо абстрактно-выдуманными, а вырастающими из исторической действительности моделями, которые отражают реально возможные варианты существующих тенденций.

«Эта ломка абсолютно неизбежна, и никакие силы на земле не помешают ей»,— писал Ленин о капиталистической ломке феодальных пережитков в земледелии России. «Борьба идет из-за формы этой ломки, из-за способов ее...»⁵⁴ Американский путь развития капитализма в земледелии назван Лениным «объективно не невозможным путем расчистки»⁵⁵. Ленин критикует Маслова за то, что тот рассматривал «абстрактно-желательное», а не выяснил «экономически-неизбежное»⁵⁶. Только «столыпинская аграрная реформа» или «крестьянско-революционная национализация»⁵⁷ были, по Ленину, реальные. «Все же среднее, начиная от меньшевистской муниципализации и кончая кадетским выкупом, есть мещанская ограниченность, тупое искажение доктрины, плохая выдумка»⁵⁸.

Метод построения модели гипотетических исторических альтернатив был блестяще применен В. И. Лениным в 1907—1908 гг. при изучении аграрного вопроса в России и разработке своей теории двух путей развития капитализма в земледелии. И при этом В. И. Ленин с самого начала исходил из конкретного ста-

⁵³ Дементьев И. П. Американская историография гражданской войны в США (1861—1865). М., 1963, с. 294. Цитируемое автором высказывание В. И. Ленина см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 53.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 97.

⁵⁵ Там же, с. 128.

⁵⁶ Там же, с. 151.

⁵⁷ Там же, т. 16, с. 260.

⁵⁸ Там же, с. 261.

тистического материала. Приведя цифровые данные из изданного Центральным статистическим комитетом в 1907 г. сборника «Статистика землевладения 1905 года», он обрисовывает реально существующую картину крайне крепостнического и несправедливого разделения земли. «Таков исходный пункт борьбы крестьян (7—15 дес. на двор плюс кабальная аренда и т. д.) против крупнейших помещиков (2333 дес. на экономию)»⁵⁹, — пишет В. И. Ленин. Этому существующему разделению земли он противопоставляет гипотетически возможное разделение земли в результате революционного «черного передела». «Какова объективная тенденция конечного пункта этой борьбы?» — спрашивает Ленин в отношении борьбы крестьян против пережитков крепостничества. И отвечает: «Очевидно, что эта тенденция состоит в уничтожении крупнопомещичьего крепостнического землевладения, в переходе его (на тех или иных началах) к крестьянам... Чтобы выразить эту тенденцию в такой же наглядной схеме, которую мы привели для изображения исходного пункта борьбы, т. е. теперешнего положения вещей, следует взять лучший мыслимый (обращаем особое внимание читателя на эти подчеркнутые В. И. Лениным слова. — Ю. К.) случай, т. е. все земли крепостнических латифундий и все нераспределенные по владениям земли предположить перешедшими в руки разоренного крестьянства»⁶⁰. И после этого на основе указанных уже статистических данных В. И. Ленин вычисляет гипотетически возможный вариант распределения земли, резюмируя сравнение реально существующей и гипотетической структуры землевладения словами: «Таков исходный пункт этой борьбы и ее тенденция, т. е. ее конечный пункт, ее результат в лучшем, с точки зрения борющихся, случае»⁶¹.

Но во всем процессе развития капитализма в земледелии для Ленина намечается два возможных варианта — реально существующий (так называемый прусский) и гипотетически возможный (так называемый американский) путь развития. Характеризуя эти два пути, Ленин часто пользуется формулировкой «если бы», которая с точки зрения традиционной буржуазной историографии того времени (а во многом и в настоящее время) является прямо противопоказанной и еретической. Развитие капитализма в земледелии «может происходить двояким образом»⁶², — подчеркивает Ленин. Указывая на то, что урожай на грендановых крестьянами уже на капиталистических началах землях (так называемых экономических землях) был выше, чем на закабаленных баршиной арендных землях и даже на помещичьих землях, находящихся в испольной обработке, Ленин пи-

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 203—204.

⁶⁰ Там же, с. 204.

⁶¹ Там же. с. 205.

⁶² Там же, с. 150.

сал о закабаленных крестьянских землях: «Не только урожай с этих земель поднялись бы, если бы (курсив наш. — Ю. К.) тот же, теперешний владелец освободился от работы «на барина», но и урожай надельных земель поднялся бы неизбежно просто в силу устранения крепостнических помех хозяйству»⁶³.

А то, насколько повысилась бы в этом случае эффективность земледелия, Ленин выражает точными цифрами: «...припомните приведенные выше данные: с надельных земель 54 пуда с 1 дес., с экономических 66, с находящихся в испольной обработке 50, с арендованных погодно крестьянами 45»⁶⁴.

Однако, когда уловлены исторически реальные гипотезы, то при их математическом анализе (при сравнении гипотетических результатов с реальными) не надо слишком буквально придерживаться только близких к существующей действительности гипотез. «Могут сказать, что я не имел права предположить переход всех конфискованных земель... к наиболее малоземельному крестьянству. Могут сказать, что земли *должны* перейти в силу экономической необходимости к более богатым крестьянам», — писал Ленин, обосновывая свою гипотетическую модель результатов революционного перераспределения земель. «Но такое возражение было бы недоразумением. Чтобы доказать буржуазный характер переворота, я должен взять *лучший* случай с точки зрения народничества, я должен *допустить* достижение той цели, которую ставят себе борющиеся. Я должен взять момент, наиболее близкий к так называемому «черному переделу»...⁶⁵

Уже больше полстолетия назад В. И. Ленин дал нам блестящий пример того, как при помощи построения моделей гипотетических результатов общественно-экономического развития и политической борьбы можно посредством математических моделей изучать и с математической точностью измерять прогрессивное значение такого фактора, как классовая борьба народных масс. Только серьезным упущением можно считать то, что мы до сих пор мало пользовались этим теоретическим наследием и выше охарактеризованными методическими приемами, которые, по нашему убеждению, применимы отнюдь не только при изучении аграрного развития на рубеже XIX—XX вв. Применение этой методики отнюдь не означает конструирование какого-либо выдуманного псевдо-прошлого. Оно просто позволяет нам лучше (и точнее) понимать (и оценивать) подобные процессы и явления — кроме названной уже классовой борьбы, такие, например, как тормозящее влияние пережитков, результаты разного рода реформ; оно дает возможность математически точно сравнивать значение разных форм классовой борьбы или разных вариантов реформ и т. д.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 77.

⁶⁴ Там же, с. 125.

⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 206.

Другим довольно распространенным типом модельного математического изучения является построение корреляционных, факторных или регрессионных моделей. Удачным примером построения математических моделей крестьянских хозяйств можно считать работу Э. Тарвела по материалам ревизий, проведенных в Эстонии в XVI—XVII вв.⁶⁶ В этих ревизиях сохранилось довольно много данных об индивидуальных крестьянских хозяйствах — сельскохозяйственных угодьях, высеве, числе работников, скота, величине налогов, повинностей и т. д. Но для того, чтобы ясно вырисовывалась экономическая сущность крестьянских хозяйств, надо найти связи между этими показателями. Применяя корреляционный анализ и регрессионные уравнения, Э. Тарвел вычислил математические модели этих крестьянских хозяйств. Таким образом он добился, во-первых, того, что ясно определилось, какие факторы (рабочая сила, характер и размер сельскохозяйственных угодий, тягловая сила) играли в хозяйстве крестьянина более существенную роль, и, кроме того, ему удалось дать характеристике крестьянского хозяйства такую форму, которая пригодна для сравнений различных стран и эпох.

Как в естественных, так и в общественных науках мы имеем дело по существу с двумя типами закономерностей. Имеются основополагающие теории, как, например, марксистская теория закона стоимости, но, с другой стороны, имеются и более частные и конкретные теории и модели, как, например, теории и модели разных типов дифференциальной ренты. Путем математического анализа (и анализа при помощи моделей) мы можем выработать именно такие более частные теории («теории измерения»), которые углубляют и конкретизируют наши знания об общих исторических закономерностях.

Ученые, работающие в области общественных наук, должны заменить метод эксперимента методом абстрактного мышления. Но есть кое-что общее и между отношением экспериментатора к своему эксперименту и исследователя социальных процессов к тем материалам, которые он подвергает абстрактному анализу. «Для наблюдения нужно установить некоторое взаимодействие между объектом и измерительной аппаратурой», — пишет И. Кузнецов в послесловии к книге Л. Бриллюэна. «Без этого вообще никаких сведений об объекте извлечь нельзя. Но подоб-

⁶⁶ Tarvel E. Adramaa. Eesti talurahva maakasutuse ja maksustuse alused XIII—XIX sajandil. Tallinn, 1972. Попытки создания своеобразных моделей крестьянских и фермерских хозяйств были предприняты уже раньше, но работы не были доведены до такого состояния, как у Э. Тарвела (*Bee H. van der, Каувенберг E. van*. Использование информационных машин для исследований королевских поместий в Нидерландах (XIV—XVIII вв.) — V Международный конгресс экономической истории. М., 1970; *Loone L., Sildmae I. Über die Struktur und die verschiedenen Modelle der Arbeitsrente*. — V Internationalen Kongress der ökonomischen Geschichte. Moskau, 1970).

ное взаимодействие возмущает объект, порождает неопределенность в его поведении и ошибки в измерении. Однако оно же и открывает путь потоку информации к жаждущему получить ее исследователю»⁶⁷.

Историк, верный традиционным канонам классической буржуазной методологии истории конца XIX—начала XX в., интересовался прежде всего тем, чтобы возможно точнее воспроизвести ту историческую действительность, которую отображали источники, и лишь в той мере, в какой они ее отображали. Ошибка в источнике или субъективизм, который проявился в нем, воспринимались им лишь как досадные помехи на пути к истине. Однако для марксистского исследователя имеют существенное значение и ошибки источников. Он заранее знает, что все исторические источники исторически обусловлены, что в них отражается позиция или мировоззренческая ограниченность их составителей. Ошибки и недостоверности источников для исследователя-марксиста превращаются в новые источники интересной и важной информации.

Строя модели гипотетических исторических альтернатив или соединяя в математических моделях элементы, которые в самих источниках между собой так ясно не связаны, историк своеобразно возбуждает тексты исторических сообщений, фонды исторической информации. Это возбуждение неизбежно сопровождается тем, что в процесс исследования вносятся элементы субъективных оценок. Но, как известно, историки-марксисты стоят на позициях партийности исторической науки и уверены, что абсолютно чистой беспартийной науки не существует вообще. Вопрос заключается лишь в том, служит ли партийный подход прогрессивному познанию исторической действительности или реакционным целям искажения ее. Следовательно, именно марксистские историки не должны бояться всех тех опасностей и возможных ошибок, которые сопровождаются более сложными методами работы над источниками. Гарантией тому, что в конечном счете эти эксперименты будут использованы в разумных мерах и там, где они приносят пользу, является то, что советские историки руководствуются марксистской теорией, которая требует конкретно-исторического подхода ко всем исследуемым нами явлениям. Все мы, историки-марксисты, руководствуемся указанием В. И. Ленина: «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные... рамки, а затем, если речь идет об одной стране... учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других, в пределах одной и той же исторической эпохи»⁶⁸.

⁶⁷ Кузнецов И. Послесловие к кн.: Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация. М., 1966, с. 227—228.

⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 263—264.

ЭВМ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Х. Э. Палли

В последние годы в работах советских историков все большее значение приобретает применение математических методов¹. Особенно широко используются корреляционный и регрессивный анализы. Их применение связано в большинстве случаев с

¹ См.: 1) Доклады советских ученых на XIII Международном конгрессе исторических наук, на V Международном конгрессе экономической истории (Деопик Д. В., Добров Г. М., Каак Ю. Ю., Ковалченко И. Д., Палли Х. Э., Устинов В. А. Качественные и машинные методы обработки исторической информации. М., 1969; Палли Х. Некоторые проблемы историометрического подхода к демографической, экономической и социальной истории Эстонии. М., 1970; Каак Ю. О применении математического анализа с помощью электронно-вычислительных машин при изучении некоторых проблем общественно-экономического развития в Эстонии первой половины XIX в. М., 1970; Ковалченко И., Милов Л. Методы изучения формирования единого аграрного рынка в России XVIII—XX в. М., 1970). 2) Каак Ю., Лиги Х. К вопросу об экономическом положении и феодальных повинностях крестьян в Эстляндской губернии в XVIII в.—«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962». Минск, 1964, с. 43—58; Устинов В. А. Применение вычислительных машин в исторической науке для анализа массовых исторических источников. М., 1964; Миронов Б. Н. Применение выборочного метода при анализе движения хлебных цен XVIII в. в России.—«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964». Кишинев, 1966, с. 424—436; Tarvel E. Jooni eesti talurahva maakasutuse ja feodaalkoormistega maksustamise alustest XVI sajandil ja XVII sajandi algul.—«Известия АН ЭССР. Общественные науки. 1965», 14, с. 49—71; Ковалченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967, с. 311—324, 394—399; Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968, с. 117—142; Tarvel E. Taluadramaa XVII sajandi teisel poolel.—«Известия АН ЭССР. Общественные науки, 1969», 18, с. 213—233; Бессмертный Ю. Л. Феодальная деревня и рынок Западной Европы XII—XIII вв. М., 1969, с. 80—84; Ковалченко И., Милов Л. О принципах исследования процесса формирования всероссийского аграрного рынка (XVIII—XIX вв.).—«История СССР», 1969, № 1, с. 25—27; Каак Ю. Die Krise der feudalen Landwirtschaft in Estland. Tallinn. 1969, с. 227—247; Руусман А. Из опыта применения факторного анализа в историческом исследовании.—«Вестник Моск. гос. ун-та. Серия IX. История», 1966, № 6, с. 78—91; Палли Х. Э. К методике обработки демографических материалов Эстонии XIII—XVIII вв. (до ревизии душ 1781—1782).—«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966». Таллин, 1971, с. 147—161; Бессмертный Ю. Математические методы и их применение при изучении проблем средневековья.—«Средние века», М., 1971, т. 34, с. 81—90 и др.

обработкой массового цифрового исторического материала и с использованием новой вычислительной техники.

Применение электронных вычислительных машин (ЭВМ) привело к возникновению новой разновидности исторического материала,— подготовленного к машинной обработке. Такие материалы создаются в виде машинных перфокарт (в том числе и в виде маркированных или дуальных перфокарт), перфолент, магнитных лент и т. д. Перфокарты или перфоленты являются носителем информации для ввода в ЭВМ (перфокарты — как в ЭВМ, так и в перфорационные машины). Следует иметь в виду, что подготовка первичной информации для машин в большинстве случаев очень трудоемкая задача. Иногда необходим тщательный предварительный анализ источников, включая проверку их пригодности к машинной обработке. С другой стороны, как подготовленный к машинной обработке материал, так и результаты обработки (окончательные или промежуточные) могут быть напечатаны в виде таблиц, формул, текста, а также нанесены на магнитную ленту. Другими словами, весь этот материал может быть снова без труда подготовлен введен в ЭВМ и использован исследователями для решения новых задач. Таблицы, формулы и т. п. «продукты» работы ЭВМ могут быть повторно напечатаны. Таким образом, подготовление источников к машинной обработке становится как бы новой формой публикации.

Внедрение современной техники привело, таким образом, к появлению нового вида публикаций исторических источников — к «машинной публикации». Но в отличие от обыкновенной публикации (книги, журналы и др.), «машинная публикация» имеет ряд особенностей. Во-первых, она является только потенциально публикацией и только в том случае, если круг ученых, заинтересованных в применении данного материала, узнает о нем и получит к нему доступ. В этом отношении в данном случае имеется сходство с рукописями. Во-вторых, в отличие от публикации источников, которая ведется в соответствии со строгими правилами, материалы для обработки в ЭВМ подготавливаются на «свой страх и риск». Отсутствие соответствующих правил подготовки материала источников чревато известным произволом со стороны исследователя, который может по своему усмотрению обращаться с подготавливаемыми материалами. Из-за произвольного обращения с источниками такие материалы могут оказаться непригодными для других исследователей. В-третьих, пользоваться этими материалами можно только при помощи программы. Без соответствующей программы подготовленные для ЭВМ материалы являются как бы мертвым грузом. В-четвертых, специфика машинной обработки приведет к тому, что помимо первоначального материала (самого «источника») большое значение могут приобрести «промежуточные» результаты обработки.

Поясним сказанное несколькими примерами.

Представим, что какой-то историк обработал на ЭВМ материалы о крестьянских хозяйствах двух уездов за 1740 и 1780 гг. При этом он интересовался двумя проблемами: 1) усиливается ли имущественная дифференциация за это время или нет; 2) увеличивается ли в то же время феодальная эксплуатация крестьян. О крестьянских хозяйствах имеются данные инвентаризаций. Каждое крестьянское хозяйство описывается следующим образом: год, местонахождение (уезд, имение, деревня), имя дворохозяина (зашифровано цифрами), количество других жителей двора по полу и трудоспособности, скот (лошади, волы, коровы, телята, овцы, свиньи), наличие земли (паия, луга) и феодальные повинности (количество барщинных дней в неделю, денежный и натуральный оброк).

Пусть для первой задачи исследователь считал достаточным группировку по основным хозяйственным показателям (количество пашни и рабочего скота), а для второй — регрессионный и корреляционный анализы с вычислением множественной корреляции между основными показателями (количество упряжек, размер пашни, численность трудоспособного населения крестьянского двора, феодальные повинности). Как промежуточные данные ЭВМ вычисляла распределение дворов по пашне, численности скота, феодальным повинностям. Однако от получения результатов до их опубликования проходит около двух лет. За это время только узкий круг лиц (например, сектор или кафедра) узнает о существовании подобного «материала». Да и в дальнейшем возникнет ряд проблем: автор не всегда и не обязательно сохраняет как первоначальные материалы, так и «промежуточные» результаты, особенно в случае, если он сам не намерен в дальнейшем их использовать.

Предположим, что, узнав о данной работе, эти материалы собирается использовать специалист по ономастике, который исследует специфику написания имен в XVIII в. К сожалению, ввиду того, что в данном случае имена предварительно «стандартизированы», он никакой пользы от этих материалов извлечь не может.

Если нет специальной программы, то даже такой несложный вопрос, как общее количество скота в крестьянских хозяйствах в изучаемых уездах, останется без ответа. Значение имеет не только программа, но и язык программы и даже тип использованной машины.

Значение промежуточных результатов выступает, например, в случаях, когда необходимо провести сравнительное изучение особенностей экономического развития районов. Соотношение лугов и пашни, скота разных видов, сравнительная обеспеченность крестьян землей и скотом — все эти данные представляют, безусловно, немалый интерес при изучении особенностей экономического развития.

Но они содержатся лишь в промежуточных результатах и в сущности остались неиспользованными.

Уже из этого примера выясняются некоторые проблемы и возможности, возникающие по мере расширения фронта историков, пользующихся ЭВМ, и особенно в связи с постепенным накоплением материалов, готовых к обработке машинами.

Общественные науки, в том числе и исторические, имеют свои особенности. Для многих периодов характерны источники с массовыми однообразными записями. В большинстве случаев в настоящее время ЭВМ используются для обработки именно массовых источников.

На приведение материала массового источника в вид, пригодный для машинной обработки, необходимо потратить много квалифицированного труда. Поэтому, чем больше людей обращается к уже раз подготовленному материалу, тем больше эффективность его использования. Впрочем, не в меньшей степени это относится и к программам. Разница только в том, что во многих случаях историк может пользоваться уже готовыми стандартными программами².

По-видимому, в настоящее время назрела необходимость для организации более тесного сотрудничества между историками, применяющими ЭВМ в своей работе, а также для создания архивов (или центров) с материалами, готовыми к машинной обработке (в форме машинных перфокарт, перфолент, магнитных лент и т. д.).

В настоящее время материалы, подготовленные к машинной обработке, хранятся обычно в тех учреждениях, где работают подготавливающие их лица. Обмен сведениями о проведенных работах (включая и данные об использованных материалах) осуществляется посредством публикуемых более или менее регулярно сборников, докладов, конференций и личных контактов ученых.

Но в условиях быстро расширяющегося круга исследователей и увеличивающегося числа работ с использованием материалов, обработанных на ЭВМ, старые формы обмена информацией, подготовки и хранения материалов, готовых к машинной обработке, становятся недостаточными.

Интересно проследить и за тем, как организован взаимный обмен информацией за рубежом, например, в США.

В США выходит журнал «Computers and the Humanities» («ЭВМ и гуманитарные науки»), постоянно публикующий сведения о работах в области гуманитарных наук с применением ЭВМ. При этом даются следующие сведения: тема работы, университет или другое учебное и научное заведение, где ведется

² На важность использования стандартных программ обратил внимание еще в 1964 г. В. А. Устинов (Устинов В. А. Применение вычислительных машин, с. 225—227).

работа, лицо (глава группы) или лица, ведущие эту работу, краткое описание источников и способа их обработки, наличие или отсутствие программы, тип ЭВМ, математическая аппаратура в исследованиях³. Сведения по некоторым из перечисленных вопросов могут отсутствовать (публикуются сведения и о таких работах, к которым только приступают). Информация дается не только о работах, проводимых в США, но и в других странах (главным образом в Западной Европе и Канаде). Приведем для примера одну информацию.

«Тема работы: развитие благосостояния в Швеции 1925—1960 гг. Руководитель группы: Карл-Густав Хильдебранд (Гильдебранд). Профессор истории экономики в Упсальском университете... Сотрудники: Маргарета Энгквист, Ги Андерссон, Карстен Линдеквист, Аллан Ларссон, Уно Сёдерман.

Задача (цель): Описание и анализ развития распределения доходов между разными группами в Швеции 1925—60 гг. и исследование их эффекта на доходы семей. Методы: корреляционный анализ, таблицы. Тип ЭВМ: СД 1800. Язык: Interest II. Выработана ли программа? Да.»⁴

Такая информация позволяет наладить взаимные контакты, организовать обмен опытом и сотрудничество, если возникает необходимость в более широких совместных исследованиях. Таким путем нетрудно установить наличие и общий характер материалов, готовых к машинной обработке.

Явление несколько другого порядка: создание архивов из материалов, готовых к машинной обработке. В США они называются «хранилища (или архивы) информации (или фактов)» — Data Bank, Data Archives. В таких хранилищах сосредоточиваются в первую очередь общие данные (прежде всего по официальным публикациям), представляющие широкий интерес. К ним обращаются не только историки, но и экономисты, юристы, прогнозисты, демографы, географы, политики, бизнесмены и др.

Для примера рассмотрим одно из таких учреждений — Исторический архив межуниверситетского консорциума по политическим исследованиям при Мичиганском университете (Historical Archives, Inter-university Consortium for Political Research, Michigan State University). К 1 августа 1969 г. по истории США в этом хранилище можно было найти следующие материалы: за 1824—1966 гг. данные по выборам президентов, губернаторов, сенаторов и депутатов конгресса по округам; за 1790—1960—основные, официально опубликованные данные переписей по округам и штатам; за 1952—1967—статистические данные по

³ Они публикуются в отделе «Directory of Scholars Active», исторические исследования включены в рубрику социальных наук — «Social Sciences».

⁴ The Development of the Swedish Welfare, 1925—1961.—«Computers and the Humanities», 1970, N 2, November, p. 118—119.

округам и штатам; за 1920—1936—данные о банках, депозитах и банкротствах по округам; за 1787—1969 гг.—о членах (депутатах) конгресса. Наличие таких данных во многом способствовало быстрому расширению применения ЭВМ в области исторических наук, к появлению многочисленных работ в области политической истории (например, результаты выборов)⁵.

Подготовленные к обработке на ЭВМ материалы (в виде перфокарт, перфолент, магнитных лент) относятся к категории потенциально опубликованных источников, исключая случаи, когда они сами подготовлены по уже опубликованным источникам. Пока их подготовка зависит только от целей и возможностей лица, ведущего эту подготовку. Необходимо выработать соответствующие правила для этой подготовки, дифференцируя их по основным видам машинной публикации (тексты, массовые цифровые источники, части документов и т. д.), а также в зависимости от того, подготавливается ли публикация по архивным документам, по напечатанным источникам или по опубликованным в свое время материалам. Следует при этом иметь в виду, что в связи с развитием техники автоматического набора тексты и таблицы, подготовленные для ЭВМ, могут быть использованы и для обычной публикации (книги, журналы и т. д.). К этому присоединяются возможности их использования для информационного поиска. В перспективе, в связи с развитием оптических вводных устройств и использованием видеомагнетической аппаратуры в информационном поиске, не исключены самые разнообразные формы получения справок, копий посредством малотиражной печати. Уже в настоящее время это облегчило бы обмен информацией между отдельными учеными, а также использование уже подготовленного материала другими учеными.

По-видимому, уже сейчас назрела задача улучшения информации о работах с применением ЭВМ. Было бы целесообразно в одном из исторических журналов или специальном бюллетене публиковать сведения о таких работах. При этом надо заблаговременно установить, какие сведения следует обязательно включить в такую публикацию.

В ближайшие годы несомненно возникнет также необходимость создания соответствующих условий для длительного хранения материалов, подготовленных к обработке на ЭВМ. Возможно несколько вариантов решений этого вопроса: 1) создание соответствующего специального архива (как, например, Центральный архив кино-, фото- и фонодокументов СССР), 2) создание специальных отделений в архивах (включая и архивы Академии наук), 3) создание соответствующих архивов в вычислительных центрах Академии наук (или специальных центров, созданных для обработки материалов по гуманитарным наукам).

⁵ Data Holdings and Servicing Policies, Historical Archives (Ann Arbor), p. 1.

Следует иметь в виду, что в настоящее время на предприятиях, в министерствах, в научно-исследовательских институтах (например, по экономике, социологии и т. д.) накапливаются в громадных количествах материалы, подготовленные для обработки в ЭВМ. Через два-три десятилетия они будут ценным источником для историков. Позаботиться об их сохранении — задача уже сегодняшнего дня и сегодняшних историков (в первую очередь историков советского периода).

В недалеком будущем созреют условия создания специального вычислительного центра для историков. При таком центре целесообразно создать хранилище наиболее важных фактов, статистических данных и т. п., а также программ, специализированных для нужд исторических исследований.

КРЕСТЬЯНСКИЕ БЮДЖЕТЫ 1920-Х ГОДОВ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИХ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Ю. П. Бокарев

В результате обследований крестьянских бюджетов, проводившихся в 20-е годы, отложился довольно интересный комплекс источников. Они не едины по происхождению, различаются по первоначальному назначению, разнообразны по методике сбора информации. Объединяет их только подход к описанию крестьянского хозяйства, заключающийся в подробной регистрации цикла производства и воспроизводства за один хозяйственный год.

Крестьянские бюджеты показывают, с каким земельным фондом, материальными и трудовыми ресурсами крестьянские хозяйства различных социальных групп приступали к производству; как различного рода факторы определяли направления трудовой деятельности крестьян и организацию производственного процесса; какие материальные и трудовые затраты несли хозяйства в процессе производства; какую продукцию они производили и как эта продукция реализовывалась; какой доход получали хозяйства в конце производственного цикла и, наконец, с каким экономическим потенциалом оказывались крестьянские хозяйства перед началом следующего производственного цикла.

Если прочие статистические источники можно сравнить с монументальной фотографией действительности, то крестьянские бюджеты подобны киноленте, раскрывающей перед исследователем живую картину хозяйственной деятельности крестьянского двора.

В литературе уже предпринималась попытка источниковедческого анализа крестьянских бюджетов в связи с привлечением их материалов для изучения социально-экономической истории советского крестьянства¹. Был выявлен также основной круг дошедших до нас бюджетных обследований и предпринята попытка выработки приемов изучения репрезентативности источ-

¹ Черноморский М. Н. Выборочные обследования и крестьянские бюджеты как источник по истории социально-экономических отношений в годы нэпа.— «Труды Московского государственного историко-архивного института». М., 1954, с. 29—94.

ника². Недостаточно изученными остались вопросы, связанные с определением достоверности и сопоставимости данных источника, с характеристикой приемов разработки бюджетных данных статистиками в 20-е годы. Этим вопросам и посвящена в основном настоящая статья.

Обследования крестьянских бюджетов проводились отделом бюджетной статистики Центрального статистического управления, местными статистическими бюро (независимо от ЦСУ), Наркомземом РСФСР, Научно-исследовательским институтом сельскохозяйственной экономики (НИИСХЭ), губернскими земельными управлениями, обществами по изучению местного края, некоторыми статистическими отделами при Советах рабочих и крестьянских депутатов, а также отдельными исследователями и исследовательскими группами.

Проводя обследования крестьянских бюджетов, бюджетный отдел ЦСУ преследовал две главные цели: 1) получить материал для составления народнохозяйственных балансов и 2) дать возможность исследователям судить об экономической структуре и благосостоянии различных социальных групп крестьянства³.

Деятельность отдела бюджетной статистики ЦСУ по обследованию крестьянских хозяйств распадается на три этапа. На первом этапе, охватывающем время с весны 1919 г. по 1922 г., бюджетные обследования проводились по программе, заимствованной у Тульского земского статистического бюро⁴. Значительное место в этой программе занимали вопросы, связанные с изучением потребительской стороны крестьянского хозяйства, которая, по традиционному мнению большинства исследователей народнического толка, работавших в ЦСУ, всецело определяла крестьянское производство.

Положительной стороной указанной программы было описание состояния крестьянского хозяйства в год проведения бюджетного обследования, а также его состояния в 1914 г. Другим достоинством программы 1919 г. был подробный учет расхода времени, регистрировавший, помимо затрат времени на хозяйственные и домашние работы, также и участие крестьян в собраниях, митингах и сходах, время, потраченное на безвозмездное исполнение общественных обязанностей, что позволяет изучить социально-политическую активность различных слоев крестьянства⁵.

² Бокарев Ю. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов.—«Вопросы истории», 1974, № 6, с. 37—48; он же. Вопросы методики изучения репрезентативности крестьянских бюджетов 20-х годов.—«История СССР», 1974, № 4, с. 117—132.

³ Постников С. Вступительная статья.—Крестьянские бюджеты 1925/26 гг. Основные материалы. М., 1929.

⁴ Литошенко Л. Н. Статистика крестьянских бюджетов.—«Вестник статистики», 1924, № 7—9, с. 186.

⁵ ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 9, ед. хр. 32—87, 307—364.

Обследования по программе 1919 г. проводились в 1919, 1921 и 1922 гг. (в 1922 г. ЦСУ проводило обследование совместно с Наркомземом РСФСР, при этом программа была несколько изменена). Гражданская война не позволила распространить обследования на всю территорию РСФСР. Описаны были только крестьянские хозяйства Центра, Севера и частично Северо-Запада и Средней Волги Европейской части РСФСР. Самым крупным было обследование 1919 г. Оно дало 2240 бюджетов (до нас дошло только 583 бюджета этого обследования)⁶. Обследование 1921 г. дало около 600 (дошло 479), а 1922 г.— 427 бюджетов⁷.

Полученные в результате обследования первичные бюджетные бланки были подвергнуты (частично) обработке по специальным разработочным программам, в ходе чего выполнялись расчеты, связанные с установлением числа работников и едоков в хозяйстве с помощью специальных переводных коэффициентов; бюджет времени переводился в мужские рабочие дни, скот пересчитывался на взрослый, производилась суммарная оценка доходности отдельных отраслей производства и всего дохода хозяйства, а также его расходов⁸.

Со временем недостатки программы обследования Тульского земства стали ясны сотрудникам ЦСУ. С разработки в 1923 г. новой программы бюджетных обследований начался второй период деятельности отдела бюджетной статистики, продолжавшийся до 1926 г. Центральным пунктом программы бюджетных обследований 1923 г. стало изучение структуры доходности крестьянского хозяйства. По мнению статистиков, наблюдение за доходностью давало исчерпывающий ответ на вопросы об аграрной эволюции, о сравнительной производительности и состоятельности различных групп крестьянства, о соотношении производственной и потребительской сторон крестьянского хозяйства⁹. Однако изучение вопросов организации хозяйства, его внутреннего социально-экономического строя предусматривалось программой в гораздо меньшей степени¹⁰.

Обследования по программе 1923 г. и близким к ней вариантам программ проводились в 1923—1926 гг. ежегодно и практически по всей территории СССР. Самым крупным было обследо-

⁶ Статистический ежегодник 1918—1920 гг., вып. 1. М., 1921, с. 73; ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 9, ед. хр. 32—87.

⁷ ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 9, ед. хр. 307—364; ф. 473, оп. 44, ед. хр. 64—65, 79, 81, 88, 98, 98 а, 104; Волков Е. З. Аграрно-экономическая статистика России в итогах ее научных и методологических достижений, земского опыта и практики последних пяти лет революционного перелома (1865—1922 гг.).—2-е издание, совершенно переработанное и дополненное. М.—Л., [1923], с. 393.

⁸ Ниже мы рассмотрим методику этой обработки подробнее.

⁹ Литошенко Л. Н. Одна из задач бюджетных исследований.—«Вестник статистики», 1919, № 4—7, с. 50—57.

¹⁰ Инструкция по разработке крестьянских бюджетов 1922—1923 гг. М., 1923.

вание 1926 г., которое дало 11000 бюджетов, обследования 1924 и 1925 гг. дали немногим больше 10 000 бюджетов каждое, а обследование 1923 г.— около 4000 бюджетов¹¹.

В 1927 г. ЦСУ решило расширить задачи обследований крестьянских бюджетов. Так начался третий период деятельности отдела бюджетной статистики ЦСУ.

Разработанная в 1927 г. бюджетным отделом программа обследований предусматривала не только вопросы, направленные на выявление доходности крестьянских хозяйств, но и на оценку стоимости трудовых затрат и себестоимости продукции. Она включала также подробные вопросы о социальных отношениях в деревне и об агркультурной помощи, оказываемой государством крестьянскому хозяйству¹².

Третий период охватывает обследования, проводимые в 1927, 1928 и 1929 гг. В первый год — по программе 1927 г.— было обследовано 5000 хозяйств и несколько тысяч по программе, разработанной в предыдущем периоде деятельности бюджетного отдела. В 1928—1929 гг. число обследований увеличилось до 20000 хозяйств ежегодно¹³.

Материалы бюджетных обследований ЦСУ откладывались на двух уровнях (в местных статистических бюро и в ЦСУ, куда они пересыпались в копиях) и двух формах (первичный материал — бюджетные бланки и продукт их переработки — разработочные ленты). Но несмотря на такую сложную систему дублирования, они дошли до нас неполностью.

В фонде ЦСУ, как указывалось выше, хранятся 583 бланка обследования 1919 г. и бланки обследования 1921 г.¹⁴; содержатся также индивидуальные (т. е. по отдельным крестьянским хозяйствам) разработочные ленты обследований 1923—1927 гг., причем по обследованию 1923 г.— по 2842 бюджетам¹⁵. Кроме того, в фонде ЦСУ хранятся сводные разработочные ленты, содержащие средние величины по посевным группам и территориальным единицам. В форме сводных лент до нас дошли материалы обследований 1928 и 1929 гг.¹⁶

Материалы обследования 1922 г. хранятся в фонде Наркомзема РСФСР, причем до нас дошли как бюджетные бланки, так и (частично) разработочные ленты этого обследования¹⁷.

Общие итоги целого ряда бюджетных обследований ЦСУ

¹¹ ЦГАНХ, ф. 1564, оп. 9, ед. хр. 605—665, 753—887, 1896—1954-а; оп. 70, ед. хр. 1—549.

¹² Инструкция к бланку бюджетного обследования крестьянских хозяйств за 1926—1927 гг. М., 1927.

¹³ ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 9, ед. хр. 1969—2328; оп. 71, ед. хр. 310; оп. 72, ед. хр. 80—101; оп. 73, ед. хр. 1—22.

¹⁴ ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 9, ед. хр. 32—87, 307—364.

¹⁵ Там же, оп. 9, ед. хр. 605—665, 753—887, 1081—1525, 1896—1954-а, 1969—2328; оп. 70, ед. хр. 1—549.

¹⁶ Там же, оп. 72, ед. хр. 1—89; оп. 73, ед. хр. 1—22.

¹⁷ Там же, ф. 478, оп. 44, ед. хр. 64—105.

опубликованы¹⁸. Материалы обследований публиковались в соответствии с основными разделами разработочной программы, причем число граф разработочной ленты в публикациях, как правило, резко сокращалось. Поэтому публикации воспроизводят содержание источника неполностью.

Публикации, изданные в Центре, содержат только данные, сгруппированные по посеву. Индивидуальные (несгруппированные) бюджеты публиковались только по отдельным губерниям местными статистическими органами. Недостаток средств для полной публикации определил случайный характер и недостаточность местных изданий¹⁹.

В отличие от ЦСУ, НИИСХЭ проводил бюджетные обследования крестьянских хозяйств для изучения более широкого круга вопросов. Однако, несмотря на то, что крестьянские бюджеты, собранные сотрудниками этого института, охватывали все важнейшие экономические районы страны, они носили характер локальных обследований и проводились нерегулярно. Основная масса бюджетных обследований падает на 1925—1927 гг.

Значительное число обследований крестьянских бюджетов НИИСХЭ провел специально в целях изучения социальных групп деревни и их производственной структуры. Особенно показательны в этом плане обследования, проведенные Я. Анисимовым, И. Верменичевым, К. Наумовым и А. Купленским, Е. Рудаковой, М. Сулковским²⁰.

НИИСХЭ провел также ряд обследований крестьянских бюджетов в целях изучения организации крестьянского хозяйства и себестоимости сельскохозяйственной продукции²¹. Отдельно стоят бюджетные обследования сотрудников НИИСХЭ, предпринятые в целях изучения кругооборота ссуд мелкого

¹⁸ Статистический ежегодник 1918—1920 гг., вып. 1. М., 1921, с. 71—91; Статистический ежегодник 1921 г., вып. 1. М., 1922, с. 322—333; Крестьянские бюджеты 1922/23 гг. и 1923/24 гг., вып. 1—3. М., 1926—27 гг.; Крестьянские бюджеты 1924/25 гг. М., 1928; Крестьянские бюджеты 1925/26 гг. М., 1928; Крестьянские бюджеты 1925/26 гг. М., 1929.

¹⁹ Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губ. за 1922/23 гг. Новгород, 1926; Канин В. Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губ. за 1923/24 гг. Новгород, 1927; Гринблат Н., Ануфриева Т. Крестьянские бюджеты по Ленинградской губ. за 1923/24 гг. Л., 1925; Крестьянские бюджеты по Ленинградской губ. за 1924/1925 гг. Л., 1927; Воронов И. К. Воронежские бюджетные исследования и их сравнительная переработка, вып. 1—Крестьянские бюджеты 1923/1924 гг. Воронеж, 1926; Крестьянские бюджеты Вятской губ. за 1924/1925 гг. Вятка, 1927; Крестьянские бюджеты Орловской губ. за 1925/1926 гг. Орел, 1927; Крестьянские бюджеты по Саратовской губ. за 1925/1926 гг. Саратов, 1928.

²⁰ Анисимов Я., Верменичев И. и Наумов К. Производственная характеристика крестьянских хозяйств различных социальных групп. М.—Л., 1927; Купленский А., Рудакова Е., Сулковский М. Классовые группы крестьянских хозяйств и их производственная характеристика, т. 1. М., 1930.

²¹ Студенский Г. А. Опыт исследования организации крестьянского хозяйства Центрально-Черноземной области, вып. 1. М., 1926; Чаянов А. В. Бюджетные исследования. История и методы. М., 1929.

кредита, влияния кооперации на организацию крестьянских хозяйств и техники крестьянского хозяйства²².

Таким образом, бюджетные обследования НИИСХЭ могут привлекаться для решения большего числа проблем, чем бюджеты ЦСУ. К сожалению, архивные фонды НИИСХЭ погибли в годы Великой Отечественной войны. Однако, существует значительное число публикаций как самих бюджетных обследований НИИСХЭ, так и результатов их экономического анализа. Публикации крестьянских бюджетов, собранных сотрудниками НИИСХЭ, воспроизводят данные по каждому конкретному крестьянскому хозяйству; в случае группировки материала НИИСХЭ, как правило, прибегал к группировке по стоимости основных средств производства. В основе публикаций нередко лежал несокращенный вариант разработочной программы.

Первую попытку провести бюджетное обследование крестьянских хозяйств Наркомзем РСФСР предпринял в 1922 г. совместно с ЦСУ. С середины 20-х годов Наркомзем стал проводить бюджетные обследования самостоятельно, делая главный упор на изучении организации крестьянских хозяйств и себестоимости продукции. В отличие от НИИСХЭ, сотрудники которого пытались идти в обследовании крестьянских бюджетов неизвестными путями, Наркомзем РСФСР стремился использовать все то ценное, что было накоплено опытом работы бюджетного отдела ЦСУ. Так, например, при проведении ряда бюджетных обследований Наркомзем брал за основу программу ЦСУ, как правило, дополняя ее вопросами организационно-производственного характера²³. В проведении бюджетных обследований Наркомзем опирался на широко разветвленную сеть сельскохозяйственных опытных станций.

Работа по проведению бюджетных обследований сельскохозяйственными опытными станциями достигла довольно широкого размаха²⁴. Однако к настоящему времени в распоряжении исследователей находится, пожалуй, только одно из таких обследований²⁵. Проведенное в 1925 и 1926 гг. в Вятской губернии, оно отличается большой подробностью программы и охватывает значительное число крестьянских хозяйств.

Попытки обнаружения бюджетных материалов сельскохозяйственных опытных станций на местах, насколько нам известно, никогда не предпринимались.

²² Чаянов А. В. Указ. соч.

²³ Крестьянские бюджеты, ч. 1. Бюджетные данные по Яранск-Уржумскому району. Вятка, 1927, с. 1; Организация и достижения крестьянского хозяйства Подмосковского картофельного района (по материалам экспедиционного бюджетного обследования). М., 1928, с. 9.

²⁴ Шилов Е. Г. К вопросу о бюджетных обследованиях крестьянских хозяйств. Самара, 1929.

²⁵ Крестьянские бюджеты, ч. 1—3. Издание Северо-Восточной областной сельскохозяйственной опытной станции. Вятка, 1927—1928.

Если бюджетные обследования ЦСУ, НИИСХЭ и Наркомзема РСФСР проводились в целях детального изучения важных в народнохозяйственном плане вопросов экономической структуры крестьянских хозяйств, то работы статистических отделов при Советах рабочих и крестьянских депутатов, губернских земельных управлений, обществ по изучению местного края, а также некоторых местных статистических бюро, проводивших свои обследования независимо от ЦСУ, и отдельных исследовательских групп имели целью дать наиболее общую, но достаточно всестороннюю характеристику экономической жизни крестьян.

Если исключить работы статистических бюро Украины, Урала, Дальнего Востока и Закавказья, то ни один из перечисленных выше исследовательских центров не предпринимал попытки периодического обследования крестьянских бюджетов, их работы носили случайный характер, распространялись на сравнительно небольшую территорию и охватывали обычно небольшое число крестьянских хозяйств.

Так, например, статистическое бюро Московского Совета собрало в 1923 г. 25 бюджетов по Московскому и Волоколамскому уездам; других попыток проведения бюджетных обследований Московский Совет не предпринимал²⁶; Ленинградское общество изучения местного края провело свое единственное бюджетное обследование в 1925 г. и собрало всего лишь 8 бюджетов по одной подгородной деревне Троицкого уезда²⁷; Тверское земельное управление собрало в 1927 г. 50 бюджетов по трем уездам Тверской губернии²⁸; учитель Н. К. Магницкий собрал с помощью учащихся 27 бюджетов по подгородным районам Московской губернии²⁹.

Но, несмотря на краткость программы обследований, крестьянские бюджеты перечисленных выше центров представляют собой довольно существенное дополнение к бюджетам ЦСУ и НИИСХЭ.

Таков основной круг дошедших до нас материалов бюджетных обследований крестьянских хозяйств 20-х годов.

Рассмотрим некоторые вопросы, связанные с достоверностью и сопоставимостью данных крестьянских бюджетов.

Достоверность данных статистических источников зависит от того, как поступала и обрабатывалась информация.

В плане методики сбора информации крестьянские бюджеты разделяются на две группы: экспедиционные и корреспондентские.

²⁶ Степанов И. П. 25 бюджетов крестьянских хозяйств Московской губернии. М., 1925.

²⁷ Большаков А. Крестьянские бюджеты подгородной деревни.—«Труды Ленинградского общества изучения местного края», 1927, т. 1, с. 170—201.

²⁸ Крестьянские бюджеты Тверской губ. за 1926/1927 гг. Тверь, 1929.

²⁹ Магницкий Н. К. Подмосковное крестьянское хозяйство. М., 1927.

Большинство бюджетов в 20-е годы было собрано с помощью экспедиций квалифицированных статистиков, отправлявшихся на места в конце хозяйственного года.

В экспедиционных бюджетах, как правило, многие данные, характеризующие состояние крестьянского двора в конце хозяйственного года, были получены в результате непосредственного наблюдения статистиков за наличностью. При описании же состояния крестьянского двора в начале года, а также хозяйственной деятельности в течение года, статистики были вынуждены полагаться на память крестьян.

Очень часто со слов крестьян определялись также площасти землевладения, посевов и аренды, наличие мелкого хозяйственного инвентаря и домашнего имущества к концу года.

Таким образом, в экспедиционных бюджетах большинство данных было получено путем опроса. Это не могло не вызвать сомнений в их достоверности. В этой связи интересно рассмотреть ту методику, которую использовали статистики при сборе информации со слов крестьян.

Сведения, получаемые от крестьян по памяти, разделялись статистиками на три группы. К первой группе относились единичные, а следовательно легко запоминающиеся события, произошедшие в крестьянском хозяйстве в течение бюджетного года. Регулярные, систематически повторявшиеся события составляли вторую группу сведений. Все остальные сведения относились к третьей группе.

Примером единичных событий в крестьянском хозяйстве могут служить ремонт и возведение построек, приобретение инвентаря, покупка и продажа скота, плата за аренду земли, наем рабочей силы, доход от сдачи земли в аренду, валовой сбор земледельческой продукции, продукция животноводства (кроме молока), поступления сельскохозяйственных продуктов извне и важнейшие случаи продажи, переработка продуктов на стороне, изменения в составе семьи и др. Все это легко удерживалось в памяти крестьян и основные трудности при сборе этих сведений состояли в наиболее понятной и удобной для крестьянина формулировке вопроса. Так, например, крестьянин обычно затруднялся ответить, сколько пудов составил урожай того или иного продукта, но сколько возов продукции свезено с пашни, он прекрасно помнил. Установив весовую емкость воза, статистики определяли вес всего урожая. Понятно, что оценка получалась приблизительной, но ее расхождение с действительностью не было большим.

Метод сбора сведений первой группы получил наименование метода прямого припоминания³⁰.

³⁰ Зенкович З. В. К методологии бюджетных исследований.— В кн.: Типы организации сельского хозяйства в Среднем Заволжье. Самара, 1929, с. 140—157.

В качестве примера регулярных, систематически повторяющихся на протяжении бюджетного года событий можно привести расходование кормов, продовольственных продуктов и промышленных товаров (керосина, мыла, спичек и т. п.), удои коров, расход рабочего времени людской и тягловой силы и др. Крестьянин не помнил, сколько пудов сена он скормил скоту за год, но мог ответить, сколько в среднем сена в день потребляет его скот. Поэтому при сборе этих сведений, помимо метода прямого припомнания, использовался так называемый метод средних норм³¹. Поясним его суть на примере оценки удоев коров. Первоначально крестьянина спрашивали, в каком месяце был отел коровы. Это единичное событие крестьяне хорошо помнили. Затем задавали вопрос о том, сколько четвертей молока давала корова в среднем в день в течение первых двух месяцев после отела, каков был средний убой в течение следующих двух месяцев и т. д., наконец, сколько корова давала в день перед сухостоем. На основании полученных таким образом средних норм рассчитывался общий объем удоев молока за год. Оценка была весьма близкой к действительности.

Наиболее сложным делом было получение сведений, относящихся к третьей группе. Среди этих сведений — несистематическое приобретение и потребление каких-либо мелких товаров (дешевые украшения, предметы галантереи, конфеты, печенье и т. п.), покупка сахара, спиртных напитков, продажа яиц и др. При сборе этих сведений, помимо уже рассмотренных методов, использовался так называемый метод остатка³². Суть его поясним следующим примером. Допустим, необходимо оценить, какова выручка хозяйства от продажи яиц. Сравнительно легко определяется общий объем денежных поступлений хозяйства (например, по сумме денежных остатков, определяемых путем прямого учета, и денежных расходов из поступлений текущего года — методом прямого припомнания). Легко находятся также компоненты денежных поступлений — от работы на фабриках, заводах, железной дороге, на промыслах, в чужом хозяйстве, от продажи продуктов полеводства и скотоводства, которые крестьяне хорошо помнили. Еще легче удерживались в памяти крестьян размеры полученных ими денежных ссуд и кредитов. Вычитая из общей суммы денежных поступлений сумму известных компонентов денежного дохода, находим размеры выручки хозяйства от продажи яиц. Понятно, что оценка получалась очень приблизительной, так как в ее состав могли входить и поступления от каких-либо других мелких продаж. Но более точная оценка таких второстепенных показателей, как продажа яиц, едва ли может иметь практическую ценность.

На методах оценки землепользования, аренды и посевов сле-

³¹ Там же.

³² Там же.

дует остановиться особо. Дело в том, что непосредственное измерение площадей отнимало много времени и сил, а крестьянин не мог ответить на вопрос о площасти каждой из его полос. В связи с этим сложилась особая процедура учета крестьянского землепользования. Вот как описывает ее З. В. Зенкович: статистики «выкладывали перед крестьянином скопированный или набросанный от руки план всего селенного землепользования с разбивкой его на основные клинья (к примеру: озимой, яровой, паровой), или «поля» и предлагали крестьянину, разобравшись в плане, показывать поочередно в каждом клину каждую полосу с указанием ее длины, ширины (в саженях) и расстояния до селения. То же делалось в отношении сенокосов. Отдельно выяснялись участки, арендованные и сданные в аренду. Опрашивавший тут же зачеркивал все полосы на плане, отмечая при каждой соответствующие данные о длине, ширине и расстоянии до селения... Приходится констатировать, что крестьянин весьма быстро ориентировался в плане и легко показывал полосу за полосой, между тем как, если его сразу спросить сколько у него посевяно пшеницы, ржи, овса и т. д., он обычно затруднялся ответить...»³³.

Таким образом, разработанная статистиками в 20-е годы методика сбора сведений со слов крестьян в принципе позволяла получить достаточно достоверные данные.

Для проверки сообщаемых крестьянами сведений статистики сопоставляли их между собой. Например, сравнивалось количество высевенного зерна с урожаем, хозяйственные расходы — с материальными и денежными остатками и т. д.³⁴ Разумеется, таким способом проверки достоверности данных можно обнаружить только более или менее существенные отклонения от действительности. Тем не менее, внутренняя сбалансированность приходо-расходных статей экспедиционных бюджетов свидетельствует о высокой степени достоверности содержащихся в них сведений.

Сравнительно небольшая часть крестьянских бюджетов собиралась посредством распространения бюджетных бланков среди домохозяев, которые сами вели записи о своем хозяйстве. Наблюдение за правильностью ведения записей возлагалось на специальных контролеров или местных агрономов, посещавших хозяйство не чаще 6—10 раз в год³⁵.

³³ Зенкович З. В. Указ. соч., с. 135. Как показали результаты проводившейся в 20-е годы аэрофотосъемки, такой метод оценки крестьянского землепользования приводил к совершенно ничтожной погрешности, выражавшейся в десятых долях процента (Крестьянские бюджеты 1924/25 г., с. 5).

³⁴ Инструкция к бланку бюджетного обследования крестьянских хозяйств за 1926/27 гг. М., 1927; Инструкция к бюджетному обследованию 1925/26 гг. М., 1926; Инструкция к бланку бюджетного обследования крестьянских хозяйств за 1928/29 гг. М., 1929.

³⁵ Литошенко Л. Н. Статистика крестьянских бюджетов, с. 187—188.

Ни ЦСУ, ни другие исследовательские центры не были удовлетворены качеством полученных таким образом бюджетов. Возникали проекты стимулирования интереса крестьян к ведению записей путем такой их обработки, которая помогала бы крестьянину вести хозяйство, или путем поощрения наиболее активных домохозяев, но на практике они не получили широкого распространения³⁶.

Сопоставимость данных крестьянских бюджетов с данными других статистических источников зависит прежде всего от того, как понимался объект бюджетных обследований их организаторами.

За немногочисленными исключениями статистики в 20-е годы не определяли достаточно четко объект проводимых ими бюджетных обследований.

Считалось, что бюджетная статистика стремится охватить все типы крестьянских хозяйств. Однако практическая работа, подтверждающая или опровергающая это положение, не была про-делана.

Рассмотрим, в какой мере в крестьянских бюджетах были представлены крестьянские хозяйства различных производственных типов.

Исследование базируется как на опубликованных, так и на архивных материалах индивидуальных крестьянских бюджетов за 1919—1927 гг.³⁷ Всего было изучено 3670 бюджетов: 2713 — ЦСУ, 453 — Наркомзема, РСФСР и НИИСХЭ и 504 — прочих исследовательских центров. Для сопоставления нами были использованы материалы Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г.³⁸

³⁶ Там же. Принцип денежного вознаграждения крестьян получил распространение при организации сети добровольных корреспондентов по ведению денежных приходо-расходных записей.

³⁷ ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 9, д. 32—87, 307—364; ф. 478, оп. 44, д. 63—66, 79—81, 88—90, 96—102, 104—105; Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губернии за 1922/23 гг.; Мышкин А. С. Крестьянские бюджеты Дальневосточной области в 1922—1923 гг. Хабаровск, 1925; Степанов И. П. Указ. соч.; Воронов И. К. Указ. соч.; Канин В. Указ. соч.; Гринблат Н. и Ануфриева Т. Указ. соч.; Крестьянские бюджеты по Ленинградской губ. за 1924/25 гг.; Крестьянские бюджеты Вятской губ. за 1924/25 гг.; Бюджеты крестьянских хозяйств Башкирской республики за 1924—1925 гг. Уфа, 1926 г.; Крестьянские бюджеты, ч. 1—3; Крестьянские бюджеты Дальневосточного края в 1924—1925 гг. Хабаровск — Владивосток, 1927; Анисимов Я. А., Верменичев И. Д., Наумов К. Н. Указ. соч.; Бюджетные данные по 30-ти крестьянским хозяйствам зернового, льняного и молочного типов. По местным экспедициям НИИСХЭ 1924 и 1925 гг. М., 1927. Крестьянские бюджеты по Саратовской губ. за 1925/26 гг.; Крестьянские бюджеты Орловской губ. за 1925/26 гг.; Купленский А., Рудакова Е., Сулковский М. Указ. соч.; Типы организации сельского хозяйства в Среднем Заволжье; Магницкий Н. К. Указ. соч.; Крестьянские бюджеты Тверской губ. (1926—1927 гг.). Студенский Г. А. Указ. соч.

³⁸ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. 10. М., 1929.

В производственном отношении крестьянские хозяйства были нами разделены на пять групп:

1. Хозяйства чисто земледельческие — без дохода от промыслов (кустарное ремесленничество, извоз, отход на фабрики, заводы и пр., служба в учреждении и пр.) или с доходом до 10 руб.

2. Хозяйства преимущественно земледельческие — доход от самостоятельной производственной деятельности в области сельского хозяйства значительно (более чем на 25%) превышает доход от промыслов.

3. Хозяйства смешанного типа — доход от сельского хозяйства примерно равен доходу от промыслов (разница меньше 25%).

4. Хозяйства преимущественно промысловые — доход от промыслов более чем на 25% превышает доход от сельского хозяйства.

5. Хозяйства чисто промысловые — доход от сельского хозяйства меньше 25 руб.

Результаты исследования (см. табл. 1) показывают, что объектом крестьянских бюджетов были хозяйства с существенным доходом от самостоятельной производственной деятельности

Таблица 1
Удельный вес хозяйств различных производственных типов
в крестьянских бюджетах, %

Производственные типы хозяйств	По данным крестьянских бюджетов исследовательских центров			По данным Все-союзной переписи населения 1926 г.
	ЦСУ	НИИСХЭ и Наркомзема РСФСР	Прочих	
1	25,2	21,7	27,9	—
2	50,4	51,8	45,2	—
Всего по двум группам	75,6	73,5	73,1	59,4
3	21,7	24,8	25,6	—
4	2,7	1,7	1,3	—
5	0,0	0,0	0,0	2,5
Всего по трем группам	24,4	26,5	26,9	40,6
	100,0	100,0	100,0	100,0

в области сельского хозяйства. Чисто промысловые хозяйства в бюджетные обследования практически не включались. Исключением, пожалуй, было только обследование ЦСУ 1928—1929 гг.³⁹

Это ставит под сомнение сопоставимость крестьянских бюджетов со сплошными и большинством выборочных переписей,

³⁹ Об объекте этого обследования см. ниже.

в объект которых включались и те крестьянские хозяйства, которые получали основной доход от промысловых занятий.

Различия в объектах обследований видны из сопоставления распределения крестьянских хозяйств по посевным группам в массовых обследованиях и крестьянских бюджетах. Приведем в качестве примера данные по Ленинградской губернии, относящиеся к 1924 г. (см. табл. 2) ⁴⁰.

Таблица 2

Распределение крестьянских хозяйств по посевным группам в весеннем обследовании 1924 г. и в крестьянских бюджетах по Ленинградской губернии

Группы по посеву	% крестьянских хозяйств в группе по материалам:	
	весеннего обследования 1924 г.	бюджетного обследования ЦСУ 1923/24 гг.
Без посева	5,1	0
С посевом на 1 хозяйство:		
до 2,0 дес.	76,6	76,9
от 2,1 до 4,0 дес.	15,3	16,7
свыше 4,0 дес.	3,0	6,4
Итого:	100,0	100,0

То обстоятельство, что в крестьянских бюджетах обследованию подвергались преимущественно хозяйства с основным доходом от самостоятельной сельскохозяйственной деятельности, приводило к несопоставимости их данных с данными весенних обследований по крайним посевным группам. Однако данные по средним посевным группам, в которых хозяйства, как правило, получали существенный доход от сельскохозяйственной деятельности, видимо, можно считать сопоставимыми. Объект бюджетного обследования ЦСУ 1928—1929 гг. был очерчен следующим образом: «Объектом исследования является крестьянское хозяйство, т. е. индивидуальное хозяйство, связанное с сельскохозяйственным производством. Однако впредь до того, как собирание бюджетных данных о разных группах сельского населения, имеющих главный источник дохода вне сельского хозяйства (ремесленники, рабочие и т. д.), будет производиться специальным исследованием, эти группы должны быть в своей значительной части охвачены настоящим типом обследования».

С стороне должны оставаться лишь промышленные рабочие, служащие, лица свободных профессий и т. п., не ведущие никакого самостоятельного хозяйства. Не должны также включаться

⁴⁰ Крестьянские бюджеты по Ленинградской губ. за 1924/25 гг. Л., 1927, с. 8.

хозяйства членов колхозов, рабочих совхозов и лесничества, так как для этих групп существуют специальные бюджетные исследования»⁴¹.

Сопоставимость данных бюджетного обследования ЦСУ 1928—1929 гг. с данными сплошных и массовых переписей, видимо, не может быть поставлена под сомнение.

Решая вопрос о сопоставимости данных различных бюджетных обследований между собой, не следует забывать, что в обследование попадала только небольшая часть хозяйств данной местности. Тем ценнее для науки то обстоятельство, что сопоставимость бюджетных обследований ЦСУ 1923—1926 гг. и 1927—1928 гг. не может быть подвергнута сомнению.

Дело в том, что в 1923—1926 гг. сотрудники ЦСУ проводили обследования, опираясь на созданную ими постоянную бюджетную сеть: ранее обследованное крестьянское хозяйство подвергалось обследованию и в следующем бюджетном году. ЦСУ стремилось не разрушать бюджетную сеть, допуская обследование новых хозяйств только при увеличении объема обследования, а также в тех случаях, если ранее обследованные хозяйства перестали существовать или крестьяне отказывались вновь давать сведения о своем хозяйстве⁴².

В 1927 г. бюджетная сеть была разрушена, однако в этом и в последующие два года 75% крестьянских хозяйств обследовалось в гнездах, намеченных динамическими переписями⁴³.

Сопоставляя показатели крестьянских бюджетов по разным обследованиям, следует обращать внимание на то, какой месяц принят за начало бюджетного года в том или ином обследовании.

В практике обследований 20-х годов встречаются следующие начала бюджетного года: 1 апреля, 1 июля и 1 октября.

Сопоставляя апрельское и июльское обследование, исследователи должны быть готовыми к тому, что показатели, связанные с доходностью крестьянского хозяйства, а также с его расходами и запасами, окажутся несопоставимы. Это объясняется тем, что за пределами июльского года оказывается значительная часть крестьянской производственной деятельности.

Сопоставляя же октябрьское обследование с июльским или апрельским, нельзя получить сопоставимых данных о распределении крестьянской продукции.

Однако вопросы, связанные с составом крестьянского двора, землепользованием, средствами производства, при изучении массы хозяйств могут быть сопоставлены независимо от того,

⁴¹ Инструкция к бланку бюджетного обследования крестьянских хозяйств за 1928/29 гг.

⁴² Инструкция к бюджетному обследованию 1925/26 гг.

⁴³ Инструкция к бланку бюджетного обследования крестьянских хозяйств за 1926/27 гг.; Инструкция к бланку бюджетного обследования крестьянских хозяйств за 1928/29 гг.

какие месяцы были приняты за начало бюджетного года в сравниваемых обследованиях.

Другой трудностью, связанной с сопоставимостью данных различных бюджетных обследований между собой, является несоответствие переводных коэффициентов при расчете едоков и работников, а также при переводе скота на взрослый.

Указанные коэффициенты приводятся в инструкциях по разработке бюджетов, а также во многих публикациях крестьянских бюджетов. Для получения сопоставимых данных необходимо пересчитать коэффициенты в одном из сравниваемых обследований.

С 1924 г. ЦСУ стало проводить обследования по двум вариантам программы: полному и краткому, причем по краткой программе обследовалось более $\frac{2}{3}$ крестьянских хозяйств. Краткий вариант программы отличался от полного тем, что в нем отсутствовали вопросы по учету затрат рабочего времени людской и тягловой силы, а также кормление скота по видам. Возникает вопрос о сопоставимости обследований, проведенных по полной и краткой программам.

В качестве примера рассмотрим часть обследования ЦСУ 1925/26 гг., относящуюся к Центрально-Черноземной области (см. табл. 3) ⁴⁴.

Таблица 3
Сопоставимость бюджетов 1925/26 гг.

Группы по посеву, дес.	Число бюджетов		Статистические переменные						
	всего	в т. ч. собранных по полной программе	Число работников	Площадь посева, дес.	Стоимость инвентаря, руб.	по всем бюджетам	по полным бюджетам	по всем бюджетам	по полным бюджетам
			по всем бюджетам	по полным бюджетам	по всем бюджетам	по полным бюджетам	по всем бюджетам	по полным бюджетам	по полным бюджетам
До 0,09	4	1	3,40	4,60	0,023	0,03	17,00	12,00	
0,1—2,09	104	18	2,42	2,28	1,38	1,23	34,04	50,94	
2,1—4,09	315	91	3,03	3,11	3,16	3,23	76,23	93,78	
4,1—6,09	258	91	3,95	3,79	5,01	5,04	134,05	132,9	
6,1—8,09	133	51	4,53	4,38	7,00	6,93	161,69	135,70	
8,1—10,09	62	28	4,87	4,87	8,88	8,77	255,61	254,92	
10,1—16,09	38	22	6,14	6,22	12,00	12,03	350,65	419,59	
16,1 и выше	14	6	6,41	6,76	21,85	22,09	637,07	708,16	

Если исключить первую посевную группу, содержащую низкое число крестьянских хозяйств, то можно заключить, что сравниваемые данные расходятся между собой менее чем на

⁴⁴ Крестьянские бюджеты 1925/26 гг. Основные материалы.

10%, что делает возможным сопоставление данных полных и кратких бюджетов.

Большая часть материалов крестьянских бюджетов дошла до нас не в форме первичного материала (бюджетных бланков), а в виде разработочных лент и подготовленных на их основе публикаций. В связи с этим возникает необходимость ознакомить читателей с приемами разработки крестьянских бюджетов.

Разработка крестьянских бюджетов производилась на основе бухгалтерских методов, которые подразделяются на две главные группы: простое и двойное счетоводство.

Попытки использования при разработке крестьянских бюджетов простого счетоводства немногочисленны⁴⁵. Разработанные таким способом бюджеты не давали ответа на вопрос о производственной организации и эволюции крестьянского хозяйства.

Простым счетоводством крестьянское хозяйство представлялось как какое-то непонятное устройство, о котором известно только по результатам его работы, но сам механизм деятельности скрыт от наблюдения. Этим и объясняется, почему методы простого счетоводства не получили распространения при разработке крестьянских бюджетов.

Несколько чаще встречаются крестьянские бюджеты, разработанные на основе двойного счетоводства⁴⁶. Однако широкому распространению двойного счетоводства препятствовала прежде всего громоздкость этого метода. При обследовании крестьянских бюджетов регистрировались тысячи признаков. Обширность разработочной программы затрудняла быструю обработку и увеличивала объем публикаций материалов крестьянских бюджетов. Поэтому то обстоятельство, что в двойном счетоводстве каждый показатель учитывался дважды, явилось серьезным препятствием для статистиков.

Подавляющее большинство крестьянских бюджетов 20-х годов разрабатывалось на основе соединения методов двойного и простого счетоводства. Это позволяло значительно упростить процедуру разработки бюджетов. Вместе с тем компиляция двух различных методов не была свободной от ряда недостатков.

Одним из недостатков этой компиляции было то, что ею завышалась доходность отраслей, так как при расчете себестоимости учитывались только прямые затраты по отраслям; общие же затраты, как и в простом счетоводстве, учитывались только при выведении общего дохода хозяйства.

⁴⁵ См. Чаянов А. В. Указ. соч.

⁴⁶ Крестьянские бюджеты Тверской губ. за 1926/27 гг.; Типы организации сельского хозяйства в Среднем Заволжье; Постников С. В. Руководство к разработке текущих бюджетных записей способом двойного счетоводства. М., 1927.

Другим недостатком разработки крестьянских бюджетов на основе соединения двойного и простого счетоводства было то, что в ней значительно занижалась доходность скотоводства, так как расходы на продуктивный скот соединялись с расходами на тягловую силу. Нет нужды доказывать, что расходы на рабочий скот должны быть поделены между полеводством, луговодством и некоторыми промыслами (извоз); ведь содержание рабочего скота было связано с обслуживанием этих отраслей.

Преуменьшение доходности скотоводства в крестьянских бюджетах видно невооруженным глазом. Так, например, в бюджетах по Ленинградской губернии за 1924/25 гг. 21,3% обследованных хозяйств получали отрицательный условно чистый доход от скотоводства; в бюджетах по Орловской губернии за 1925/26 гг. таких хозяйств 32,4%, а в бюджетах Дальневосточного края за 1924/25 гг. 41,0% ⁴⁷.

Был и еще один недостаток разработки крестьянских бюджетов 20-х годов. Он был связан с избранной статистиками оценкой нерыночной части крестьянской продукции. Ими использовалась оценка по рыночным ценам. Однако такая оценка неправомерна.

Оценивая нерыночную часть крестьянской продукции в соответствии с рыночными ценами на эти продукты, статистики 20-х годов исходили из принципиально неверного допущения о том, что эта продукция, будучи реализована на рынке, даст хозяйству доход в соответствии с установившимися ценами. Дело в том, что если бы крестьяне реализовали нерыночную часть своей продукции на рынке, то этим нарушилось бы установившееся соответствие между спросом и предложением, и рыночные цены на соответствующие продукты упали бы. Вот в соответствии с этими новыми ценами и следует оценивать нерыночную часть крестьянской продукции.

Но можно ли рассчитать эти цены? Если мы воспользуемся для этого методами математической экономики, то источниковой базой нам, видимо, могут служить конъюнктурные обзоры, материалы которых систематически публиковались в «Статистическом обозрении», а также справочные листки о местных ценах, прилагавшиеся к каждому бюджетному обследованию. Однако на практике такие расчеты сопряжены с большими трудностями методического и технического характера, а полученные результаты могут оказаться весьма приблизительными. Ведь речь фактически идет о моделировании всего громадного аграрного рынка России в 20-е годы. Поэтому имеет смысл подумать о каком-либо ином решении проблемы, связанной с нерыночной частью крестьянской продукции.

⁴⁷ Крестьянские бюджеты по Ленинградской губернии за 1924/25 гг.; Крестьянские бюджеты Орловской губернии за 1925/26 гг.; Крестьянские бюджеты Дальневосточного края в 1924/25 гг.

Решение может заключаться в выборе такой системы учета, при которой любая средняя оценка нерыночных продуктов не влияет на конечные результаты анализа крестьянского производства. Для этого используем понятия первоначальных затрат и конечной продукции.

Под первоначальными мы понимаем такие затраты, которые производятся из запасов продуктов и денежных средств, оставшихся от производственной деятельности предыдущего хозяйственного года. Под конечной мы понимаем такую продукцию, которая не принимает больше участия в хозяйственном обороте данного года.

Выделив из крестьянского бюджета первоначальные расходы и конечную продукцию, замечаем, что в остатке у нас получаются те продукты, которые были произведены хозяйством в текущем году и израсходованы на производственные нужды в рамках того же хозяйственного цикла. Как бы ни оценивали мы эти продукты, это не влияет на величину крестьянского дохода.

Дело в том, что указанные продукты в равной мере присутствуют в стоимости как приходной, так и расходной части крестьянского бюджета. Поэтому какое бы место в бюджете они ни занимали, разница между приходом и расходом будет всегда одной и той же. А поскольку это так, то можно значительно упростить учет, исключив стоимость указанных продуктов одновременно из прихода и расхода.

В пользу этого есть и более веские соображения. Присмотревшись внимательнее к составу итогового прихода крестьянского двора, замечаем, что в нем рассматриваемые нами продукты учитываются дважды. Во-первых, они входят в состав прихода непосредственно, а во-вторых, они передают свою стоимость той части продукции, при производстве которой рассматривающиеся нами продукты затрачивались. Двойной учет этих продуктов объясняется тем, что в общую сумму доходов и расходов статистики включали продукты, принимавшие участие в хозяйственном обороте в разные моменты. Этого не допускают употребляемые нами понятия первоначальных расходов и конечной продукции, в которых состав крестьянского бюджета определяется на начало и конец хозяйственного цикла.

Все вышеизложенное свидетельствует в пользу того, что данные разработочных лент нуждаются в пересчете. Рассмотрим методику пересчета на примере двух посевых групп Ленинградско-Карельского района по обследованию ЦСУ 1925—1926 гг. (см. табл. 4) ⁴⁸.

Первоначально исключим из доходов и расходов те продукты, которые, согласно принятой статистиками 20-х годов методике, учитывались дважды. Проверить правильность наших расчетов можно путем установления сбалансированности запасов (вклю-

⁴⁸ Крестьянские бюджеты 1925/26 гг. Основные материалы.

Г а б л и ц а 4

Запасы и хозяйственные расходы крестьян в среднем на одно хозяйство по данным разработочных лент, руб.

Запасы и статьи расходов	В хозяйствах с посевом:	
	до 0,09 дес.	от 4,10 до 6,09 дес.
Стоимость запасов и денежных сбережений к началу года	217,00	324,51
Стоимость расходов на:		
полеводство	7,17	144,74
луговодство	39,57	6,00
скотоводство	403,57	431,13
промышленности	0,71	11,67
прочие	12,50	17,58
Итого расходов:	433,52	611,15

чая денежные сбережения) к началу года и получившейся у нас в итоге пересчета суммой хозяйственных расходов.

Крестьянские бюджеты показывают, что почти вся продукция луговодства данного бюджетного года шла на корм скоту. Следовательно, превышение дохода над расходами по луговодству (разумеется, без товарной части луговодства) нужно вычесть из стоимости расходов на скотоводство. Одновременно эта сумма вычитается и из стоимости валовой продукции хозяйства, так как она уже учтена в доходе от скотоводства. Кроме того, на корм скоту из продукции бюджетного года шла также и часть продукции полеводства. Значит и эту сумму следует вычесть из расходов на скотоводство и стоимости валовой продукции полеводства.

Из расходов на полеводство и стоимости валовой продукции скотоводства следует исключить стоимость навоза, использованного крестьянами для удобрения поля.

В результате мы получим следующую структуру расходов крестьянского двора (см. табл. 5).

Небольшое превышение расходов над запасами можно объяснить тем, что из доходов и расходов нами не исключались денежные поступления данного бюджетного года от промыслов и работы в чужом хозяйстве, использовавшиеся в качестве источника расходов на производственную деятельность в том же году. Дело в том, что крестьянские бюджеты не дают возможности выделить эти суммы. Но это обстоятельство не может иметь существенного значения, так как здесь мы не сталкиваемся с проблемой выбора оценки, как в случае с нерыночной частью крестьянской продукции.

В соответствии с избранной нами системой учета та часть нерыночных продуктов, которая участвовала в хозяйственном

Таблица 5

Запасы и расходы крестьянских хозяйств в среднем на одно хозяйство, полученные в результате пересчета, руб.

Запасы и статьи расходов	В хозяйствах с посевом:	
	до 0,09 дес.	от 4,10 до 6,09 дес.
Стоимость запасов и денежных сбережений к началу года	217,0	324,51
Стоимость расходов на:		
полеводство	5,17	108,48
луговодство	—	—
скотоводство	232,64	225,08
промыслы	0,71	11,67
прочие	12,50	17,58
Итого расходов:	251,02	362,81

обороте данного бюджетного года, исключена нами из прихода и расхода хозяйства. Тем самым мы избавляемся от необходимости установления ее стоимости. Так разрешается нами проблема оценки нерыночной части крестьянской продукции. Означает ли это решение, что мы совсем не учитываем роль нерыночных продуктов в крестьянском хозяйстве? Вовсе нет. Ведь их стоимость воплощается в стоимость тех рыночных продуктов, в создании которых они принимали участие.

Нам остается разнести общие расходы по отраслям, чтобы определить себестоимость отдельных видов продукции. Буржуазными экономистами было предложено разносить общие расходы по отраслям пропорционально доходности последних⁴⁹. Однако при этом игнорируется тот факт, что одинаковые по величине издержки в разных отраслях имеют различную хозяйственную ценность. Возможны ли такие принципы разнесения общих расходов, которыми учитывалась бы неодинаковая ценность последних для разных отраслей? На этот вопрос следует ответить утвердительно.

К общим относятся расходы по приобретению и содержанию рабочего скота, плата сроковым рабочим, привлекающимся для разных работ, уплата налогов и др. В последнем случае разнесение расходов пропорционально доходу представляется оправданным. Для двух первых — расходы, видимо, лучше разносить пропорционально времени использования скота или рабочих на работах по разным отраслям. Действительно, то, что величина расходов на содержание скота и оплату рабочих прямо пропор-

⁴⁹ Лайр Е. Введение в экономию сельского хозяйства. Пер. с нем. М., 1925; Литошенко Л. Н. География себестоимости важнейших полевых культур.— «Статистическое обозрение», 1928, № 10.

циональна (по крайней мере в пределах малых приращений) времени их эксплуатации, не может вызвать сомнений. Понятно также и то, что в этом случае нами полностью учитывается различная ценность общих расходов для разных отраслей.

В качестве примера разнесем по отраслям расходы на приобретение и содержание рабочего скота в двух анализировавшихся нами выше посевных группах Ленинградско-Карельского района.

Первоначально из общей суммы расходов на скотоводство (данные приведены в табл. 5) выделим расходы на рабочий скот. К сожалению, сведения о расходах на корм и подстилку рабочему скоту приводятся не во всех бюджетах. Приблизительное соотношение между расходами на рабочий и продуктивный скот можно найти, разделив общую сумму расходов на скотоводство пропорционально стоимости рабочего и продуктивного скота. В нашем случае расходы на рабочий скот для группы хозяйств с посевом до 0,09 дес. составили 137 руб. 28 коп., а для хозяйств с посевом от 4,10 до 6,09 дес. 102 руб. 30 коп.⁵⁰

Распределяя эти суммы по трем основным производственным отраслям (полеводство, скотоводство и промыслы) крестьянского хозяйства пропорционально времени работы рабочего скота, получаем следующую картину (см. табл. 6).

Таблица 6
Распределение расходов крестьянских хозяйств
по производственным отраслям, руб.

Статьи расходов	Величина расходов в хозяйствах с посевом	
	до 0,09 дес.	от 4,10 до 6,09 дес.
Полеводство	5,64	139,51
Скотоводство	105,82	191,08
Промыслы	139,56	32,22
Итого:	251,02	362,81

Сравнивая полученные данные с данными табл. 5, замечаем в ряде случаев существенные изменения в распределении расходов. Так, например, исходя из данных табл. 5, можно прийти к неверному заключению о том, что хозяйства с посевом до 0,09 дес. практически не несли никаких расходов по промыслам. Данные табл. 6 свидетельствуют об обратном; расходы на промысловую деятельность являлись в мелкопосевных хозяйствах наиболее значительными.

⁵⁰ Мелкопосевные хозяйства больше расходовали на рабочий скот из-за более широкого распространения в этих хозяйствах извоза.

Пересчет данных разработочных лент является довольно трудоемким делом. Поэтому необходимо решить вопрос: всегда ли нужно осуществлять такой пересчет? Несомненно, что при изучении организации крестьянского производства, себестоимости крестьянской продукции и производственной структуры хозяйств различных социальных типов такой пересчет необходим. Однако изучение взаимосвязи различных факторов крестьянского хозяйства с помощью коэффициентов регрессии и корреляции, видимо, может осуществляться и без пересчета данных разработочных лент. Ведь в этом случае важна не истинная величина того или иного показателя, а изменение ее при переходе от одного хозяйства к другому.

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ЭСТОНИИ 1939—1950 гг. И НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ СТАТИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

A. Руусман

Важным источником аграрной истории изучаемого периода являются статистические данные. Следует отметить довольно высокий организационный и технический уровень статистики буржуазной Эстонии, особенно в последнее десятилетие существования буржуазной республики. В значительной мере это обуславливалось тем, что статистические органы тех лет использовали опыт русской статистики и по своей структуре повторяли ее. Многие ведущие статистики буржуазной Эстонии получили в свое время образование в российских университетах и до революции служили в статистических учреждениях России. Но статистика буржуазной Эстонии служила, конечно, интересам буржуазии и стремилась преуменьшить социально-экономические различия по сравнению с тем, какими они были в действительности.

Государственное центральное бюро статистики (ГЦБС) было создано в буржуазной Эстонии в 1921 г. До этого статистические данные собирались и обрабатывались министерствами. Для того чтобы регулярно получать статистические данные о сельском хозяйстве, ГЦБС организовал сеть корреспондентов, которыми являлись сами крестьяне. Они заполняли бланки, рассылаемые ГЦБС.

Таким путем ГЦБС получало данные о численности поголовья скота, величине посевых площадей, урожайности, о заработках наемных сельскохозяйственных рабочих, об аренде земли в хозяйствах корреспондентов и т. д. По этим данным, с учетом общих отчетов и переписей, устанавливались сводные данные по всей республике. Общие отчеты, составлявшиеся волостными управлениями после сбора сведений со всех крестьянских хозяйств, были проведены в 1919 и 1923 гг. В 1925 г. проводилась первая сельскохозяйственная перепись, вторая — в 1929 г. и третья — в 1939 г. Сельскохозяйственные переписи и статистический учет были поставлены так, что от них не зависели налоги крестьян. Поэтому крестьяне представляли переписчикам и учетчикам весьма точные сведения. А переписчиками и учетчиками были преимущественно учителя и другие представители интеллигенции, которые обладали достаточной подготовкой и знали местные условия.

Переписчики заполняли по каждому хозяйству подворный лист. Переписи 1929 и 1939 гг. были обширны, и подворные листы содержали много вопросов. В подворный лист 1939 г., например, было внесено 234 показателя (см. приложение). Кроме того, во время переписи 1939 г. по каждому хозяйству заполняли еще так называемый земельный лист, куда заносились подробные сведения о земельных угодьях и их мелиоративном состоянии. По рыболовецким хозяйствам заполнялся еще лист наличия рыболовецкого имущества, а по садоводческим — детальные ответы о садоводческих культурах.

Подворные, земельные и другие листы переписи 1939 г. сохранились в архивах почти полностью. Хорошо сохранились и подворные листы сельскохозяйственной переписи 1929 г. Все эти массовые источники являются ценнейшим фактическим материалом, но в силу ряда причин еще мало используются историками. Сводные данные сельскохозяйственных переписей используются широко, однако основной их недостаток состоит в том, что они слабо отражают социально-экономические различия и противоречия в эстонской деревне во время диктатуры буржуазии.

Для послевоенных (1945—1950) лет важными массовыми источниками по аграрной истории являются похозяйственные книги сельских советов. Их ввели в 1945 г. В каждой книге были формуляры (на двух страницах) для 25 хозяйств. По каждому хозяйству занесены почти 150 показателей (см. приложение). Книги охватывали все крестьянские хозяйства, а также все хозяйства рабочих и служащих. Они сохранились почти полностью и находятся сейчас в районных архивах.

Большим преимуществом указанных источников является то, что книги заполнялись ежегодно, а это позволяет проследить динамику развития хозяйства. К сожалению, серьезным их недостатком является некоторая неточность — данные по многим хозяйствам в похозяйственных книгах занижены. Чтобы уменьшить объем обязательных поставок и налогов, многие кулаки, подкулачники и некоторые несознательные крестьяне представляли учетчикам и переписчикам уменьшенные данные о количестве пахотной земли, посевых площадях, о поголовье скота и т. п. в своих хозяйствах.

Это наглядно обнаруживается из данных по учету скота. Каждый год в январе проводилась перепись, а в июле — учет скота¹.

Переписчики и учетчики обходили все хозяйства и фиксировали наличие скота. Сведения заносились в похозяйственные книги сельсоветов, а сводные данные передавались в волости, где составлялись волостные сводки, которые передавались в уездные статистические инспекции, а там, в свою очередь, составлялись уездные сводки, которые проверялись и уточнялись.

¹ По порядку проведения и объему сведения переписи и учета были почти одинаковыми.

В каждом уезде вскоре после переписей и учетов проводились контрольные обходы, охватывающие 10—13% хозяйств. Специальные контрольные бригады устанавливали, сколько скота в этих хозяйствах было пропущено во время переписи или учета. На основании данных, полученных в результате контрольных обходов, корректировались общие сводные данные переписи или учета.

Надо отметить, что процент недоучета скота в июле был выше, чем в январе. Так, в июле 1947 г. в крестьянских хозяйствах, в которых были проведены контрольные обходы, оказалось пропущенным или укрытым 3% коров, 11 — телят, 7 — свиней, 10 — овец, 1 — рабочих лошадей, 7% жеребят. Во время январских переписей недоучет в крестьянских хозяйствах, как правило, по крупному рогатому скоту составлял 2—3, по свиньям и овцам 4—5%. По результатам контрольных обходов исправлялись сводные данные уездов и республики. Однако в хозяйственных книгах представлялось возможным исправить заниженные данные только по хозяйствам, в которых были проведены контрольные проверки. В какой мере это было сделано, до настоящего времени неизвестно. Но, так или иначе, данные в хозяйственных книгах о скоте по многим крестьянским хозяйствам являются в какой-то части заниженными.

Так же обстоит дело и с величиной посевных площадей и сельскохозяйственных угодий. За учетом посевных площадей следовали контрольные обходы, охватывавшие 5% хозяйств. Полученные в результате этих обходов исправленные сводные данные являются весьма достоверными. Величину пашни, сенокоса и пастбищ, а также количество сельхозорудий и машин в крестьянских хозяйствах в ходе контрольных обходов не проверяли, и сводные данные по ним несколько занижены. Некоторая неточность данных в сельскохозяйственных книгах затрудняет их использование в исследованиях и вынуждает искать пути для исправления.

В архивах сохранилось много материалов по земельной реформе². Отчасти по ним можно уточнить величину пашни и других видов угодий в хозяйствах, которые были затронуты земельной реформой. Величина сельскохозяйственных угодий в тех хозяйствах, которых некоснулась земельная реформа, должна была быть и после войны такой же, как в 1939 г.

Можно уточнить и данные по наемным рабочим. Надо заметить, что сведения о них особенно недостоверны в похозяйственных книгах. Кулаки, использующие наемный труд, пытались это всячески скрыть. На 1 июля 1947 г. в похозяйственных книгах

² Советская земельная реформа в ЭССР была проведена осенью 1940 г. После войны земельная реформа проводилась снова. Хозяйства, в которых землю отчуждали, составили $\frac{1}{3}$ от всех хозяйств. Вновь созданные хозяйства и хозяйства, получившие прирезки, также составили $\frac{1}{3}$ от всех крестьянских хозяйств.

было зафиксировано только 946 годовых и 2238 сезонных наемных рабочих, что составляло 0,5% сельского населения³ (из них многие работали в средних и мелких хозяйствах). Когда в 1947 г. были созданы специальные бригады ЦК КПЭ, которые провели контроль в некоторых уездах, выявились многие факты скрытия найма рабочих. В Вильяндском уезде, например, было зарегистрировано 337 наемных рабочих, но по мнению контрольной бригады их действительная численность достигла 1000 человек. Осенью 1947 г. в Эстонской ССР начали выявлять кулацкие хозяйства. В ходе этого процесса также обнаружились многие факты использования наемной рабочей силы. В первой половине 1948 г. на проведенных в уездах совещаниях батраков и батрачек были разоблачены скрытые кулаки. Все эти материалы позволяют исправить многие неточности в данных о наемной рабочей силе, зафиксированных в похозяйственных книгах.

Можно надеяться, что в ходе дальнейшей работы будут найдены новые приемы уточнения данных похозяйственных книг. Работа эта, безусловно, трудоемкая, требующая от исследователей много сил и времени, но по мере уточнения данных похозяйственных книг они станут весьма ценным источником, позволяющим провести важные исследования.

Подробный статистический анализ подворных листов сельскохозяйственной переписи 1939 г. с помощью ЭВМ дает возможность создать социально-экономическую модель эстонской деревни накануне восстановления советской власти в 1940 г., создать общую модель крестьянского хозяйства и его региональных различий, получить отчетливое представление о состоянии земледелия, скотоводства, побочных работах и отхожих промыслах.

Если в сочетании с подворными листами привлечь и другие массовые источники, можно получить достаточно полную картину классовых отношений и противоречий в эстонской деревне перед крахом буржуазной Эстонии. Такими источниками являются, например, разного рода списки: членов молочных, машинных и других товариществ, членов и активных деятелей буржуазно-националистических организаций, различных культурных обществ и т. п.

Использование разнообразных видов массовых источников в их сочетании даст возможность основательно и подробно осветить социально-экономические предпосылки социалистической революции 1940 г. в эстонской деревне. Однако уже в ходе вы-

³ На 1 июля 1947 г. в Эстонской ССР было 134 369 крестьянских хозяйств, в них проживало 466 081 человек. Рабочих и служащих вместе с семьями было 120 913 человек. Численность всего сельского населения составила 586 994 человека (*Ruusmann A. Tootlike jõudude seisukorras ja tootmistegevuse arengmisest Eesti NSV talumajanduses aastail 1944—1948.—«Eesti NSV Teadustute Akadeemia Toimetised. XVII köide Ühiskonnateadused», 1968, N 1, c. 42.*).

работки методики исследования историк сталкивается со многими трудностями. Надо усвоить приемы математической статистики, выяснить, какие из них наиболее приемлемы в данном исследовании. Надо также иметь определенное представление о программировании. Иначе говоря, историку приходится овладевать новейшими методами исследования.

Обработка на ЭВМ всех 140 тыс. подворных листов сельскохозяйственной переписи 1939 г. в настоящее время еще явно не под силу одному или даже нескольким историкам. Следует применить выборку в объеме минимум 10—15%. Причем выборка должна быть репрезентативной. Надо сказать, что кодирование даже такого количества листов требует большой затраты времени.

Каким должен быть принцип выборки — механическим или гнездовым? Гнездовая выборка, на наш взгляд, более целесообразна, поскольку дает возможность наряду с этобранными подворными листами использовать и другие массовые источники, о которых речь шла выше. При механической выборке это намного труднее. Кроме того, гнездовая выборка позволяет создать и модели региональных единиц — сел и волостей. Она является целесообразной еще и потому, что при расширении хронологических рамок исследования и при учете массовых данных последующих лет (похозяйственных книг и других послевоенных материалов) удастся избежать трудностей, сопутствующих механической выборке.

Наилучшей, на наш взгляд, гнездовой выборкой являлась бы выборка целых волостей. В Эстонии в 1939 г. было 248 волостей. Соблюдая принцип репрезентативности, можно было бы ограничиться 25—35 волостями, и их материалы (подворные листы и т. д.) закодировать и ввести в машину. Границы волостей за период с 1939 по 1950 г. остались неизменными. Архивные материалы волостных органов этих лет находятся в одних и тех же архивах и фондах. Это облегчает переход от первого этапа исследования ко второму.

Если на первом этапе, как уже сказано выше, будет предпринята попытка создать социально-экономическую модель эстонской деревни накануне социалистической революции 1940 г., то на втором этапе, используя материалы земельных реформ, похозяйственные книги, списки активистов, протоколы и другие материалы волостных исполнкомов и сельсоветов, материалы местных партийных, комсомольских и профсоюзных организаций и иные массовые источники, можно представить ясную картину больших социально-экономических и общественно-политических изменений, которые совершились в эстонской деревне в результате проведения в жизнь аграрной политики советской власти. Это даст возможность создать социально-экономическую модель эстонской деревни накануне колLECTIVизации, а также подробно проанализировать сам процесс колLECTIVизации.

Таким образом, возможности использования массовых источников по аграрной истории Эстонии 1939—1950 гг. обширны и многообещающи. Основная трудность, встающая при этом перед исследованиями, состоит в колоссальном объеме черновой работы, весь вводимый в ЭВМ материал надо закодировать, для чего необходим весьма значительный технический персонал. Существенную помощь могут оказать исследователям студенты, а также краеведы. Кроме того, историкам надлежит быть в курсе всех новейших технических возможностей, которые облегчают и ускоряют процесс ввода в машину данных массовых источников.

Как уже сказано, очень трудоемкой работой является исправление неточностей в массовых источниках, в первую очередь в похозяйственных книгах. К тому же эта работа требует высокой компетентности, и поэтому исследователь, как правило, не может доверить ее своим помощникам.

При выработке методики исследования трудности состоят не только в том, что историку приходится заниматься математической статистикой; необходимо уметь строить логические, хорошо отражающие действительность комбинации изучаемых массовых данных.

Автору настоящей статьи пришлось работать с массовыми первоисточниками — подворными листами сельскохозяйственной переписи 1939 г.⁴ Из имеющихся на каждом подворном листе 234 показателей были использованы только важнейшие — около 70. Но в ходе последующего анализа оказалось, что многие показатели, опущенные ранее как малозначащие, на самом деле очень важны в силу различных связей их с другими показателями. Перед началом исследования предвидеть это было невозможно.

Но совершенно очевидно, что все возможные варианты анализа исследователь до начала работы предвидеть не в состоянии. В ходе анализа может возникнуть — и как правило возникает — необходимость изменения методики, а изменять в ходе исследования можно только гибкую методику.

В 1960-х годах интерес историков к массовым источникам намного повысился в связи с тем, что появилась возможность пользоваться электронно-вычислительными машинами, без кото-

⁴ Автор обработал 4500 подворных листов. Главными приемами анализа были группировки и средние величины. Основная часть итогов этой работы опубликована в статье «О классовой структуре крестьянства в Эстонии на кануне социалистической революции 1940 года» (*Ruusmann A. Talurahva klassistruktuurist Eestis 1940. aasta sotsialistliku revolutsiooni eelöhtul.* — Rmt.: Eesti talurahvas teel sotsialislimeile. Tallinn, 1965, s. 116—195). Вторую часть работы автор изложил в 1965 г. в докладе на московской конференции, посвященной применению математических методов в исторической науке (*Ruusmann A. Из опыта применения факторного анализа в историческом исследовании.* — «Вестник Мос. гос. ун-та. Серия IX. История», 1966, № 6, с. 78—91)

рых сколько-нибудь обширная и всесторонняя проработка этих источников невозможна. К тому же постепенное распространение математических методов в общественных науках, в том числе в истории, также увеличило интерес исследователей к массовым источникам, поскольку при их изучении эти методы особенно эффективны.

Ввиду очень большого объема механического труда, связанного с предварительной обработкой исходного материала, надо реально смотреть на широкое введение в научный оборот массовых источников, не ожидая больших результатов слишком скоро. Успех их использования в историко-экономических исследованиях зависит в значительной степени от того, в какой мере наукой и техникой будут выработаны новые, более совершенные средства подготовки и ввода этого исходного материала в ЭВМ.

Приложение

Краткое описание подворного листа сельскохозяйственной переписи 1939 г.

I часть показателей (их 21) содержит данные о формах землевладения — величины, видов собственности и аренды, распределения по угодьям и видам приобретения (куплено, получено по буржуазной земельной реформе и т. д.).

II часть данных (27 показателей) — о посевных площадях, парах и перелогах.

III часть (14 показателей) характеризует садоводство (численность плодовых деревьев, ягодных кустов, площадь над малиной и клубникой).

IV часть данных (26 показателей) — об использовании минеральных и органических удобрений, известкования почв и видах применяемых севооборотов.

V часть (40 показателей) — численность скота и птицы (по видам и возрасту).

VI часть данных (12 показателей) — количество и мощность силовых машин (локомотивы, разные типы моторов и тракторов, водяные и ветряные установки).

VII часть (30 показателей) — количество орудий и машин (плуги, культиваторы, рандалы, разного вида сеялки и уборочные машины, молотилки, сортировки, триеры и т. д.).

VIII часть данных (20 показателей) характеризует постройки (их количество по видам, возраст, из какого материала построены, количество комнат в жилых домах, наличие или отсутствие механического водоснабжения, применение электроэнергии и т. д.).

IX часть (9 показателей) — сведения о лесах, принадлежащих крестьянским хозяйствам.

X часть — имя, пол и возраст владельца (хозяина), членов его семьи и наемных рабочих. Относительно последних указано, на сколько месяцев они наняты.

XI часть — сведения о владельце и его семье (где учились, сколько лет самостоятельно вели хозяйство, является ли главным источником существования ведение собственного хозяйства или какая-то побочная работа, кем стали повзрослевшие дети, ушедшие из дома, и т. д.).

XII часть данных (15 показателей) — о продаже скота, зерна, молока и других продуктов (в течение года).

XIII часть — о забое скота для собственных нужд (в течение года).

XIV часть — о покупке ржи, пшеницы, ячменя и овса в течение года и их запасах на день переписи.

XV часть — сведения о купле-продаже дров и деловой древесины (в течение года).

XVI часть — об использовании поденщины (в течение года).

В 1945—1950 гг. в похозяйственные книги сельсоветов заносились подворно следующие группы сведений о крестьянских хозяйствах: имя, пол и возраст владельца и членов его семьи, количество батраков, величина земли по угольям, количество сельскохозяйственных орудий, машин, построек, плодовых деревьев и ягодных кустов, размеры площадей посевов, численность скота и птицы (по видам и возрасту). Количество этих показателей по каждой группе данных меньше, чем было при переписи 1939 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ СИМПОЗИУМА ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ¹ (Таллин, 2—6 октября 1972 г.)

Симпозиум был организован Институтом истории СССР АН СССР, Институтом истории АН Эстонской ССР, Археографической комиссией Отделения истории АН СССР и Историческим факультетом МГУ им. М. В. Ломоносова. Симпозиум подготовлен оргкомитетом в составе Н. А. Ивницкого, Ю. Ю. Кахка (председатель), И. Д. Ковальченко, Б. Г. Литвака, Н. И. Павленко (заместитель председателя), А. Г. Тартаковского (ответственный секретарь), С. О. Шмидта. В Симпозиуме приняли участие более 60 специалистов, представлявших научно-исследовательские учреждения и вузы Москвы, Ленинграда, Киева, Риги, Таллина, Тарту, Ростова-на-Дону, Уфы, Новосибирска.

На первом заседании 2 октября, открывшемся вступительными словами Ю. Ю. Кахка и Н. И. Павленко, были заслушаны доклады Б. Г. Литвака «О ленинской методике статистического анализа политических явлений»², С. И. Якубовской «Источники по истории образования СССР», Ю. Ю. Кахка «Некоторые аспекты применения математических методов в исторических исследованиях»³ и сообщение С. О. Шмидта о деятельности Археографической комиссии. Заседания 3 и 4 октября были посвящены теме: «Теоретико-методические проблемы источниковедения»⁴; заседание 5 октября — теме: «Количественные

¹ Краткие сообщения о работе Симпозиума см.: *Овчинников Р. В. Обсуждение проблем современного источниковедения*. — «Советские архивы», 1973, № 1, с. 126—127; *Брагина Л. М., Рыбакова Ю. Я. Актуальные проблемы источниковедения*. — «Вестник АН СССР», 1973, № 4, с. 106—108; то же. — «Общественные науки и современность», 1973, № 12; *Журавлев В. В., Курносов А. А. Симпозиум по проблемам источниковедения в Таллине*. — «История СССР», 1973, № 4, с. 203—211; *Растопчина Л. Н. Симпозиум по актуальным проблемам источниковедения*. — «Археографический ежегодник за 1972 год». М., 1974, с. 368—369.

² Опубликован в сб.: *Источниковедение отечественной истории*, вып. 1. М., 1973.

³ Публикуется в настоящем сборнике.

⁴ По данной теме были представлены следующие доклады: Е. А. Луцкий. О текстологическом анализе произведений В. И. Ленина в советском источниковедении; А. Г. Тартаковский. О доказательности в источниковедении (к постановке проблемы); А. А. Курносов. К вопросу о природе видов источников; Я. С. Лурье. О гипотезах и догадках в источниковедении; В. Л. Янин. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников

венные методы в источниковедении⁵; 6 октября в выступлениях Н. И. Павленко и И. Д. Ковальченко подведены итоги обсуждения этих тем и принята резолюция Симпозиума.

Ниже публикуются в кратком изложении тексты вступительных слов при открытии Симпозиума и выступлений его участников при обсуждении докладов по названным темам, а также резолюция Симпозиума. Тексты всех выступлений авторизованы. Редакционная работа по подготовке к печати настоящих материалов проведена А. И. Аксеновым.

* * *

Открывая Симпозиум, Ю. Ю. Қахк отметил необходимость повышения теоретического уровня исторической науки в современных условиях, когда усиление борьбы с буржуазной идеологией ставит перед советскими историками новые проблемы, осмысление которых должно вестись на базе марксистско-ленинской теории. В этой связи своевременна инициатива по созыву данного Симпозиума, в программе которого такое большое место отведено теоретическим проблемам.

Симпозиум, проводимый в столице одной из союзных республик, посвящен 50-летию образования СССР, и надо надеяться,

по истории русского средневековья; Х. П. Стродс. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях; Л. Н. Пушкарев. Исторический источник и смежные с ним понятия в последних работах советских философов; В. Б. Фарсобин. К оценке некоторых положений А. С. Лаппо-Данилевского в области источниковедения; Р. В. Овчинников. О приемах реконструкции утраченных документов (на примере указов и манифестов Е. И. Пугачева); М. М. Громыко. Источники по социальной психологии русского крестьянства XVIII — первой половины XIX в.; Л. Е. Шепелев. Проблемы дипломатического изучения делопроизводственных документов XIX — начала XX в.; С. С. Дмитриев. Проблемы источниковедения русской исторической периодики; Н. А. Ивицкий.— Некоторые вопросы происхождения документов по истории советского общества в свете источниковедческого анализа.

⁵ По данной теме были представлены следующие доклады: Ю. Ю. Қахк. Некоторые аспекты применения математических методов в исторических исследованиях; Б. М. Клосс. Статистические методы изучения текстов исторических источников: направления исследований и задачи; Л. М. Брагина. Опыт изучения нарративных текстов эпохи Возрождения методами математической статистики; К. В. Хвостова. Определение степени дифференциации и неравенства социальных групп и классов с помощью энтропийного анализа; Х. Э. Палли. ЭВМ и новые возможности хранения исторической информации; Э. В. Тарвел. Модель крестьянского хозяйства и сравнительное изучение источников по аграрной истории; И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. Некоторые аспекты методики изучения формирования единого аграрного рынка (XVIII — начало XIX в.); В. З. Дробижев. Некоторые вопросы применения количественных методов в изучении социальной структуры советского общества 20-х годов; В. П. Данилов, Т. И. Славко. Опыт применения статистико-математических методов в обработке данных налоговых подворных переписей 20-х годов; А. Руусман. Массовые источники по аграрной истории Эстонии 1939—1950 гг. и некоторые перспективы их статистического изучения.

что он станет нашим посильным вкладом в ознаменование великого юбилея.

Во вступительном слове Н. И. Павленко подчеркнул, что претворение в жизнь решений XXIV съезда КПСС и ЦК КПСС по общественным наукам требует от советских историков, вооруженных марксистско-ленинской методологией, совершенствования профессионального мастерства. Разработка актуальных проблем источниковедения и призвана способствовать повышению мастерства историка. В повестке дня Симпозиума доминируют общие вопросы источниковедения, могущие заинтересовать специалистов по всем периодам истории СССР. Цель Симпозиума состоит в том, чтобы выявить достижения и недостатки в этой области, наметить наиболее важные проблемы для дальнейшего изучения и вынести некоторые практические рекомендации. Надо полагать, что настоящий Симпозиум — первое представительное совещание по проблемам источниковедения — явится учредительным, подобно тому как стал учредительным собравшийся в 1958 г. в Таллине Симпозиум по аграрной истории. Выбор места для проведения симпозиума не случаен — эстонские историки внесли значительный вклад в развитие источниковедения, особенно в применение математических методов.

* * *

Теоретико-методические проблемы источниковедения

Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ. Можно отметить некоторые черты, свидетельствующие о важности представленных нам для обсуждения материалов, об их значимости.

Прежде всего они являются показателем высокой требовательности и научной строгости современного источниковедения, проверки основательности фундамента исторических исследований.

Эти материалы можно рассматривать как форму критики современного состояния исторической науки, степени ее технической вооруженности.

В этом смысле источниковедение выполняет в какой-то степени историографические задачи или восполняет недостатки историографической работы, в которой зачастую не уделяется должного внимания анализу источникового фундамента и источниковедческого искусства тех или иных школ, направлений или отдельных ученых.

Опыт историка, его творчество носит спонтанный характер. Историк не всегда руководствуется теми или иными правилами и принципами, которые вырабатывают источниковеды.

Зачастую они пользуются этими принципами, не думая о приведении их в систему. В этом отношении материалы нашего

симпозиума являются показателем осмысления, обобщения методов работы историков.

Но, как мне кажется, на этом пути есть и некоторые опасности, о которых нужно сказать.

Советское источниковедение — сравнительно молодая отрасль. Для этой молодой науки естественны тенденции к самоутверждению и стремление к превращению из вспомогательной в самостоятельную научную дисциплину. Эта тенденция иногда приводит к отрыву источниковедения от практики исторического исследования.

Эта опасность может быть названа опасностью создания «грамматики без языка».

В ряде докладов, особенно в докладе А. Г. Тартаковского⁶, который представляет значительный интерес, поставлена проблема достоверности, как одна из важнейших проблем источниковедения. Мне кажется, что А. Г. недостаточно учитывает те конкретные условия, при которых недостоверный источник может оказаться достоверным, если его рассмотреть в ином аспекте.

Ю. Ю. Каух в своем докладе, как мне кажется, удачно сформулировал положение о том, что недостоверные источники превращаются в важный источник информации, так как предна меренная недостоверность оказывается социально и политически целенаправленной.

Для примера я могу привести такой эпизод.

В июле 1918 г. в Елецкой уездной газете Орловской губернии был опубликован отчет о заседании местной организации левых эсеров. На этом заседании, как сказано в отчете, некий Крюков — левый эсер, информировал о своей поездке в Москву и беседах с В. И. Лениным.

Он красочно рассказал об этих встречах и о том, что Ленин ему якобы сказал, что нет особой разницы между большевиками и левыми эсерами, и что единство позиций двух партий является основой для союза между большевиками и левыми эсерами.

Один из елецких большевиков приехал в Москву и показал Ленину эту газету.

По этому поводу В. И. Ленин 6 августа написал известное «Письмо к Елецким рабочим», в котором говорится: «Долгом считаю заявить, что все это сказки и что ни с каким Крюковым я не беседовал. Убедительно прошу товарищей рабочих и крестьян Елецкого уезда относиться с чрезвычайной осторожностью к говорящим слишком часто неправду левым эсерам»⁷.

Источник этой встречи Крюкова с Лениным явно недостоверный. Но этот же источник при изучении политики и тактики способа действий партии левых эсеров, оказывается, содержит вполне достоверную информацию об авантюризме этой партии.

⁶ Опубликован в журнале «История СССР», 1973, № 6.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 35.

Вместе с тем этот недостоверный источник вызывает целую цепь других источников, других материалов, выступление Ленина, елецких большевиков, связанных с этим недостоверным источником, и в совокупности они представляют весьма достоверный материал по очень важному эпизоду революции.

Второй вопрос — классификация источников.

В материалах, с которыми мы ознакомились, дана классификация источников по видам.

Я не стану оспаривать и другие принципы классификации, в частности классификацию по происхождению. Но мне кажется, что проблему классификации нужно подчинить задачам исследования.

С этой точки зрения важно выдвинуть понятие центрального комплекса источников для проблемы, какой занимается данный историк.

Для исследователя вполне правомерна также постановка вопроса о типе источника. Этот вопрос немаловажный.

С этой точки зрения противоречия, которые могут возникнуть между С. И. Якубовской (классификация по происхождению) и источниками (классификация по видам), — это противоречия между источниками как вспомогательной дисциплиной и теоретическим источниками.

Весьма важным является вопрос об утраченных источниках.

Тартаковский правильно ставил вопрос о необходимости определения соотношения массива используемых источников и удельного веса утраченных источников.

В докладе В. З. Дробижева⁸ предпринята несколько иная попытка, но связанная с этим же вопросом.

Обрабатывая материал профсоюзной переписи 1918 г., Дробижев выяснил условия проведения выборочной обработки материала. При проверке оказалось, что обработка 50% первичных источников и 10% по ряду показателей дают примерно одни и те же данные.

Но при переходе к качественному анализу, к анализу состояния передовых слоев пролетариата, эта выборка оказывается недопустимой, она не дает правильной картины.

Таким образом, здесь видимо требуется определить представительность данного типа источников по различным показателям.

Я бы разделил историков на два типа. Одни — занимаются главным образом поиском документов, проверкой достоверности документов и их систематизацией. На этом заканчивается исследование историков этого типа.

Другая группа историков рассматривает систематизацию документов только как начало исследования, как позицию для

⁸ Опубликован в сб.: Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976.

проникновения в глубь исторического процесса, для раскрытия того, что скрывается за этой группой источников.

Конечно, оба типа историков имеют право на существование. Но мне кажется, что более высокий тип исследований дают историки второй группы.

Я говорю это к тому, что, судя по материалам нашего симпозиума, мы наблюдаем переход от источниковедческих проблем к вопросам теории исторического исследования. Такой переход неизбежен и необходим.

Это хорошо показал в своем докладе В. Л. Янин⁹.

Построение модели, проведение сравнительного и типологического анализа, изучение обратного влияния метода исследования на объект исследования и т. д.— все это уже не просто источниковедческие проблемы. Это проблемы методологии исторического исследования, которые относятся непосредственно к теории исторического процесса. И решать их можно, только лишь выходя за пределы так называемого чистого источниковедения и обращаясь к вопросам исторического построения.

А. П. ПРОНШТЕЙН. В материалах Симпозиума впервые во всей широте поставлена проблема источниковедения как части методики исторического исследования. Нельзя согласиться с мнением А. Г. Тартаковского о соотношении источниковедения и исторического исследования как двухчленной системы работы историка: источниковедение (добытие исторических фактов) — историческое исследование (тождественное историческому построению). Не следует ограничивать историческое исследование только построением. Историческое исследование и соответствующая ему методика включает в себя всю деятельность историка — от поиска и изучения источников до создания исторической теории (построения). Это важно подчеркнуть потому, что памятники прошлого представляют интерес для историка не только как источники сведений, но и как явления общественной жизни. Именно так изучаются летописи, «Русская Правда» и др. Можно согласиться с докладчиком в том, что установление исторического факта не входит в задачу исторического построения, но из этого не следует, что только источниковедение занимается установлением фактов. Оно решает лишь первую часть этой задачи — выясняет, что могут дать источники для понимания фактов, что знают источники о фактах. Поэтому правильнее представить работу историка трехчленной схемой: 1) работа над источником по выявлению того, что он дает о фактах вообще; 2) установление фактов по данным комплекса источников, когда работа идет уже не над источником, а над всей выявленной информацией; 3) построение исторической теории или концепции. Первый и второй этапы имеют разные предметы и методы исследования и объединять их неправомерно. Правда, можно

⁹ Опубликован в журнале «История СССР», 1973, № 3.

было бы сказать, что источниковедение включает в себя обе эти задачи, и тогда расхождение с А. Г. Тартаковским было бы чисто терминологическим. Но докладчик ограничил свою задачу только методом установления фактов, перескочив тем самым через этап, без которого немыслима дальнейшая работа.

Чрезвычайно перспективна постановка В. Л. Яниным проблемы интеграции вспомогательных дисциплин. Каждая дисциплина выполняет три задачи: теоретическую (например, в хронологии разработка видов календарей); прикладную (перевод дат на разные системы лестосчисления); информативную (т. е. получение информации, которая не заложена намеренно в источнике).

В нынешних учебных пособиях обычно излагается лишь теоретическая часть, и доклад В. Л. Янина кладет начало перестройке курса вспомогательных исторических дисциплин.

В докладе А. А. Курносова¹⁰ важно положение о возможности по признакам вида судить о природе источника и породившей его эпохе. Например, по форме мемуаров можно судить о времени их бытования. Не является абсолютно приемлемой предложенная А. А. Курносовым классификация источников по происхождению на событийные и структурные. Во-первых, это деление, скорее, не по происхождению, а по содержанию (частично и по форме). Во-вторых, если оно отличается от деления информации на намеренную и ненамеренную, то куда отнести информацию не событийную, а оценочную, особенно повествовательных источников, с их выводами и обобщениями. В-третьих, куда отнести ту ненамеренную информацию, с помощью которой авторы источника стремятся прикрыть его классово-политическое содержание.

С. М. ҚАШТАНОВ. Материалы Симпозиума являются первой попыткой обмена мнениями о новейших методах источниковедения и углубления уже поставленных теоретических вопросов. Но методы математического исследования источников и философские работы, затрагивающие источниковедческие проблемы, еще мало сопряжены с традиционным источникovedением.

В докладах Л. Е. Шепелева¹¹ и В. В. Фарсобина подвергнуто критике представление о дипломатике как науке об актах, изучающей договорные документы. Нельзя согласиться с толкованием Л. Е. Шепелевым дипломатики как науки о внешних особенностях документа вообще, так как он не дал четкого определения термина «внешняя особенность», включив сюда и формульяр, и бумагу, и др., в то время как уже сложилось представление о внешней (палеографические особенности) и внутренней форме источника. Неточно также утверждение Л. Е. Шепелева

¹⁰ Публикуется в настоящем сборнике.

¹¹ Опубликован в сб.: Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976.

о том, что западноевропейская дипломатика с зарождения и поныне занимается формальной стороной документов вообще. В Западной Европе в разные периоды (например, до и после Т. Зиккеля) дипломатика понималась по-разному. Уже в работах Лоренцо Валлы, а также в чешской и русской дипломатике изучались не только внешние особенности документов, но через форму и их содержание. Нельзя согласиться с критикой В. В. Фарсобиным выдвинутых в моих работах трех аргументов (этимологического, социологического и методического) в пользу понимания дипломатики, как науки об актах. Этимологическое значение термина «акт» следует противопоставлять не глаголу «аго» (действую), как полагает В. В. Фарсобин, а глаголу «досео» (учу, извещаю), поскольку он есть основание термина «документ». В социологическом аспекте выделение «актов» как вида источников, созданных в процессе их определенного социального функционирования, обусловлено общественной структурой, например в период феодальной раздробленности наличием политически независимых лиц, заключающих между собой контракты. В методическом плане надо иметь в виду, что в «акте» содержатся не просто какие-то формулы или штампы, но комбинации повторяющихся готовых формул, выражающих основное содержание, диспозицию документов.

Представления Л. Е. Шепелева и В. В. Фарсобина о дипломатике не связаны также с общей классификацией вспомогательных исторических дисциплин по объекту изучения (дипломатика, археология, нумизматика и т. п.), по предмету (метрология, хронология, генеалогия и т. д.) или по какой-либо стороне формы источника (текстология, палеография и др.), намеченной еще С. Н. Валком. В. В. Фарсобин включает в задачу дипломатики изучение всего текста по формальным признакам, что полностью относится к текстологии.

Искусственная постановка А. Г. Тартаковским вопроса о доказательности, т. к. выдвинутые им требования доказательности (репрезентативность, аутентичность и достоверность) предъявляются к источникам, в то время как речь должна идти о самом историке. Этого-то вопроса и касается в своем сообщении о гипотезе Я. С. Лурье. Спорно также понимание А. Г. Тартаковским и современными философами факта как достоверного и адекватного описания явлений действительности, т. к. любое описание лишь более или менее достоверно и адекватно. Правильнее рассматривать факт как фрагмент действительности.

В. Л. ЯНИН. На современном этапе важнейшая задача источниковедов — создание общего свода методических рекомендаций, необходимых для дальнейшего развития источниковедения и практической работы историка. В этой связи, однако, вряд ли возможно распространение методических рекомендаций, предложенных в докладе А. Г. Тартаковского, на древний период, т. к. они исходят из изобилия источников в новый период

истории, а материал по более ранним периодам — чрезвычайно скучен. Поэтому без ответа остаются вопросы о репрезентативности таких источников, как Ипатьевская и Лаврентьевская летописи, «Русская Правда», а в целом под сомнение можно поставить и правомерность доказательности выводов по истории древнего периода. Вместе с тем специалисты в этой области находятся на достаточно верном пути. Основа успеха здесь — интеграция источников, а репрезентативным источником представляется свод разных по происхождению и форме материалов. Один из примеров — установление местонахождения Новгородской Софии. Летописи содержат две версии по этому вопросу. По показаниям Новгородской I летописи старшего извода (Синодальный список), Софийский собор был построен после пожара деревянной Софии на территории древнего Детинца. По показаниям более позднего Комиссионного списка собор был построен в южной части Детинца, вне связи с пожаром. Привлечение археологических материалов подтвердило показания более раннего Синодального списка Новгородской I летописи старшего извода. Таким образом, проблема достоверности здесь была решена не простым анализом двух версий письменных источников, а совокупным рассмотрением их с археологическими данными. Одновременно исследование неправильной версии Комиссионного списка раскрыло интересный идеологический процесс в Новгороде в середине XIII в.— создание новгородским боярством ложной версии о местоположении Софийского собора под новой церковью Бориса и Глеба, вытекавшей из противопоставления архиепископского и городского соборов.

Неверно мнение А. Г. Тартаковского о том, что, в отличие от представителей ряда других наук, историк не имеет возможности вступить в непосредственный контакт с объектом исследования, получая информацию о нем только через источник. Археологические раскопки делают нас такими же очевидцами пожара Новгорода 1200 г., как и сами новгородцы. Найденный археологами простой нож позволяет нам вступить в прямой контакт с историческим фактом — искусством ремесленника. Нет третьего лица между автором письма XIX в. и нынешним историком, т. к. он черпает информацию, которую получил и адресат письма.

В целом для создания единой методики необходимо расширение базы источниковедческих наблюдений. Поэтому необходимо, чтобы в дальнейшем работа Симпозиума по теоретическому осмысливанию методики была бы дополнена работой секций, которые могли бы анализировать конкретные исследования в различных областях с тем, чтобы при последующем обсуждении создать общие рекомендации.

Л. Н. ПУШКАРЕВ. В решении методологических вопросов между источниками и философами существует серьезный разрыв. Первые дают сырой в общеметодологическом плане материал, а вторые любомудрствуют над этим в сфере чистой фи-

лософии. Это порождает классификации источников, не имеющие значения для источниковедения, и определения источников, оторванных от нужд исторической науки. В этой связи принципиально верным представляется обоснованный А. А. Курносовым принцип видовой классификации источников, сообразно с их социальными функциями, так как такой подход отражает объективно существующую реальность. Все другие предлагаемые классификации следует подвести под введенное в логике понятие систематизации, которая может быть разнообразной и зависит от конкретных целей исследования. Вместе с тем видовую классификацию нужно распространить и на типы исторических источников, которые, как и виды, функционально связаны с исторической действительностью. Под типом в данном случае подразумеваются более обширные и предшествующие видам группы источников. Это — этнографические, фольклорные, письменные, вещественные источники, данные языка, кино-, фото-, фонодокументы. Историческим же источником вообще, с философской точки зрения, следует считать объект, созданный субъектом в результате личных, субъективных образов объективного мира.

Поскольку методологические вопросы источниковедения тесно связаны с теорией познания, то было бы ценно на следующем Симпозиуме поставить проблему об отражении действительности в источнике как одну из проблем ленинской теории отражения.

К. В. ХВОСТОВА. В докладе А. Г. Тартаковского чрезвычайно важна впервые поставленная в общетеоретическом плане проблема репрезентативности источников. Справедливо обосновывается необходимость специальной разработки этой проблемы в каждой конкретной исследовательской ситуации. Неверно в общетеоретическом плане расширительное толкование некоторыми польскими историками естественно образовавшихся выборок как результатов «жеребьевки времени» (случайные выборки в статистике), но и не правы те французские историки, которые отрицают вообще репрезентативность естественных выборок (Собуль). Вопрос о них может быть решен только конкретно. Складывается впечатление, что докладчик отрицательно относится к иллюстративному методу, с чем нельзя согласиться. С одной стороны, мы не всегда можем получить репрезентативную выборку, ибо исторические явления чрезвычайно сложны, с другой — история изучает не только общие структуры и закономерности, но и индивидуальные явления, где невозможно отрешиться от иллюстративности. Тартаковский в целом правильно решает вопрос об историческом факте. Но определяя исторический факт как логико-гносеологическую категорию, он этим и ограничивается, тогда как следовало бы уточнить, какие группы суждений констатируют или описывают факт. Видимо, в их число не входят суждения мотивации, целей, причин и следствий. В этой связи не представляется бесспорным положение Тартаковского об инвариантности факта, так как любой достаточно

сложный факт нельзя оторвать от концепции, от теории. Только примарный факт инвариантен. Не совсем удачна в докладе попытка формализации — выведение коэффициента для измерения степени распространения информации или осведомленности очевидцев о событиях в пределах какой-либо замкнутой системы (в данном случае, соотношение между общим числом очевидцев — жителей оккупированной в 1812 г. французами Москвы и числом очевидцев, оставивших какие-то сведения об этих событиях). Этот коэффициент представительности сам по себе ни о чем не говорит. Чтобы он стал понятен, следует ввести порог значимости, т. е. какую-то сравнимую величину. В докладе Тартаковского анализ проблем находится на таком уровне, что можно было бы уже непосредственно перейти к формализации основных положений, например, построить модель степени распространенности информации или модель контактности с применением теории информации.

Для успешного решения затронутого в докладах А. Г. Тартаковского и Я. С. Лурье¹² вопроса о гипотезах его необходимо связать с проблемой статистико-вероятностного характера исторической закономерности, с проблемой общеисторического построения (т. е. концепционного, а не только эмпирического подтверждения гипотез) и с теорией семантической интерпретации в индуктивной логике, касающейся измерения степени подтверждения гипотез эмпирическими данными (теория Карнапа и др.).

В докладе А. А. Курносова не было определено понятие социальной функции, и это вызвало смешение критериев определения видов источников. С одной стороны, говорится о том, что виды порождаются социальными функциями как целевыми акциями общества, а с другой, что на них влияет классовая структура, культура, восприятие и т. д., что уже затемняет первоначальную четкую постановку проблемы.

Я. С. ЛУРЬЕ. В докладе А. А. Курносова высказана верная мысль о неоправданности оценочных суждений относительно источников и их эволюции. Примером может служить русское историческое повествование, которое, как известно, получило уже в XI—XII вв. форму летописного, погодного рассказа, ведшегося анонимно многими авторами и охватывавшего несколько веков. По своему жанру русская летопись была близка к западным анналам (погодное изложение, анонимность), вытесненным уже в период развитого средневековья хрониками, более узкими по объему, но более индивидуальными по характеру. «Хорошо» или «плохо» такое закрепление анналистического жанра на Руси? Возможно, что долговечность летописного жанра отражала консервативный характер русского исторического повествования; появление в XVI в. иных видов историографии (Хронограф, Степен-

¹² Публикуется в настоящем сборнике.

ная Книга) можно считать прогрессивным явлением. Но историк Руси, обращающийся к летописи, получает благодаря «консервации» этого жанра уникальный по значению исторический источник, которого нет у историков западного средневековья: колоссальные летописные своды, охватывающие историю с X—XI вв. до XVI—XVII вв.

Касаясь проблемы гипотезы и догадок в историческом исследовании, я хотел бы возразить С. М. Каштанову, считающему постановку вопроса о «надежности» источника в докладе А. Г. Тартаковского — абстрактной. У А. Г. Тартаковского речь идет как раз о том, что можно назвать «источниковедческим монизмом». Чрезвычайно важно твердое указание на то, что источник является единственной эмпирической основой нашего знания о прошлом, что специфическими носителями исторической информации являются только дошедшие до нас естественно отложившиеся источники. Это тем важнее подчеркнуть, что А. П. Пронштейн возражал против разделения А. Г. Тартаковским источниковедческого исследования (как установления фактов) и исторического построения. В чистом виде этот спор может рассматриваться как терминологический, т. к. можно сказать, что источниковедение представляет собой интегральную часть исторического исследования. Но вопрос в том, входит ли источниковедческое исследование в историческое построение как вспомогательная часть, подчиняется ли установление фактов историческому построению, иными словами, допустимо ли брать факт не только из источников, но и из построения? Предложенная Пронштейном трехчленная схема допускает такую возможность. Но если говорить об источниковедческом исследовании, об установлении факта, то это вряд ли правомерно. Исследуя данный источник, мы вправе учитывать и другой, сравнивать их. Но доказательством является только «надежность» данного источника. Дедуктивным путем нельзя вывести какой-либо дискретный факт.

Б. Г. ЛИТВАК. Понятие «массовый источник» весьма условно, ибо не отражает всех отличительных черт этой группы источников, нужно искать более точное название, но уже сейчас можно утверждать, что в эту категорию источников входит все то, что поддается методике формуллярного анализа. Это обстоятельство особенно важно иметь в виду сейчас, когда в докладах В. Л. Янина, Х. П. Стродса¹³, М. М. Громыко¹⁴ все отчетливей раздается призыв к синтетическому изучению частных методик смежных вспомогательных исторических дисциплин. Представляется, что именно «массовые источники», как объект источниковедческого изучения, более всех иных близки к аналогичным объектам в археологии, нумизматике, сфрагистике, этнографии, что дает возможность проследить какие-то общие принципы частных методик

¹³ Публикуется в настоящем сборнике.

¹⁴ Там же.

названных дисциплин. Здесь кроется большой резерв взаимного обогащения методики исследования.

В докладах по применению математики, при всем их интересе, не показано, каким образом материалы источников обрабатываются для подготовки их к вводу в ЭВМ, т. е. не раскрывается весь процесс формализации данных источника.

А. В. МУРАВЬЕВ. Поставленные на Симпозиуме проблемы волнуют преподавателей источниковедения, которые постоянно сталкиваются со сложностью определения понятия «исторические источники» и их классификации. Литература по этим вопросам крайне разноречива, принципы деления источников иногда произвольны. Надуман вопрос о разделении понятий «исторический источник» и «исторический памятник» (как «остаток» прошлого, еще не веденный в научный оборот). Все эти вопросы должны быть специально обсуждены, чтобы ликвидировать существующую терминологическую путаницу.

С проблемой классификации тесно связана и выработка методик работы с источниками. Единая методика может быть создана лишь в самых общих чертах и то лишь применительно к устойчивым формулярам — актам, писцовыми книгами. Повествовательные же источники требуют в большинстве индивидуального подхода, поэтому создание общих методических принципов может быть основано на громадном предварительном труде по разработке частных методик.

Поддержку должна найти выраженная В. Л. Яниным мысль об интеграции вспомогательных исторических дисциплин. Конечно, сложившееся деление этих дисциплин в определенной степени условно и практически все они охватываются источниками.

Л. Е. ШЕПЕЛЕВ. Заманчивая идея создать общие рекомендации по работе с источниками вряд ли осуществима, но сам Симпозиум чрезвычайно полезен возможностью обменяться мнениями по наиболее важным проблемам источниковедения. Не случаен поэтому интерес к докладу А. Г. Тартаковского, где эти проблемы подняты. Однако не все положения доклада безупречны. В частности, репрезентативность источника следует рассматривать не относительно корпуса источников, а, как и сказано в докладе, относительно самой исторической действительности. Но в этом случае сама проблема репрезентативности переносится из сферы источниковедения в сферу исторического построения. Частный характер носит понятие «аутентичность» сравнительно с достоверностью, поскольку ценными являются не только аутентичные, но и косвенные источники. К тому же не все аутентичные источники достоверны.

По поводу того, что говорил С. М. Каштанов о задачах дипломатики в изучении делопроизводственных документов, следует отметить, что методически удобнее предварительно рассмотреть документ с точки зрения его вида, внешних особенностей, а затем подойти к содержанию. В число же внешних особенностей долж-

но быть включено все то, что не составляет конкретного содержания документа — вне зависимости от того, как это будет названо: дипломатикой или документоведением.

Л. В. МИЛОВ. Я. С. Лурье выступил с критикой исторических построений, опирающихся на дедуктивный метод исследования. Но Шахматов на основании блестящего использования метода дедукции создал всю историю русского летописания. Дедуктивный метод проявляет свою максимальную силу в том, что позволяет делать кардинальные выводы о генеральных процессах экономического, демографического характера и т. д. Можно не верить в прогноз погоды на завтра, но нельзя оспорить такие открытые метеорологией и геофизикой фундаментальные закономерности в изменении движения погоды, как 8-ми, 25-ти, 100-летние циклы влияния солнечной активности. С помощью метода дедукции мы можем вычертить теоретическую линию, представляющую совершенно четкий вид развития, который нивелирует все мелкие отклонения.

Н. И. ПАВЛЕНКО. Значение доклада Р. В. Овчинникова¹⁵ в том, что опыт реконструкции древних памятников распространяется на документы нового и новейшего времени. Такой опыт практически важен для восстановления утраченных или неразысканных источников путем компоновки (вычленения наслойений, интерполяций) первозданного текста из документов, в которых он отражен. Разумеется, реконструированные тексты носят гипотетический характер. В сообщении Овчинникова интересна методическая часть, где излагаются общие представления о реконструкции источников. Что касается второй части, то здесь автору следует продолжить работу. Реконструкция им указов и манифестов Е. И. Пугачева имеет гипотетичный характер, так как, исходя из свидетельства современников (делопроизводителей Военной коллегии Е. Пугачева) о стереотипности пугачевских указов, автор на основании только одного подлинного документа реконструирует, например, указ о награждении С. Юлаева званием полковника. Исходная посылка Р. В. Овчинникова о стереотипности указов была бы более убедительной, если бы он смог привести примеры хотя бы двух документов с совпадающими формулярами.

Поднятая Я. С. Лурье проблема гипотезы и догадок в историческом исследовании более актуальна для истории древних периодов, менее обеспеченных источниками. Значение проблемы состоит в повышении требовательности к историческим исследованиям, в которых до сих пор наряду с гипотезами, основанными на научном анализе источников, встречаются гипотетические построения или даже чисто умозрительные догадки. Историк, не располагая возможностью проверить гипотезу экспериментально, обладает средством подтвердить ее комплексом источников по-

¹⁵ Опубликован в сб.: Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976.

следующего времени, в особенности если речь идет о каком-то процессе.

С. С. ДМИТРИЕВ. Выделение источниковедения в самостоятельную отрасль беспочвенно, ибо всякий источниковед есть историк, а историк — источниковед. Нынешнее источниковедение как органическая часть исторической науки является очень суженным способом познания почти исключительно только текстов исторических памятников письменности. За его пределами остаются методика и источники (вещественные, графические, например), разрабатываемые некоторыми вспомогательными дисциплинами (хронология, сфрагистика, палеография, изучение филиграней и т. д.). Наше историческое источниковедение почти не соприкасается с параллельно быстро развивающимся в последнее время источниковедением истории искусства, литературы, театра и т. д. Поэтому, поставленный в выступлении В. Л. Янина вопрос об интеграции вспомогательных исторических дисциплин следует расширить, стремясь к «сокреплению» (но не поглощению) их в общем историческом источниковедении. Было бы нужно «взвинуть» в общее историческое источниковедение и смежные области исторического познания отдельных отраслевых источниковедений в области духовной культуры.

Плодотворную мысль о необходимости изучения истории видов источников и памятников (остатков) старины высказал А. А. Курносов. Однако недостаточно обоснованной является его попытка выделить, например, мемуары как вид, порождаемый определенной социальной функцией, характерной будто бы для всех времен и народов. Такой подход не историчен, так как абсолютно различны условия появления воспоминаний в разные исторические эпохи. Более перспективной, я думаю, будет разработка этой проблемы, если рассматривать виды как определенный итог в пределах истории *данной* страны (или какой-либо *одноязычной системы*), рассматривать в *данное время* (определенный исторический период).

На нынешнем этапе вряд ли осуществимо создание общей (абстрактно-логической) классификации источников из-за безграничного числа видов и множественности требований, предъявляемых к источнику. Не случайно, ни в западноевропейской, ни в мировой историографии нет ни одной сколько-нибудь общеизвестной попытки подобной классификации. Но на ближайшие 10—15 лет, вероятно, можно договориться о, так сказать, рабочей классификации, если объектом ее будут не все существующие и потенциально возможные для изучения исторические памятники, а только те из них, которые вошли в орбиту исторической науки, т. е. стали источниками для определенных концепционно-историографических построений. Не следует отвергать вовсе понятие «памятник», как это сделал А. Г. Тартаковский. Учет материала памятников (камень, кожа, береста, бумага и т. д.), возможно, может послужить реальным принципам в будущей разработке

общей их классификации. Другим основанием такой классификации является хронология, так как время всегда есть и будет основополагающей категорией исторической науки.

Вызывает сомнение положение А. Г. Тартаковского о том, что необратимо прошедшая действительность как объект исторической науки познается только опосредованно, через источники, причем преимущественно через письменные. Исторический процесс не прекратился, он продолжается, и, следовательно, мы знаем его не только через то, что записано. Историк может непосредственно соприкасаться с источниками, прямо представляющими исторический процесс, являющимися его пережиточно «живыми» частями, например этнографический материал, кости мамонтов, остатки пожарища Новгорода.

Прозвучавшая в некоторых выступлениях (С. И. Якубовская) мысль о возможности создания общей, пригодной для всех времен методики анализа источников в настоящее время представляется нереальной — здесь мы не пойдем дальше собирания самых простых, дидактических истин. В практике и методике преподавания источниковедения, в деле образования кадров будущих историков, конечно, такие истины нужны и полезны, но они уже известны. Более актуальна на данном этапе проблема разработки понятийного аппарата нашего исторического источниковедения, и более реально было бы поставить задачу составления в ближайшие 3—5 лет соответствующего словаря, а затем и словаря источниковедческих терминов. Эту задачу я считаю крайне насущной, осуществимой и настойчиво ее выдвигаю перед участниками Симпозиума.

С. О. ШМИДТ. Созыв настоящего Симпозиума своевремен. Его материалы свидетельствуют о возрастающем внимании не только к научным выводам, но и к характеристике тех путей, с помощью которых историк к этим выводам приходит. Наиболее перспективный из них, о котором говорил В. Л. Янин, — интеграция научных знаний, исторических и смежных наук, в частности истории и философии. В докладе А. Г. Тартаковского в слишком категорической форме сформулирован тезис о несовершенстве логико-методических средств исторической науки. Не может быть панацеей и применение математических методов. История как наука — это обществоведение, а следовательно, по преимуществу человековедение, поэтому при всей важности и плодотворности математических методов нужно совершенствовать прежде всего традиционные методы, используя богатый опыт предшественников. В этой связи полезно обращение и А. Г. Тартаковского и В. В. Фарсобина к опыту методических трудов А. С. Лаппо-Данилевского. Следует осторегаться при этом оценки его как исключительно русского явления, поскольку Лаппо-Данилевский широко использовал данные западноевропейской науки. Необходимо, конечно, продолжить работу по изучению теоретического наследия буржуазных ученых, строго придержи-

ваясь при этом, разумеется, принципиальных партийных позиций.

Возникает опасность подмены общегносеологических проблем понятиями теоретического источниковедения и в то же время резкого противопоставления теоретического и конкретного источниковедения. Вместе с тем очевидно, что любой настоящий историк является источником, а любой источник — историком, так как он не может оценить источник вне понимания хода и особенностей исторического процесса. Само источниковедение при всей его самостоятельности есть в конечном итоге работа для изучения исторического процесса, в которой теоретические и конкретные вопросы взаимосвязаны.

Необходимо договориться о генеральной классификации источников, которая важна для преподавательских целей. Полезно было бы дать «первичную» классификацию, например, по внешним признакам источника, т. е. по материальной их форме.

Определения исторического источника, данные А. Г. Тарта́ковским и Л. Н. Пушкаревым¹⁶, в конечном итоге сводятся к тому, что источник есть результат деятельности человека. Но для понимания прошлого и даже настоящего имеет значение не только то, что создано человеком, но и остатки его самого, и, безусловно, естественно-географическая среда, которые также следовало бы включить в понятие исторических источников, т. е. источников познания исторического прошлого.

Те явления, которые могут быть использованы историком, не все и не сразу выявляются как исторический источник. Есть какой-то круг потенциальных источников. Любой источник имеет разные слои информации — нам доступные и более скрытные. Удачен в этом отношении термин «многовалентность» источника. Мы обогащаем нашу источниковую базу не только введением в оборот новых источников, но и путем более углубленного «прочтения» старых.

Весьма перспективна идея А. А. Курносова о видах источников, закономерности их появления и развития и функциональной взаимозависимости. Но здесь следовало бы учесть переломные моменты в истории развития коммуникаций, оказывавшие влияние на характер источниковской базы, например эпоха Возрождения, когда распространилось книгопечатание, и XX век — век радио, кино, телевидения, звукозаписи. Это — новые в разные эпохи формы массового распространения источников с высокой степенью доступности и стандартизации информации.

В докладе В. Л. Янина поднята важная проблема синтетического изучения разных источников. В этой связи правомерно было бы поставить на следующем Симпозиуме тему сравнительного источниковедения (о структуре разнотипных источников и общих приемах их изучения). Очень актуален вопрос о специфике частных методик для изучения разных эпох.

¹⁶ Опубликован в сб.: Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976.

Л. В. МИЛОВ. С. О. Шмидт высказал верную мысль о тенденции отрыва теоретического источниковедения от практики, ухода в сторону методологических и философско-гносеологических вопросов. Особенно это заметно в стремлении создать единый принцип классификации источников. Реализация этой идеи вряд ли возможна, так как сама природа материала, т. е. исторические источники, обрекает почти любую классификацию на неудачу. Если классификация растений или, скажем, периодическая система элементов выявляют эволюционный процесс или закономерности развития, то классификация исторических источников, отражающих лишь часть всей человеческой деятельности, не может дать аналогичного результата. Но классификация все же нужна для преподавательских целей. И здесь не следует упрощать ее принципы, как предлагает С. С. Дмитриев (хронология и материал). Более удачным принципом классификации является социальная функция вида источника (точнее, оценка источника) как адекватного отражения той или иной социальной функции, предложенная А. А. Курносовым, хотя имеется опасность преувеличения роли этой функции. В частности, в работах С. М. Каштанова социальные функции актов иногда преувеличиваются настолько, что какая-то из разновидностей жалованных грамот возводится на уровень высшей государственной политики.

Неверно по существу разделение Л. Н. Пушкиным исторических памятников и исторических источников в том смысле, что историческим источником является для нас лишь тот памятник, который непосредственно привлечен историком. Такой подход ставит факт существования исторического источника в зависимость от сознания историка, тогда как он является объективной основой исторического знания, непосредственным остатком человеческой деятельности.

Несмотря на бурное развитие вспомогательных исторических дисциплин и отдельные выдающиеся результаты исследований в этих областях, вряд ли стоит говорить об их интеграции, так как каждая из них имеет свой предмет, нетрансформируемую фундаментальную часть. Преждевременны также попытки дифференциации исторических наук. Блестящие разработанная С. М. Каштановым методика формулярного анализа актов еще не означает, что следует выделять актовое источниковедение в специальную дисциплину. В этой связи представляется неправомерным перенесение Л. Е. Шепелевым формулярного анализа актов на более поздние периоды. Успех методики С. М. Каштанова определен комплексом актового материала, основного источника XV—XVI вв., отражающего медленное, эволюционное развитие общества этого времени. В XIX—XX вв., когда убыстряются темпы исторического развития, удельный вес источников такого типа незначителен, поэтому и сам метод дипломатического, формулярного анализа не может дать столь же плодотворных результатов.

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО. Опасение отрыва теоретического источниковедения от исследовательской и педагогической практики неосновательно. Напротив, ныне источниковедение, особенно по периоду нового и новейшего времени, находится еще на эмпирическом уровне. В большинстве исторических работ представления об источниковедении сводятся к перечислению использованных источников. До сих пор является камнем преткновения вопрос о соотношении обзорной и методической частей в курсе источниковедения. Сам ход обсуждения на нынешнем Симпозиуме с ярко выраженным интересом к общетеоретическим проблемам свидетельствует о насущной потребности в постановке именно этих проблем. Не случайно в центре внимания оказался доклад А. Г. Тартаковского, который попытался наметить пути источниковедческой работы. В исследовательской практике царит разнобой при определении возможности элементов внутренней и внешней критики источников: для одних — это достоверность, для других — полнота и т. д. Заслуга Тартаковского и состоит в том, что он стремился обобщить содержание источниковедческого анализа, т. е. решить одну из основных задач источниковедения. А. Г. Тартаковский в общем правильно считает, что главной задачей источниковедения является выявление исторических фактов. Но это не определяет границ источниковедения. Об исторической действительности мы можем судить главным образом по источникам. Поэтому область источниковедения составляет работа по выявлению информации о прошлом, заключенной в источниках. Это та нива, на которой должен действовать источниковед. Здесь возникает множество проблем: специфика отражения действительности разными видами источников, проблема адекватности отражения источниками действительности, возможности установления фактов, не отраженных непосредственно в источниках, и т. д. Решение этих проблем требует разработки новых методик. Выдвинувшее Тартаковским понятие аутентичности источников приобретает значение кардинальной источниковедческой категории. В этой же связи вряд ли правомерно трактовать репрезентативность и достоверность как специфически источниковедческие категории. Источники в силу своей многовалентности всегда репрезентативны не в одном, так в другом отношении. Поэтому нужно говорить о репрезентативности и достоверности не источников, а почерпнутых из них фактов. Следовательно, и задача источниковеда шире традиционных представлений о внешней и внутренней критике источников — сюда входит выработка методов выявления и отбора системы фактов, определение их достоверности и репрезентативности.

По вопросу о соотношении методологии и методики высказаны две крайние точки зрения — о полной зависимости методики от методологии и об относительной независимости методики от методологических влияний. Методология, методика и техника исследования представляют собой тесно взаимосвязанную, единую

цепь, в которой определяющая роль, безусловно, принадлежит методологии. Но между звеньями этой цепи может существовать и обратная связь. Так, например, обстоит дело в физике. Поэтому неверно было бы думать, что благодаря якобы «беспартийности» техники исследования мы можем использовать труды буржуазных ученых. Это слишком узкий подход к вопросу. Основой развития науки является преемственность. Так марксистская историческая наука критически переосмыслила и восприняла лучшие достижения дворянско-буржуазной историографии. Главное здесь состоит в том, что партийность метода познания, применяемого исследователем, и партийность субъекта познания (т. е. исследователя) могут не совпадать, благодаря чему даже буржуазный, но честный ученый может стихийно двигаться к материализму.

М. А. ВАРШАВЧИК. Симпозиум очень важен для источниковедов, работающих на периферии и не имеющих возможности постоянного общения с коллегами.

Самоопределение источниковедения в специальную отрасль научных исторических знаний, в науку — объективно обусловлено. Предмет каждой науки — это определенный круг объективных закономерностей. Предмет источниковедения составляют закономерности отражения источниками реального исторического процесса.

Распространенное деление источниковедения на теоретическое и конкретное логически противоречиво, так как теоретическое правомерно соотносить с практическим, конкретное с абстрактным; конкретное — категория, выражающая единство общего, особенного и единичного. Конкретный анализ источников — не раздел источниковедения, а метод их познания. В источниковедении выделяются два основных раздела — теоретическое источниковедение и источниковедческая практика. Первое включает в себя общую теорию источниковедения и теорию источниковедения отдельных исторических наук (общее источниковедение отдельных исторических наук и их частное источниковедение, несущее на себе наибольшую методическую нагрузку). Источниковедческая практика делится на аналитико-описательное источниковедение (предмет исследования — сам источник как исторический факт) и прикладное (практическая работа историка с источниками).

Со структурой источниковедения связан вопрос о его месте в системе исторического исследования. Конечной целью всей источниковедческой работы является получение совокупности научных фактов. Традиционное деление источниковедческой критики на «внешнюю» и «внутреннюю» не может нас удовлетворить, так как и та и другая не простирали своих задач далее изучения отдельных источников и могли дать исследователю лишь единичные факты. Правомерно различать два вида критики: аналитическую (получение единичных фактов) и синтетическую (получение со-

вокупности фактов на основе изучения комплексов источников). Сама же критика в целом может рассматриваться как метод получения совокупности научных фактов.

В широком по проблемам докладе А. Г. Тартаковского некоторые источниковедческие понятия излагаются новым кодом. Так, полнота источниковой базы (т. е. наличие достаточного количества авторитетных источников для решения данной исторической проблемы) называется *репрезентативностью*, что расширяет обычное статистическое понимание термина (представительность части изучаемых данных по отношению к генеральной совокупности). Определение достоверности источников А. Г. Тартаковским подчиняет установлению их аутентичности, хотя именно установление достоверности — главная задача. Нельзя определять аутентичность как непосредственность отражения реальности. Непосредственность отражения является универсальным критерием источника в целом, отличающим его от неисточников.

В докладе А. А. Курносова нуждается в уточнении определение понятия вида источников. Не является признаком вида содержание источника, так как различные виды источников могут иметь сходное содержание. Не является видовым признаком происхождение источника, так как оно есть условие, предпосылка формирования вида. Вид источника определяется лишь его внутренней формой, структурой, способом связи элементов его содержания.

Я. С. Лурье предупреждает против опасности злоупотребления методом дедукции, т. к. он не дает возможности устанавливать факты. Это верно, но лишь наполовину, ибо дедуцированный вывод может показать невозможность факта.

Трудно согласиться с В. Л. Яниным и С. С. Дмитриевым в том, что историк, изучая исторические остатки, непосредственно воспринимает исторический факт. Историка в конечном счете интересуют не нож, не мотыга, соха или плуг, а общественные отношения, о которых они свидетельствуют и остатками которых являются. В невозможности непосредственного наблюдения объектов изучения кроется главная особенность и главная трудность процесса исторического познания. Возможность непосредственного наблюдения имеется только на источниковедческом уровне, когда объектом изучения выступает сам источник, и в этом, между прочим, состоит одна из причин применения в источниковедении методов естественных наук.

Замечание К. В. Хвостовой о зависимости факта от теории справедливо лишь постольку, поскольку получение факта и его интерпретация зависят от субъекта исследования. Но сам по себе факт инвариантен, он безразличен ко всем проделываемым с ним логическим операциям, и в этом смысле В. И. Ленин говорил о факте как об «упрямой вещи». Правда факта — это правда истории, а правда, также по выражению В. И. Ленина, не должна зависеть от того, кому она должна служить. Сила марксистской

исторической науки в том, что она способна открыть единственную правду истории и в своих выводах опирается на нее. Вряд ли оправданы доводы К. В. Хвостовой в пользу иллюстративного метода. Иллюстрация пригодна лишь для пояснения мысли автора исследования, но аргументом факт может служить только тогда, когда доказана его типичность. Но в этом случае он уже не является иллюстрацией.

Р. Г. КУЗЕЕВ. Доклад Х. П. Стродса затрагивает широкий круг проблем, связанных с ролью и местом этнографических источников в исторических исследованиях. Специфика вовлечения этнографических материалов в научный оборот делает необходимым разработку этнографического источниковедения — прежде всего методов добывания, мобилизации этнографических источников и повышения их информационной способности. Важное значение имеет проблема репрезентативности, которую применительно к этнографии следует понимать как представительность материала по этносу в целом. В исследованиях, охватывающих историю нескольких этносов, для успешного сопоставления материала необходима унификация методов полевой этнографической практики и систематизации этнографических источников. В решении этих вопросов большое значение имеет комплексный метод (мобилизация совокупности вещественных и письменных источников для решения определенной исторической проблемы), применяемый в этнографии с 1955 г. Но успешное осуществление его требует одинакового уровня подготовки источников, привлекаемых разными смежными дисциплинами. В противном случае модель одной дисциплины навязывается другой, отстающей в источниковедческой систематике и отработке своего корпуса источников. Другими словами, какая-либо наука вырывается в своем развитии, в разработке своего материала (например, археология), а смежными дисциплинами источники привлекаются лишь в качестве иллюстраций.

Чрезвычайно сложна проблема датировки этнографического материала. Х. П. Стродс предлагает использовать для этого ретроспективный метод. Но этот метод дает положительные результаты в том случае, если имеются корреляционные точки, т. е. фиксированные явления прошлого того или другого народа. Когда же их нет, можно применять используемый лингвистами метод стратиграфического членения материала, т. е. выделения в этом материале определенных слоев, привязываемых к определенным этнографическим эпохам.

Источниковедение имеет большое значение для развития региональной исторической науки (истории народов СССР), поэтому было бы важно на следующем Симпозиуме расширить географию участников представителями из Средней Азии, Поволжья, Кавказа.

В. В. ЖУРАВЛЕВ. Основная черта Симпозиума — обилие поднятых вопросов по методологии и методике источниковедения.

Это свидетельствует о том, что советское источниковедение подошло к этапу более углубленного осмысления своего предмета и задач. На это же указывает и наметившийся процесс интеграции вспомогательных исторических дисциплин.

В докладе А. Г. Тартаковского границы источниковедения определяются установлением исторических фактов. Реконструкция же прошлой действительности на основе изучения этих фактов относится уже к компетенции исторического построения. Такое деление правомерно, но лишь в виде абстракции. Практика научного исследования ломает эти искусственные границы, т. к. сложна структура исторического факта и многообразны их установления. Есть факты как сколки с прошлого и есть факты — процессы. Для установления факта-процесса иногда бывает необходимо реконструировать целый фрагмент действительности, т. е. исследователь идет не от установления факта к его интерпретации, а от интерпретации других фактов к фиксации искомого. Факт в этом случае не может быть инвариантен, нейтрален, а это значит, что установление исторических фактов и историческое построение практически неразделимы. Поэтому представления Тартаковского о цели источниковедения как добывании фактов требуют уточнения. Задача источниковеда состоит в уяснении первоначальной эмпирико-фактической структуры, на которой базируется познание прошлого. Историк идет тем же путем, но доводит работу до логического конца — воссоздает реальные события прошлого в их движении и развитии, дополняя и объясняя установленные источником факты и их связи.

Справедливо утверждение А. Г. Тартаковского о том, что проблема доказательности применительно к источникам различных эпох не может решаться равнозначно. При изучении, например, современности историк сталкивается в ряде случаев с незавершенными процессами. В общеметодологическом плане до сих пор у нас недостаточно разработан вопрос о специфике работы историка с документами современности. Здесь необходима какая-то методика с тем, чтобы из моря информации выявить факты, характеризующие процессы развития, а не случайные, нереализованные тенденции. Кроме того, иногда важная информация оказывается незафиксированной (заседания, телефонные разговоры). Изменяется специфика такого традиционного вида источников, как мемуары, которые часто строятся теперь на документальной основе. Возрастание темпов жизни приводит к падению роли дневников, утилитарной становится переписка, которую исследователь не всегда может использовать еще и по этическим соображениям. Сегодня историк, изучающий процессы современности, широко пользуется социологической информацией, благодаря которой он непосредственно соприкасается с объектом исследования. При пользовании этими источниками историк-социолог не столько идет за жизнью, сколько сам активно вторгается в нее, в какой-то степени сам формирует источниковую базу исследова-

ния. Как это отражается на самом источнике, какие новые задачи этот факт ставит перед источниковедом? Все это еще предстоит выяснить. На нынешнем уровне развития источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин наряду с интеграцией наших представлений о работе над источниками происходит размежевание частных методик.

В. Л. ЯНИН. Поиски репрезентативности — это попытки найти косточку, по которой Кювье выстроил скелет животного. Реконструкцию любой крупной исторической проблемы невозможно осуществить на основании 1—2 косточек, ее необходимо «сбить» из всего наличного материала. В этом состоит смысл интеграции вспомогательных исторических дисциплин. Пока же положение в изучении исторического процесса таково, что специалисты в разных областях владеют лишь частью материала и делают выводы, несопоставимые с другими.

Нельзя противопоставлять историю другим наукам на том основании, что историк отделен от объекта исследования источником. Многие другие науки оказываются в аналогичном положении. Например, положение астрофизиков, по образцам лунного грунта устанавливающих древность пород Луны, ничем не отличается от положения археологов, которые с помощью дендрохронологии выясняют точную дату постройки в Новгороде. М. А. Варшавчик выступил с возражением против мнения о возможности для историка непосредственного контакта с прошлым, утверждая, что вид пожарища не делает исследователя очевидцем самого пожара, что найденный археологами нож XII в. не важен для историка, которого интересует то, что за этим ножом, т. е. история человеческих взаимоотношений. С этим согласиться нельзя. По виду сгоревшего леса мы вполне можем судить о силе самого пожара. Неправомерно суживать задачи исторической науки лишь историей человеческих взаимоотношений, которые являются ее высшим уровнем. Объектом изучения историка является вместе с тем и соха, и трактор, и древний храм, и т. п.

Употребляемые нами термины поливалентны, многозначны. И, когда мы пытаемся сводить их к одному узкому значению, получается игра в слова.

С. М. ҚАШТАНОВ. Не все вопросы, поставленные в докладе Я. С. Лурье, ясно разрешены. В этой связи я хотел бы сформулировать некоторые вопросы. В какой степени, например, можно считать доказательными гипотезы, которые опираются не на прямые, а на косвенные данные источника? И являются ли вообще эти косвенные данные доказательными в источниковедении? Публичные акты феодальной эпохи никогда не говорят прямо об истинных мотивах их выдачи. Можно ли в этом случае реконструировать их происхождение, развитие форм, приурочивая к определенному географическому пункту политическую мотивацию?

Я. С. ЛУРЬЕ. Постановка проблемы гипотез и догадок вызвана существованием в нашей науке представлений о возможности внеэмпирического, внеисточникового установления фактов. С таким представлением связано и потребительское отношение к источникам, использование их для подтверждения уже сформулировавшихся концепций. В этой связи очень плодотворно предложенное А. Г. Тартаковским разделение двух самостоятельных сфер работы историка: источниковедения и исторического построения. Это деление, конечно, условно, но оно точно устанавливает иерархию наших выводов, т. е. то обстоятельство, что вначале лежит исследование источника, что фундаментом наших знаний являются показания источника.

Недоразумением являются возражения мне Л. В. Милова, доказывавшего важность дедукции возможностью прогнозирования широких исторических процессов в области демографии, истории хозяйства и т. д. Такое прогнозирование возможно, но дедуктивным путем нельзя вывести *дискретные факты* (события, происходившие в определенное время в определенном месте). Основой их установления являются только показания источников. Дедукция же показывает нам направление поиска — она дает основание для догадок, которые следует отграничивать от гипотез.

Л. В. Милов приводил в качестве характерного примера дедукции труды А. А. Шахматова. Но шахматовский метод — это индукция, ибо его общие выводы строились на огромном материале отдельных наблюдений. Так строилась, в частности, его известная гипотеза о Московском своде 1479 г. (о которой я упоминал в моем сообщении на Симпозиуме). Именно частные сравнительно-текстологические наблюдения над Архивским сборником, с одной стороны, и летописями XVI в., с другой, побудили Шахматова высказать более общую гипотезу о Московском своде 1479 г. как одном из двух источников Архивского сборника. То обстоятельство, что затем эта гипотеза была блестяще подтверждена находкой Эрмитажного списка, не отменяет, конечно, ее индуктивного происхождения. Иногда гипотезы Шахматова дополнялись догадками. Например, предположение Шахматова о том, что свод такой-то относится к такому-то году — суть догадки. Но если снять эти догадки (а Шахматов и сам часто от них отказывался), то гипотезы сохраняют свою силу. Опасными же догадки становятся тогда, когда, будучи выведенными дедуктивным путем из определенного синтетического построения, выдаются за эмпирическое доказательство.

А. А. КУРНОСОВ. Источниковедение как вспомогательная дисциплина, занимающаяся первоначальным препарированием источников (так его толковал буржуазный ученый Сеньёбос), как низший этап исторического исследования, по-видимому, себя исчерпало. В выступлении В. В. Журавлева ясно показано, что разворачиваемое источником вокруг источника построение вполне такого же уровня, как и историческое построение. Для то-

то, чтобы, к примеру, использовать отдельное сообщение из летописи, необходимо знать, что это за летопись, каково ее место в структуре корпуса летописей данной страны и т. д. Построение вокруг источника идет по двум линиям: 1) реконструкция конкретной исторической ситуации, породившей источник, и включение последнего в событие как акт целенаправленной деятельности человека; 2) включение этого источника в культурно-историческую ситуацию. И здесь мы сталкиваемся с проблемой вида источника как с социальной и культурно-исторической категорией. Подход к виду с точки зрения чистой функции невозможен (о чем верно говорили С. С. Дмитриев и К. В. Хвостова), так как сами функции развиваются. Можно говорить лишь об их соответствии с сопоставимыми видами источников в рамках разных обществ. Например, учет функционирует со времен античности, хотя формы, методы и роль его значительно изменяются в разные эпохи.

Интересную проблему типов источников выдвинул Л. Н. Пушкин. Сама по себе постановка вопроса о значении материальной субстанции в источниках необходима, однако недостаточна, так как тесно примыкает к проблеме эволюции функций и видов источников. Так, выставки портретов — от саркофагов до произведений импрессионистов — позволяют проследить, как отражается материал, в котором реализована функция закрепления внешнего облика человека, на качестве информации, которую несет каждая разновидность в рамках этого жанра.

Источниковедение — специальная историческая дисциплина, которая включается в ткань исторической науки в области истории культуры. Это включение позволит через категорию вида представить не только формы источников, но и их соотношение в рамках разных цивилизаций, культурно-исторических общностей и единиц.

В. В. ФАРСОБИН. Один из основных вопросов моего сообщения «К изучению положений А. С. Лаппо-Данилевского» — предмет дипломатики. В историографии существуют два подхода к его определению: дипломатика всесторонне изучает акты, ограниченные понятием договоров; дипломатика изучает все памятники письма с точки зрения познания их формуляров, фразеологических штампов. Судьба дипломатики как научной дисциплины будет решаться в соревновании с лингвистическими дисциплинами, фразеологией, стилистикой, текстологией.

А. Г. ТАРТАКОВСКИЙ. Никто из выступавших, кроме С. М. Каштанова, не подверг сомнению научную значимость проблемы доказательства. Цель доклада состояла в том, чтобы посредством учета рассеянных в литературе точек зрения выявить существенные стороны проблемы, уяснив некоторые исходные позиции и методические установки. Ввиду того, что проблема в целом почти не разработана, пришлось пока ограничиться лишь общей постановкой вопроса и отказаться от привлечения конкретно-исторического материала.

Теперь по существу критических замечаний в адрес моего доклада, которые в целом чрезвычайно полезны и будут учтены в дальнейшей работе.

По поводу замечания С. М. Каштанова о том, что правильнее было бы употреблять термин «факт» к исторической действительности, я хотел бы напомнить, что в марксистской философско-исторической литературе этот термин используется в двух основных значениях: для характеристики явлений исторической действительности и для обозначения объективно-истинных элементов научного знания об этой действительности. Указывая в докладе на правомерность использования термина в том и другом смыслах, я, во избежание терминологической путаницы, употребляю его во втором из названных значений. Повторяю, что в соответствии с целями и профилем доклада вопрос о том, как употреблять слово «факт», имеет чисто терминологический характер.

Верно говорил В. Л. Янин о необходимости разработки критериев доказательности в источниковедении применительно к средневековью, а не только к новому времени, которым ограничен доклад. Но такая задача не под силу одному или нескольким авторам, ее следует решать коллективными усилиями ученых и прежде всего медиевистов. Принципы доказательности методологического порядка должны быть, видимо, общими при изучении источников всех эпох, частные же методики — специфичными и дифференцированными, что решающим образом определяется спецификой состояния и видовыми особенностями источников в каждую историческую эпоху.

Располагает ли историк возможностью непосредственного восприятия своего объекта? С. С. Дмитриев и В. Л. Янин подвергли критике доклад, решающий этот вопрос в отрицательном смысле. Хотя в докладе данное положение сформулировано чрезсур жестко и категорично, полагаю все же, что в подавляющем большинстве случаев историк имеет дело с прошлой, необратимо протекшей действительностью, с которой вступить в непосредственный контакт он никак не может, и познает ее через источники. Грань же между настоящим и прошлым эмпирически устанавливается в каждой конкретной ситуации, хотя надо сказать, что этот вопрос требует философского осмысления.

В ряде выступлений (Е. Н. Городецкого, М. А. Варшавчика, И. Д. Ковалченко, Л. Е. Шепелева и др.) рассматривались выдвинутые в докладе критерии доказательности. По поводу репрезентативности высказывалось мнение о том, что если достаточно полно выявлен наличный фонд источников по данной проблеме, то тем самым и решается вопрос о репрезентативности, нет смысла поэтому вводить и саму эту категорию, которая лишь дублирует понятие «полноты» источников базы. Следует, однако, иметь в виду, что хотя это и связанные, но принципиально разные вещи, ибо выявление источников есть число эвристический аспект

деятельности историка, тогда как определение степени их репрезентативности требует проведения сложных аналитических операций. Трудно согласиться и с тем, что категория репрезентативности применима не к источниковой информации, а лишь к научно-фактическому знанию. В докладе, в соответствии с его темой, идет речь о репрезентативности источников, но это не исключает постановку вопроса о репрезентативности добытых из них фактических знаний. Правомерно и то и другое. То же следует сказать и о достоверности. Разноречиво оценивалось понятие «аутентичность», которое одни выступавшие полагают основополагающей категорией, другие — малосущественной в сравнении с достоверностью. Эти крайние точки зрения трудно согласовать лишь чисто механическим путем. М. А. Варшавчик, мне кажется, не прав, когда говорит, что нельзя считать признаком аутентичности непосредственный характер отображения источником действительности, ибо непосредственность отображения — универсальное качество источников вообще. Вот это последнее, мне думается, и неверно. Далеко не все источники обладают этим качеством. «Синтезирующие», «обобщающие» источники, о первостепенной важности которых для историка так много писал М. А. Варшавчик, отражают историческую действительность через посредство других источников. Следует, видимо, глубже продумать вопрос о реальном содержании и соотношении каждого из этих критериев — репрезентативности, аутентичности, достоверности, но важно, что интегрирующее их понятие «надежности» источника, как фундаментальное условие доказательности в источниковедении, не было оспорено в ходе дискуссии. В заключение хотел бы только подчеркнуть, что составляющие его компоненты — не нечто застывшее и раз навсегда данное, а диалектически подвижные свойства источников, меняющиеся в зависимости от изменения темы и аспекта исследования.

Х. П. СТРОДС. Отсутствие унификации в сборе, учете и хранении этнографических материалов тормозит развитие сотрудничества между историками и этнографами. Создание разными учреждениями региональных этнографических атласов осуществляется на разных принципах (этнический, территориальный и др.), в результате чего невозможным оказывается сопоставление их данных. Р. Г. Кузеев прав в том, что должно быть этнографическое исследование.

Недостаточно налаженный контакт союзных и республиканских исторических научных учреждений приводит к потерям в развитии вспомогательных исторических дисциплин. В результате ликвидации в 50-х годах соответствующего сектора в Латвии, нумизматы, метрологи, палеографы разошлись по разным учреждениям. Они проводят важные исследования, пишут ценные монографии, но их работа никак не координируется. Археографическая комиссия и Институт истории СССР АН СССР этими специалистами не интересуются. Для того чтобы специалисты на

местах шли в ногу с развитием исторической науки, необходима тесная повседневная связь друг с другом. Кроме того, для успешного развития источниковедения и исторической науки в целом, необходимо знание состояния методики и основных тенденций современного источниковедения за рубежом. Поэтому в программу следующего Симпозиума мы должны включить эти вопросы.

Л. Н. РАСТОПЧИНА. Доклад Е. А. Луцкого посвящен некоторым важным для дальнейшего развития лениноведения вопросам анализа текстов ленинских произведений. При этом речь идет не только о научных принципах, положенных в основу публикаций, но и о применении их при изучении совокупности изданных произведений В. И. Ленина.

Материалы Симпозиума и их обсуждение свидетельствуют также о необходимости разработки историографии источниковедения. Это помогло бы, с одной стороны, глубже оценить, исходя из современного уровня знаний, наследие классического источниковедения, а с другой — многое прояснить в тех спорах, которые идут ныне в области терминологии.

Р. В. ОВЧИННИКОВ. Жаль, что некоторые доклады методического свойства не получили широкого обсуждения на Симпозиуме. Н. И. Павленко прав, когда говорил, что реконструкция источников по сохранившимся стереотипам и реальным следам текстов в других документах должна быть выполнена с соблюдением «чистоты эксперимента», т. е. чтобы не было гипотез, подтверждающихся другими гипотезами. В этой связи встает вопрос, насколько правомерна реконструкция указа Е. Пугачева о производстве С. Юлаева в полковничий чин на основании одного стереотипа. Разумеется, такая реконструкция более гипотетична, чем восстановление, например, указа Е. Пугачева, адресованного в Оренбург, основанное на 6 сходных текстах. Но в данном случае в распоряжении историка есть реальные следы, подтверждающие правомерность эксперимента,— прежде всего знание того факта, что секретари Е. Пугачева при составлении документов использовали их стереотипы.

Л. В. МИЛОВ. Нельзя согласиться с оценкой Я. С. Лурье метода шахматовского анализа, как метода индукции. Шахматов предсказал существование Московского летописного свода конца XV в., который был найден советскими историками. Ближайший последователь Шахматова — Приселков реконструировал сгоревшую в пожаре 1812 г. Троицкую летопись, и восстановленный им текст находит широкое применение в трудах историков. Наконец, для того чтобы определить 3 редакции «Повести временных лет», Шахматов написал всю историю летописания.

Н. И. ПАВЛЕНКО (Подведение итогов по теме). Положительное значение Симпозиума состоит в том, что на нем были широко представлены специалисты по истории советского общества. Другая положительная черта — возможность интенсивно работать благодаря предварительно размноженным материалам.

К сожалению, по независящим от оргкомитета причинам не был представлен включенный в программу доклад В. И. Бовыкина «Источниковедение и история», который, по предположению организаторов Симпозиума, должен был значительно расширить рамки дискуссии. Недостатком явилось и то, что некоторые доклады методического профиля, в частности интересный доклад С. С. Дмитриева¹⁷, выпали из поля зрения участников дискуссии. Естественно, что в центре внимания был доклад А. Г. Тартаковского, поскольку он касался коренных вопросов источниковедения. Бессспорно, что важнейшим критерием надежности источника является достоверность. Данный критерий следовало бы поставить на первый план не только потому, что это решающий фактор в оценке источника, но и в связи с тем, что достоверность есть тот мостик, который объединяет требования к источнику, исходящие от специалистов всех эпох и периодов.

Узловыми вопросами в дискуссии были следующие: предмет и задачи источниковедения, соотношение конкретного и теоретического источниковедения, классификация источников, возможности и особенности применения общей методики при изучении источников разных эпох. Что касается последнего, то никто, видимо, не считает, что единая методика анализа источников — это некая директива. Научно обоснованные методики могут быть выработаны лишь в ходе коллективных усилий историков, работающих над сходными источниками, например массовыми, в результате обмена научным опытом, учета достижений предшественников и т. д. Недостатком многих исторических работ является не только то, что в них содержатся несопоставимые данные, но и то, что неизвестно, каким путем они получены. Необходимо, чтобы в трудах историков, помимо историографических разделов и изложения итогов исследования, раскрывалась бы творческая лаборатория автора, методика анализа источников.

Большинство участников дискуссии высказали единое понимание источниковедения как вспомогательной, или специальной, исторической дисциплины, существование которой немыслимо без исторической науки, как немыслимо, по образному выражению Е. Н. Городецкого, существование «грамматики без языка». Но на Симпозиуме прозвучала и другая точка зрения, наиболее четко сформулированная А. А. Курносовым, согласно которой традиционное источниковедение исчерпало себя и заниматься им — значит топтаться на месте. Это соображение вступает в противоречие с текстом его собственного сообщения, где можно найти призыв изучать виды источников, их эволюцию и трансформацию. Закономерности развития видов источников, социально-политические и культурные условия их возникновения изучены недостаточно. Каждый вид источников имеет только ему присущие

¹⁷ Опубликован в сб.: Источниковедение отечественной истории. 1975 М., 1976.

формы отражения действительности. Изучение истории видов и должно составлять, как мне кажется, главный предмет общего, или теоретического, источниковедения. В этом же плане чрезвычайно важна проблема взаимоотношений историка и источника. Отражение действительности источником и восприятие этой действительности историком через источник — вещи, как известно, далеко не равнозначные. Речь идет о профессиональном прочтении историком источников, о его умении смотреть на изображенные в источниках явления глазами их современников, о расшифровке стереотипов источников, об адекватном понимании языка, терминов, формул источников. Все это — также сфера традиционного источниковедения. При этом нельзя, разумеется, игнорировать мировоззренческие позиции источниковеда.

Оживленный обмен мнениями вызвал вопрос об интеграции вспомогательных исторических дисциплин, поднятый сразу в трех докладах — В. Л. Янина, М. М. Громуко и Х. П. Стродса, и не встретивший никаких контрверсий. Очевидно, однако, что для ранних эпох, ввиду скучности отложившихся от них источников, вопрос об интеграции имеет большее значение, чем для поздних периодов из-за обилия отражающих их письменных и иных материалов.

По вопросу о возможности распространения методов дипломатического анализа на документы поздних периодов, поставленному в сообщениях Л. Е. Шепелева и В. В. Фарсобина, участники дискуссии не пришли к общему мнению. С. М. Каштанов выступил с контрдоводами, но нужно признать, что формулярный анализ как часть дипломатического анализа вполне применим к изучению многих документов XVIII—XIX и даже XX вв.

Поднятый В. В. Фарсобиным вопрос об отношении к буржуазному наследию в области источниковедения был обойден участниками дискуссии, и к нему следует вернуться специально.

Очень своевременно предложение С. С. Дмитриева о выработке терминологического аппарата советского источниковедения. Надо, видимо, приступить к составлению сначала словаря, а затем и словаря. Но для этого необходимы некоторые организационные мероприятия.

Материалы Симпозиума дадут богатую пищу для размышлений, помогут заинтересованным учреждениям скоординировать свою работу в этом направлении и уточнить тематику исследований в области источниковедения.

Количественные методы в источниковедении

Ю. А. МОШКОВ. Применение количественных методов в исторической науке имеет положительное значение еще и потому, что побуждает нас к более точному, если хотите — математическому мышлению, позволяющему глубже осознать особенности науки истории, лучше оценить ее методы и возможности.

Развитие количественных методов в исторических исследованиях находится еще на экспериментальной стадии, хотя в отдельных работах наряду с традиционными историческими методами они становятся органической и даже самостоятельной частью исследования. Задача состоит в том, чтобы математические приемы теснее связать с нуждами истории, для чего необходимо теоретическое обоснование возможностей и границ применения. Материалы Симпозиума свидетельствуют, во-первых, о расширении круга используемых историками математических методов и, во-вторых, об углублении исследований, о стремлении к проверке и сопоставлению результатов, полученных различными методами, об уточнении логического и исторического смысла интерпретации количественных показателей.

Теоретическое осмысление накопленного в этом плане опыта предпринимается в докладе Ю. Ю. Кахка, где справедливо отмечается недопустимость с точки зрения количественных методов нынешней неопределенности в содержании важнейших понятий, в частности, подчеркнута необходимость более четкого определения количественных признаков социальной дифференциации при сработке данных на ЭВМ.

На Симпозиуме впервые поставлена проблема моделирования, в теоретическом плане освещенная в докладе Ю. Ю. Кахка, а практически разработанная в докладе Э. В. Тарвела¹⁸, который построил модель крестьянских хозяйств для двух районов Эстонии XVII в. на основании довольно ограниченного числа показателей источников. Убедительны рассуждения автора о сравнимости этих моделей с типовыми хозяйствами других регионов и других хронологических периодов. Однако его утверждение о применимости этих моделей для сопоставления повинностей и степени эксплуатации крестьян разных стран требует дополнительных обоснований.

Среди новых математических приемов следует отметить применение энтропийного анализа в докладах К. В. Хвостовой¹⁹ и В. З. Дробижева. Если математики дадут положительную оценку разработанному К. В. Хвостовой математическому аппарату, то историки получат важный инструмент для анализа социального неравенства, зарождения капиталистических отношений и других основных формационных признаков.

В докладе В. З. Дробижева главным является, может быть, не столько сам энтропийный анализ, а строго научный метод отбора тех единиц, которые послужили потом исходным материалом для применения энтропийного метода.

В докладе И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова²⁰ получил даль-

¹⁸ Опубликован в «Археографическом ежегоднике», 1972. М., 1974.

¹⁹ Опубликован в кн.: Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975.

²⁰ См.: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. (Опыт количественного анализа). М., 1974.

нейшее совершенствование уже испытанный историками метод корреляционного анализа. Ценно здесь то, что авторы используют не один, а несколько перекрещающихся способов статистического расчета для одних и тех же показателей, что дает высокий уровень взаимопроверки и многократно повышает степень достоверности выводов.

Перспективна работа А. Руусмана ²¹, посвященная выяснению сопоставимости источников по истории крестьянства. Он констатирует несравнимость данных статистики Эстонии до и после ее вхождения в СССР и намечает пути их сопоставления. В методическом отношении эта работа может многое дать для историков, изучающих другие районы страны.

Интересна предпринятая в докладе В. П. Данилова и Т. И. Славко ²² попытка выяснить значение и взаимосвязь основных производственных факторов по данным налогового обложения 20-х годов. Используемые ими источники очень сложны, заложенные в них данные сами по себе ценные, но не сопоставимы. Кроме того, в эти источники не попали сведения о бедняцких хозяйствах, не облагавшихся налогом. С точки зрения методики исследования требуют серьезной проверки полученные авторами чрезвычайно большие (близкие к единице) коэффициенты корреляции.

Отрадно, что теперь не только историки начинают заниматься математикой, но и математики идут в историю и начинают работать в ней профессионально, например в Институте истории СССР АН СССР, на историческом факультете МГУ. Это будет способствовать тому, что мы со временем получим в исторической науке апробированный арсенал математических методов.

В. М. СЕЛЮНСКАЯ. Историческая наука в своем развитии переживает определенный перелом. Усложнение объекта исторических исследований по мере приближения к нашему времени требует все новых инструментариев исследования, поскольку традиционные методы уже не могут дать решения ряда сложных задач, особенно таких, которые связаны с изучением социально-экономических процессов. Именно в этой сфере открываются наиболее широкие возможности применения математических методов. Скептически-нейтральное отношение к ним историков вызвано тремя обстоятельствами: 1) неверием в то, что с помощью средств математики можно достичь результатов, которых нельзя получить традиционными методами; 2) громоздкостью процедуры доведения исторического материала до обработки на ЭВМ; 3) сложностью перевода понятийного аппарата исторической науки на лаконичный язык математических формул. Небольшой группе историков, работающих сейчас в области применения количественных методов, разрешить эти задачи чрезвычайно труд-

²¹ Публикуется в настоящем сборнике.

²² Опубликован в журнале «История СССР», 1972, № 5.

но. Поэтому первоочередное значение приобретает проблема подготовки кадров. В нынешних учебных программах преподавание математико-статистических методов находится еще на стадии эксперимента, в то время как необходимо переходить в данной области исторического образования на фиксированный учебный план. В деле внедрения количественных, в том числе современных математических методов в историю необходимо достичь такого уровня обьюндной подготовки историка и математика, чтобы они могли вести свободный диалог, разрабатывая программу исследования избранного объекта, отбирая оптимальные математические приемы количественного анализа.

Из представленных материалов высоким профессионализмом с точки зрения четкой постановки исследовательских задач, методики обработки данных, ясности исторической интерпретации отличается доклад И. Д. Ковалченко и Л. В. Милова. Большой находкой здесь является корреляция цен по регионам. Это позволило выявить механизм рыночных взаимосвязей, дать неопровергимые данные для выводов о сроках образования российского общенационального рынка, что невозможно было сделать с помощью традиционных методов. Этой работе суждено сыграть важную роль в повороте внимания историков к математическим методам обработки данных массовой статистики.

Общезначимый интерес представляет фундаментально обоснованные выводы К. В. Хвостовой по вопросам социально-имущественного неравенства, особенно о периодичности структурных изменений крестьянского населения. Уязвимая сторона этих построений состоит в отсутствии коэффициентов перевода групп крестьянских хозяйств, различающихся по экономической мощности, в группы социального неравенства. Математико-статистическая обработка налоговых подворных переписей 20-х годов позволила В. П. Данилову и Т. И. Славко приблизиться к решению трудной проблемы сопоставимости источников массовой статистики, основанной на группировках крестьянских хозяйств по посеву. Но их программа не учитывает того, что значительная часть крестьянского населения не облагалась налогом (следовательно, беднота представлена в списках минимально). Кроме того, не обозначена градация между кулацкой и всей середняцкой частью деревни. Получилось выравнивание, которое привело, мне кажется, к не совсем четкому выводу.

В связи с поставленным в материалах Симпозиума вопросом о моделировании следует подчеркнуть значение исходного уровня теоретической и методологической вооруженности историка. Его первая задача состоит в воссоздании информационной модели изучаемого объекта на базе предшествующей историографии. Следующий этап — выбор источников, которые могут дать материал для создания эмпирической модели. Сложность состоит здесь в том, что архивы, как правило, не хранят необходимую первичную документацию, поэтому поиск массового источника

информации и его источниковедческий анализ — важный предварительный этап моделирования исследования, определение исследовательских задач и выработка методики перехода от эмпирической модели к более общей, теоретической. Наконец, поиск адекватного метода математического анализа или математической модели, для реализации которого очевидна надобность в интеграции усилий историков и математиков.

Доклад В. З. Дробижева интересен тем, что дает методику качественного членения, распознавания образов и их характеристик на примере исследования социальной структуры советского рабочего класса. В докладе справедливо говорится о том, что обработка данных должна проходить две стадии: сначала — общей массы для всей группы (с определенной выборкой), а потом для каждого слоя в отдельности. Математический метод дает возможность количественной характеристики каждого слоя.

Принятое ныне в исторической науке понятие «массовый источник» неудовлетворительно. Введение термина «формуляр» расширило бы понятие массовых источников, которые специалисты по математическим методам рассматривают как источники, содержащие повторяющуюся по форме информацию (систематическую, фактическую и цифровую), поддающуюся формализации.

К. В. ХВОСТОВА. В докладе Ю. Ю. Кахка затронута чрезвычайно важная проблема моделирования, которая в теоретическом плане почти не ставилась, хотя отдельные модели (главным образом корреляционно-регрессионная) применялись. Главная цель моделирования состоит не в том, чтобы представить явление в иных формах выражения, отличных от естественного языка, а чтобы получить новую информацию, новые выводы. Важно при этом то, что явление получает точные количественные характеристики. Ранжирование этих характеристик между 0 и 1 дает четкое представление о процессе, тогда как понятие «мало» и «много», «преобладающая тенденция», используемые каждым историком при качественном анализе явлений, могут оцениваться по-разному. Кроме того, расширяется информация о структуре явлений, процесса, тенденций и т. д., так как они представляются шкалой характеристик.

Ю. Ю. Кахк дал высокую оценку моделям «противофактических ситуаций» (т. е. вымышленных, реально не существовавших), предложенным американским ученым Р. Фогелем. Фогель, например, задается вопросом, как производились бы перевозки в США, если бы не возник железнодорожный транспорт. Для исторической науки сами по себе «противофактические» модели не являются важными. Однако при несколько измененном подходе такое моделирование может быть с успехом использовано для изучения действительно имевших место тенденций, которые позднее в силу ряда причин не прослеживаются. Например, в Англии XIV в. наблюдался массовый переход к денежной ренте. Но в то же время в некоторых районах происходила так называемая фео-

дальняя реакция — возвращение к отработочной ренте, которая через определенный период окончательно исчезает, уступая место денежной ренте. Изучение таких «недоминирующих», т. е. действительно существовавших, но не получивших преобладающего значения тенденций, позволит выяснить роль возобладавших тенденций в историческом процессе. Это можно было бы сделать, сравнив доход от денежной ренты с доходом, который можно было бы получить, если бы продолжала существовать отработочная рента. Отработочная рента хотя и не возобладала, но действительно развивалась. Постановка вопроса сохраняет, таким образом, исторический характер.

Не имеет большого значения для историков и логическая модель моносемантической культуры в Скандинавии (эпоха викингов) С. Пекарчика. По существу это лишь выражение ситуации на другом языке (языке символов). Не имея возможности провести расчеты, мы не получаем и новой информации. Не отвечает нужным требованиям и модель средневековой манориальной экономики, предложенная американским ученым Ниллом. Она основана на применяемых в современной экономике уравнениях, отражающих структуру формирования чистого дохода. Но в современной экономике эта структура основана на функциональных связях, тогда как в средневековой — на статистических вероятностных зависимостях (результат внеэкономических отношений). Поэтому модель по отношению к средневековой экономике не позволяет провести конкретные расчеты. Удачна модель теории формаций эстонского ученого Л. Loоне, представленная элементами ориентированной цепи и метрической системой. Но исследователь не анализирует саму матрицу и потому не дает количественных характеристик о качественных явлениях, которыми он оперирует.

Интересна единственная пока в мировой практике представленная в докладе Л. М. Брагиной²³ попытка обработать с помощью количественных методов гуманистические трактаты с целью получения количественной информации об их структуре, связях между этическими и философскими понятиями. Проблема здесь в том, насколько возможно построение типической модели гуманистических взглядов с тем, чтобы сравнивать с ней индивидуальные трактаты. Но это требует дополнительного обоснования единства трактатов в отношении идентичности различных терминов и понятий. По поводу полемики об иллюстративном методе и возражений М. А. Варшавчика, выступившего против его поддержки, следует сказать, что я имела в виду не подтверждение произвольно выбранными примерами мыслей историка, а возможность разработки теоретической проблемы при отсутствии по ней репрезентативных данных.

²³ Публикуется в сб.: Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.

Х. Э. ПАЛЛИ. У историков, использующих математические методы, возникает много опасностей, о чем уже говорила В. М. Селунская: недостаточная предварительная критика источников и некачественное их использование; неверная выборка и нерациональное кодирование; применение неточно составленных программ и формул; слишком общие выводы по обработанному материалу.

Не всегда плодотворно общение с математиками. Они часто не понимают нужд историков и легко предлагают готовые программы, не соответствующие целям исторического исследования. Еще большая опасность ожидает историка, когда ему предлагаю новые формулы или программы, не находящие применения в самой математике или имеющие экспериментальный характер. Поэтому иногда более полезен опыт применения математических методов в смежных общественных науках — социологии, демографии, математической экономике, психологии. Достаточно назвать, например, факторный анализ, выработанный в сфере психологии, или метод когорт, выработанный демографами.

Необходимыми условиями для успешного применения математических методов в истории должны быть: хорошо продуманная подготовка специалистов (главное внимание следует при этом обратить на то, чтобы историк имел представление о возможностях тех или других математических формул или процедур, т. е. знал, на какие вопросы они могут отвечать) и наличие специальных центров — библиотек программ и архивов материалов, подготовленных для ЭВМ.

По докладу И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова возникает вопрос о влиянии на установление рыночных цен транспортной проблемы, трудно разрешимой в современной экономике. Важно также учесть влияние внешнего рынка, особенно экспорта товаров.

Интересны и обнадеживающие попытки Л. М. Брагиной и Б. М. Клосса применить контент-анализ. Поразительны высокие корреляционные связи в докладе В. П. Данилова и Т. И. Славко. Действительно ли мы имеем здесь дело с однолинейной, одноФакторной системой или, возможно, остались незамеченными какие-то условия в источниках, исказжающие картину.

Очень интересную работу по образованию модели проделал Э. В. Тарвел, но эту модель следовало бы испытать на конкретном материале.

Т. И. СЛАВКО. В ряде выступлений в адрес нашего сообщения отмечалось, что высокие (близкие к единице) коэффициенты были получены в результате выявления взаимосвязей в усредненном крестьянском хозяйстве. Но это не так, поскольку на нынешнем, экспериментальном, этапе работы все крестьянские хозяйства были разбиты на три группы (бедняцкие, середняцкие и кулацкие), между которыми и устанавливались взаимосвязи.

При применении математических методов для изучения исторических источников наиболее важной является проблема оценки репрезентативности материала, определение минимального выборочного объема, в котором бы отражалась генеральная совокупность. Историк, как правило, ограничивает себя выборочным объемом, исходя из своих возможностей. В математической статистике существуют строгие методы определения выборки и возможных ошибок для количественных признаков. Конечно, гораздо сложнее проблема определения выборочного объема для исторических источников, которые содержат не только количественные, но и качественные признаки. Ее разрешение возможно лишь совместными усилиями историков и математиков. Кроме того, следовало бы привлекать к работе математиков с тем, чтобы они специализировались на изучении массовых исторических источников. Это было бы более полезно, чем сотрудничество с экономистами, социологами, психологами, работающими над материалами, которые существенно отличаются от исторических источников.

При применении математических методов необходимо учитывать историографический опыт предшественников, например советских статистиков 20-х годов.

Математический инструментарий можно использовать для изучения материалов статистических сборников, представленных в основном в виде группировок и не поддающихся анализу при помощи традиционных методов. Это позволяет восполнить несохранившийся первичный материал.

В связи с расширением числа исследований, в которых применяется математика, необходимо поставить вопрос о печатании стандартных программ и инструкций к ним, которые позволяли бы историку без специального математического образования применять тот или иной метод. Это важно еще и для того, чтобы не создавалась монополия на использование одного какого-либо метода.

Назрел вопрос о кооперации научных коллективов в деле разработки единых методик исследования источников, чтобы избежать ненужного дублирования.

Не всегда правомерно называть математические методы в исторических исследованиях количественными. К количественным методам не относятся, например, методы теории информации, математическая логика и т. д. На логических, а не на количественных связях составляются программы для ЭВМ.

В методологическом отношении математические методы не заменяют, а только дополняют методический арсенал марксистско-ленинской науки.

Б. М. КЛОСС. Мастерство исследователя зависит от того, насколько велик объем его знаний и диапазон применяемых методов. Это особенно проявляется теперь, когда многие задачи решаются на стыке разных наук. Диалог двух специалистов в раз-

ных областях редко может быть плодотворным. Поэтому обращение историка к математику оправдано лишь тогда, когда возникают узко профессиональные задачи, которые может решить только математик. Материалы Симпозиума свидетельствуют о том, что в области применения математики наблюдается известный рост, показателем которого является расширение числа новых приемов и методов. Назрело применение математической логики там, где требуется разобраться в классификации признаков. Теорию алгоритмов, теорию решений и проверки статистических гипотез можно использовать для решения таких вопросов, как анализ литературного стиля, почерка. Теория вероятностей и математическая статистика применимы в исторической демографии, теория игр — для построения моделей в исторической экономике, теория графов — при анализе потоков информации или потоков торговых грузов. Информационные подходы при изучении социальных явлений продемонстрированы в докладе К. В. Хвостовой. На высоком уровне проведен анализ временных рядов в докладе И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова. Актуален вопрос, поставленный в докладе Х. Э. Палли²⁴, о хранении и использовании накопленной исторической информации. В этой связи встают задачи оптимального кодирования и перевода огромных массивов информации на машинное хранение. Назрел, наконец, вопрос об издании реферативного журнала для исторической науки, где один из разделов был бы представлен математическими методами. Имеет смысл завести раздел истории в журнале «Доклады Академии наук».

В. З. ДРОБИЖЕВ. Х. Э. Палли правильно поставил вопрос о необходимости концентрации исследований в области использования ЭВМ. Требуется, во-первых, унификация носителей информации (их разнообразие — в специфике современной системы управления экономикой и социальными процессами), без которой мы не сможем совершенствовать свою методику. Нужна единобразная подготовка материалов к вводу в ЭВМ, чтобы данные исследователей были сопоставимы, в частности важно ввести единые возрастные интервалы для демографических исследований паспортных данных. Очевидна потребность унификации кодирования информации (разнобой в использовании разных типов ЭВМ) и разработки программ, если мы хотим ими обмениваться.

Органом, который координировал бы усилия специалистов в этих направлениях, могла бы стать лаборатория по применению математических методов в исторических исследованиях Института истории СССР АН СССР.

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО. За восемь лет, прошедших после первой встречи (1964 г.) историков, специализирующихся в области применения математических методов, произошли заметные сдви-

²⁴ Публикуется в настоящем сборнике

ги. Наложен контакт с математиками, появились математики, посвятившие себя истории. Расширился круг проблем в хронологическом (вплоть до современной истории) и тематическом отношении (от социально-экономических проблем до изучения нарративных источников), которые исследуются с помощью новых математических методов. Существуют уже центры (Институт истории АН Эстонской ССР, МГУ, Институт истории СССР АН СССР), координирующие деятельность специалистов по использованию математических методов. О прогрессе в деле применения математики свидетельствуют и материалы Симпозиума. В них наблюдается, с одной стороны, углубление и поиск новых методов исследования применительно к разным областям исторической науки (изучение социально-экономической структуры крестьянства методом энтропийного анализа К. В. Хвостовой, исследование Л. М. Брагиной методом корреляции философских трактатов средневековья, работы Б. М. Клосса по применению математических методов в палеографии и текстологии), а с другой стороны, намечен выход из стадии эксперимента к разработке важных конкретно-исторических проблем (доклады В. З. Дробижева, И. Д. Ковалченко и Л. В. Милова).

Основное направление дальнейшего применения математических методов — обработка массовых исторических источников по социально-экономической истории. Именно на этом материале могут быть широко применены методы моделирования. Основой успеха здесь может стать только предварительный качественный анализ исследуемых процессов и явлений. Поэтому не может быть иллюзий в отношении возможности создания некоей «математической истории». И расширение математического аппарата, о котором говорил Б. М. Клосс, необходимо потому, что, во-первых, неодинакова эффективность различных методов в отношении конкретных задач, а, во-вторых, это повышает степень взаимопроверки. В этой связи важна также мысль Ю. А. Мошкова о том, что обработку используемых данных следует проводить в максимально возможных аспектах. Естественно, что это делает очень важной проблему взаимоотношений историка и математика. Здесь должна быть дифференциация функций и одновременно их интеграция. Историк может не иметь математического образования, но он должен понимать логическую основу применяемых методов, чтобы быть полезным математику для определения проблематики и направлений работы и суметь интерпретировать полученные результаты. Математик же обязан вникнуть в основную суть и содержание поставленных проблем.

Чрезвычайно важен вопрос о корректном решении задач. Любые методы, в том числе и количественные, могут применяться правильно и неправильно. Сам по себе никакой метод не гарантирует верного его использования. Некорректно в общеисторическом плане сгруппированные данные привели В. П. Данилова и Т. И. Славко к выводу о том, что в крестьянском хозяйстве 20-х

годов господствовала патриархальщина. Но полученные ими высокие коэффициенты корреляции могут быть результатом двух моментов: либо действительно того, что в массе крестьянства господствовала патриархальщина, либо простого взаимопогашения крайностей. И не выяснив причин столь высоких коэффициентов, нельзя делать основанных на них конкретных исторических выводов.

Следует поддержать предложение В. З. Дробижева о необходимости координации работ в области применения математических методов в истории. Комиссия по применению математических методов при отделении истории АН СССР и лаборатория при Институте истории СССР АН СССР должны взять на себя инициативу такой координации.

Ю. Ю. КАХК. Б. Г. Литvak верно отметил, что историки, применяющие математические методы, к сожалению, часто не раскрывают своей лаборатории. В основном это связано с ограниченным объемом печатных публикаций, поэтому ученый предпочитает делиться уже результатом своей работы.

В докладе К. В. Хвостовой поднята важная проблема моделирования крестьянского хозяйства. Как правило, это осуществляется по трем параметрам: земля-человек-упряжка. Когда же мы имеем 5—6 параметров, то получаем число возможных комбинаций, превышающее 1 млн. Исследователь в таком случае всегда стоит перед дилеммой: выбрать один из них априори как ведущий или постараться определить его с помощью математических методов. Сложность проблемы по подготовке материала для ЭВМ как раз и состоит в том, что исследователь, прежде чем остановиться на нужном варианте, вынужден «проигрывать» множество других. Во Франции проведены эксперименты с телевизионной установкой, связанной с ЭВМ и позволяющей наглядно и быстро выявить наилучший вариант. Было бы чрезвычайно полезно договориться с соответствующей фирмой на предмет постройки у нас такой же установки.

Возможности математики хорошо продемонстрированы в докладе В. П. Данилова и Т. И. Славко, которые, создав сложную методику, заставили «заговорить» источники, которые были неподобны традиционными методами. Л. М. Брагиной следует расширить число изучаемых объектов, чтобы достигнуть нужного эффекта в определении тех или иных гуманистов по принадлежностям к определенным школам или направлениям. В докладе И. Д. Ковалченко и Л. В. Милова мало использован фактор географического расстояния и транспортных издержек.

С. И. ЯКУБОВСКАЯ. Применение математических методов в изучении политической истории и истории культуры требует большой осторожности, в связи с особой сложностью качественного анализа. В изучении трактатов гуманистов, предпринятым Л. М. Брагиной, возникает чрезвычайно большой простор для различных толкований терминов. Все возможные оттенки их, выне-

сенные в таблицу, не могут быть основанием для объективного знания о том, кто был или не был гуманистом. Произведения индивидуальной творческой мысли требуют индивидуального исследования методами критического анализа, к которому в качестве справочных приложений могут быть даны и математические выкладки.

Лингвистика более тесно связана с математическим анализом, который оказывается здесь важным подспорьем.

Историк, прежде чем приступить к применению математических методов, должен подвергнуть предварительному научному марксистскому анализу изучаемые источники, чтобы не впасть в ошибку и не сделать неверных выводов.

Л. М. БРАГИНА. На вопрос С. И. Якубовской, можно ли применять математические методы в истории идеологии, могут ответить только эксперименты. Нужны ли такие эксперименты? Исследователь, изучая эти сюжеты, сталкивается с вопросами, на которые не дают ответа традиционные методы. Поэтому правомерен поиск иных возможностей, которые могут привести к плодотворным результатам. Необходимо, как об этом уже говорили, разнообразить количественные методы, чтобы выбрать наилучший. Рационально было бы получить количественные характеристики текстов с помощью ЭВМ, но для этого необходимо, чтобы сбылось предложение Х. Э. Палли о создании вычислительного центра для нужд историков. До тех же пор невозможно составление оптимальной, типической модели трактатов, о чём говорила К. В. Хвостова. Но даже будучи созданной, такая модель не может быть единственным критерием оценки трактатов и ни в какой мере не сможет заменить собой традиционные методы.

К. В. ХВОСТОВА. Применением математических методов в исторических исследованиях выходит за пределы чисто исторической тематики и тесно примыкает к вопросам общефилософским. Сами понятия «теория информации», «энтропия» — являются одновременно и философскими категориями, имея три аспекта — статистический, комбинаторный, системно-структурный (т. е. изучение системы и структуры при наличии управляющих и управляемых систем). В истории (и только в истории) встречаются явления, когда функционируют саморегулирующиеся микросистемы (в современном обществе в таком виде их нет). Таковы крестьянские общины Византии XIV в., в отношении которых не действовали никакие внешние факторы, которые влияли бы на дифференциацию крестьян (в том числе основной и государственный налог, поскольку нормы обложения не изменялись на протяжении веков и передавались собственнику земли). Дифференциация складывалась как результат взаимоотношений крестьян внутри общины, если община свободная, и как результат взаимоотношений с собственником, если община зависимая. Применение здесь математических методов (прежде всего энтропийного метода) может дать плодотворные результаты. Поскольку

объекты, которые изучают некоторые другие науки, не дают нам примеров такого рода саморегулирующихся микросистем, то именно обращение к отдаленным эпохам истории позволяет нам расширить общефилософские представления о структурных философских категориях.

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО (подведение итогов по теме). Тематика десяти докладов и сообщений по проблеме: «Количественные методы в источниковедении» была очень разнообразной. Продемонстрирован широкий арсенал математических средств для решения различных задач. Главным образом это были приемы, связанные с анализом структуры, взаимосвязей изучаемых явлений и процессов.

В прениях не только высказывались важные для последующей работы докладчиков соображения, но были обсуждены задачи дальнейшего применения математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях. Указывалось на необходимость перехода от экспериментальной стадии к обработке математическими методами массовых комплексов исторических источников в области изучения социально-экономической истории (тенденции развития, структура и мобильность социальных слоев общества) в области изучения нарративных источников, характеризующих явления политической, идеологической и культурной жизни общества. Был поставлен вопрос о механизации и автоматизации хранения исторической информации и ее поиска.

Среди методологических и методических проблем центральным явился вопрос о моделировании различных сторон исторического развития при сочетании методов качественного (как предварительного условия изучения исторических явлений) и количественного анализа.

Справедливо подчеркивалась важность изучения историографического и источниковедческого наследия в области применения математических методов в истории.

В связи с широким размахом применения математических методов был поставлен вопрос о корректном решении исследовательских задач. Подчеркивалась необходимость контактов между историками и математиками на таком уровне, чтобы первые попытались уяснить основы математических методов, а вторые — вникнуть в суть исторических задач. Обращалось внимание на расширение математической подготовки молодых специалистов — историков. Назрела потребность в координации усилий всех специалистов, работающих в этой области, обмене опытом и концентрации в каком-то центре материалов, накапливаемых в результате применения новых методов.

Таковы основные итоги нашей работы.

Резолюция Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения

Решения XXIV съезда КПСС и последующие решения ЦК КПСС о развитии общественных наук настоятельно требуют дальнейшего повышения идеально-теоретического и профессионального уровня исторических исследований. В свете этих требований важное значение приобретают совершенствование исследовательского инструментария историка, улучшение профессиональной подготовки молодых специалистов в аспирантуре и университетах, что, в свою очередь, вызывает необходимость координирования усилий исследователей в разработке проблем источниковедения.

Участники Симпозиума считают, что инициатива учреждений—организаторов данной дискуссии,—первой по проблематике источниковедения и отличной по форме организации по сравнению с подобными мероприятиями — полностью себя оправдала, так как в условиях заметного повышения интереса к проблемам источниковедения и расширения круга специалистов самым эффективным методом быстрейшего распространения и теоретического обобщения положительного исследовательского опыта является непосредственное общение исследователей в творческой дискуссии по важнейшим вопросам источниковедения.

Опыт последних лет и состоявшаяся дискуссия позволяют определить наиболее актуальные направления дальнейшей разработки источниковедческих проблем.

Методологическое важное значение имеет углубленное изучение марксистско-ленинского наследия по вопросам источниковедения и творческой лаборатории основоположников научного коммунизма.

Необходимо продолжать изучение вопросов источниковедения, тесно увязывая это изучение с интересами развития прикладного источниковедения как основной задачи. Считать целесообразным также сосредоточить усилия на выяснении путей и форм интеграции специфических методик вспомогательных исторических дисциплин с источниками письменных источников. Важной задачей является уточнение терминологии источниковедения и последующее составление терминологического словаря.

В области прикладного источниковедения центральной задачей остается выработка научно обоснованных принципов источниковедческого анализа, равно как совершенствование частных методик применительно к различным видам источников с учетом их своеобразия как остатков определенных исторических эпох. Совершенствование традиционных методов источниковедческого анализа должно способствовать внедрению в исследовательскую практику новых методов.

Участники Симпозиума считают необходимым дальнейшую разработку и внедрение математических методов и ЭВМ, особенно при обработке больших массивов источников.

Решение названных задач настоятельно требует усиления внимания к изучению историографии источниковедения в целях обобщения и теоретического осмысления исследовательского опыта.

Настоятельной задачей является усиление борьбы с буржуазной методологией источниковедения.

Важным условием повышения профессиональной подготовки кадров историков является совершенствование методики преподавания источниковедения в вузах и подготовка учебных пособий. Назрела необходимость организованной подготовки историков, владеющих математическими методами, в тех университетах, где имеются кадры преподавателей и соответствующий опыт работы.

Участники Симпозиума считают чрезвычайно важным изучение вопроса о возможности сохранения источников первичного наблюдения различных переписей и иных массовых обследований.

Участники Симпозиума поручают учреждениям-организаторам разработать мероприятия, конкретизирующие настоящие рекомендации, и представить их в соответствующие инстанции.

Обращаясь к Институту истории СССР АН СССР с просьбой о публикации материалов настоящего Симпозиума, его участники считают целесообразным и впредь периодически проводить подобного рода научные совещания по актуальным теоретико-методическим вопросам источниковедения.

Участники Симпозиума выражают благодарность Президиуму АН ЭССР, Институту истории АН ЭССР и его директору члену-корреспонденту Ю. Ю. Кахку за организацию настоящего Симпозиума и обеспечение благоприятных условий его проведения.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

И полевые этнографические источники в исторических исследованиях . . . 42
X. П. Стродс

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОПЫТ ИСТОРИКА

КОНКРЕТНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. 125
Б. Г. Литвак

Источники по истории хлебных цен в России XIX—начала XX в. 145
Б. Н. Миронов

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

Некоторые аспекты применения математических методов в исторических исследованиях	165
Ю. Ю. Кахк	
ЭВМ и новые возможности хранения исторической информации	188
Х. Э. Палли	
Крестьянские бюджеты 1920-х годов и некоторые вопросы их источниковедческого анализа	195
Ю. П. Бокарев	
Массовые источники по аграрной истории Эстонии 1939—1950 гг. и некоторые перспективы их статистического изучения	217
A. Руусман	

ПРИЛОЖЕНИЕ

Материалы Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения (Таллин, 2—6 октября 1972 г.)	225
--	-----

Историковедение отечественной истории

*Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР*

Редактор издательства *Е. В. Рубцова*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*
Корректор *Л. И. Харитонова*

Сдано в набор 27/XII 1976 г
Подписано к печати 31/III 1977 г
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1
Усл. печ л. 17,0. Уч.-изд л 18,7
Тираж 2450 Т-03268 Тип. зак 4409
Цена 1 р 80 к.

Издательство «Наука»,
117485, Москва, Профсоюзная ул., д. 94«а»
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.